

Caston Boissier. ||

Cicéron et ses amis.
Étude sur la société romaine du
temps de César.

9(37)
Б 90

ГАСТОНЪ БУАССЬЕ.

ЦИЦЕРОНЪ и его друзья.

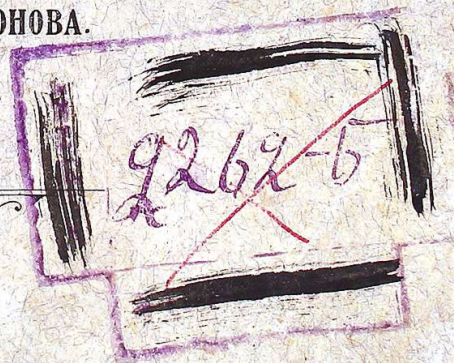
Очеркъ о римскомъ обществѣ
временъ Цезаря

Переводъ съ 16-го французскаго изданія
Н. Н. СПИРИДОНОВА.

Цѣна 2 руб.

МОСКВА.—1915.

Изданіе Книжнаго магазина К. Н. Николаева. Никольская ул. у Влад. Воротъ.

Gaston Boissier.

CICÉRON et SES AMIS.
Étude sur la société romaine. du
temps de César.

9(37)X
Б 90

ГАСТОНЪ БУАССЬЕ.

ЦИЦЕРОНЪ и его друзья.

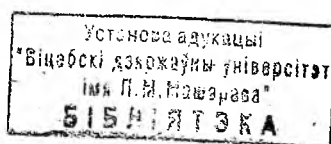
Очеркъ о римскомъ обществѣ
временъ Цезаря.

Переводъ съ 16-го французскаго изданія
Н. Н. СПИРИДОНОВА.

МОСКВА.—1914.

Изданіе Книжного магазина К. Н. Николаева. Никольская ул., у Влад. Ворота.

Товарищество типографіи А. И. МАМОНТОВА.
Москва, Арбатская пл., Филипповскій пер., д. 11.

ВВЕДЕНИЕ.

Письма Цицерона.

Ни одна исторія въ настоящее время не изучается такъ охотно, какъ исторія послѣднихъ годовъ римской республики. Во Франціи, Англіи и Германіи *) въ самое послѣднее время появилось нѣсколько ученыхъ сочиненій по этому предмету, и всѣ были встрѣчены публикой съ большимъ интересомъ. Важное значеніе рѣшавшихся тогда вопросовъ, драматическая живость событій и величіе дѣйствовавшихъ лицъ вполне оправдываютъ этотъ интересъ, но всего болѣе влеченіе, испытываемое нами по отношенію къ этой любопытной эпохѣ, объясняется тѣмъ, что она описана намъ Цицерономъ въ его письмахъ. Одинъ современникъ его говоритъ объ этихъ письмахъ, что тому, кто прочтетъ ихъ, нѣтъ надобности болѣе въ какой либо другой исторіи этого времени **), и дѣйствительно въ этихъ письмахъ событія этой эпохи рисуются намъ гораздо жизненнѣе и правдивѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ опредѣленною цѣлью рассказать намъ о нихъ. Что могли бы намъ повѣдать Азиній Полліонъ, Титъ Ливій или Кремуцій Кордъ, если бы сочиненія ихъ объ этой эпохи дошли до

*) Изъ дальнѣйшаго изложенія этого труда будетъ видно, что я многимъ воспользовался изъ сочиненій, изданныхъ въ Германіи, особенно же изъ прекрасной *Римской Исторіи* Моммсена, отличающейся при всей своей научности въ то же время и живостью изложенія. Я не всегда согласенъ со взглядами Моммсена, но даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я расхожусь съ нимъ, не трудно подмѣтить вліяніе его идей. Въ настоящее время онъ является главнымъ руководителемъ всѣхъ, изучающихъ Римъ и его исторію.

**) Корнелій Непотъ, *Att.*, 16.

насъ? Они могли бы передать намъ лишь свое личное мнѣніе, а мнѣніе это, во всякомъ случаѣ, не изъ особенно внушающихъ довѣріе, такъ какъ исходитъ отъ людей, отъ которыхъ трудно ждать полной истины въ силу ихъ личнаго положенія: Титъ Ливій писалъ при дворѣ императоровъ, а Полліонъ разсчитывалъ оправдать свою измѣну, отзываясь, какъ можно хуже, о тѣхъ, кому измѣнилъ. Такимъ образомъ, гораздо лучше не брать готоваго мнѣнія, а самимъ себѣ его составить, а это и даетъ намъ возможность сдѣлать чтеніе писемъ Цицерона. Читая его письма, мы сразу попадаемъ въ самую гущу событій и можемъ слѣдить за ними изо дня въ день. Несмотря на восемнадцать вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ того времени, событія эти рисуются намъ какъ бы совершающимися на нашихъ глазахъ, и мы оказываемся, благодаря этому, въ томъ единственномъ положеніи, когда мы, съ одной стороны, стоимъ достаточно близко къ событіямъ, чтобы различить ихъ истинный характеръ, о съ другой, чувствуемъ себя достаточно удаленными отъ нихъ, чтобы судить о нихъ безпристрастно.

Важное значеніе этихъ писемъ объяснить не трудно. Въ то время люди, занимавшіеся политическою дѣятельностью, нуждались въ частной перепискѣ гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Проконсулъ, уѣзжая изъ Рима для управленія какою-либо отдаленною провинціею, прекрасно понималъ, что онъ тѣмъ самымъ совершенно удаляется отъ политической жизни. Для людей, привыкшихъ къ волненіямъ политическихъ дѣлъ, къ партійнымъ заботамъ или, какъ они выражались, къ постоянному толченію на форумѣ, было большимъ лишеніемъ покинуть на нѣсколько лѣтъ Римъ для тѣхъ безконечно далекихъ странъ, куда не достигалъ никакой шумъ общественной римской жизни. Правда, существовало нѣчто въ родѣ официальной газеты, *acta diurna*, почтеннаго прародителя французскаго *Монитора*. Но надо думать, что всякій официальный журналъ самъ по себѣ уже осужденъ до извѣстной степени на незначительность. И этотъ римскій журналъ заключалъ въ себѣ довольно безцвѣтный отчетъ о народныхъ собраніяхъ, краткое изложеніе громкихъ судебныхъ дѣлъ, разбиравшихся на форумѣ, и кромѣ того, описаніе происходившихъ общественныхъ церемоній и раз-

ныхъ атмосферныхъ явленій или чудесныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ городѣ или его окрестностяхъ. Все это были новости не совсѣмъ того рода, какихъ желалось бы знать какому-нибудь претору или проконсулу. И вотъ, чтобы заполнить то, чего не давалъ оффиціальный журналъ, они прибѣгали къ помощи платныхъ корреспондентовъ, составлявшихъ для любознательныхъ провинціаловъ вѣчто въ родѣ рукописной газеты, подобно тому какъ это обычно практиковалось и во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ съ тою лишь разницею, что во Франціи эту обязанность поручали обыкновенно извѣстнымъ писателямъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ съ вельможами и вхожихъ и къ министрамъ, а римскіе корреспонденты были никому неизвѣстными писателями, ремесленниками, какъ ихъ называетъ въ одномъ мѣстѣ Целій, вербовавшимися обыкновенно изъ среды тѣхъ голодныхъ грековъ, которыхъ нужда заставляла браться за всѣ возможныя занятія. Люди эти, конечно, не могли имѣть доступа въ знатныя дома, а къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія, и близко не подходили. Ихъ роль состояла лишь въ томъ, чтобы бѣгать по городу и собирать на улицахъ все, что они могли услышать или увидеть. Они не упускали случая передать разныя театральныя исторіи, сообщали объ освѣщенныхъ актерахъ, о побѣжденныхъ гладіаторахъ, подробно описывали богатыя похоронныя процессіи и вообще дѣлились всякаго рода слухами и сплетнями, особенно же всѣми скандальными случаями, о которыхъ имъ удавалось узнать *). Вся эта пустая болтовня занимала на время, но не давала полного удовлетворенія этимъ честолюбивымъ политикамъ, желавшимъ прежде всего быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ. Чтобы добиться этого, они естественно должны были обращаться къ кому либо, кто бы близко зналъ эти дѣла. Они останавливали свой выборъ на нѣсколькихъ надежныхъ, значительныхъ и хорошо освѣдомленныхъ друзьяхъ и черезъ нихъ узнавали причины и истинное значеніе фактовъ, сухо и безъ объясненій описанныхъ въ *acta diurna*; такимъ образомъ, тогда какъ платные корреспонденты какъ бы водили ихъ по улицамъ, корреспонденты-друзья ставили ихъ

*) Смотри Цицеронъ, *Epist. ad fam.*, II, 8 и VIII, 1. Въ этомъ сочиненіи я буду цитировать Цицерона по изданію его сочиненій Орелли.

въ непосредственную близость съ первыми лицами республики и какъ бы давали имъ возможность самимъ услышать ихъ самыя тайныя бесѣды.

Этой потребности быть правильно освѣдомленнымъ обо всемъ и, такъ сказать, покинувъ Римъ, все же жить его жизнью, никто не испытывалъ сильнѣе, чѣмъ Цицеронъ. Кто болѣе его любилъ всѣ эти волненія общественной жизни, на которыя обычно государственные дѣятели жалуются, пока ими живутъ, и о которыхъ не перестаютъ сожалѣть, лишь только ихъ лишаются. Поэтому, не слѣдуетъ слишкомъ до- вѣрять Цицерону, когда онъ намъ говоритъ, что онъ пресыщенъ до усталости бурными преніями сената, что онъ жаждетъ пожить въ странѣ, гдѣ не слыхивали ни о Ватиніи, ни о Цезарѣ и гдѣ никто не интересуется аграрными законами, что онъ умираетъ отъ желанія позабыть о Римѣ въ прекрасныхъ тѣнистыхъ рощахъ Арпинума или въ восхитительномъ мѣстечкѣ Форміяхъ. Стоило ему только переѣхать въ Форміи, Арпинумъ и въ какую либо другую изъ тѣхъ прекрасныхъ виллъ, которыя онъ съ гордостью называетъ украшеніемъ Италіи, *ocellos Italiae*, его мысли тотчасъ же естественно возвращаются въ Римъ, и онъ безпрестанно посылаетъ туда гонцовъ, чтобы узнать, что тамъ теперь занимаетъ умы и что тамъ дѣлаютъ. Никогда, что бы онъ ни говорилъ, онъ не могъ оторвать глазъ отъ форума. И вблизи и вдаль ему необходимо было ощущать, по выраженію Сенъ-Симона, *тотъ дѣловой запахъ, безъ котораго не могутъ обойтись политики* (*ce petit fumet d'affaires dont les politiques ne se peuvent passer*). Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ точно знать и положенія всѣхъ партій, и ихъ тайныя соглашенія и ихъ внутреннія неурядицы и, наконецъ, всѣ тѣ сокровенныя махинаціи, которыя готовятъ событія и служатъ для нихъ объясненіемъ. Свѣдѣній обо всемъ этомъ онъ и требовалъ неустанно отъ Аттика, Куріона, Целія и отъ многихъ другихъ выдающихся людей, замѣшанныхъ во всѣ эти интриги или въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ или просто въ качествѣ наблюдателей. И съ своей стороны, именно обо всемъ этомъ онъ и самъ писалъ, и притомъ крайне остроумно, своимъ друзьямъ, отсутствовавшимъ изъ Рима. Этимъ-то и объясняется, почему во всѣхъ этихъ полученныхъ имъ или

самимъ отправленныхъ письмамъ содержится, совершенно непреднамеренно съ его стороны, полная исторія его времени *).

Переписка государственныхъ людей нашего времени, въ случаѣ ея опубликованія, далеко не можетъ имѣть такого важнаго значенія. Дѣло въ томъ, что теперь обмѣнъ мыслей и взглядовъ посредствомъ писемъ происходитъ не въ такой степени, какъ тогда. Мы изобрѣли для этого новые способы. Широкая гласность прессы съ успѣхомъ замѣнила собой тѣ частныя сообщенія, которыя не могли простирались далѣе немногочисленнаго кружка. Въ настоящее время, въ какое бы пустынное мѣсто ни удалился члѣовѣкъ, газеты помогутъ ему быть всегда въ курсѣ всего, что дѣлается на свѣтѣ. Такъ какъ теперь онъ узнаетъ о событіяхъ почти въ то самое время, какъ они происходятъ, то онъ не только воспринимаетъ ихъ какъ фактъ, но и испытываетъ нѣкоторое душевное волненіе. Онъ какъ бы лично зрѣтъ и присутствуетъ при нихъ и ему уже нѣтъ никакой надобности, чтобы какой либо прекрасно освѣдомленный пріятель давалъ себѣ трудъ освѣдомлять его о нихъ. Было бы очень поучительно прослѣдить все, что у насъ отняли и замѣнили собою газеты. Во времена Цицерона письма часто занимали то мѣсто, какое занимаютъ для насъ газеты, и часто оказывали тѣ же услуги. Они переходили изъ рукъ въ руки, если въ нихъ заключалась какая либо интересная новость. Письма выдающихся людей, въ которыхъ они высказывали свои чувства и взгляды, читались, комментировались и переписывались. Путемъ такихъ писемъ государственный чловѣкъ, въ случаѣ нападокъ на него, защищалъ себя передъ людьми, уваженіемъ которыхъ онъ дорожилъ. Когда же форумъ замолкъ, какъ во времена Цезаря, съ помощью писемъ пытались образовать нѣчто въ родѣ общаго мнѣнія въ ограниченномъ кругу. Въ настоящее время эту роль взяла на себя пресса и тѣмъ овладѣла политическою жизнью, а такъ какъ газеты несравненно удобнѣе, быстрѣе и распространнѣе, то онѣ и лишили частную переписку этой части ея содержанія.

*) Мною сдѣлана попытка выяснить нѣкоторые изъ вопросовъ, относительно обнародованія писемъ Цицерона, въ статьѣ, озаглавленной: *Recherches sur la manière dont furent recueillies et publiées les lettres de Cicéron*, Paris, Durand, 1863.

Правда, для переписки остались еще частныя дѣла, и сначала невольно думается, что это содержаніе неистоцимо и при наличности тѣхъ многочисленныхъ чувствъ и переживаній, которыя наполняютъ нашу внутреннюю жизнь, переписка всегда останется достаточно богатой. Однако, мнѣ кажется, что даже эта интимная переписка, касающаяся лишь нашихъ привязанностей и нашихъ чувствъ, становится постоянно все короче и неинтереснѣе. Пріятныя и усердныя сношенія, занимавшія такъ много мѣста въ прежней жизни, имѣютъ тенденцію почти совершенно исчезнуть изъ нашей. Можно сказать, что по странной случайности самая легкость и быстрота сообщеній, вмѣсто того, чтобы еще болѣе оживить переписку, принесли ей существенный вредъ. Въ старину, когда почты не существовало или когда она служила, какъ у Римлянъ, лишь для правительственныхъ цѣлей—разсылки императорскихъ повелѣній, приходилось пользоваться оказіями или же посылать съ письмами раба. Тогда написать письмо и отправить его представлялось важнымъ дѣломъ. Прежде всего не хотѣлось, чтобы посланный ѣздилъ зря и попустому, и вотъ письма писались подлиннѣе и поподробнѣе, чтобы избѣжать необходимости писать ихъ слишкомъ часто; безсознательно, но они составлялись очень тщательно въ силу того естественнаго значенія, какое обыкновенно придаютъ вещамъ, стоящимъ дорого и нелегко выполнимымъ. Даже во времена Де-Севинье, когда почта (*ordinaires*) ходила лишь два раза въ недѣлю, письма были еще важнымъ дѣломъ, требующимъ возможной тщательности. Мать, разлученная со своей дочерью, едва успѣвала отправить письмо, какъ начинала уже думать о новомъ, которое она пошлетъ черезъ нѣсколько дней. Мысли, воспоминанія, сожалѣнія накапливались у ней въ умѣ въ теченіе этого времени, и когда она бралась за перо, „она не могла уже справиться съ ихъ бурнымъ теченіемъ“. Въ настоящее время, когда, какъ извѣстно, можно послать письмо, въ любое время, когда нѣтъ надобности накапливать матеріаловъ, какъ это дѣлала г-жа Де-Севинье, не забѣгаютъ впередъ, „не стараются начисто опорожнить свой мѣшокъ“, не беспокоятся болѣе о томъ, чтобы ничего не забыть изъ опасенія, что такая забывчивость можетъ настолько поздно познакомить съ новостью, что она,

придя слишкомъ поздно, потеряетъ всю свою свѣжесть и интересъ. Периодичность почты въ старину вносила во взаимныя письменныя сношенія больше правильности и послѣдовательности по сравненію съ нашимъ временемъ, когда возможность отправить письмо, когда хочешь, повела къ тому, что стали переписываться менѣе часто. Теперь обыкновенно ждутъ, чтобы было что сказать другъ другу, и это случается рѣже, чѣмъ принято думать. Пишутъ только о томъ, что необходимо, а этого слишкомъ мало для сношеній, главная прелесть которыхъ и заключается именно въ избыткѣ; да и это немногое намъ грозитъ еще сократить. Возможно, что скоро телеграфъ замѣнитъ почту и что наши сношенія будутъ вестись лишь посредствомъ этого быстрого орудія, служащаго какъ бы отраженіемъ нашего позитивнаго и вѣчно спѣшащаго общества и стремящагося въ своей передачѣ употреблять словъ даже нѣсколько меньше необходимаго. Съ этимъ новымъ прогрессомъ пріятность интимной переписки, и безъ того уже довольно пострадавшая, сведется на нѣтъ.

Но даже и въ тѣ времена, когда письменныя сношенія были въ большомъ ходу и когда искусство писать письма стояло довольно высоко, не всѣ умѣли это дѣлать одинаково хорошо. Люди извѣстнаго темперамента болѣе другихъ способны къ этому дѣлу. Тѣ, кто усваиваетъ медленно и кому необходимо долго обдумывать прежде чѣмъ приступить къ писанію, пишутъ обыкновенно мемуары, а не письма. Люди благоразумные пишутъ обыкновенно правильно и аккуратно, но имъ недостаетъ воодушевленія и увлекательности. Людямъ съ преобладаніемъ разсудка и логики свойственно подолгу останавливаться на развитіи своихъ мыслей, тогда какъ необходимо умѣть легко переходить отъ одного предмета къ другому, не давая ослабнуть интересу и не дожидаясь, пока каждый изъ нихъ будетъ исчерпанъ до конца. Кто всецѣло находится во власти одной какой либо идеи, думаетъ лишь о ней и не о чемъ больше и знать не хочетъ, тотъ становится краснорѣчивымъ лишь тогда, когда говорить о ней, а этого недостаточно. Чтобы быть занимательнымъ всегда и о чемъ бы ни шла рѣчь, какъ того требуетъ послѣдовательная переписка, необходимо прежде всего обладать живымъ

и подвижнымъ воображеніемъ, которое способно было бы быстро схватывать впечатлѣнія данной минуты и тотчасъ же настраиваться на ихъ ладъ. Всѣ, талантливо пишущіе письма, обладаютъ непремѣнно этимъ качествомъ, съ примѣсью, если угодно, нѣкоторой доли желанія нравиться. Писаніе всегда требуетъ нѣкотораго усилія. Чтобы сдѣлать это усиліе, необходимо желаніе писать, а чтобы имѣть это желаніе, необходимо любить нравиться. Вполнѣ естественно стремленіе нравиться той широкой публикѣ, для которой и пишутся книги, но напрягать свой умъ, чтобы угодить одному какому-либо человѣку—это признакъ тщеславія болѣе тонкаго и болѣе требовательнаго. Начиная съ Лабрюйера, многіе задавались вопросомъ, почему женщины идутъ дальше мужчинъ въ этомъ родѣ писанія. Не потому ли, что у нихъ больше, чѣмъ у насъ, развито желаніе нравиться и что имъ въ большей степени свойственно тщеславіе, находящееся, такъ сказать, всегда во всеоружіи и не пренебрегающее никакой побѣдой?

Я не думаю, что когда-либо было другое лицо, обладавшее всѣми этими качествами въ такой же степени, какъ Цицеронъ. Ненасытное тщеславіе, податливость на впечатлѣнія, способность быстро улавливать и управлять событіями—вотъ что находимъ мы и во всей его жизни и во всѣхъ его писаніяхъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что какъ будто существуетъ громадная разница между его письмами и его рѣчами, такъ что хочется спросить, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ отличаться въ двухъ столь различныхъ жанрахъ; но удивленіе проходитъ, если взглянуть на это поближе. Если попытаться найти, въ чемъ именно состоятъ дѣйствительно оригинальныя особенности его рѣчей, то окажется, что особенности эти именно тѣ самыя, которыя такъ восхищаютъ насъ въ его письмахъ. Его общія мѣста въ нѣкоторыхъ случаяхъ устарѣли, его пафосъ иногда насъ вовсе не трогаетъ и часто мы даже находимъ, что въ его краснорѣчіи слишкомъ много искусственности; но одно во всѣхъ его рѣчахъ остается вѣчно живымъ, это его рассказы и его характеристики. Трудно имѣть большій талантъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ онъ рассказываетъ, описываетъ и изображаетъ, какъ живыхъ, людей и событія. Если онъ такъ на-

глядно рисуетъ ихъ намъ, то это потому, что они у него передъ глазами. Когда онъ показываетъ намъ купца Херея „съ его выбритыми бровями и головою, дыщащаго хитростью и недоброжелательствомъ *)“ или претора Верреса, совершающаго прогулку въ носилкахъ, которыя несутъ восемь рабовъ, подобно царю Виению, и изнѣженно возлежащаго на мальтийскихъ розахъ **), или Ватинія, говорящаго рѣчь, „съ выпученными глазами, вздущеею шеей и съ напряженными мускулами ***), или свидѣтелей галловъ, проходящихъ по форуму съ гордымъ видомъ и съ высоко поднятою головою ****), или грековъ свидѣтелей, болтающихъ безъ умолку и „жестикующихъ плечами *****)“; словомъ сказать, всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ, встрѣтивъ разъ у него, никогда не позабудешь, его сильное живое воображеніе представляло мысленно себѣ прежде, чѣмъ ихъ изобразить. Онъ удивительнѣйшимъ образомъ обладалъ способностью представлять самому себѣ то, что онъ рассказывалъ. Вещи его поражаютъ, лица привлекаютъ или отталкиваютъ съ невѣроятной быстротой, и онъ весь цѣликомъ въ тѣхъ изображеніяхъ, въ какихъ онъ ихъ рисуетъ. Кромѣ того, сколько страсти въ его разсказахъ. Какая неудержимая стремительность въ его нападеніяхъ. Съ какимъ радостнымъ упоеніемъ описываетъ онъ какую-либо неудачу своихъ враговъ! Такъ и чувствуется, что онъ весь этимъ проникнутъ и переполненъ, что онъ этимъ наслаждается, тѣшится и питается, согласно его собственнымъ энергичнымъ выраженіямъ: *his ego rebus pascor, his delector, his perfruo *****)*! Почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ выражается и Сень-Симонъ, опьяненный ненавистью и радостью во время знаменитой сцены суда, при видѣ герцога Мана убитаго горемъ. „А я, говоритъ онъ, я умираю отъ радости; я былъ въ такомъ восторгѣ, что боялся лишиться чувствъ. Мое сердце, расширившееся до крайности, не находило себѣ болѣе простора... Я торжествовалъ, я упивался мекъ.“—Сень-Симонъ

*) *Pro Rosc. com.*, 7.

**) *In Verrem. act. sec.*, V. 11.

***) *In Vatin.*, 2.

****) *Pro Font.*, 11.

*****) *Pro Rabir. post.*, 13.

*****) *In Pison.*, 20.

горячо жаждалъ власти и два раза чуть не держалъ ее въ своихъ рукахъ; „но вода, какъ у Тантала, удалялась отъ губъ его каждый разъ, когда онъ уже собирался коснуться ея“. Я не думаю, однако, чтобы объ этомъ слѣдовало жалѣть. Онъ былъ неподходящъ, чтобы замѣстить Кольбера и Лувуа, и въ этомъ ему были бы помѣхой самыя его достоинства. Будучи раздражительнымъ и вспыльчивымъ, онъ живо чувствуетъ малѣйшія оскорбленія и вспыхиваетъ по каждому поводу. Всякое мелочное событіе оживляетъ его, и когда онъ рассказываетъ о немъ, чувствуется, что онъ вкладываетъ въ это всю свою душу. Подобная живая впечатлительность, одушевляя всѣ его рассказы, сдѣлала изъ него неподражаемаго художника, но что касается политики, то она же, постоянно смущая его сужденіе, могла сдѣлать изъ него лишь посредственнаго политика. Примѣръ этого мы видимъ въ Цицеронѣ.

Такимъ образомъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что одними и тѣми же достоинствами отличаются какъ рѣчи Цицерона, такъ и его письма, съ тою лишь разницею, что въ письмахъ его эти достоинства проявляются лучше, потому что здѣсь онъ чувствуетъ себя свободнѣе и болѣе откровенно отдается своей природѣ. Когда онъ пишетъ кому-либо изъ своихъ друзей, онъ не раздумываетъ такъ долго, какъ тогда, когда ему приходится держать рѣчь къ народу; въ этомъ случаѣ онъ передаетъ въ письмѣ свое первое впечатлѣніе и передаетъ его живо и со страстью такъ, какъ родилось въ немъ. Онъ не даетъ себѣ труда отдѣлывать свой стиль; все, что онъ пишетъ, бываетъ обыкновенно такъ легко, свободно и просто, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить, что его письма отдѣланы и обдуманы. Одинъ изъ его партнеровъ по перепискѣ, желая доставить ему удовольствіе, сравнилъ разъ его слова съ молніями, *fulmina verborum*, на что онъ отвѣчалъ: „Что же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь о моихъ письмахъ? Развѣ ты находишь, что я пишу не такъ, какъ оно всѣ? Но вѣдь нельзя всегда сохранять одинъ и тотъ же тонъ. Письмо не можетъ походить ни на судебную, ни на политическую рѣчь... Въ письмѣ пользуются обыкновенно разговорнымъ языкомъ*)“. Если бы даже онъ и пожелалъ

*) *Ad fam.*, IX, 21.

отдѣлывать свои письма, у него на это не хватило бы до суга при его обширной перепискѣ со столькими, желавшими имѣть отъ него вѣсти. Случалось, что одинъ Атикъ получалъ отъ него по три письма въ одинъ день. Вотъ почему онъ писалъ свои письма вездѣ, гдѣ могъ, и во время засѣданій сената, и на прогулкѣ по своему саду и въ дорогѣ, во время путешествій. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣчены его столовой, гдѣ онъ диктовалъ ихъ своимъ писцамъ въ промежуткахъ перемѣны двухъ кушаній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пишетъ ихъ собственноручно, онъ заботится о нихъ не болѣе. „Я беру, пишетъ онъ своему брату, первое попавшееся подъ руку перо и пользуюсь имъ, какъ будто оно было хорошее *)“. Этимъ объясняется, почему не всегда было легко разбирать его письма. Когда на это жаловались, у него не было недостатка въ оправданіяхъ. Виноваты, прежде всего, самые посланные его друзей, не желающіе подождать. „Они приходятъ, пишетъ онъ, уже совсѣмъ готовыми въ путь съ дорожными шляпами на головахъ и говорятъ, что ихъ товарищи ждутъ ихъ у дверей **)“. Чтобы не задерживать ихъ, поневолѣ приходится писать, какъ попало, и все, что приходитъ на умъ.

Да будутъ же благословенны эти нетерпѣливые друзья и торопливые посланцы, не дававшіе Цицерону времени сочинять краснорѣчивыхъ посланій. Самое дорогое въ его письмахъ это то, что въ нихъ содержатся первые порывы его чувствъ, что они полны непринужденности и естественности. Такъ какъ у него не было времени, чтобы принарядиться, то онъ и является намъ такимъ, каковъ есть. Вотъ почему его братъ сказалъ ему однажды: „Я увидѣлъ тебя всего въ твоёмъ письмѣ ***)“. То же самое хочется сказать и намъ всякій разъ, какъ мы его читаемъ. Если онъ такъ оживленъ, такъ внимателенъ и такъ возбужденъ, когда онъ бесѣдуетъ въ своихъ письмахъ съ друзьями, то это потому, что его воображеніе переносится безъ труда въ тѣ мѣста, гдѣ они находятся. „Мнѣ кажется, что я бесѣдую съ тобою ****)“

*) *Ad Quint.*, II, 15, 6.

**) *Ad fam.*, XV, 17.

***) *Ad. fam.*, XVI, 16.

****) *Ad. Att.*, XIII, 18.

пишетъ онъ одному изъ нихъ. „Я не знаю, какъ это происходитъ, говоритъ онъ другому, но, когда я пишу тебѣ, я какъ бы чувствую себя съ тобою*)“. Въ своихъ письмахъ онъ еще болѣе, чѣмъ въ своихъ рѣчахъ, весь во власти впечатлѣній данной минуты. Пріѣзжаетъ ли онъ въ какой-либо изъ своихъ прекрасныхъ загородныхъ домовъ, которые онъ такъ любилъ, онъ весь отдается радости увидать его снова; никогда раньше онъ не казался ему такимъ прекраснымъ. Онъ посѣщаетъ его портики, его гимназіи, его экседры; онъ торопится къ своимъ книгамъ, испытывая угрызенія совѣсти, что покинулъ ихъ. Любовь къ уединенію овладѣваетъ имъ до такой степени, что онъ тяготится всѣми окружающими. Самый домъ его въ Форміяхъ, въ концѣ концовъ, начинаетъ ему не нравиться, потому что туда является слишкомъ много надоедливыхъ людей. „Это какое-то общественное гулянье, говоритъ онъ, а не вилла**)“. Тутъ его отыскиваютъ скучнѣйшіе люди во всемъ мірѣ, его друзья Себозъ и Аррій, которые ни за какія просьбы не желаютъ вернуться въ Римъ, предпочитая оставаться съ нимъ, чтобы философствовать цѣлыми днями. „Въ эту минуту, какъ я тебѣ это пишу, жалуется онъ Аттику, мнѣ докладываютъ о приходѣ Себоза. Не успѣлъ я опомниться, какъ слышу, что пришелъ и Аррій. Развѣ это значитъ покинуть Римъ? Стоитъ ли бѣжать отъ однихъ, чтобы попасть въ руки другихъ? У меня является желаніе, прибавляетъ онъ, цитируя прекрасный стихъ, заимствованный, быть можетъ, изъ его собственныхъ сочиненій, убѣжать въ горы моей родины, въ колыбель моего дѣтства.

*In montes patrios et ad incunabula nostra ***).*“

И онъ, дѣйствительно, уѣзжаетъ въ Арпинумъ и пробирается даже до дикаго Анціума, гдѣ и проводитъ время въ созерцаніи морскихъ волнъ. Такое безвѣстное спокойствіе настолько плѣняетъ его, что онъ высказываетъ сожалѣніе, почему онъ не дуумвиръ этого незначительнаго городка вмѣсто того, чтобы быть консуломъ въ Римѣ. У него нѣтъ

*) *Ad. fam.*, XV, 16.

**) *Ad. Att.*, II, 14.

***) *Ad. Att.*, II, 15.

другого желанія, лишь бы пріѣхалъ къ нему его другъ Атикъ, чтобы гулять съ нимъ по солнцу или бесѣдовать о философскихъ вопросахъ, „сидя на маленькой скамѣ, у подножія статуи Аристотеля“. Въ эту минуту онъ весь полонъ отвращеніемъ къ общественной жизни; онъ и слышать о ней не хочетъ. „Я рѣшилъ, говоритъ онъ, о ней больше не думать *).“ Намъ извѣстно, однако, какъ онъ держалъ общенія такого рода. Какъ только онъ возвращается въ Римъ, онъ весь съ головой уходитъ въ политику; природа и ея удовольствія забыты. Лишь минутами проскальзываетъ у него слегка мимолетное сожалѣніе о жизни болѣе спокойной. „Когда же мы начнемъ жить? *Quando vivemus?*“ задаетъ онъ грустный вопросъ [посреди потока дѣлъ, увлекавшего его за собою **). Но эти рѣшительныя заявленія вскорѣ тонутъ въ шумъ и движеніи борьбы, въ которую онъ вмѣшивается съ горячностью болѣею, чѣмъ кто-либо другой. И онъ весь еще пылаетъ, когда пишетъ Атику. Его письма полны волновавшихъ его чувствъ, какъ мы это сами легко можемъ видѣть. Читая ихъ, какъ бы присутствуешь при тѣхъ невѣроятныхъ сценахъ, разыгрывавшихся въ сенатѣ, когда онъ обрушивался на Клодія своими рѣчами или рѣзкими запросами, употребляя противъ него поочередно то самыя тяжелыя орудія краснорѣчія, то самыя легкія стрѣлы тонкой насмѣшки. Онъ еще болѣе оживляется, когда описываетъ народныя собранія и рассказываетъ о скандалахъ на выборахъ. „Слѣдуй за мной на Марсово поле, говоритъ онъ, страсти въ разгарѣ; *sequere me in Campum; ardet ambitus* ***)“. И онъ показываетъ намъ соперничающихъ кандидатовъ, съ кошельками въ рукахъ, или судей, постыдно продающихъ себя на форумѣ тому, кто заплатитъ, *judices quos fames magis quam fama commovit*.

Такъ какъ онъ обыкновенно поддается своимъ впечатлѣніямъ и самъ мѣняется вмѣстѣ съ ними, то и тонъ cadaго изъ его писемъ различенъ отъ тона другихъ. Трудно представить себѣ что либо безнадежнѣе тѣхъ писемъ, какія онъ

*) *Ad. Att.*, II, 4.

**) *Ad. Quint.*, III, 1, 4.

***) *Ad. Att.*, W., 15.

пишетъ изъ ссылки; они представляютъ собой нескончаемую жалобу. Но едва успѣваетъ онъ вернуться въ Римъ, какъ его письма сразу усваиваютъ себѣ торжествующій и величественный тонъ. Они все полны до краевъ тѣми любезными обращеніями, которыя онъ такъ щедро распредѣлялъ тогда всемъ служившимъ ему, величая ихъ *fortissimus, prudentissimus, exoptatissimus* и т. д. и онъ съ торжествомъ сообщаетъ въ нихъ въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ о тѣхъ знакахъ уваженія, какіе оказываютъ ему честные люди, о вліяніи, которымъ онъ пользуется въ куріи, и о томъ довѣріи, которое онъ такъ торжественно снова приобрѣлъ на форумѣ, *splendorem illum forensem, et in senatu auctoritatem et apud viros bonos gratiam**). Хотя въ этихъ письмахъ онъ обращается лишь къ преданному ему Аттику, но кажется, будто слышишь отзвуки тѣхъ торжественныхъ рѣчей, которыя онъ только что произнесъ въ сенатѣ и передъ народомъ. Ибогда случается, что среди самыхъ серьезныхъ обстоятельствъ, онъ улыбается и шутитъ съ другомъ, воспоминаніе о которомъ возбуждаетъ въ немъ веселость. Въ самый разгаръ своей борьбы съ Антоніемъ онъ пишетъ Папірію Петусъ восхитительное письмо, гдѣ въ шутливой формѣ умоляетъ его снова начать посѣщать хорошіе обѣды и въ свою очередь угощать ими своихъ друзей**). Онъ не бравируетъ опасностями, онъ просто забываетъ о нихъ. Но стоитъ ему встрѣтить въ это время какого-либо испуганнаго труса, какъ онъ немедленно заражается его страхомъ; характеръ его письма тотчасъ же мѣняется: онъ оживляется и горячится; уныніе, страхъ, волненіе дѣлаютъ его въ высшей степени краснорѣчивымъ. Когда Цезарь угрожаетъ Риму и дерзко ставитъ свои послѣднія условія сенату, сердце Цицерона загорается, и въ письмѣ, предназначенномъ для одного лишь человѣка, онъ находитъ для выраженія своего чувства такіе сильные обороты, которые скорѣе были бы у мѣста въ рѣчи, обращенной къ народу. „Что же намъ предстоитъ? Очевидно, придется уступить его наглýmъ требованіямъ. Такъ называется ихъ Помпей. Да и на самомъ дѣлѣ, видѣлъ ли свѣтъ когда-либо болѣе дерзкую наглость? Цѣлыхъ десять лѣтъ

*) *Ad. Att.*, IV, 1.

**) *Ad. fam.*, IX, 24.

онъ владѣтъ провинціей, полученной не отъ сената, а захваченной произвольно путемъ обмана и насилія. Но вотъ настаетъ срокъ его власти, срокъ, назначенный не закономъ, а лишь его прихотью. Но допустимъ, что того требуетъ и законъ. Если срокъ истекъ, то мы назначимъ ему преемника, но онъ возмущается и говоритъ: „Требую уваженія къ моимъ правамъ“. Хорошо, но что же ты самъ дѣлаешь съ нашими правами? На какомъ основаніи ты держишь свое войско внѣ тѣхъ границъ, какія указаны тебѣ самимъ народомъ, и вопреки сенату?—Вы должны уступить или сражаться.—Ну что же, будемъ сражаться, отвѣчаетъ Помпей; у насъ по крайней мѣрѣ остается надежда побѣдить или умереть свободными*)“.

Если бы я пожелалъ найти другой примѣръ такого пріятнаго разнообразія и подобныхъ внезапныхъ переимѣнъ тона, то мнѣ пришлось бы обратиться ни къ Плинію и ни ко всѣмъ тѣмъ, которые, подобно ему, писали свои письма для широкой публики. Мнѣ пришлось бы обратиться ни къ кому другому, какъ къ Madame De Sévigné. Подобно Цицерону г-жа Де-Севинье обладаетъ чрезвычайно живымъ и подвижнымъ воображеніемъ; она, не раздумывая, отдается своимъ первымъ впечатлѣніямъ; она вся во власти вещей, а то удовольствіе, которое она испытываетъ въ данную минуту, кажется ей всегда лучшимъ изъ всѣхъ. Извѣстно, что, гдѣ бы она ни была, ей вездѣ правилось, и это не вслѣдствіе безопасности ума, когда привязываются къ какому нибудь мѣсту лишь для того, чтобы не брать на себя труда переимѣнять его, но вслѣдствіе живости ея характера, который отдавалъ ее всецѣло во власть впечатлѣній текущаго момента. Самъ Парижъ овладѣваетъ ею не настолько, чтобы она перестала любить деревню, и никто въ томъ вѣкѣ, когда она жила, не говорилъ о природѣ лучше этой свѣтской женщины, чувствовавшей себя такъ на своемъ мѣстѣ въ изысканномъ обществѣ и созданной, повидимому, единственно лишь для того, чтобы имѣть въ немъ успѣхъ. Съ первыми хорошими днями она спѣшитъ въ Ливри, чтобы тамъ насладиться „прелестью мѣсяца мая“, чтобы послушать тамъ „соловья, кукушку и малиновку,

*) *Ad. Att.*, VII, 9.

первыхъ веселыхъ пѣвцовъ въ лѣсу“. Но Ливри еще слишкомъ населенно; ей хочется болѣе полного одиночества и она съ радостью уѣзжаетъ въ Бретань, чтобы укрыться тамъ въ ея большихъ лѣсахъ. На этотъ разъ ея парижскіе друзья рѣшаютъ, что она должна умереть отъ скуки, такъ какъ у ней не будетъ ни новостей для бесѣды, ни тѣмъ болѣе остроумныхъ собесѣдниковъ. Но она увезла съ собою нѣсколько серьезныхъ сочиненій Николая; среди заброшенныхъ книгъ, для которыхъ, какъ и для старой мебели, деревня является послѣднимъ убѣжищемъ, она нашла какой-то романъ временъ ея юности, который она и перечитываетъ украдкой, удивляясь, что онъ и теперь все еще продолжаетъ ей нравиться. Она бесѣдуетъ съ своими людьми и, подобно тому, какъ Цицеронъ предпочиталъ общество поселянъ обществу провинціальныхъ щеголей, она предпочитаетъ лучше бесѣдовать съ Пилуа, своимъ садовникомъ, чѣмъ „со многими, сохранившими еще званіе шевалье въ Реннскомъ парламентѣ“. Она прогуливается по уединеннымъ аллеямъ, гдѣ деревья, всѣ испещренныя прекрасными девизами, какъ бы бесѣдуютъ другъ съ другомъ; въ концѣ-концовъ она находитъ столько пріятности въ своемъ уединеніи, что никакъ не можетъ рѣшиться разстаться съ нимъ, а между тѣмъ едва ли какая женщина любила Парижъ такъ, какъ она. Но какъ только она возвращается въ Парижъ, она отдается всецѣло прелестямъ свѣтской жизни. Ея письма полны описаніями ихъ. Она до такой степени легко поддается впечатлѣніямъ, ея воспринимаемымъ, что почти всегда можно сказать, читая ея письма, какія книги она только что читала, при какихъ бесѣдахъ, она только что присутствовала и въ какихъ салонахъ она только что побывала. Когда она такъ мило передаетъ своей дочери придворныя сплетни, чувствуется, что она только что имѣла бесѣду съ граціозной и остроумной г-жею де-Куланжъ, которая ей ихъ и рассказывала. Когда она отзывается съ такой нѣжностью о Тюреннѣ, это значитъ, что она лишь недавно побывала въ Бульонскомъ отелѣ, гдѣ семья князя оплакивала его смерть и свое разбитое счастье. Въсгѣ съ Николею она сама себя проповѣдуетъ и читаетъ наставленія, но это не продолжается долго. Достаточно ея сыну придти и рассказать ей одно изъ тѣхъ

галантныхъ приключеній, гдѣ онъ являлся героемъ или жертвою, и вотъ она смѣло бросается въ самые скабрёзные рассказы съ тѣмъ, чтобы немного далѣе снова спохватиться: „Господинъ Николь, не судите насъ строго!“ Все обращается у нея въ мораль, когда она посѣтитъ Ла-Рошфуко; она проповѣдуетъ ее по поводу всего, видя во всемъ изображеніе человѣческой жизни и сердца, даже въ томъ бульонѣ изъ ехидны, которымъ кормили больную г-жу Ла-Файеттъ. Не похожа ли эта ехидна, изъ которой вычищаютъ внутренности и снимаютъ кожу, а она все продолжаетъ шевелиться, не похожа ли она на застарѣлыя человѣческія страсти? „Чего только съ ними не дѣлаютъ? Имъ говорятъ оскорбленія, грубости, жестокости, имъ оказываютъ презрѣніе, съ ними ссорятся, на нихъ плачутся, сердятся, а онѣ все продолжаютъ жить попрежнему. И, кажется, имъ не можетъ быть и конца. Думаютъ, что если ихъ вырвать изъ сердца, то все сдѣлано, и что ихъ больше не будетъ и слышно. Какъ бы не такъ—онѣ попрежнему остаются живыми, онѣ попрежнему движутся“. Эта способность ея такъ легко поддаваться внушенію и такъ быстро воспринимать чувства тѣхъ людей, съ какими ей приходилось сталкиваться, заставляетъ ее откликаться и на великія событія, при ней происходившія. Когда она повѣствуетъ о нихъ, стиль ея писемъ дѣлается болѣе возвышеннымъ и, подобно Цицерону, она становится краснорѣчивою, ничуть объ этомъ не заботясь. Какое бы удивленіе во мнѣ ни вызывали величіе мыслей и живость оборотовъ въ только что приведенномъ мною отрывкѣ изъ Цицерона о Цезарѣ, я долженъ признаться, что меня еще болѣе восхищаетъ письмо г-жи де-Севинь по поводу смерти Лувуа, и я нахожу болѣе смѣлости и блеска въ томъ изображенномъ ею потрясающемъ діалогѣ, гдѣ министръ молить о прощеніи, а Богъ ему въ немъ отказываетъ.

Все это—восхитительныя качества, но иногда они ведутъ за собою нѣкоторыя неудобства. Такія слишкомъ быстрыя впечатлѣнія бываютъ иногда нѣсколько поверхностны. Если отдаваться на произволъ живого воображенія, то не окажется достаточно времени, чтобы обдумать то, что говоришь, а это часто ведетъ къ риску измѣнять свои мнѣнія. Именно этимъ объясняются многочисленныя противорѣчія г-жи де-

Севинье, но такъ какъ она была не болѣе, какъ свѣтская женщина, то и противорѣчія ея не особенно важны, и мы и не думаемъ ставить ихъ ей въ вину. Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло, что она измѣнила свои мнѣнія о Флешье и Маскаронѣ и что послѣ безграничнаго восхищенія *Принцессою Клевскою* (*la Princesse de Clèves*), когда читала ее одна, она немедленно находитъ въ ней тысячи недостатковъ, какъ только это произведеніе вызываетъ осужденіе со стороны ея кузена Бюсси? Что касается Цицерона, то онъ былъ человѣкъ политики, а потому отъ него можно требовать и болѣе серьезнаго отношенія. Прежде всего отъ него требуется послѣдовательность во мнѣніяхъ, а именно ее то и препятствуетъ ему имѣть живость его воображенія. Онъ никогда и не хвалился тѣмъ, что всегда былъ вѣренъ себѣ. Въ оцѣнкѣ событій или людей ему случалось въ теченіе всего нѣсколькихъ дней, не колеблясь, впадать изъ одной крайности въ другую. Въ одномъ изъ его писемъ отъ конца октября Катонъ рисуется какъ лучший другъ (*amicissimus*) и поведеніе его вполне одобряется. Въ первыхъ числахъ ноября онъ обвиняется за свою *постыдную недоброжелательность* въ томъ же самомъ дѣлѣ ¹⁾. Это объясняется тѣмъ, что Цицеронъ руководится въ своихъ сужденіяхъ лишь своими впечатлѣніями, а въ такой подвижной душѣ, какъ его, впечатлѣнія мѣняются быстро, оставаясь всегда живыми, но въ то же время часто и противорѣчащими.

Другая еще большая опасность отъ подобной неумѣренности воображенія, не могущаго управлять собою, состоитъ въ томъ, что въ результатъ можетъ получиться самое дурное и невѣрное представленіе о тѣхъ людяхъ, которые такъ легко ему поддаются. Люди совершенные бываютъ только въ романахъ. Въ нашей природѣ добро и зло такъ тѣсно смѣшаны, что ихъ рѣдко можно встрѣтить одно безъ другого. Самые твердые характеры имѣютъ свои недостатки; въ самые прекрасные поступки превходятъ часто мотивы не всегда почтенные; наши лучшія привязанности не лишены бываютъ эгоизма; сомнѣнія, несправедливыя подозрѣнія омрачаютъ иногда самую прочную дружбу; можетъ случиться, что иной разъ чувства зависти или ревности, способныя вызвать завтра же краску стыда, промелькнутъ въ душѣ самыхъ чест-

ныхъ людей. Осторожные и осмотрительные люди тщательно скрываютъ въ себѣ всѣ подобныя чувства, недостойныя, обнаруживанія, но люди, подобные Цицерону, увлекаемые живостью своихъ впечатлѣній, не могутъ ихъ утаить и въ этомъ ихъ большая ошибка. Слово и перо даютъ болѣе силы и прочности этимъ мимолетнымъ мыслямъ. Въ сущности, это не болѣе, какъ молниеносныя вспышки; записывая, ихъ дѣлаютъ болѣе явственными и точными, при чемъ онѣ приобретаютъ такую выпуклость, отчетливость и важность, какихъ въ дѣйствительности никогда не имѣютъ. Эти минутныя слабости, эти смѣшныя подозрѣнія, порождаемыя оскорбленнымъ самолюбіемъ, эти минутныя раздраженія, успокаивающіяся послѣ недолгаго размышленія, эти несправедливости, вызываемыя иногда досадою, эти вспышки самолюбія, которыя разсудокъ старается обыкновенно заглушить, не погибаютъ безслѣдно, если только ихъ рискнуть довѣрить другу. Придетъ время и вотъ какой-либо любознательный комментаторъ начнетъ изучать эти слишкомъ откровенныя признанія и воспользуется ими, чтобы изобразить писавшаго ихъ неосторожнаго человѣка въ такомъ видѣ, какой способенъ внушить ужасъ его потомству. Онъ сумѣетъ доказать точными и неопровержимыми цитатами, что человѣкъ этотъ былъ плохой гражданинъ и недобрый другъ, что онъ не любилъ ни своей страны, ни своей семьи, что онъ былъ завистливъ по отношенію къ честнымъ людямъ и что онъ измѣнялъ всѣмъ партіямъ. Между тѣмъ ничего подобнаго никогда не было, и здравомыслящій умъ не позволить себя обмануть искуснымъ подборомъ коварныхъ цитатъ. Онъ хорошо знаетъ, что не слѣдуетъ буквально понимать слова такихъ увлекающихся людей и вѣрить всему, что они пишутъ. Необходимо защищать ихъ отъ нихъ самихъ, не обращать вниманія на ихъ слова, когда страсть ихъ ослѣпляетъ и особенно отличать ихъ истинныя и прочныя чувства отъ всѣхъ кратковременныхъ увлеченій. Вотъ почему не всякій умѣетъ понимать письма, какъ слѣдуетъ, не всякій умѣетъ читать ихъ, какъ надо. Я не могу оказать никакого довѣрія тѣмъ ученымъ, которые, не зная людей и не имѣя никакого опыта жизни, берутся судить Цицерона по его перепискѣ. Чаше всего ихъ сужденія бываютъ неспра-

ведливы. Они ищутъ выраженіе его мыслей въ тѣхъ требуемыхъ обществомъ пошлыхъ условностяхъ, которыя ни къ чему не обязываютъ тѣхъ, кто ихъ высказываетъ, и ничуть не вводятъ въ заблужденіе тѣхъ, къ кому они обращаются. Они разсматриваютъ, какъ трусливыя уступки, тѣ взаимосоглашенія, безъ которыхъ люди не могли бы жить обществомъ. Они видятъ явныя противорѣчія въ тѣхъ различныхъ оттѣнкахъ, въ какіе выливается мнѣніе Цицерона, смотря по тому, къ кому онъ обращается. Они торжествуютъ отъ неосторожности нѣкоторыхъ признаній и отъ чрезмѣрности нѣкоторыхъ похвалъ, не замѣчая умѣряющей ихъ тонкой ироніи. Чтобы хорошо различать всѣ эти оттѣнки, чтобы оцѣнивать вещи по ихъ дѣйствительной цѣнности, чтобы правильно судить о значеніи всѣхъ этихъ фразъ, говорившихся съ полу-улыбкою и не всегда означавшихъ собою то, что, повидимому, онѣ высказывали, необходимо имѣть нѣсколько большее понятіе о жизни, чѣмъ то, какое усваивается обыкновенно въ германскихъ университетахъ. Что касается такой тонкой оцѣнки, то если нужно высказать точно мою мысль, я скорѣе положился бы на мнѣніе свѣтскаго человѣка, нежели ученаго.

Эта переписка знакомитъ насъ не съ однимъ Цицерономъ. Она полна любопытныхъ подробностей относительно всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ дѣловыхъ или дружескихъ отношеніяхъ. А это были самыя выдающіяся лица его времени, именно тѣ, которыя играли первыя роли въ томъ переворотѣ, который положилъ конецъ римской республикѣ. Никто не заслуживаетъ большаго изученія, какъ они. Здѣсь необходимо замѣтить, что одинъ изъ недостатковъ Цицерона оказалъ значительную услугу потомству. Если бы дѣло шло о комъ-нибудь другомъ, напримѣръ, о Катонѣ, то сколькихъ бы лицъ ни оказалось въ этой перепискѣ. Въ ней нашлось бы мѣсто лишь для однихъ добродѣтельныхъ, а вѣдь Богу извѣстно, что число ихъ не было въ то время велико. Но къ счастью Цицеронъ не былъ такъ разборчивъ, и въ выборѣ своихъ друзей не придерживался строгой щепетильности Катона. Какая-то врожденная доброжелательность дѣлала его доступнымъ для людей всякихъ мнѣній, а его тщеславіе заставляло его повсюду искать себѣ поклонниковъ. Онъ

стоялъ одной ногой во всѣхъ партіяхъ; это несомнѣнно большой недостатокъ для человѣка близкаго къ политикѣ, и современныя ему недоброжелатели горько его за то упрекали, но для насъ этотъ недостатокъ—одна выгода, такъ какъ благодаря этому всѣ партіи нашли свое отраженіе въ его перепискѣ. Его снисходительный характеръ сближалъ его иногда съ людьми, мнѣнія которыхъ были совершенно противоположны его. Иной разъ онъ вступалъ въ тѣсныя отношенія съ самыми дурными гражданами, съ тѣми, кого самъ, спустя нѣкоторое время, обличалъ своими обвиненіями. До насъ дошли письма, полученные имъ отъ Антонія, Долабеллы и Куріона, и письма эти полны изъясненіями почтенія и дружбы. Если бы до насъ уцѣлѣла вся его болѣе ранняя переписка, возможно, что среди нея мы нашли бы также и письма Катилины; откровенно говоря, я сожалею, что этого нѣтъ, потому что для того, чтобы правильно судить о состояніи общества такъ же, какъ и о характерѣ человѣка, недостаточно изслѣдовать только однѣ здоровыя части, а необходимо разсмотрѣть и изучить во всей полнотѣ и его нечистыя и испорченныя части. Такимъ образомъ, всѣ наиболѣе вліятельные люди той эпохи, къ какой бы партіи они ни принадлежали и какъ бы себя ни вели, знали съ Цицерономъ. Ибо о всѣхъ ихъ упоминается въ его перепискѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ писемъ дошли до насъ, какъ равно дошла и большая часть тѣхъ, которыя имъ писалъ Цицеронъ. Сообщаемыя имъ о нихъ интимныя подробности, а также и то, что онъ говоритъ объ ихъ мнѣніяхъ, привычкахъ и характерахъ, даетъ намъ возможность вполне ознакомиться съ ихъ жизнью. Благодаря ему, всѣ эти лица, смутно рисуемая исторіей, облекаются въ свой самобытный образъ; онъ какъ бы приближаетъ ихъ къ намъ и даетъ намъ возможность поближе узнать ихъ; и ознакомившись съ его перепиской, мы можемъ сказать, что познакомились со всѣмъ римскомъ обществомъ его времени.

Цѣль настоящей книги состоитъ въ изученіи нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, главнымъ образомъ тѣхъ, которыя были замѣшаны въ важныя политическія событія этой эпохи. Но прежде чѣмъ приступить къ этому изученію, надлежитъ себѣ твердо усвоить одно правило, а именно: поменьше вно-

силь въ него предвзятыхъ мнѣній нашего времени. Въ нашу вѣкъ вошло въ обычай искать въ исторіи прошлаго орудія для борьбы съ настоящимъ. Успѣхъ обезпеченъ для колкихъ намековъ и остроумныхъ сближеній. Быть можетъ, то обстоятельство, что римская древность въ такой модѣ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что она служитъ для политическихъ партій удобной ареной для борьбы и притомъ достаточно безопасной, гдѣ борются современныя страсти, скрываясь подъ древними нарядами. Если теперь по всякому поводу ссылаются на имена Цезаря и Помпея, Катона и Брута, то этимъ великимъ людямъ чести отъ этого не особенно много. Возбуждаемый ими интересъ не вполне безкорыстенъ, и когда о нихъ говорятъ, то почти всегда или чтобы отгнать эпиграмму или смягчить лесть. Я постараюсь воздержаться отъ подобныхъ выхонокъ. Мнѣ думается, что эти знаменитые мертвецы заслуживаютъ большаго, чѣмъ лишь быть орудіемъ для раздѣляющихъ насъ раздоровъ, и я достаточно чту ихъ память и ихъ покой, чтобы тащить ихъ на арену нашихъ повседневныхъ распрей. Не надо никогда забывать, что пользоваться исторіей для нуждъ мѣняющихся интересовъ различныхъ партій значитъ оскорблять ее, и что по прекрасному выраженію Фукидида исторія должна быть произведеніемъ, рассчитаннымъ на вѣчность.

Сдѣлавъ всѣ эти необходимыя оговорки, приступимъ къ ознакомленію черезъ письма Цицерона съ римскимъ обществомъ той великой эпохи и начнемъ съ изученія именно того, благодаря кому мы съ нимъ сводимъ это знакомство.

ЦИЦЕРОНЪ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Общественная жизнь Цицерона.

Общественная жизнь Цицерона вызываетъ обыкновенно строгое осужденіе со стороны современныхъ историковъ. Этимъ онъ расплачивается за свою умѣренность. Такъ какъ всякое изученіе этой эпохи въ настоящее время обычно обусловливается извѣстными предвзятыми политическими взглядами, то такой человѣкъ, какъ онъ, старавшійся избѣгать крайностей, не можетъ никому приходиться вполнѣ по вкусу. Всѣ партіи единодушно нападаютъ на него; со всѣхъ сторонъ надъ нимъ издѣваются или надругаются. Фанатическіе сторонники Брута обвиняютъ его въ трусости, страстные друзья Цезаря называютъ его глупцомъ. Развѣ только въ Англіи и во Франціи къ нему относятся справедливѣе *).

Въ этихъ странахъ классическія традиціи сохранили еще большую силу, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; здѣсь ученые тверже придерживаются старинныхъ взглядовъ и оцѣнокъ, и среди множества всякихъ измѣненій критика все же остается консервативною. Возможно также, что подобнаго рода снисходительность, проявляемая къ Цицерону въ обѣихъ этихъ странахъ, объясняется еще ихъ привычкою къ политической жизни. Кто ближе знакомъ съ приемами дѣльцовъ отъ политики и съ партійными интригами, тотъ болѣе способенъ цѣнить тѣ жертвы, на какія могутъ побудить государственнаго человѣка потребности даннаго момента, интересы его друзей, польза его дѣла. Напротивъ,

*) Forsyth. *Life of Cicero*. London, Murray, 1864.—Merivale, *Hist. of the Roman under the emp.*, томъ I и II.

если судить объ его поступкахъ лишь на основаніи строгихъ теорій, измышленныхъ въ тиши кабинетовъ и не испробованныхъ еще на опытѣ жизни, то результатъ получается слишкомъ суровъ. Вотъ, несомнѣнно, объясненіе тому, почему германскіе ученые относятся къ Цицерону такъ недоброжелательно. За исключеніемъ снисходительнаго къ нему Абекена *), всѣ остальные безжалостны. Друмманъ **) въ особенности не прощаетъ ему ничего. Онъ изучилъ его произведенія и его жизнь съ мелочностью и проницательностью судебного слѣдователя, отыскивающего данныя для обвиненія. Въ духѣ такого сознательнаго недовѣрія онъ пересмотрѣлъ всю его переписку. Онъ мужественно устоялъ противъ прелести этихъ интимныхъ откровенностей, заставляющихъ насъ удивляться ему, какъ писателю, и любить его, какъ человѣка, несмотря на всѣ его слабости, и сопоставляя отдѣльные отрывки изъ его писемъ и рѣчей, онъ предъявляетъ къ нему настоящій обвинительный актъ, въ которомъ все предусмотрѣно и который составляетъ почти цѣлый томъ. Моммсенъ ***) не менѣе строгъ, хотя и не такъ пространенъ. Такъ какъ онъ смотритъ на вещи свысока, то поэтому и не теряется въ подробностяхъ. На двухъ сжатыхъ и переполненныхъ фактами страницахъ, написанныхъ какъ только онъ умѣетъ писать, онъ сумѣлъ собрать противъ Цицерона болѣе обвиненій, чѣмъ Друмманъ въ цѣломъ томѣ. Здѣсь мы узнаемъ, что этотъ пресловутый государственный человѣкъ былъ не больше какъ эгоистъ и близорукой гражданинъ, а какъ писатель онъ не больше какъ отчасти фельетонистъ, отчасти адвокатъ. Впрочемъ, тотъ же писатель назвалъ Катона Донъ-Кихотомъ, а Помпея—солдатомъ. Такъ какъ въ своихъ изслѣдованіяхъ прошлаго Моммсенъ никогда не упускаетъ изъ виду настоящаго, то можно бы сказать, что онъ въ лицѣ римской аристократіи преслѣдуетъ прусскихъ юнкеровъ, а въ лицѣ Цезаря онъ заранѣе привѣтствуетъ того популярнаго деспота, чья твердая рука одна сумѣетъ создать единство Германіи.

Но что справедливаго во всѣхъ этихъ нападкахъ? На-

*) Abeken, *Cicero in seinen Briefen*. Hannover, 1835.

**) Drumann, *Geschichte Roms*, т. V и VI.

***) Mommsen, *Römische Geschichte*, т. III.

сколько можно полагаться на эти обвиненія революціонной критики? Какое мнѣніе надо составить себѣ относительно Цицерона, какъ политика? Все это мы узнаемъ, когда изслѣдуемъ факты.

I.

Образованіе политическихъ мнѣній человѣка обусловливается обыкновенно тремя причинами: его происхожденіемъ, его личнымъ міросозерцаніемъ и его характеромъ. Если имѣть въ виду не только одни искреннія убѣжденія, то къ этимъ тремъ причинамъ надо прибавить и четвертую, и къ тому же, быть-можетъ, самую сильную изъ всѣхъ,—интересъ или выгоду, то-есть невольное стремленіе считать, что самая выгодная партія является въ то же время и самой справедливой, и сообразовать свои чувства съ положеніемъ, какое занимаешь или желаешь занять. Постараемся выяснить, какое вліяніе оказывали эти причины на политическія предпочтенія и образъ дѣйствія Цицерона.

Въ Римѣ происхожденіе человѣка долгое время рѣшительно опредѣляло его мнѣнія. Въ этомъ городѣ, гдѣ традиціи чтились такъ свято, понятія и взгляды наслѣдовались отъ отцовъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ и именемъ, и считалось за честь вѣрно слѣдовать ихъ политикѣ. Но уже во времена Цицерона эти обычаи стали забываться. Самыя древнѣйшія фамиліи не затруднялись нарушать свои наслѣдственные завѣты. Такъ, въ партіи сената этого періода встрѣчается нѣсколько фамильныхъ именъ, получившихъ извѣстность за былую защиту интересовъ народа, и самымъ дерзкимъ демагогомъ этой эпохи являлся носитель имени Клодія. Впрочемъ, что касается Цицерона, то по своему происхожденію онъ ни въ какое время не могъ бы быть связанъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ. Онъ не принадлежалъ къ знатной семьѣ. Онъ первый изъ своего рода сталъ заниматься общественными дѣлами, и имя, какое онъ носилъ, не обязывало его заранѣе на принадлежность къ какой-либо партіи. При этомъ онъ не былъ даже римскимъ уроженцемъ. Его отецъ жилъ въ одной изъ тѣхъ незначительныхъ муниципій, надъ которыми такъ охотно подсмѣивались разные умники, потому

что тамъ говорили на мѣстномъ нарѣчій и не имѣли никакого представленія о хорошихъ манерахъ, хотя тѣмъ не менѣе эти муниципіи составляли славу и гордость республики. Этотъ грубый, но мужественный и воздержный народъ, занимавшій бѣдные заброшенные городки Кампаньи, Лаціума и Сабинны и сохранившій, благодаря условіямъ деревенской жизни, до нѣкоторой степени старинныя добродѣтели *), на самомъ дѣлѣ и былъ настоящимъ римскимъ народомъ. Народъ же, толпившійся на улицахъ и площадяхъ Рима, праздно проводившій свое время въ театрѣ, участвовавшій во всѣхъ волненіяхъ на форумѣ и продававшій свои голоса на Марсовомъ полѣ, былъ лишь сбродомъ отпущенниковъ и чужеземцевъ, вносившихъ съ собою безпорядокъ, смуту и испорченность. Въ муниципіяхъ жизнь была и честнѣе и здоровѣе. Граждане, жившіе въ нихъ, оставались чуждыми большинству вопросовъ, волновавшихъ Римъ, и до нихъ не доходилъ даже шумъ общественныхъ дѣлъ. Случалось, они являлись иногда на Марсово поле и на форумъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы подать голосъ за кого-либо изъ своихъ сородичей или выступить свидѣтелемъ въ его защиту передъ судомъ; но обыкновенно они мало заботились объ осуществленіи своихъ правъ и оставались у себя дома. Несмотря на это, они также были преданы своей родинѣ, ревниво охраняли свои привилегіи, хотя и не пользовались ими, и гордились своимъ званіемъ римскихъ гражданъ, крѣпко признавательные республиканскому правительству, имъ его даровавшему. Республика сохраняла для нихъ свой престижъ, потому что, живя вдали отъ центральнаго правительства, они не могли видѣть всѣхъ ея слабостей, но зато всегда помнили объ ея былой славѣ. Среди подобныхъ людей, отсталыхъ и по своимъ идеямъ и по своимъ манерамъ, протекло дѣтство Цицерона. Отъ нихъ онъ научился любить прошлое больше, чѣмъ знать настоящее. Таково было первое внушеніе и первый урокъ, какія онъ получилъ отъ мѣстъ и людей, среди которыхъ протекали его юные годы. Впослѣдствіи онъ съ нѣжностью вспоминалъ о скромномъ домѣ, построенномъ его дѣдомъ вблизи Лириса и напоми-

*) *Pro Rosc., Amer.*, 16.

навшемъ своею суровой простотой домъ древняго Курія *). Мнѣ кажется, что тѣ, кто обиталъ подъ крышей этого дома, должны были чувствовать себя какъ бы перенесенными на цѣлое столѣтіе назадъ и, окруженные постоянно атмосферою прошлаго, должны были укрѣпить въ себѣ привычку и любовь къ старинѣ. Вотъ, безъ сомнѣнія, то, чѣмъ Цицеронъ обязанъ своему происхожденію, если только онъ ему чѣмъ-либо обязанъ. Онъ могъ научиться отъ своей семьи уваженію къ прошлому, любви къ родной странѣ и инстинктивному предпочтенію къ республиканскому правленію; но онъ не нашелъ здѣсь ни опредѣленной традиціи, ни наслѣдственныхъ завѣтовъ по отношенію какой-либо опредѣленной партіи. Когда онъ выступилъ на арену политической жизни, ему пришлось дѣлать свой выборъ самому, что является, конечно, не малымъ испытаніемъ для нерѣшительнаго характера, а для того, чтобы сдѣлать этотъ выборъ изъ столькихъ противоположныхъ мнѣній, ему надо было съ раннихъ поръ изучать и размышлять.

Цицеронъ изложилъ результатъ своихъ размышленій и изученій въ политическихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ самое значительное, *Республика*, дошло до насъ въ крайне изуродованномъ видѣ. Изъ того, что осталось, мы видимъ, что онъ и здѣсь, какъ во всемъ, является ревностнымъ ученикомъ грековъ. Наибольшее предпочтеніе онъ оказываетъ Платону, и его восхищеніе этимъ философомъ такъ велико, что онъ часто готовъ увѣрять насъ, что онъ довольствуется однимъ переводомъ его. Вообще Цицеронъ не особенно заботится о славѣ быть оригинальнымъ мыслителемъ. Это почти единственная область, гдѣ молчить его тщеславіе. По этому поводу въ его перепискѣ встрѣчается одно странное признаніе, которымъ много злоупотребляли противъ него. Желая дать повясть своему другу, Аттику, почему ему такъ легко даются его сочиненія, онъ пишетъ ему: „Я доставляю только слова, а въ словахъ у меня недостатка нѣтъ **)\", но здѣсь Цицеронъ, вопреки своему обыкновенію, наклеветалъ на себя. Онъ отнюдь не такой рабскій переводчикъ, какъ онъ стара-
ется убѣдить, а въ его политическихъ произведеніяхъ

*) *De leg.*, II, 1.

**) *Ad. Att.*, XII, 52.

различіе между нимъ и Платономъ особенно велико. Правда, ихъ книги носятъ одинаковыя заглавія, но достаточно ихъ открыть, чтобы тотчасъ же замѣтить, что по существу между ними мало общаго. Отличительная особенность такого умозрительнаго философа, какъ Платонъ, состоитъ въ стремленіи къ абсолютному во всемъ. Когда онъ задается цѣлью придумать государственное устройство, то вмѣсто того, чтобы начать прежде всего съ изученія тѣхъ народовъ, для которыхъ оно предназначается, онъ исходитъ изъ одного разума и съ непоколебимой строгостью доводитъ этотъ принципъ до крайнихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, онъ создаетъ одну изъ тѣхъ политическихъ системъ, гдѣ все держится другъ за друга и вытекаетъ одно изъ другого и которая, своей удивительной цѣльностью, плѣняетъ умъ изучающаго ее философа, подобно тому, какъ соотвѣтствіе части какого-либо прекраснаго зданія плѣняетъ взоръ смотрящаго на него. Къ несчастью подобнаго рода государственныя системы, измышленныя въ уединеніи и какъ бы отлитыя изъ одного куска, бываютъ трудно приложимы въ жизни. Стоитъ лишь попробовать осуществить ихъ на практикѣ, какъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ возникаютъ препятствія, совершенно неожиданныя. Преданія народовъ, ихъ характеръ, ихъ воспоминанія, всевозможныя соціальныя силы, съ которыми въ свое время не считались, не хотятъ теперь подчиняться налагаемымъ на нихъ строгимъ законамъ. Тогда начинаютъ понимать, что эти соціальныя силы не поддаются произвольному измѣненію, а разъ онъ положительно отказывается уступить, то является необходимость подумать о видоизмѣненіи этого устройства, представлявшагося столь прекраснымъ, пока его не примѣняли на дѣлѣ. Но и тутъ имѣется затрудненіе и достаточно большое. Не такъ-то легко измѣнить что-либо въ такого рода сжатыхъ и логическихъ системахъ, гдѣ все такъ искусно прилажено другъ къ другу, что малѣйшее нарушеніе сотрясаетъ все цѣлое. Кромѣ того философы по природѣ высокоумны и безусловны; они не любятъ, чтобы имъ противорѣчили. Чтобы избѣжать раздражающихъ ихъ возраженій, чтобы насколько возможно спастись отъ требованій дѣйствительности, они подражаютъ тому, аѳинянину у Аристофана, который, отчаявшись отыскать на землѣ под-

ходящую ему республику, отправился искать ее себѣ по вкусу на облакахъ. И они также строятъ въ своемъ родѣ воздушныя замки, то-есть идеальныя республики, управляемыя воображаемыми законами. Они придумываютъ удивительныя системы, но съ тѣмъ недостаткомъ, что ихъ нельзя приложить ни къ какой странѣ въ частности, такъ какъ онѣ разсчитаны на весь человѣческій родъ въ цѣломъ.

Цицеронъ, однако, поступаетъ не такъ. Онъ знаетъ, къ кому обращается; онъ знаетъ, что римляне — хладнокровная и основательная раса, болѣе склонная усваивать вещи съ ихъ практической стороны, чѣмъ увлекаться утопіями. Вотъ почему онъ не поддается въ такой степени этимъ мечтамъ объ идеальномъ и безусловномъ. Онъ не претендуетъ писать законы для всей вселенной; онъ заботится, главнымъ образомъ, о своей странѣ и о своемъ времени и хотя онъ и дѣлаетъ видъ, будто набрасываетъ планъ совершенной республики, то-есть такой, которой не можетъ существовать, на дѣлѣ же онъ постоянно имѣетъ въ виду дѣйствительно существующее государственное устройство. Его политическія теоріи состоятъ приблизительно въ слѣдующемъ. Изъ трехъ различаемыхъ обыкновенно формъ правленія, ни одна не удовлетворяетъ его въ чистомъ видѣ. Мнѣ нѣтъ надобности касаться здѣсь его отношенія къ неограниченному правленію одного, такъ какъ Цицеронъ смертью своею заплатилъ за свое противодѣйствіе осуществленію такого правленія *). Два другихъ правленія, пра-

*) Указывали, что Цицеронъ въ своей *Республикѣ* говоритъ съ большимъ уваженіемъ и даже съ нѣкотораго рода умиленіемъ о царской власти, что, конечно, можетъ вызвать удивленіе, зная какимъ республиканцемъ, онъ былъ; но онъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду первобытное и патріархальное правленіе и требуетъ отъ царя и подданныхъ столько добродѣтелей, что становится очевиднымъ, что и самъ онъ не вѣритъ, чтобы подобное правленіе было легко или даже возможно. Поэтому не слѣдуетъ думать, какъ это дѣлалось, будто Цицеронъ хотѣлъ заранѣе подготовить и одобрить тотъ переворотъ, который сдѣлалъ Цезарь нѣсколькими годами позже. Напротивъ, онъ въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ указываетъ, что онъ думаетъ о Цезарѣ и его правленіи, когда обрушивается на тирановъ, жаждущихъ власти и стремящихся править единолично, попирая права народа. „Тиранъ можетъ быть и милостивымъ, говоритъ онъ; но какая разница имѣть господина снисходительнаго или жестокосердаго? И при томъ и при другомъ все равно остаешься рабомъ“. (*De Rep.*, I, 33).

влечіе всѣхъ и правленіе немногихъ, то-есть аристократія и демократія, кажутся ему также не лишними недостатковъ. Трудно примириться вполне съ аристократіей, когда самъ не имѣешь преимущества принадлежать къ знатной фамиліи. Что касается римской аристократіи, то она несмотря на свои высокія качества, обнаруженныя ею въ завоеваніи и управленіи цѣлаго міра, отличалась, подобно другимъ, заносчивостью и исключительностью. Неудачи, обрушившіяся на нее за послѣднее столѣтіе, ея видимое пораженіе и несомнѣнное предчувствіе своего близкаго конца, не могли, конечно, излѣчить ее отъ гордости, а, напротивъ, дѣлали ее еще болѣе недоступной. Повидимому, предразсудки становятся тѣмъ упорнѣе и мелочнѣе, чѣмъ меньше имъ остается жить. Извѣстно, какъ французскіе эмигранты, предъ лицомъ торжествующей революціи, тратили свои послѣднія силы на пустую борьбу за первенство. Точно также и римская знать, въ то время, когда власть ускользала у нея изъ рукъ, какъ будто нарочно старалась преувеличить свои недостатки и обезкуражить своимъ пренебреженіемъ честныхъ людей, готовыхъ стать на ея защиту. Цицеронъ чувствовалъ влеченіе къ ней, такъ какъ любилъ хорошія манеры и изящныя удовольствія, но онъ никогда не могъ привыкнуть къ ея высокому міру. Вотъ почему, даже служа ей, онъ всегда питалъ противъ нея предубѣжденія недовольнаго буржуа. Онъ прекрасно зналъ, что она не забывала его происхожденія и звала его выскочкой (*homo novus*); въ отместку и онъ осыпалъ неисчислимыми насмѣшками всѣхъ тѣхъ счастливицевъ, отъ которыхъ не требовалось ни достоинствъ, ни умѣнія трудиться и которымъ самыя важныя республиканскія званія доставались все равно какъ во снѣ (*quibus omnia populi romani beneficia dormientibus deferuntur* *).

Но если аристократія правила ему такъ мало, то народное правленіе онъ одобрялъ еще того меньше. Народное правленіе, говорилъ онъ задолго до Корнелія **), худшее изъ всѣхъ, и говоря такъ, онъ раздѣлялъ мнѣніе большинства греческихъ философовъ, его учителей. Почти всѣ они питали сильное отвращеніе къ демократіи. Но только самый харак-

*) *In Verr. act. sec.*, V, 70.

**) *De Rep.*, I, 26.

теръ ихъ занятій, нуждавшихся въ уединеніи и покоѣ, удалялъ ихъ отъ толпы, но они и сами старательно избѣгали ее изъ боязни, чтобы она не заражала ихъ своими предразсудками и заблужденіями. Ихъ постоянная забота была направлена на то, чтобы держаться постоянно внѣ и выше ея. Гордость, питаемая въ нихъ такимъ отчужденіемъ, не позволяла имъ видѣть равнаго себѣ въ человѣкѣ изъ народа, чуждомъ тѣхъ ученыхъ занятій, которыми они такъ гордились. Вотъ почему имъ претило господство массы, гдѣ одинаковое значеніе имѣютъ невѣжда и ученый. Цицеронъ положительно говорить, что равенство, понимаемое такимъ образомъ, есть величайшее изъ всѣхъ неравенствъ, *ipsa aequitas iniquissima est* *). Этотъ упрекъ ни единственный и даже ни самый главный изъ всѣхъ дѣлаемыхъ демократіи греческими философами, а съ ними и Цицерономъ. Они находили, что она по самой природѣ своей шумлива и безпокойна, враждебна философіи и что она не можетъ дать ученому и мудрецу того спокойнаго простора, который имъ такъ необходимъ для обдумыванія ихъ произведеній. Народное правленіе въ умѣ Цицерона олицетворялось въ видѣ непрестанныхъ сценъ борьбы и распрей. Ему вспоминались возстанія плебеевъ и бурныя столкновенія на форумѣ. Ему слышались жалобы и угрозы всѣхъ обобранныхъ и лишенныхъ имущества, смущавшіе въ теченіе трехъ вѣковъ спокойствіе богачей. Развѣ возможно среди всѣхъ этихъ тревогъ предаваться занятіямъ, требующимъ мира и тишины? Этотъ режимъ грубой силы постоянно нарушаетъ всякія умственные занятія, непрестанно вырывая честныхъ людей изъ безмолвія ихъ библіотекъ, чтобы выбросить ихъ на арену общественной сутолоки. Подобная безпорядочная и шумливая жизнь не могла приходитьсь по вкусу Цицерону, столь любившему умственный трудъ и если высокомѣріе аристократіи толкало его иногда къ народной партіи, то все же его нелюбовь къ грубой силѣ и къ безпорядку не позволяла ему примкнуть къ ней надолго.

Какая же форма правленія кажется ему наилучшей? Та, которая соединяетъ въ себѣ все въ правильномъ равновѣсіи,

*) *De Rip.*, I, 34.

какъ онъ это говоритъ вполне ясно въ своей *Республикѣ*. „Я желаю, пишетъ онъ, чтобы въ государствѣ на первомъ мѣстѣ была верховная царская власть, затѣмъ чтобы извѣстная доля власти была предоставлена первѣйшимъ гражданамъ и чтобы, наконецъ, нѣкоторыя вещи предоставлялись усмотрѣнію и рѣшенію народа *)“. Такое смѣшанное и умѣренное правленіе, соединяющее въ себѣ всѣ хорошія качества остальныхъ, по его мнѣнію, не есть какая-либо воображаемая система, въ родѣ республики Платона. Такое правленіе существуетъ и дѣйствуетъ, это—правленіе его страны. Такое мнѣніе вызвало на него много нападковъ. Моммсенъ нашелъ, что оно противорѣчитъ и философіи и исторіи. Несомнѣнно, если его принимать буквально, оно окажется болѣе патріотичнымъ, чѣмъ справедливымъ. Принимать намъ римское государственное устройство за безупречный образецъ и закрывать глаза на его недостатки, когда оно именно и погибало отъ этихъ самыхъ недостатковъ—это значило бы зайти слишкомъ далеко. Однако, необходимо признать, что при всѣхъ своихъ несовершенствахъ это государственное устройство было, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ самыхъ лучшихъ того древняго времени и что, быть можетъ, не одно, кромѣ него, не сдѣлало столько для удовлетворенія двухъ насущнѣйшихъ потребностей общества — порядка и свободы. Точно также нельзя отрицать, что его главное достоинство состоитъ въ примиреніи и соединеніи различныхъ формъ правленія при всей ихъ видимой противоположности: Полибій указывалъ на это раньше Цицерона; и этимъ достоинствомъ оно обязано своему происхожденію и тому, какимъ образомъ оно образовалось. Всякое государственное устройство въ Греціи было почти всегда созданіемъ рукъ одного человѣка; государственное устройство Рима—дѣло времени. То искусное равновѣсіе власти, которымъ такъ восхищался Полибій, не было созданіемъ какой-либо одной дальновидной воли. Въ первыя времена Рима не было такого законодателя, который опредѣлилъ бы заранѣе ту роль, какую долженъ играть каждый общественный элементъ въ общемъ ходѣ дѣлъ; свое значеніе опредѣлили себѣ сами эти элементы. Возстанія пле-

*) *De Rep.*, I, 45.

беевъ, ожесточенная борьба трибуновъ съ патриціями, наводившія такой ужасъ на Цицерона, способствовали болѣе, чѣмъ что либо, довершенію того государственнаго устройства, которое повергало его въ такой восторгъ. Послѣ почти двувѣковой борьбы эти борящіеся силы поняли, что онѣ не въ силахъ уничтожить другъ друга, и тогда онѣ согласились вступить въ союзъ и ихъ взаимныя старанія притти къ соглашенію и послужили основаніемъ того устройства, несовершеннаго, конечно,—да и можетъ ли быть вообще совершенное государственное устройство,—но, быть можетъ, наилучшаго изъ всѣхъ существовавшихъ въ древнемъ мірѣ. Ясно, конечно, что все сочувствіе Цицерона относилось не къ тому государственному строю Рима, какой былъ современенъ ему. Его сочувствіе шло гораздо дальше назадъ. Онъ зналъ, что государственное устройство Рима претерпѣло глубокое измѣненіе со временъ Гракховъ, но онъ полагалъ, что до этого измѣненія оно было безупречно. Такимъ образомъ, ученныя занятія и убѣжденія зрѣлаго возраста привели его назадъ къ его первымъ впечатлѣніямъ, сохраненнымъ имъ съ дѣтства, и укрѣпили въ немъ любовь къ прошлому и уваженіе къ древнимъ обычаямъ. По мѣрѣ того какъ онъ двигался впередъ въ жизни, всѣ его невзгоды и всѣ его неудачи также толкали его въ эту сторону. Чѣмъ печальнѣе было настоящее, чѣмъ тревожнѣе было будущее, тѣмъ чаще и съ большимъ сожалѣніемъ обращался онъ къ прошлому. Если бы у него спросить, въ какое время онъ желалъ бы жить, я думаю, что онъ безъ всякаго колебанія выбралъ бы эпоху, непосредственно слѣдующую за пуническими войнами, то есть то время, когда Римъ, упоенный своею побѣдою, увѣренный въ будущемъ и грозный для всего міра, впервые сталъ замѣчать красоты эллинской культуры и увлекаться литературою и искусствомъ. Для Цицерона это время рисуется лучшимъ изъ всѣхъ для Рима и именно въ это время онъ переноситъ всего охотнѣе сцену своихъ диалоговъ. Онъ, конечно, предпочелъ бы жить среди тѣхъ великихъ людей, которыхъ онъ заставляетъ такъ хорошо говорить, среди Сципіона, Фабія и старшаго Катона, рядомъ съ Люциемъ и Теренціемъ; и въ этой знаменитой группѣ тѣмъ лицомъ, чья жизнь и роль всего болѣе должны были прель-

щать его, и къмъ онъ, несомнѣнно, пожелалъ бы быть, будь въ его власти избрать себѣ свою судьбу и время жизни, былъ умный и ученый Лелій *). Соединять, подобно ему, высокое политическое положеніе съ занятіями литературой, пользоваться наравнѣ съ верховнымъ господствомъ слова и нѣкоторой военной славой, чѣмъ не пренебрегаютъ даже самые горячіе сторонники мирныхъ успѣховъ, достигнуть въ спокойное и мирное время первѣйшихъ должностей въ республикѣ и послѣ такой почтенной жизни долгое время наслаждаться уважаемой старостью, вотъ каковъ былъ идеалъ Цицерона. Какую же грусть и какое сожалѣніе долженъ былъ испытывать онъ, когда послѣ такой прекрасной мечты онъ сталкивался съ печальной дѣйствительностью и когда вмѣсто того, чтобы жить на лонѣ спокойной республики въ дружескомъ общеніи съ Сципіонами, ему приходилось быть противникомъ Катилины, жертвою Клодія и подданнымъ Цезаря.

Но, по моему мнѣнію, на политическія склонности Цицерона оказали вліяніе не столько его происхожденіе и взгляды, сколько его характеръ. Слабыя стороны его характера извѣстны каждому; о нихъ слишкомъ много и охотно писали, даже преувеличивая ихъ, а съ легкой руки Монтеня стало какъ бы принято издѣваться надъ ними. Поэтому, мнѣ собственно нѣтъ никакой надобности повторять о немъ то, что говорилось столько разъ, будто онъ былъ трусливъ, нерѣшителенъ и мысленъ; я согласенъ со всѣми въ томъ, что природа создала его скорѣе писателемъ, чѣмъ политикомъ. Но я думаю только, что это признаніе вовсе не порочитъ его въ такой степени, какъ это принято думать, потому что мнѣ кажется, что врожденный писатель часто обладаетъ умомъ болѣе широкимъ, болѣе всеобъемлющимъ и болѣе понимающимъ, чѣмъ умъ политическій и что именно въ этой-то широтѣ, быть можетъ, и кроется его малая пригодность къ практикѣ и въ области дѣла. Спрашивается, какія именно качества необходимо долженъ имѣть государственный человѣкъ, но не вѣрнѣ ли было бы узнать, какія изъ нихъ имѣтъ ему

*) Въ любопытномъ письмѣ, написанномъ имъ Помпею послѣ его консульства (*ad fam.*, V, 7), гдѣ онъ, повидимому, предлагаетъ ему нѣчто въ родѣ союза, онъ навязываетъ ему роль Сципіона, а на себя беретъ роль Лелія.

не слѣдуетъ, и не заключается ли иногда политическая способность именно въ этихъ ограниченіяхъ и исключеніяхъ? Слишкомъ тонкій и проницательный взглядъ на вещи можетъ стѣснять дѣлового человѣка, такъ какъ отъ него требуется, чтобы онъ быстро могъ принимать рѣшенія, а именно этому-то и можетъ мѣшать такой взглядъ, представляя ему множество противоположныхъ доводовъ. Излишняя живость воображенія, увлекаая его сразу нѣсколькими проектами, не даетъ ему возможности твердо остановиться ни на одномъ. Настойчивость часто объясняется ограниченностью ума, а настойчивость и есть одно изъ главнѣйшихъ необходимыхъ качествъ для политика. Слишкомъ высокія требованія затруднили бы для него выборъ себѣ сотрудниковъ и могли бы лишить его могущественной поддержки. Необходимо, чтобы онъ не довѣрялъ своимъ порывамъ великодушія, заставляющимъ его воздавать должное даже врагамъ: въ жестокой борьбѣ, кипящей около власти, рискуешь обезоружить самого себя и дать надъ собою верхъ другимъ, если будешь имѣть несчастье проявлять справедливость и терпимость. Даже врожденная прямота ума, первое достоинство для государственнаго человѣка, можетъ обратиться для него въ опасность. Если онъ слишкомъ чувствителенъ къ крайностямъ и несправедливостямъ своей партіи, онъ не можетъ ревностно служить ей. Для того, чтобы его преданность партіи была выше всякаго испытанія, мало того, чтобы онъ оправдывалъ эти крайности, необходимо, чтобы онъ ихъ даже не замѣчалъ. Этими-то до извѣстной степени несовершенствами ума и сердца онъ и обезпечиваетъ себѣ успѣхъ. Если справедливо мое мнѣніе, что въ дѣлѣ политики человѣкъ часто добивается успѣха благодаря своимъ недостаткамъ, и, наоборотъ, сами достоинства человѣка, какъ писателя, могутъ мѣшать ему въ политикѣ, то, говоря о такомъ человѣкѣ, что онъ не способенъ къ дѣловой дѣятельности, мы какъ бы дѣлаемъ ему комплиментъ.

Слѣдовательно, можно, не унижая особенно Цицерона, сказать о немъ, что онъ не годился для общественной жизни. Тѣ самыя качества, которыя дѣлали изъ него несравненнаго писателя, не давали ему возможности быть хорошимъ политикомъ. Свойственныя ему живость воображенія и тонкая и

быстрая воспримчивость, служившая для него главнымъ основаніемъ для его литературнаго таланта, не позволяли ему быть полнымъ господиномъ своей воли. Внѣшнія событія слишкомъ захватывали его, а для того чтобы управлять ими, надо умѣть отъ нихъ отрѣшаться. Его богатое и быстрое воображеніе, раскидывая его вниманіе сразу во всѣ стороны, дѣлало его неспособнымъ къ послѣдовательнымъ замысламъ. Онъ не умѣлъ достаточно обманывать себя относительно людей и вполнѣ отдаваться предпріятіямъ, вотъ почему онъ могъ внезапно падать духомъ. Онъ часто похвалялся, что предвидѣлъ и предсказалъ будущее. Конечно, это происходило не потому, что онъ обладалъ какимъ-либо даромъ прорицанія, но вслѣдствіе досадной прозорливости, которая заранѣе выясняла ему послѣдствія событія и скорѣе дурныя, нежели хорошія. Въ декабрьскія ноны, когда онъ погубилъ сообщниковъ Катилины, онъ заранѣе зналъ, что подвергается себя мнѣнію и предвидѣлъ даже свою ссылку: слѣдовательно, въ тотъ день, несмотря на всю его нерѣшительность, столь часто ставящуюся ему въ вину, онъ обнаружилъ мужества больше всякаго другого, кто въ моментъ возбужденія упустилъ бы изъ виду опасность. Но главною причиною его слабости и его зависимости было то, что онъ былъ умѣренъ, умѣренъ болѣе по характеру, чѣмъ по принципамъ, то-есть склоненъ былъ въ своемъ нервномъ и легко вспыхивающемъ нетерпѣніи прибѣгнуть даже къ насилію для защиты этой умѣренности. Избѣжать крайностей въ политической борьбѣ удастся рѣдко. Обыкновенно политическія партіи бываютъ несправедливы въ своихъ обвиненіяхъ при пораженіи, жестоки въ своихъ репрессіяхъ при побѣдѣ и всегда готовы при первой возможности позволить себѣ безъ всякаго колебанія то, что они строго порицали у своихъ враговъ. Если въ это время въ побѣдоносной партіи окажутся люди, которые найдутъ, что она заходитъ слишкомъ далеко, и осмѣлятся это высказать вслухъ, то неизбѣжно они должны вызвать противъ себя возбужденіе всѣхъ. Ихъ обвинять въ трусости и непостоянствѣ, про нихъ станутъ говорить, что они легкомысленны и измѣнчивы; но такіе упреки будутъ ли заслужены? Можно ли усматривать измѣну самому себѣ со стороны Цицерона въ томъ, что онъ защищалъ

несчастныхъ отъ преслѣдованія аристократіи при Суллѣ, а тридцать лѣтъ спустя защищалъ другихъ несчастныхъ отъ преслѣдованія демократіи при Цезарѣ? Не былъ ли, напротивъ, въ этомъ случаѣ онъ болѣе послѣдователенъ и вѣренъ себѣ, чѣмъ тѣ, которые, послѣ горькихъ жалобъ по поводу собственнаго изгнанія, сами изгоняли своихъ враговъ, лишь только получали на это возможность? Единственно одно съ чѣмъ можно согласиться—это то, что если горячее чувство справедливости дѣлаетъ честь частному лицу, то для политика оно можетъ быть очень опасно. Партіи не любятъ тѣхъ, кто отказывается раздѣлять ихъ крайности и кто среди всеобщаго преувеличенія заявляетъ нежеланіе переступить надлежащей мѣры. Къ несчастію, Цицерону не доставало той твердой убѣжденности, которая заставляетъ человѣка раз навсегда держаться своего мнѣнія, и онъ переходилъ легко отъ одного къ другому, потому что ясно видѣлъ хорошую и дурную сторону ихъ всѣхъ. Необходимо быть слишкомъ увѣреннымъ въ себѣ, чтобы пытаться обходиться безъ всѣхъ. Такое изолированное положеніе предполагаетъ рѣшимость и энергію, чего не доставало Цицерону. Если бы онъ рѣшительно примкнулъ къ какой-нибудь одной партіи, онъ обрѣлъ бы тамъ и установленныя традиціи и твердые принципы, и опредѣленныхъ друзей и вѣрное направленіе; ему оставалось бы лишь дозволить вести себя. Напротивъ, рѣшаясь выступить въ одиночку, онъ рисковалъ во всѣхъ нажить себѣ враговъ и не имѣлъ передъ собою никакого опредѣленнаго пути. Достаточно просмотрѣть главныя событія его политической жизни, чтобы понять, что именно въ этомъ кроется причина извѣстной части его ошибокъ и несчастій.

II.

Все, только что сказанное о характерѣ Цицерона, объясняетъ его первыя политическія убѣжденія. Впервые онъ началъ появляться на форумѣ во времена владычества Суллы, когда аристократія была всемогуща и невѣроятно злоупотребляла своею властью. Ненадолго побѣжденная Маріемъ, она мстила теперь страшными репрессіями и, чтобы утолить свой гнѣвъ, ей недостаточно было беспорядочныхъ убійствъ

междоусобицы. Она даже къ убійству пожелала примѣнить свою суровую систему порядка, измысливъ проскрипціи, что было въ сущности нѣчто въ родѣ регламентаціи убійства. Принявъ такія мѣры для своего отмщенія, она занялась укрѣпленіемъ своей власти. Она отняла имущества у самыхъ богатыхъ муниципій Италіи, изгнала сословіе всадниковъ изъ судовъ, сократила права народныхъ комицій, лишила трибуновъ права протеста, то-есть не оставила ничего цѣлымъ вокругъ себя. Когда перебивъ своихъ враговъ, она сокрушила всякое сопротивленіе и сосредоточила всю власть въ своихъ рукахъ, она торжественно провозгласила, что теперь съ революціей покончено, предстоитъ вернуться къ законному управленію и что, „начиная съ іюньскихъ календъ, будетъ возстановленъ порядокъ“. Но, несмотря на эти громкія объявленія, убійства продолжались еще долго. Убійцы, покровительствуемые отпущенниками Суллы, участвовавшими въ ихъ барышахъ, бродили по вечерамъ по темнымъ и извилистымъ улицамъ стараго города, почти до самаго Палатина. Они убивали богатыхъ, возвращавшихся домой, и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ добивались присужденія себѣ ихъ состояній, и никто не смѣлъ на это жаловаться. Вотъ каковъ былъ режимъ въ Римѣ въ то время, какъ Цицеронъ выступилъ съ своими первыми судебными рѣчами. Такой умѣренный, какъ онъ, питавшій отвращеніе ко всякимъ крайностямъ, долженъ былъ испытывать ужасъ при видѣ всѣхъ насилій. Тираннія аристократическая столь же мало могла разсчитывать на его сочувствіе, какъ и тираннія народная. Всѣ тѣ злоупотребленія властью, какія позволяла себѣ аристократія, естественно заставили его протянуть руку демократіи, и впервые онъ выступилъ въ бой въ рядахъ ея защитниковъ.

Его первыя выступленія были полны смѣлости и блеска. Среди нѣмого ужаса, поддерживаемаго воспоминаніемъ о проскрипціяхъ, онъ дерзнулъ громко заговорить, а всеобщее молчаніе придадо его словамъ еще болѣе силы. Его политическое значеніе начинается со времени его защиты Росція. Этотъ горемыка, у котораго сперва отняли все состояніе, а затѣмъ обвинили въ убійствѣ родного отца, не могъ найти себѣ защитника. Цицеронъ предложилъ ему свои услуги.

Онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ, два важныхъ преимущества для того, кто рѣшается на смѣлый шагъ, такъ какъ неизвѣстность уменьшаетъ грозящія опасности, а молодость мѣшаетъ ихъ видѣть. Ему не стоило бы никакого труда доказать невинность своего кліента, обвиненнаго безъ всякаго основанія, но такого успѣха ему было мало. Всѣмъ было извѣстно, что за этимъ обвиненіемъ скрывался одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ отпущенниковъ Суллы, богатый и распутный Хризогонъ, который полагалъ, конечно, что онъ достаточно огражденъ отъ дерзкихъ выступленій тѣмъ ужасомъ, какой внушало его имя. Но Цицеронъ не оставилъ его въ покоѣ. Въ самой этой рѣчи замѣтно отраженіе ужаса, охватившаго слушателей, когда они услышали это страшное имя. Обвинители были поражены, толпа замерла въ безмолвіи. Одинъ молодой ораторъ сохраняетъ полное спокойствіе и самообладаніе. Онъ улыбается, шутитъ, поражаетъ насмѣшками этихъ ужасныхъ людей, которымъ никто не смѣлъ взглянуть въ лицо, вспоминая при видѣ ихъ двѣ тысячи головъ всадниковъ и сенаторовъ, отрубленныхъ по ихъ приказанію. Онъ же не оказываетъ уваженія даже самому ихъ господину. Прозвище *счастливаго*, данное Суллѣ его льстецами, даетъ Цицерону поводъ къ игрѣ словъ. „Есть ли человѣкъ настолько *счастливый*, говоритъ онъ, чтобы не имѣть какого-нибудь негодяя среди своихъ приближенныхъ*)?“ Этотъ негодяй никто иной, какъ всемогущій Хризогонъ. Цицеронъ не щадитъ его. Онъ описываетъ его роскошь и его надменность выскочки. Онъ изображаетъ его, загромаждающимъ свой домъ на Палатинѣ всевозможными драгоценными предметами, отнятыми имъ у его жертвъ, не дающимъ покоя всей сосѣдней округѣ шумомъ пѣвцовъ и музыкантовъ, „или порхающимъ по форуму съ расчесанными и блестящими отъ благовонныхъ маселъ волосами**).“ Къ этимъ шуткамъ примѣшиваются обвиненія болѣе серьезныя. Въ этой рѣчи Цицеронъ нѣсколько разъ касался проскрипцій и каждый разъ чувствуется то воспоминаніе и впечатлѣніе, какія онѣ по себѣ оставили. Чувствуется, что ораторъ видѣлъ ихъ самъ воочію и что душа его еще вся полна

*) Pro Rosc. Amer., 8.

**) Ubid., 46.

пережитого и что тотъ ужасъ, какой онъ отъ нихъ испытать и совладать съ какимъ онъ не въ силахъ, не позволяетъ ему умолчать о нихъ, какой бы опасностью это не грозило. Его благородное негодование проглядываетъ ясно на каждомъ шагу, несмотря на осторожность, вызываемую присутствіемъ самихъ творцовъ этихъ проскрипцій. Говоря о жертвахъ этого насилія, онъ осмѣливается сказать, что онѣ были разбойнически зарѣзаны, хотя обыкновенно имъ приписывали всевозможныя преступленія. Онъ выставляетъ на общественное презрѣніе бездѣльниковъ, обогатившихся отъ этихъ убійствъ, и играя словами, называетъ ихъ „уничтожателями головъ и кошельковъ *).“ Наконецъ, онъ опредѣленно требуетъ, чтобы былъ положенъ конецъ такому порядку, позорящему все человѣчество; „иначе, прибавляетъ онъ, лучше жить съ дикими звѣрями, чѣмъ оставаться въ Римѣ **).“

И все это говорилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того человѣка, по чьей волѣ прошли проскрипціи, и передъ лицами тѣхъ, кто осуществлялъ ихъ въ жизни, извлекалъ изъ нихъ выгоды. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести его рѣчь. Она выражала собою тайныя чувства всѣхъ, она облегчала общественную совѣсть, принужденную молчать и униженную этимъ молчаніемъ. Понятно, что съ этого дня демократическая партія почувствовала самую горячую симпатію къ этому краснорѣчивому молодому человѣку, протестовавшему съ такимъ мужествомъ противъ ненавистнаго порядка. Именно это воспоминаніе и сберегало для него до самаго его консульства такъ вѣрно народную любовь. Всякій разъ, какъ онъ добивался какой-либо выборной должности, граждане толпами устремлялись на Марсово поле, чтобы подать за него свои голоса. Ни одинъ государственный человѣкъ того времени, а ихъ было много болѣе выдающихся, чѣмъ онъ, не достигалъ такъ легко первыхъ должностей. Катонъ испыталъ не одну неудачу. Цезарь и Помпей прибѣгали къ союзамъ и интригамъ, чтобы всегда добиваться желаемого. Цицеронъ почти единственный человѣкъ, чьи кандидатуры удавались всегда

*) *Pro Rosc. Amer.*, 29.

**) *Ibid.*, 52.

съ перваго раза и которому никогда не представлялось надобности прибѣгать къ обычнымъ средствамъ, обезпечивавшимъ обыкновенно успѣхъ. Среди этого позорнаго торга почетными должностями, достававшимися наиболѣе богатымъ, несмотря на упорную традицію, предназначавшую ихъ для наиболѣе знатныхъ, Цицеронъ, хотя онъ происходилъ не изъ знатнаго рода и не былъ богатъ, всегда одерживалъ верхъ надъ остальными. Онъ былъ назначенъ квесторомъ, эдиломъ; затѣмъ получилъ городское преторство, считавшееся самымъ почетнымъ, и добился консульства тотчасъ же, какъ захотѣлъ, и лишь только законъ позволилъ ему добиваться его; и ни одна изъ этихъ должностей ничего не стоила ни его чести, ни его состоянію.

Слѣдуетъ замѣтить, что до того времени, когда онъ былъ назначенъ преторомъ, онъ не произнесъ еще ни одной политической рѣчи. До сорокалѣтняго возраста онъ былъ лишь тѣмъ, что мы называемъ адвокатомъ, и не испытывалъ потребности быть чѣмъ-либо еще. Судебное краснорѣчіе, такимъ образомъ, открывало дорогу ко всему; нѣсколькихъ блестящихъ успѣховъ передъ судомъ было достаточно, чтобы продвинуть человѣка на общественныя должности, и никому и въ голову не могло притти потребовать отъ Цицерона другого доказательства его способности къ общественнымъ дѣламъ въ тотъ моментъ, когда ему собирались довѣрить важнѣйшіе интересы его страны и облечь его высшею властью. Во всякомъ случаѣ, если такое долгое пребываніе въ званіи адвоката и не оказало вреда для его политической карьеры, то все же оно вредно отразилось на его талантѣ. Всѣ упреки, обращаемые, несомнѣнно, совершенно несправедливо къ адвокатамъ нашего времени, были вполне заслужены адвокатами древнихъ временъ. О нихъ дѣйствительно можно сказать, что они брались безразлично за всѣ дѣла, что они мнѣяли свои мнѣнія съ каждымъ процессомъ и считали за честь и славу свое умѣнье находить великолѣпные доводы для доказательства всевозможныхъ софизмовъ. Юношамъ, обучавшимся въ древнихъ школахъ ораторскому искусству, никогда не внушалось, что говорить слѣдуетъ только по убѣжденію и по совѣсти. Имъ сообщалось, что судебныя дѣла бываютъ разнаго рода—честныя и

нечестныя (*genera causarum sunt honestum, turpe* и пр.) *), но при этомъ не добавляли, что послѣднихъ слѣдуетъ избѣгать. Напротивъ, имъ внушали охоту заниматься ими по преимуществу, преувеличивая заслугу выиграть ихъ. Научивъ его, какъ защищать и спасти виновнаго, ихъ не колеблясь обучали и средствамъ погубить честнаго человѣка. Именно такое воспитаніе получали ученики риторовъ, а по выходѣ изъ ученія, они не теряли случая приложить къ дѣлу эти правила. Напримѣръ, они никогда не грѣшили тѣмъ, что старались сохранить нѣкоторую умѣренность и сдержанность въ своихъ обвиненіяхъ. Принуждая себя быть справедливыми, они рисковали лишиться важнаго шанса на успѣхъ у этой легко возбуждающейся и страстной толпы, которой особенно нравились сатирическія изображенія и дерзкія оскорбленія. Ни истина, ни справедливость ихъ не интересовали. Въ школахъ учили, какъ даже въ уголовныхъ процессахъ придумывать пикантныя и выдуманныя подробности, ради забавы слушателей (*causam mendaciunculis adspargere*) **). Цицеронъ цитируетъ съ большою похвалою нѣкоторыя изъ этихъ пріятныхъ, но лживыхъ выдумокъ, быть можетъ, стоившихъ чести или жизни тѣмъ бѣднякамъ, на долю которыхъ выпало несчастіе столкнуться съ противниками слишкомъ остроумными, а такъ какъ и самъ онъ обладалъ въ этомъ смыслѣ богатымъ воображеніемъ, то и не упускалъ, конечно, случая воспользоваться этимъ легкимъ средствомъ для успѣха. Наконецъ, для древняго адвоката впасть въ противорѣчіе съ собой ровно ничего не значило. Разсказываютъ, что ораторъ Антовій никогда не разрѣшалъ записывать своихъ рѣчей изъ боязни, что противъ его сегодняшняго мнѣнія могутъ противопоставить его же мнѣнія вчерашняго дня. Цицеронъ не былъ такъ щепетиленъ. Онъ всю жизнь свою противорѣчилъ себѣ и никогда этимъ ничуть не беспокоился. Однажды, когда онъ слишкомъ открыто высказалъ свое мнѣніе, совершенно противоположное тому, что онъ защищалъ ранѣе, то отъ него потребовали, чтобы онъ объяснилъ такую рѣзкую перемѣну, и вотъ что онъ

*) *Ad. Herenn.*, I, 3.

**) *De orat.*, II, 59.

отвѣчалъ совершенно спокойно: „Ошибаются тѣ, кто думаетъ найти въ нашихъ рѣчахъ выраженіе нашихъ личныхъ мнѣній; это рѣчи, соотвѣтствующія дѣлу и обстоятельствамъ, а не изложеніе взглядовъ человѣка или оратора“ *). Вотъ по меньшей мѣрѣ искреннее признаніе, но развѣ не теряютъ ораторъ и человѣкъ, приспособляя, такимъ образомъ, свою рѣчь къ обстоятельствамъ. Они привыкаютъ не беспокоиться о внесеніи порядка и единства въ свою жизнь, обходиться безъ искренности въ своихъ мнѣніяхъ и безъ убѣжденія въ своихъ рѣчахъ, тратить для неправды столько же таланта, какъ и для истины и не считаются ни съ чѣмъ, кромѣ потребностей даннаго момента и успѣха текущаго дѣла. Вотъ тѣ уроки, какіе могла преподавать Цицерону адвокатская этика той эпохи. Онъ слишкомъ долго отдавался занятіямъ адвокатурой, а когда въ сорокъ лѣтъ онъ бросилъ ее, чтобы выступить въ качествѣ политическаго оратора, онъ уже не могъ освободиться отъ дурныхъ усвоенныхъ имъ во время прежнихъ занятій привычекъ.

Значить ли это, что Цицерона слѣдовало бы вычеркнуть изъ списка политическихъ ораторовъ? Если это названіе дается каждому человѣку, чье слово имѣетъ какое-либо вліяніе на дѣла его родины, кто пользуется имъ, чтобы увлечь за собой толпу или убѣдить честныхъ людей, то, мнѣ кажется, трудно отказать въ немъ Цицерону. Онъ умѣлъ говорить народу и заставить себя слушать. Ему удавалось нѣсколько разъ подавлять его самыя яростныя возбужденія. Онъ умѣлъ заставлятъ его принимать и даже рукоплескать мнѣніямъ, совершенно противоположнымъ его вкусамъ. Онъ могъ, повидимому, извлекать его изъ апатіи и пробуждать въ немъ, хотя не надолго, вспышки энергіи и патріотизма. Это не его вина, что успѣхи его были недолговѣчны и что послѣ всѣхъ этихъ блестящихъ побѣдъ краснорѣчія по-прежнему продолжала господствовать грубая сила. По крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ своимъ словомъ все, что только могло сдѣлать слово въ то время. Тѣмъ не менѣе, я признаю, что его политическое краснорѣчіе страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и его характеръ. Оно нигдѣ не бываетъ

*) *Pro Cluent.*, 50.

достаточно рѣшительно, достаточно твердо и практично. Оно слишкомъ занято собою и недостаточно тѣми вопросами, о которыхъ трактуетъ. Оно не подходитъ къ нимъ искренно и съ ихъ важныхъ сторонъ. Оно все загромождено пышными фразами вмѣсто того, чтобы говорить тѣми точнымъ и яснымъ языкомъ, который свойствененъ дѣловымъ отношеніямъ. Если взглянуть на него поближе и попытаться проанализировать его, то окажется, что оно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ значительной доли риторики и небольшой части философіи. Всѣ встрѣчающіе въ немъ пріятные и острые обороты, всѣ тонкости развитія темы, а равно также и весь показной пафосъ—все это относится къ риторикѣ. Что касается философіи, то ей принадлежатъ тѣ общія мѣста, значительныя по содержанію, которыя хотя и развиты очень искусно, но не всегда вполне соотвѣтствуютъ сюжету. Въ немъ вообще излишне много искусственного и дѣланнаго. Сжатое и простое изложеніе больше подходило бы къ обсужденію дѣлъ, чѣмъ всѣ эти тонкости и обращенія къ чувству; эти громкія философскія разсужденія съ успѣхомъ можно было бы замѣнить яснымъ и понятнымъ изложеніемъ политическихъ взглядовъ оратора и тѣхъ общихъ идей, которыя обуславливаютъ его образъ дѣйствія. Къ несчастью, какъ я это уже сказалъ, Цицеронъ сохранилъ, всходя на трибуну, привычки, пріобрѣтенныя во время его адвокатской дѣятельности. Именно съ помощью этихъ чисто адвокатскихъ средствъ онъ нападаетъ на предложенный трибуномъ Рулломъ аграрный законъ, самъ по себѣ такой честный, умѣренный и мудрый. Въ четвертой *Катилинаріи* ему предстояло разобрать вопросъ, одинъ изъ важнѣйшихъ, какіе только могутъ подлежать обсужденію собранія, а именно: до какой границы допустимо нарушеніе законности съ цѣлью спасенія родной страны? А онъ къ нему и близко не подошелъ. Мучительно видѣть, какъ онъ отступаетъ передъ нимъ, какъ онъ старается уклониться отъ него или обойти, отдѣлываясь нагроможденіемъ мелкихъ доводовъ и высказываніемъ дешеваго чувства. Очевидно, этотъ родъ серьезнаго и солиднаго краснорѣчія былъ не по душѣ Цицерону и онъ не чувствовалъ себя въ немъ свободно. Если кто хочетъ познакомиться съ настоящими проявленіями его

таланта, тотъ пусть прочтетъ, сейчасъ же непосредственно послѣ четвертой Катилинаріи, его рѣчь за Мурену, относящуюся къ этому же времени. Эта самая лучшая изъ собранія его защитительныхъ рѣчей и можно только удивляться, какимъ образомъ человѣкъ, бывший тогда консуломъ и окруженный столькими непріятностями, могъ съ такимъ легкимъ сердцемъ такъ непринужденно шутить и острить. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь онъ дѣйствительно въ своей стихіи, этимъ же объясняется и то, почему онъ, будучи консуломъ или консуляромъ, возвращался, какъ только могъ часто, къ своимъ судебнымъ занятіямъ. По его словамъ, онъ это дѣлалъ изъ дружеской услуги, но я думаю, что въ еще большей степени онъ угождалъ самому себѣ, такъ какъ возможность вести пріятное и сомнительное дѣло дѣлала его счастливымъ, давая свободно развернуться его уму и вдохновенію. Онъ не только не упускалъ ни одного случая появиться передъ судьями, но и заключалъ, по возможности, свои политическія рѣчи въ рамку обыкновенныхъ защитительныхъ рѣчей. У него все, напримѣръ, обращалось въ личные вопросы. Споръ объ идеяхъ обыкновенно оставляетъ его холоднымъ. Чтобы онъ могъ показать всѣ свои преимущества, ему необходимо съ кѣмъ-нибудь препираться. Самыя лучшія рѣчи, произнесенныя на форумѣ или въ сенатѣ, это тѣ, въ которыхъ онъ кого-либо хвалить или порицаетъ. Въ этомъ онъ не знаетъ себѣ соперниковъ; здѣсь, согласно одного изъ его подлинныхъ выраженій, его краснорѣчіе достигаетъ экстаза и упоенія; но и похвалы и осужденія, какъ бы прекрасны они ни были, не могутъ быть для насъ совершеннымъ идеаломъ политическаго краснорѣчія и въ наше время мы требуемъ отъ него кое-чего другого. Все, что можно сказать въ защиту рѣчей Цицерона, это только то, что онѣ вполне соответствовали его времени и что ихъ характеръ объясняется тѣми обстоятельствами, среди которыхъ онѣ были сказаны. Въ эту эпоху слово уже не руководило болѣе государствомъ, какъ это было въ лучшія времена республики. Его замѣнили инныя вліянія: при выборахъ—деньги и интриги кандидатовъ, въ преніяхъ на общественной площади—скрытая и страшная власть народныхъ обществъ; со временъ Суллы всѣ правительства возвышаются

и падаютъ, главнымъ образомъ, черезъ войско. Краснорѣчіе безсильно среди этихъ подавляющихъ его силъ. Какъ же могла бы оно сохранить свое руководящее значеніе и тотъ рѣшительный и повелительный тонъ, который свойствененъ лишь тому, кто сознаетъ свою силу? Да и чувствовало ли оно потребность взывать къ разуму и логикѣ и стараться убѣдить людей, разъ оно знало, что обсуждаемые имъ вопросы рѣшаются въ другомъ мѣстѣ? Моммсенъ зло замѣчаетъ, что въ большей части своихъ значительныхъ политическихъ рѣчей, Цицеронъ защищаетъ дѣла уже выигранныя. Когда онъ обнародовалъ свои *Веррины*, законы Суллы о составѣ судовъ были уже отмѣнены. Онъ хорошо зналъ, что Катилина рѣшилъ покинуть Римъ, когда онъ произнесъ противъ него свою первую рѣчь, въ которой онъ такъ патетически заклиналъ его удалиться. Его вторая *Филиппика*, представляющаяся столь мужественною въ предположеніи, что она была произнесена передъ лицомъ всесильнаго Антонія, на дѣлѣ была обнародована лишь тогда, когда Антоній бѣжалъ въ Цизальпійскую Галлію. Къ чему же служили всѣ эти прекрасныя рѣчи? Они не могли вліять на принятіе тѣхъ или иныхъ рѣшеній, такъ какъ рѣшенія были уже приняты, то зато они заставляли принимать тѣ же рѣшенія толпу, они подготовляли и подогрѣвали для нихъ общественное мнѣніе, а это тоже что-нибудь стоитъ. Надо было покориться тому, что слово перестало играть главенствующую роль, и что краснорѣчіе не могло болѣе рассчитывать руководить событіями; но оно продолжаетъ дѣйствовать на нихъ косвеннымъ образомъ, оно пытается вызвать тѣ значительныя движенія общественнаго мнѣнія, которыя предшествуютъ имъ или ихъ сопровождаютъ: „оно уже не воздѣйствуетъ на голосованія и рѣшенія, оно лишь усиливаетъ проявленіе чувствъ“ *).

*) Я употребляю здѣсь подлинныя выраженія г-на Гаве (Havet), выполнѣ развившаго эту идею въ одномъ изъ своихъ очень рѣдкихъ сочиненій о Цицеронѣ. По этому поводу позволяю себѣ выразить сожалѣніе, что ни г-нъ Берже (Berger), ни г-нъ Гаве не сочли нужнымъ издать для публики превосходные курсы, читанные ими въ *Collège de France* и въ Сорбоннѣ и въ которыхъ много говорилось о Цицеронѣ. Если бы они уступили желаніямъ своихъ слушателей и настояніямъ

дѣйствіе было единственною цѣлью, какую преслѣдовало краснорѣчіе этого момента, то краснорѣчіе Цицерона, благодаря своему богатству и пышности, своему блеску и пафосу, было вполне пригодно для этого.

Сначала онъ отдалъ свое слово въ распоряженіе народной партіи: какъ извѣстно, его первыя политическія выступленія происходили въ рядахъ этой партіи, и хотя онъ служилъ ей вѣрно въ теченіе цѣлыхъ семнадцати лѣтъ, но я склоненъ думать, что онъ не всегда ей служилъ за совѣсть. Къ демократіи его привели крайности аристократическаго режима, но онъ долженъ былъ убѣдиться, что и демократія, особенно когда она брала верхъ, была не многимъ благо-разумнѣе. Она поручала ему иногда защиту ужасныхъ кліентовъ. Ему приходилось обѣщать забіякъ и бунтовщиковъ, безпрестанно нарушавшихъ общественный миръ. Одинъ разъ даже онъ защищалъ или былъ готовъ защищать Катилину. Весьма возможно, что на подобныя уступки онъ шелъ очень неохотно и что крайности демократіи не разъ пробуждали въ немъ желанія разстаться съ нею. Къ несчастью онъ не зналъ, куда ему итти, покинувъ ее, и если плебеи оскорбляли его своею грубостью, то и аристократія отталкивала его своею надменностью и своими предрасудками. Такъ какъ среди партій, существовавшихъ тогда, не было ни одной, которая вполне выражала бы его мнѣнія и которая наиболѣе соотвѣтствовала бы его темпераменту, то ему не оставалось другого исхода, какъ составить для себя свою собственную партію, что онъ и попытался сдѣлать. Когда онъ почувствовалъ, что его блестящій даръ слова, рядъ занимавшихся имъ должностей и окружавшая его популярность сдѣлали изъ него важное лицо, то желая обезпечить себя ближайшее будущее, занять въ республикѣ и болѣе прочное и болѣе высокое положеніе, освободиться отъ опеки своихъ прежнихъ покровителей и въ то же время не быть вынужденнымъ протягивать руку своимъ прежнимъ противникамъ, онъ сдѣлалъ попытку образовать новую партію, составленную изъ умѣренныхъ всѣхъ остальныхъ

всѣхъ любителей литературы, Франція нечего было бы завидовать Германіи относительно этого важнаго вопроса.

партіи, а самому стать въ ея главѣ. Но онъ скоро понялъ, что онъ не въ силахъ устроить такую партію, такъ сказать, создать ее изъ ничего. Необходимо было имѣть нѣкоторое ядро, вокругъ котораго могли бы сплотиться новые члены. Одно время онъ думалъ, что найдетъ его въ томъ классѣ гражданъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ по рожденію и который носилъ названіе всадниковъ.

Въ Римѣ никогда не было того класса, какой мы въ наше время называемъ среднимъ или буржуазнымъ классомъ.

По мѣрѣ того, какъ мелкіе деревенскіе земледѣльцы бросали свои поля и переселялись въ городъ, и по мѣрѣ того, „какъ тѣ самыя руки, которыя раньше работали въ полѣ или въ виноградникѣ, теперь занимались лишь тѣмъ, что апплодировали въ театрѣ и циркѣ“ *), все шире и шире становилась пропасть между богатой аристократіей, владѣвшей почти всѣмъ народнымъ богатствомъ и бѣднымъ и голоднымъ народомъ, къ тому же постоянно пополнявшимся за счетъ освобождаемыхъ рабовъ. Единственною промежуточною ступенью, существовавшею между ними, былъ классъ всадниковъ. Въ описываемую нами эпоху этимъ именемъ назывались не только тѣ граждане, которымъ государство предоставляло лошадь (*equites equo publico*) и которые подавали свои голоса отдѣльно на выборахъ; имъ назывались также и всѣ тѣ, которые владѣли всадническимъ цензомъ, то-есть состояніе которыхъ было выше 400.000 сестерцій (80.000 франковъ, т.-е. около 30.000 руб.).

Несомнѣнно, что знать обращалась очень плохо съ этими безродными плебеями, разбогатѣвшими благодаря случаю или бережливости; она держалась вдалекѣ отъ этихъ выскочекъ; она ихъ награждала совершенно открыто тѣмъ же презрѣніемъ, какъ и нищихъ плебеевъ, и упрямо закрывала имъ всякій доступъ къ общественнымъ должностямъ. Когда Цицеронъ сдѣлался консуломъ, прошло уже тридцать лѣтъ, какъ ни одинъ выскочка (*homo novus*), будь онъ всадникомъ или плебеемъ, не достигалъ консульства. Отстраненные отъ политической жизни завистью знатныхъ, всадники принуждены были направить свою дѣятельность

*) Varron, *De re rust.*, II, 1.

на другія цѣли. Въмѣсто того, чтобы терять понапрасну свое время въ безплодныхъ попыткахъ къ достиженію высшихъ должностей, они занялись обогащеніемъ. Когда Римъ покорилъ весь міръ, то главную выгоду изъ этихъ завоеваній извлекли всадники. Они составляли въ это время промышленный и просвѣщенный классъ и были уже настолько богаты, что могли пускать свои средства въ оборотъ, а потому и обратили свои взоры на эксплуатацію покоренныхъ странъ. Проникая повсюду, куда только заходили римскія войска, они дѣлались торговцами, банкирами, откупщиками налоговъ и въ концѣ-концовъ собрали огромныя богатства. Такъ какъ въ это время Римъ уже не былъ таковъ, какъ во времена Куріевъ и Цинцинатовъ, и правителей не брали уже больше прямо отъ плуга, то богатство придало имъ и вѣсъ и значеніе. Съ этой поры о нихъ начинаютъ отзываться съ большимъ уваженіемъ. Гракхи, желавшіе привлечь ихъ къ себѣ въ союзники въ борьбѣ съ аристократіей, добились постановленія о допущеніи ихъ въ составъ судей. Цицеронъ пошелъ еще дальше; онъ захотѣлъ сдѣлать изъ нихъ основаніе для созданія той большой умѣренной партіи, о которой онъ мечталъ. Онъ зналъ, что на ихъ преданность можетъ положиться. Онъ самъ принадлежалъ къ нимъ по происхожденію, а потому и на нихъ падалъ блескъ, окружавшій его имя; онъ никогда не упускалъ случая защищать ихъ интересы передъ судомъ или въ сенатѣ. Конечно, онъ рассчитывалъ и на то, что они будутъ признательны ему за его желаніе увеличить ихъ значеніе и призвать ихъ къ великой политической будущности.

Сначала всѣ эти расчеты Цицерона, повидимому, удавались ему очень счастливо, но, по правдѣ сказать, успѣхомъ онъ обязанъ былъ главнымъ образомъ обстоятельствамъ. Та огромная коалиція умѣренныхъ, образованіе которой онъ ставилъ себѣ въ высшую заслугу, на дѣлѣ сложилась почти сама собою подъ вліяніемъ страха. Соціальный переворотъ казался неизбѣжнымъ. Подонки всѣхъ древнихъ партій, презрѣнные плебеи и раззорившіеся вельможи, старые солдаты Марія и проскрипторы Суллы объединились подъ главенствомъ смѣлаго и ловкаго вождя, обѣщавшаго имъ новый раздѣлъ общественнаго имущества. Этотъ союзъ побудилъ

тѣхъ, кому онъ угрожалъ, также объединиться вмѣстѣ для собственной защиты. Страхъ сдѣлалъ больше, чѣмъ безъ него могли бы сдѣлать самыя прекрасныя рѣчи, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что этимъ соглашеніемъ, на которое Цицеронъ смотрѣлъ какъ на результатъ своей политики, онъ скорѣе обязанъ Катилинѣ, чѣмъ самому себѣ. Итакъ, къ взаимному примиренію мнѣній, хотя бы и временному, привело не что иное, какъ общность интересовъ.

Естественно, что душою новой партіи сдѣлались самыя богатые, а потому и наиболѣе заинтересованные въ ней люди, то-есть всадники. Къ нимъ примкнули честные плебеи, не желавшіе, чтобы дѣло заходило далѣе политическихъ реформъ, а также и тѣ важные вельможи, которыхъ только одно опасеніе лишиться своихъ удовольствій могло вывести изъ апатіи и которые спокойно бы смотрѣли на самую гибель республики, но не могли допустить посягательствъ на ихъ мурены и рыбныя садки. Новой партіи не пришлось долго задумываться надъ пріисканіемъ себѣ вождя. Помпей былъ въ Азіи, Цезарь и Крассъ тайно сочувствовали заговору. Послѣ нихъ самымъ значительнымъ лицомъ являлся Цицеронъ. Этимъ объясняется то подавляющее количество голосовъ, которымъ онъ былъ избранъ въ консулы. Его избраніе было почти триумфомъ. Я не стану ничего говорить объ его консульствѣ, о которомъ онъ говорилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много. Это не значитъ, что я хочу обезцѣнить ту побѣду, какую онъ одержалъ надъ Катилиною и его соучастниками. Опасность была велика, и самъ Саллюстій, его недругъ, согласенъ съ этимъ. За этимъ заговоромъ скрывались честолюбивые политики, стремившіеся воспользоваться въ собственныхъ цѣляхъ этими событіями. Цезарь хорошо зналъ, что господство анархіи не можетъ продолжаться долго. Послѣ ряда грабежей и убійствъ Римъ опомнился бы и честные люди, почерпнувъ свое мужество въ своемъ отчаяніи, не замедлили бы снова взять верхъ. Возможно только, что тогда обнаружилась бы одна изъ тѣхъ реакцій, которая обыкновенно слѣдуетъ за такими великими потрясеніями. Воспоминаніе объ опасностяхъ, которыхъ удалось избѣжать съ такимъ трудомъ, возможно сдѣлало бы людей склонными пожертвовать свободою, грозящею столькими бѣдами,

а Цезарь не прочь былъ предложить имъ вѣрное лѣкарство въ видѣ верховной неограниченной власти. Подрѣзавъ зло въ корнѣ, захвативъ и уничтоживъ заговоръ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ совершиться, Цицеронъ, быть можетъ, отодвинулъ лѣтъ на пятнадцать установленіе монархическаго режима въ Римѣ. Слѣдовательно, онъ былъ вполне вправѣ хвалиться услугами, оказанными имъ въ то время дѣлу свободы его отчизны и, поэтому, надо согласиться съ Сенекою, что если онъ и похвалялся своимъ консульствомъ безъ мѣры, то, во всякомъ случаѣ, не безъ основанія *).

Къ несчастью, подобные союзы рѣдко переживаютъ надолго тѣ обстоятельства, которыя ихъ породили. Когда интересы, примиренные общей опасностью, стали вновь заявлять свои права, то между ними опять началась прежняя борьба. Плебеи, страхъ которыхъ прошелъ, снова почувствовали въ себѣ старое нерасположеніе къ аристократіи. Знать также снова начала завидовать богатству всадниковъ. Что же касается послѣднихъ, то у нихъ не было ничего, что необходимо требовалось, чтобы стать, какъ того хотѣлъ Цицеронъ, душою политической партіи. Они были болѣе заняты своими частными дѣлами, чѣмъ дѣлами республики. Они были немногочисленны, а потому и не имѣли той силы, какая была на сторонѣ плебеевъ, благодаря ихъ многочисленности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ не было и тѣхъ великихъ традицій управленія, которыя сохраняли такъ долго власть за аристократіей. Въ качествѣ руководящаго правила они имѣли лишь обычный инстинктъ богачей, заставлявшій ихъ предпочитать порядокъ свободѣ. Прежде всего они стремились къ сильной власти, которая могла бы дать имъ защиту, и впоследствии Цезарь въ ихъ лицѣ имѣлъ самыхъ преданныхъ ему сторонниковъ. При такомъ распадѣ своей партіи Цицерону, не желавшему оставаться въ одиночествѣ, пришлось рѣшать, къ какой же сторонѣ пристать ему. Страхъ, внушаемый ему Катилиною, и присутствіе Цезаря и Красса въ рядахъ демократіи помѣшали ему вернуться въ нее, и въ концѣ-концовъ онъ былъ принужденъ примкнуть къ партіи знатныхъ, несмотря на все свое къ ней нерасположеніе. Начиная со времени своего

*) *De brev. vitae. 5.—Non sine causa, sed sine fine laudatus.*

консульства, онъ рѣшительно становится на ея сторону. Намъ извѣстно, какъ отнесла ему демократія, считая это измѣной съ его стороны. Три года спустя она приговорила своего прежняго вождя, ставшаго потомъ ея врагомъ, къ изгнанію и согласилась вернуть его лишь для того, чтобы бросить его къ ногамъ Цезаря и Помпея, союзъ которыхъ сдѣлалъ ихъ властелинами надъ Римомъ *).

III.

Самый серьезный политическій кризисъ, пережитый Цицерономъ послѣ тѣхъ распрей, какія происходили во время его консульства, былъ, несомнѣнно, тотъ, который закончился паденіемъ римской республики при Фарсалѣ. Какъ намъ извѣстно, онъ очень неохотно вмѣшался въ эту борьбу, исходъ которой онъ предвидѣлъ заранѣе, и около года колебался, къ какой изъ двухъ партій пристать. Въ томъ, что онъ колебался такъ долго, нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ уже не былъ молодъ и неизвѣстенъ, какъ въ то время, когда онъ выступилъ съ защитой Росція. Теперь онъ занималъ видное положеніе и носилъ прославленное имя, компрометировать которое ему отнюдь не хотѣлось, а потому вполне позволительно поразмыслить прежде чѣмъ рѣшиться на шагъ, отъ котораго можетъ зависѣть и состояніе, и слава, и, быть-можетъ, сама жизнь. Къ тому же вопросъ вовсе не былъ такъ простъ, а право такъ очевидно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Луканъ, въ симпатіяхъ котораго нельзя сомнѣваться, говорилъ же однако, что неизвѣстно, на чьей сторонѣ была справедливость, и эта неопредѣленность, повидному, никогда не была совершенно выяснена, такъ какъ даже послѣ восемнадцати вѣкового спора по этому поводу, потомство не могло прийти къ единодушному мнѣнію. Особенно любопытно то, что во Франціи въ семнадцатомъ вѣкѣ въ самый расцвѣтъ монархическаго режима всѣ ученые безъ колебанія высказывались противъ Цезаря. Чиновники высшаго суда, люди умѣренные и положительные и

*) Относительно ссылки Цицерона и той политики, какой онъ держался по возвращеніи изъ нея, смотри въ этой книгѣ главу „Цезарь и Цицеронъ“.

по своимъ обязанностямъ, и по своимъ характерамъ, часто выдавшіе короля и осыпавшіе его лестью, въ тѣсномъ кругу оказывались помпеянцами и, притомъ, самыми яростными. „Г. первый предсѣдатель, говоритъ Ги-Патенъ (Guy Patin), былъ горячій сторонникъ Помпея, и однажды очень обрадовался, узнавъ, что и я принадлежу къ этой партіи, когда я сказалъ ему въ его прекрасномъ саду Бавилля, что будь я въ сенатѣ, когда убивали Юлія Цезаря, я нанесъ бы ему двадцать четвертый ударъ кинжаломъ“. Напротивъ, въ наше время, въ эпоху вполнѣ демократическую и уже послѣ французской революціи, во имя этой самой революціи и демократіи съ гораздо большимъ усердіемъ поддерживали партію Цезаря, яснѣ представляя ту выгоду, какую человечество извлекло изъ его побѣды.

У меня нѣтъ никакого желанія снова поднимать этотъ споръ, возбуждающій страсти и грозящій затянуться безъ конца. Мнѣ хотѣлось бы коснуться здѣсь лишь того, безъ чего немислимо вполнѣ оцѣнить политическую роль Цицерона. По моему, къ разсмотрѣнію этого вопроса можно подойти съ двухъ очень различныхъ точекъ зрѣнія: — во-первыхъ, съ точки зрѣнія нашего времени, то есть съ точки зрѣнія людей ничуть въ распряхъ той эпохи не заинтересованныхъ, рассматривающихъ ихъ въ качествѣ историковъ или философовъ вполнѣ хладнокровно, благодаря большому промежутку времени, истекшему съ тѣхъ поръ, судящихъ о нихъ не столько на основаніи причинъ, сколько на основаніи ихъ слѣдствій и болѣе всего интересующихся тѣмъ добромъ или зломъ, какія они принесли въ міръ; — затѣмъ съ точки зрѣнія современниковъ той далекой эпохи, оцѣнивающихъ ихъ сквозь призму своихъ страстей и предрассудковъ, сообразно съ идеями того времени и своимъ личнымъ къ нимъ отношеніямъ, не считаясь съ ихъ отдаленными послѣдствіями. Вотъ именно на эту вторую точку зрѣнія я и хочу стать, хотя первая представляется мнѣ и болѣе значительной и болѣе выгодной; но такъ какъ моимъ единственнымъ намѣреніемъ является потребовать отъ Цицерона отчета въ его политическихъ поступкахъ, а было бы неразумно требовать отъ него проникновенія въ будущее, то я и ограничусь выясненіемъ того, какъ этотъ вопросъ ставился

въ его время, какія доказательства приводились съ обѣихъ сторонъ и какъ естественнѣе всего человѣкъ умный и любящій свою родину могъ относиться къ этимъ доводамъ. Позабудемъ же о тѣхъ восемнадцати вѣкахъ, которые отдѣляютъ насъ отъ тѣхъ событій, и предположимъ, что мы находимся въ Форміяхъ или Тускулумѣ во время тѣхъ долгихъ дней, какіе провелъ тамъ Цицеронъ въ тоскѣ и нерѣшительности, и слышимъ его споры съ Аттікомъ или Куріономъ о мотивахъ, какіе выставляли въ свою защиту обѣ партіи, желавшія привлечь въ свои ряды Цицерона.

Что сужденіе современниковъ о событіяхъ, очевидцами которыхъ они являются, не сходно съ сужденіемъ о нихъ позднѣйшихъ поколѣній, особенно очевидно изъ того, что друзья Цезаря, желавшіе переманить на свою сторону Цицерона, вовсе не пользовались тѣмъ аргументомъ, который намъ представляется теперь наилучшимъ. Въ настоящее время главнымъ доводомъ для оправданія его побѣды выставляется то, что если въ концѣ-концовъ Римъ и потерялъ нѣкоторыя изъ своихъ преимуществъ, то лишь къ выгодѣ всего остального міра, ранѣе ихъ лишеннаго. Что за важность, что политической свободы лишилось нѣсколько тысячъ людей, вдобавокъ неособенно хорошо ею пользовавшихся, если тѣмъ самымъ почти цѣлый міръ былъ спасенъ отъ грабежа, порабощенія и раззоренія? Несомнѣнно, что провинціи и ихъ населеніе, испытавъ на себѣ суровый гнетъ республиканскихъ проконсуловъ, почувствовали себя значительно лучше подъ тѣмъ режимомъ, какой ввелъ Цезарь. Его армія была открыта для всѣхъ народовъ; въ ней были и германцы, и галлы, и испанцы. Они помогли ему побѣдить и естественно использовали въ свою выгоду эту побѣду: это было, быть можетъ, и вопреки его желанію, какъ бы реваншомъ для побѣжденныхъ народовъ. Эти народы не стремились вернуть себѣ свою прежнюю независимость; она потеряла для нихъ всю привлекательность вмѣстѣ съ ихъ пораженіемъ. Теперь ихъ честолюбіе состояло совсѣмъ въ иномъ: они жаждали сдѣлаться римлянами. До этихъ поръ, однако, та гордая и жадная аристократія, въ рукахъ которой находилась власть и которая стремилась эксплуатировать весь человѣческій родъ въ цѣляхъ своего наслажде-

нія или своего величія, упорно не желала возвысить его до себя, безъ сомнѣнія, желая сохранить за собою право распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Сокрушивъ аристократію, Цезарь уничтожилъ ту преграду, которая отдѣляла Римъ отъ остальныхъ народовъ. Имперія сдѣлала римскимъ весь міръ; она примирила и соединила въ одно имя, какъ выразился одинъ поэтъ, всѣ народы вселенной. Все это, конечно, очень важныя вещи, и намъ не слѣдъ забывать ихъ, намъ, являющимся потомками тѣхъ побѣжденныхъ, которыхъ Цезарь привлекъ къ участию въ своей побѣдѣ. Но кто могъ думать, во времена Цицерона, что это именно такъ и будетъ? Кто могъ предвидѣть и предугадать эти отдаленныя послѣдствія? Въ то время вопросъ рисовался не такъ, какъ онъ представляется теперь намъ, изучающимъ его по истеченіи столькаго времени. Цезарь, въ тѣхъ мотивахъ, какими онъ оправдывалъ свое дѣло, нигдѣ не ссыался на интересъ побѣжденныхъ народовъ. Сенатъ никогда и не пытался выступать въ качествѣ представителя римской національности, угрожаемой нашествіемъ варваровъ, а что касается провинцій, то онѣ также не стали единодушно на сторону того, кто пришелъ защитить ихъ интересы: напротивъ, онѣ раздѣлились почти поровну между обоими соперниками. Если Западъ сражался за одно съ Цезаремъ, то весь Востокъ хлынулъ въ лагерь Помпея. Все это доказываетъ, что когда вспыхнула борьба, послѣдствія ея были неясны даже для тѣхъ, кто долженъ былъ извлечь изъ нея наибольшую выгоду и кого собственный интересъ долженъ былъ сдѣлать особенно дальновидными. Впрочемъ, если даже допустить, что Цицеронъ предугадывалъ тѣ благодѣянія, какія міръ извлечетъ изъ побѣды Цезаря, то можно ли думать, чтобы этого соображенія было достаточно, чтобы заставить его принять опредѣленное рѣшеніе? Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые любятъ все человѣчество во всемъ его цѣломъ въ ущербъ родной странѣ. Ему было бы трудно рѣшиться пожертвовать своей свободой на томъ основаніи, что эта жертва будетъ полезна для галловъ, бретонцевъ и сарматовъ. Конечно, интересы міра не могли быть ему безразличными, но интересы Рима были ему гораздо ближе. Онъ былъ мягокъ и человѣченъ по своему характеру;

въ своихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ онъ писалъ, что всѣ народы въ сущности составляютъ одну семью, и заслужилъ горячую любовь населенія той провинціи, которою ему довелось управлять. Однако, когда Цезарь открылъ для окружающихъ его чужеземцевъ доступъ въ римское гражданство и даже въ сенатъ, онъ выказалъ сильное неудовольствіе и обрушился на этихъ варваровъ со всей силой своего сарказма. И это потому, что онъ хорошо видѣлъ, что эти испанцы и галлы, выступавшіе такъ гордо на форумѣ, торжествуютъ свою побѣду надъ Римомъ. Вся его гордость римлянина возмущалась при видѣ этого зрѣлища, и я не вижу основанія, почему онъ достоинъ за это осужденія. Если бы онъ и могъ предвидѣть въ то время или хотя бы только предчувствовать ту всеобщую близкую къ осуществленію эмансипацію побѣжденныхъ народовъ, то онъ долженъ былъ понимать также, что эта эмансипація повлечетъ за собою гибель независимаго, самобытнаго и обособленнаго существованія его родной страны. Естественнo, что ни одинъ римлянинъ не захотѣлъ бы купить такой цѣной хотя бы даже и благосостояніе всего міра.

Но кромѣ этого довода, былъ еще другой, достаточно убѣдительный, если и не совсѣмъ вѣрный, и этимъ доводомъ болѣе всего пользовались для привлеченія нерѣшительныхъ. Имъ говорили, что республика и свобода вовсе незаинтересованы въ этой войнѣ, что здѣсь просто идетъ борьба между двумя честолюбцами, оспаривающими другъ у друга власть. Въ этомъ утвержденіи имѣлась нѣкоторая доля истины, достаточная, чтобы повліять на легкомысленные умы. Несомнѣнно, что личные интересы занимали очень значительное мѣсто въ этой распрѣ. Воины Цезаря сражались исключительно ради него, а за Помпеемъ тянулись толпы его друзей и приверженцевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе тридцати лѣтъ благоденствія и могущества. Самъ Цицеронъ не разъ говоритъ, что въ лагерь Помпея его привела старинная дружба съ нимъ. „Только ради него, ради него одного я жертвую собой“, писалъ онъ, собираясь покинуть Италію *).

Иногда ему какъ бы доставляетъ удовольствіе уменьшить

*) *Ad. Att.*, IX, 1.

общее значеніе этой распри, въ которую ему пришлось вмѣшаться, и вотъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ онъ неоднократно повторяетъ то, что говорилось и сторонниками Цезаря: „Это — борьба властолюбій, *regnandi contentio est* *)“. Но надо быть очень осторожнымъ при чтеніи его писемъ, относящихся къ этой эпохѣ. Никогда онъ не былъ до такой степени нерѣшительнымъ. Онъ измѣняетъ свои мнѣнія чуть не ежедневно, онъ нападаетъ и защищаетъ всѣ партіи, такъ, что, если половчѣе собрать всѣ тѣ слова, какія вырвались у него въ минуты его недовольства и нерѣшительности, то въ его письмахъ можно найти достаточно данныхъ для обвиненія рѣшительно всѣхъ. Но на это надо смотрѣть лишь какъ на рѣзкости, вызванныя безпокойствомъ и страхомъ; и ими не слѣдуетъ злоупотреблять ни противъ другихъ, ни противъ него самого. Такъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда онъ утверждаетъ, что республика ни при чемъ въ этой борьбѣ, онъ говоритъ въ сущности не то, что онъ дѣйствительно думаетъ. Это лишь одинъ изъ тѣхъ предлоговъ, какіе онъ придумываетъ, чтобы оправдать свои колебанія въ глазахъ своихъ друзей и близкихъ. Вѣдь такъ трудно быть совершенно искреннимъ, не говоря уже съ другими, но и съ самимъ собою. Люди изобрѣтательны, когда требуется доказать, что они имѣютъ тысячу основаній поступать такъ, какъ поступаютъ они обыкновенно безъ всякаго основанія, руководясь лишь однимъ интересомъ или прихотью. Но когда Цицеронъ желаетъ быть откровеннымъ, когда ему нѣтъ никакой надобности обманывать самого себя или вводить въ заблужденіе другихъ, тогда онъ говоритъ совсѣмъ иначе. Тогда дѣло Помпея становится дѣйствительно дѣломъ справедливости и права, дѣломъ честныхъ людей и свободы. Конечно, Помпей много сдѣлалъ дурного для республики, прежде чѣмъ обстоятельства заставили его выступить на ея защиту. Вполнѣ положиться на него было нельзя и слѣдовало опасаться его властолюбія. Въ своемъ лагерѣ онъ разыгрывалъ роль государя и имѣлъ и своихъ льстецовъ и своихъ министровъ. „Это Сулла въ уменьшенномъ масштабѣ, мечтающій также о проскрипціяхъ, *sullaturit, proscripturit* *)“,

*) *Ad Att.*, X, 7.

говорить о немъ Цицеронъ. Республиканская партія, будь предоставлена ей свобода выбора, взяла бы, несомнѣнно, себѣ другого защитника, но въ тотъ моментъ, когда Цезарь собралъ свои войска, эта партія, не имѣя ни воинствъ, ни полководцевъ, была силою вещей принуждена принять помощь Помпея. И она приняла эту помощь, какъ помощь союзника, которому не довѣряютъ и котораго остерегаются, предвидя, что онъ можетъ обратиться во врага послѣ побѣды, но помощь котораго нельзя отринуть передъ битвою. Такимъ образомъ, хотя Помпей и не былъ достаточно надеженъ для дѣла свободы, но всѣ прекрасно понимали, что съ нимъ она подвержена меньшимъ опасностямъ, чѣмъ съ Цезаремъ. Помпей, несомнѣнно, былъ скорѣе честолюбивъ, чѣмъ властолюбивъ; онъ цѣнилъ не столько власть, сколько почести. Два раза подступалъ онъ съ войскомъ къ воротамъ Рима. Демократія призывала его, и ему стоило лишь захотѣть, чтобы сдѣлаться царемъ, но онъ дважды распускалъ свои войска и слагалъ съ себя власть. Его сдѣлали единымъ консуломъ, то-есть почти диктаторомъ, а онъ черезъ полгода самъ добровольно согласился на выборъ другого второго консула. Всѣ эти прецеденты заставляли истинныхъ республиканцевъ думать, что послѣ побѣды онъ удовольствуется громкимъ титуломъ и пышною лестью, и что за его услуги ему можно будетъ, безъ всякой опасности для кого-либо, отплатить пурпуромъ и лаврами. Во всякомъ случаѣ, если бы онъ потребовалъ другого, можно быть увѣреннымъ, что ему въ томъ отказали бы, а противниковъ ему нашлось бы, сколько угодно въ числѣ его бывшихъ союзниковъ. Въ его лагерьъ было немало людей, вовсе не состоявшихъ съ нимъ въ дружбѣ и не допускавшихъ относительно себя подозрѣній, что они взяли за оружіе за тѣмъ, чтобы завоевать для него тронъ. Катонъ не довѣрялъ ему и постоянно съ нимъ боролся. Брутъ, у котораго онъ убилъ отца, ненавидѣлъ его. Аристократія не прощала ему того, что онъ поднялъ значеніе трибуновъ, и что онъ вступалъ для борьбы съ нею въ союзъ съ Цезаремъ. Возможно ли, чтобы всѣ эти выдающіеся люди, искушенные въ дѣлахъ, были введены

*) *Ad. Att.*, IX. 10.

въ обманъ этимъ плохимъ политикомъ, никогда не обманувшимъ никого, и что помимо своего вѣдома они трудились всѣ для него одного? Или можно ли допустить, что представляется еще менѣе правдоподобнымъ, что они это знали и тѣмъ не менѣе добровольно покидали родную страну, рискуя и своимъ достояніемъ и своею жизнью, чтобы служить интересамъ и честолюбію человѣка, ими вовсе не любимаго? Несомнѣнно для нихъ дѣло шло совсѣмъ о другомъ. Пускаясь за море, рѣшаясь начать гражданскую войну, не смотря на свое къ ней отвращеніе, и отдавая себя въ распоряженіе военачальника, которымъ быть недовольнымъ имѣли столько основанія, они и не думали вмѣшиваться въ личную ссору, а лишь спѣшили на помощь республикѣ и свободѣ, которымъ грозила опасность.

„Но и въ этомъ случаѣ, возражаютъ, вы также ошибаетесь. Васъ вводятъ въ заблужденіе названія свободы и республики. Въ лагерѣ Помпея защищали отнюдь не свободы вообще, а свободу одного класса угнетать народъ. Тамъ желали поддержать несправедливыя и тяжелыя преимущества аристократіи. Сражались, чтобы сохранить за нею право притѣснять плебсъ и поработать міръ“. Въ этомъ отношеніи друзья свободы должны перенести на Цезаря ту симпатію, которую они обыкновенно оказываютъ Помпею, такъ какъ Цезарь является либераломъ и демократомъ, выходцемъ изъ народа, преемникомъ Гракховъ и Марія. Онъ дѣйствительно самъ приписывалъ себѣ эту роль съ того дня, когда, будучи почти ребенкомъ, одержалъ верхъ надъ Суллой. Въ званіи претора и консула, онъ повидимому очень преданно служилъ народному дѣлу и даже въ тотъ моментъ, когда онъ направлялся на Римъ, покинутый сенатомъ, онъ все-таки говорилъ: „Иду освободить римскій народъ отъ угнетающей его партіи *)“.

Какая доля истины имѣется въ этомъ его смѣломъ увѣреніи, что онъ является защитникомъ демократіи? Что о немъ долженъ былъ думать—не скажу патрицій, который естественно думалъ о немъ много дурного, но—такой врагъ аристократіи и такой выскочка (*homo novus*), какъ Цицеронъ?

*) *De bello civ.*, I, 22.

Несмотря на ненависть, вызванную въ Цицеронѣ презрѣніемъ къ нему аристократіи, несмотря на испытываемое имъ неудовольствіе вслѣдствіе того, что ему постоянно въ его общественныхъ стремленіяхъ становился поперекъ пути какой-либо изъ тѣхъ вельможъ, къ которымъ *почести приходятъ даже къ соннымъ*, не было случая, чтобы онъ даже въ состояніи раздраженія высказалъ мысль, что народъ угнетенъ*), и я думаю еще, что, когда при немъ утверждали, что Цезарь поднялъ оружіе, чтобы вернуть ему свободу, онъ вѣроятно спрашивалъ, когда же именно онъ ее лишился, и какія новыя преимущества имѣлось въ виду прибавить къ тѣмъ, которыми онъ уже обладалъ. Онъ напоминалъ тогда, что народъ пользуется законною организаціею, что у него есть свои особые магистраты, которымъ онъ можетъ жаловаться на рѣшенія другихъ властей, что магистраты эти неприкосновенны и священны, и что законъ вооружилъ ихъ огромною властью останавливать своимъ вмѣшательствомъ правительственныя распоряженія и прерывать политическую жизнь; далѣе онъ могъ указать, что народъ имѣлъ свободу трибуны и слова, избирательное право, которымъ онъ торговалъ, чтобы добывать средства къ жизни, и, наконецъ, свободный доступъ во всѣ общественныя должности, и ему достаточно было привести въ примѣръ самого себя, чтобы доказать, что для человѣка безъ предковъ и почти безъ состоянія возможно достигъ даже званія консула. По правдѣ сказать, подобные случаи были крайне рѣдки. Равенство, существовавшее въ законѣ, сильно страдало въ своемъ примѣненіи въ жизни. Въ спискахъ консуловъ этого времени встрѣчаются сплошь лишь одни извѣстныя имена. Нѣкоторыя знатныя фамиліи, повидимому, прочно укрѣпились въ главнѣйшихъ должностяхъ республики: онѣ стерегли доступъ къ нимъ и никому не позволяли къ нимъ приблизиться. Но развѣ для того, чтобы уничтожить эти препятствія, воздвигнутыя ловкостью нѣсколькихъ честолюбцевъ и мѣшавшія правильному функціонированію учреждений, необхо-

*) У него даже нѣсколько разъ проскальзываетъ мысль, что положеніе плебеевъ въ Римской республикѣ было, собственно говоря, лучше положенія патриціевъ (*Pro Cluent.*, 40. *Pro domo sua*, 14).

димо было уничтожить эти самыя учрежденія? Развѣ зло было настолько велико, что необходимо было прибѣгнуть къ такому радикальному средству, какъ неограниченная власть? Не правильнѣе было бы думать, что отъ этого зла скорѣе можетъ излѣчить свобода, нежели деспотизмъ? Развѣ совсѣмъ недавніе примѣры не показали, что сильнаго теченія общественнаго мнѣнія достаточно для того, чтобы опрокинуть всѣ эти аристократическія препоны? Законы предоставляли народу возможность вновь вернуть себѣ свое значеніе, если бы только онъ того энергично захотѣлъ. При свободѣ выборовъ и при свободѣ трибуны, при содѣйствіи трибуновъ и неодолимой силы численнаго перевѣса, онъ всегда долженъ былъ взять верхъ. Если онъ оставлялъ эту власть въ рукахъ другихъ, то была его ошибка, и онъ достоинъ былъ того унижительнаго положенія, въ какомъ держала его аристократія, если онъ самъ не дѣлалъ усилій, чтобы изъ него выйти. Цицеронъ имѣлъ очень плохое мнѣніе о народѣ его времени; онъ считалъ его безразличнымъ и апатичнымъ. „Онъ не требуетъ ничего, говорилъ онъ, и ничего не желаетъ*)“; и всякій разъ, какъ онъ видѣлъ народъ волнующимся на общественной площади, онъ подозрѣвалъ, что чудо это вызвано щедростью какихъ-нибудь честолюбцевъ. Слѣдовательно, онъ не былъ склоненъ думать, что ему необходимо даровать новыя права, разъ онъ такъ мало или такъ плохо пользовался на дѣлѣ и прежними своими правами. Вотъ почему онъ не могъ относиться серьезно къ увѣренію Цезаря, будто именно это желаніе побудило его взяться за оружіе. Никогда не могъ онъ видѣть въ немъ преемника Гракховъ, стремящагося освободить угнетенный плебсъ; никогда готовившаяся война не могла показаться ему возобновленіемъ старинной борьбы, наполняющей всю римскую исторію, борьбы между народомъ и аристократіей. Въ самомъ дѣлѣ, сборище раззорившихся вельможъ, разныхъ Долабеллъ, Антоніевъ, Куріоновъ, подъ предводительствомъ того, кто величалъ себя сыномъ боговъ и царей, мало заслуживало названіе народной партіи, а въ томъ станѣ, куда собралось столько всадниковъ и плебеевъ

*) *Pro Sext.*, 49.

и гдѣ были такіе видные люди, какъ Варронъ, Цицеронъ и Катонъ, то-есть два мелкихъ гражданина изъ Арпинума и Реаты и потомокъ тускулумскаго крестьянина, дѣло шло, конечно, не о томъ, чтобы защищать привилегіи происхождения.

Впрочемъ, и самъ Цезарь, повидимому, не особенно заботился прослыть за поборника демократіи. Если внимательно читать его записки, можно замѣтить, что онъ въ нихъ не особенно много распространяется объ интересахъ народа. Вышеприведенная мною фраза—почти единственное мѣсто, гдѣ о нихъ упоминается. Во всемъ остальномъ онъ значительно откровеннѣе. Въ самомъ началѣ своихъ записокъ о гражданской войнѣ, гдѣ онъ излагаетъ причины, побудившія его начать ее, онъ жалуется, что ему отказываютъ въ званіи консула, что у него отнимаютъ его провинцію, что его разлучаютъ съ его войскомъ; онъ ни слова не говоритъ ни о народѣ, ни объ его поправленныхъ правахъ, ни о свободѣ, которой его будто бы лишили. Однако, именно въ этотъ моментъ и слѣдовало бы о нихъ говорить, чтобы оправдать предпріятіе, вызывавшее осужденіе со стороны столькихъ людей и притомъ самыхъ честнѣйшихъ. Чего требовалъ онъ въ своихъ послѣднихъ условіяхъ, поставленныхъ имъ сенату, прежде чѣмъ итти на Римъ? Все одного: своего консульства, своего войска и своей провинціи; онъ защищалъ свои личные интересы и заботился лишь о себѣ; никогда ему и въ голову не приходило потребовать какого либо преимущества для того народа, защитникомъ котораго онъ себя называлъ. И вокругъ него, въ его лагерь, о народѣ думали не больше, чѣмъ онъ. Его лучшіе друзья, его самые храбрые сподвижники не имѣли ни малѣйшаго желанія сдѣлаться реформаторами или демократами. Они вовсе не думали, что, слѣдуя за нимъ, они идутъ вернуть свободу своимъ согражданамъ; они просто желали отмстить за обиду своего военачальника и завоевать ему могущество. „Мы воины Цезаря“, говорили они заодно съ Куріономъ *). У нихъ не было иного девиза, они не хотѣли знать никакого другого имени. Когда этихъ старыхъ центуріоновъ, выдававшихъ и Германію и Британъ и взявшихъ Алексію и Герговію,

*) *De bello civ.*, II, 32.

уговаривали бросить Цезаря и перейти на сторону законовъ и республики, они не отвѣчали, что защищаютъ народъ и его права. „Намъ, говорили они, намъ покинуть нашего вождя, такъ щедро насъ награждавшаго, намъ поднять оружіе противъ того самаго войска, въ которомъ мы служимъ и такъ побѣдоносно служимъ уже тридцать шесть лѣтъ! Нѣтъ, мы этого не сдѣлаемъ никогда *)“. Эти люди уже не были гражданами, а только солдатами. Послѣ тридцати шести лѣтъ побѣдъ они утратили традиціи гражданской жизни и любовь къ ней; права народа стали для нихъ безразличны, а слава замѣнила для нихъ свободу. Цицеронъ и его друзья полагали, что подобная свита не столько подходитъ къ народному вождю, идущему вернуть свободу своимъ согражданамъ, сколько простому честолюбцу, стремящемуся установить съ помощью оружія неограниченную власть, и они не ошибались. Больше всего остального это доказывается образомъ дѣйствія Цезаря по окончаніи войны. Какъ онъ использовалъ свою побѣду? Что получилъ отъ его побѣды народъ, интересы котораго онъ, по его словамъ, защищалъ? Я говорю не о томъ, что онъ сдѣлалъ для его благосостоянія и удовольствій, ни о данныхъ имъ для него общественныхъ пирахъ и пышныхъ празднествахъ, ни о розданныхъ имъ такъ великодушно бѣднѣйшимъ гражданамъ хлѣбъ и маслѣ, ни о 400 сестерцій (80 франковъ, т.-е. около 30 руб.), выданныхъ имъ каждому гражданину въ день его триумфа: если этой милостыни было достаточно для плебеевъ того времени, если они согласились уступить свою свободу за эту цѣну, я прощаю Цицерону, что онъ не питалъ къ нимъ уваженія и не сталъ на ихъ сторону; но если они требовали иного, если они добивались независимости болѣе полной, участія болѣе близкаго въ дѣлахъ своей страны, если они жаждали новыхъ политическихъ правъ—то они ничего этого не получили, и побѣда Цезаря, несмотря на его обѣщанія, не сдѣлала ихъ ни болѣе вліятельными, ни болѣе свободными. Цезарь унижилъ аристократію, но сдѣлалъ это лишь ради личной выгоды. Онъ отнялъ исполнительную власть изъ рукъ сената,

*) *De bellō afric.*,

но лишь затѣмъ, чтобы взять ее въ свои собственныя. Онъ установилъ равенство между всѣми сословіями, но это было равенство рабства, гдѣ всѣ отнынѣ были обязаны одинаковымъ послушаніемъ. Я прекрасно знаю, что послѣ того какъ онъ заставилъ умолкнуть трибуну, лишилъ народъ права голосованія и объединилъ въ своихъ рукахъ всю общественную власть, назначенный имъ сенатъ, послѣ безконечной лести, поднесъ ему торжественно титулъ освободителя и воздвигъ сооруженіе храма свободѣ. Если обвиняютъ Цицерона и его друзей, что они взялись за оружіе противъ такой свободы, то я не думаю, чтобы было трудно защитить ихъ отъ этого упрека.

Будемъ называть вещи своими именами. Для себя, а вовсе не для народа трудился Цезарь, а Цицеронъ, сражаясь противъ него, заботился о защитѣ республики, а не привилегій аристократіи. Но стоило ли защищать эту республику? Была ли какая либо надежда на ея сохраненіе? Не было ли ясно, что гибель ея неизбежна? Это возраженіе— послѣднее, которое дѣлаютъ тѣмъ, кто принялъ сторону Помпея. Я признаюсь, что дать отвѣтъ на это—дѣло не легкое. То зло, которымъ страдалъ Римъ и которое сказывалось въ безпорядкахъ и насиліяхъ, такъ картинно и печально изображенныхъ намъ Цицерономъ въ его письмахъ, было не такого рода, чтобы его можно было исправить съ помощью нѣсколькихъ мудрыхъ реформъ. Это зло было древнее и глубокое. Оно выростало съ каждымъ днемъ, и никакой законъ не могъ ни предупредить его, ни уничтожить. Можно ли было надѣяться исцѣлить его съ помощью тѣхъ робкихъ измѣненій, которыя предлагались со стороны наиболѣе смѣлыхъ? Къ чему было уменьшать преимущества аристократіи и увеличивать права плебеевъ, какъ это хотѣли сдѣлать? Самые источники общественной жизни были серьезно повреждены. Зло происходило отъ способа, какимъ пополнялся составъ гражданъ.

Въ теченіе долгаго времени Римъ черпалъ свою силу изъ населенія деревень. Изъ этихъ-то деревенскихъ слоевъ, наиболѣе всѣхъ достойныхъ почтенія, и вышли тѣ мужественные воины, которые завоевали Италію и покорили Карфагенъ; но этотъ земледѣльческій и воинственный народъ,

такъ хорошо защищавшій республику, не смогъ защитить самого себя противъ захвата крупныхъ собственниковъ. Тѣснимый мало-по-малу огромными владѣніями, культура которыхъ значительно была легче, бѣдный крестьянинъ долго боролся противъ нужды и задолженности, но, потерявъ послѣднія силы, въ концѣ-концовъ продавалъ свою землю богатому сосѣду, приобретающему ее для округленія своихъ владѣній. Затѣмъ, онъ пробовалъ остаться фермеромъ, арендаторомъ, простымъ рабочимъ на той самой землѣ, владѣльцемъ которой онъ былъ такъ долго, но здѣсь онъ встрѣтился съ конкуренціей раба, работника болѣе невзыскательнаго, не торгующагося о цѣнѣ, не заключающаго условій и дающаго возможность обращаться съ нимъ, какъ угодно *). Такимъ-то образомъ два раза изгнанный со своего поля, сперва какъ собственникъ, а затѣмъ и какъ фермеръ, не имѣя ни работы, ни средствъ, онъ силою вещей былъ принужденъ эмигрировать въ городъ. Но и въ Римѣ жизнь для него была не легче. Что онъ могъ тамъ дѣлать? Промышленность была развита очень мало и къ тому же она не находилась вообще въ рукахъ людей свободныхъ. Въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ рабство, трудъ цѣнится низко; свободный человѣкъ смотритъ, какъ на свою привилегію и честь, на право ничего не дѣлать, хотя бы и умирая отъ этого съ голода. Къ тому же каждый богатый человѣкъ имѣлъ среди своихъ рабовъ людей знающихъ всевозможныя ремесла, а такъ какъ ему самому не требовалось столько ремесленниковъ, то онъ и отдавалъ ихъ внаймы тѣмъ, у кого ихъ не было, или заставлялъ ихъ держать лавочку гдѣ-нибудь въ углу его дома и торговать въ его пользу. И въ этой области конкуренція рабовъ убила свободный трудъ. Къ счастью, именно въ это время Марій открылъ доступъ въ войско для бѣднѣйшихъ гражданъ (*capite censi*). Тогда эти горемыки, не видя другого исхода, сдѣлались воинами. За недостаткомъ лучшаго, они закончили завоеваніе міра, покорили Африку, Галлію и Востокъ, побывали въ Британи и въ Германіи и большая часть изъ нихъ, лучшіе и самые мужественные, погибли въ

*) Смори *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité* Валона (Wallon), т. II, гл. IX.

этихъ отдаленныхъ походахъ. Въ теченіе этого времени количество гражданъ, вслѣдствіе выбытія изъ ихъ числа всѣхъ тѣхъ, которые уходили и не возвращались, сильно уменьшилось. Съ тѣхъ поръ какъ Римъ сталъ могущественнѣе, въ него стали стекаться люди изъ всѣхъ частей свѣта и, конечно, это были не самые честные. Римъ нѣсколько разъ пробовалъ защищаться отъ этого наплыва чужеземцевъ, но напрасно онъ издавалъ строгіе законы, чтобы удалить ихъ; они снова возвращались, скрываясь, въ этотъ огромный городъ, не имѣвшій никакого полицейскаго надзора, а разъ утвердившись въ немъ они, въ концѣ-концовъ, получали право гражданства, богатые съ помощью подкупа, а бѣдные съ помощью хитрости и угодливости. Отпущенники, тѣ пріобрѣтали его еще проще, не имѣя даже надобности домогаться его. Правда, законъ не сразу предоставлялъ имъ всѣ политическія права, но послѣ одного или двухъ поколѣній всѣ эти ограниченія отпадали, и внукъ челоука, быть-можетъ, вертѣвшаго жерновъ и купленнаго на рынкѣ рабовъ, могъ уже вотиловать законы и участвовать въ избраніи консуловъ, какъ самый настоящій римлянинъ древняго рода. Изъ такой-то смѣси отпущенниковъ и чужеземцевъ и состоялъ въ то время тотъ сбродъ, который, по привычкѣ, назывался римскимъ народомъ и который жилъ за счетъ щедротъ частныхъ лицъ или государственной помощи и не имѣлъ болѣе ни воспоминаній, ни традицій, ни политическаго воспитанія, ни національнаго характера, ни даже нравственнаго чувства, такъ какъ ему былъ неизвѣстенъ трудъ, придающій честь и достоинство жизни даже въ самыхъ низшихъ условіяхъ. Съ такимъ народомъ республика была уже невозможна. Изъ всѣхъ системъ правленія республика болѣе всѣхъ остальныхъ требуетъ честности и политическаго смысла отъ тѣхъ, кто ею пользуется. Чѣмъ болѣе она даетъ преимуществъ, тѣмъ болѣе требуетъ преданности и сознательности. Люди, не пользовавшіеся своими правами или же торговавшіе ими, не были достойны сохранять ихъ. Неограниченная власть, столь ими призываемая и принятая ими съ восторгомъ, была какъ бы создана для нихъ, и вполне понятно, что историкъ, изучающій издали событія прошлаго и видя, какъ въ Римѣ

погибла свобода, утѣшаетъ себя въ ея паденіи, говоря, что гибель эта была заслужена и неизбежна и что онъ готовъ простить или даже одобрить того человѣка, который, низвергая свободу, былъ въ сущности лишь орудіемъ необходимости или справедливости.

Но могли ли думать, какъ мы, и также легко примириться съ его паденіемъ, жившіе въ то время люди, привязанные къ республиканскому правленію и по традиціи и по воспоминаніямъ, всегда помнившіе великія, совершенныя имъ, дѣла и обязанные ему и своимъ положеніемъ, и своею извѣстностью, и своимъ значеніемъ? Прежде всего это республиканское правленіе было на лицо. Съ его недостатками примирились, такъ какъ съ ними уже сжились. Отъ нихъ не такъ сильно страдали, потому что къ нимъ уже привыкли. Напротивъ, никто еще не зналъ, какова будетъ та новая власть, какою хотятъ замѣнить республику. Царская власть внушала римлянамъ инстинктивное отвращеніе особенно съ тѣхъ поръ, какъ они покорили Востокъ. Тамъ, подъ этимъ наименованіемъ, они встрѣтили самый гнусный изъ всѣхъ режимовъ, самое полное порабощеніе посреди самой утонченной культуры, всѣ наслажденія роскоши и искусствъ, прекраснѣйшій расцвѣтъ ума бокъ-о-бокъ съ самой тяжелой и низкой тиранніей, правителей, привыкшихъ играть достояніемъ, честью и жизнью людей, нѣчто въ родѣ тѣхъ избалованныхъ жестокихъ царьковъ, какіе встрѣчаются теперь только въ пустыняхъ Африки. Подобное зрѣлище не могло соблазнить ихъ, и какія бы неудобства не несла съ собою республика, они спрашивали себя, стоитъ ли мѣнять ихъ на тѣ, какія могла принести съ собою царская власть. Кромѣ того было вполнѣ естественно, что паденіе республики не представлялось имъ столь близкимъ и безусловнымъ, какъ намъ. Съ государствами случается тоже, что и съ людьми, послѣ смерти которыхъ находятся тысячи причинъ для того, причинъ, никѣмъ и не подозрѣваемыхъ при жизни. Пока колеса этого стараго правительства еще двигались, нельзя было замѣтить, насколько испорчена вся машина, Цицеронъ нѣсколько разъ испытывалъ приступы глубокаго отчаянія, и въ такіе моменты онъ объявлялъ своимъ друзьямъ, что все потеряно, но эти моменты длились недолго.

и онъ быстро обрѣталъ вновь и надежду и мужество. Ему думалось, что все еще можно исправить путемъ твердости, убѣжденія и взаимнаго согласія лучшихъ изъ гражданъ и что истинная свобода легко исцѣлитъ всѣ недостатки и злоупотребленія. Онъ ни разу не замѣтилъ всей близости и серьезности опасности. Въ самые плохіе дни мысль его не идетъ далѣе интригановъ и честолюбцевъ, тревожившихъ общественное спокойствіе; онъ постоянно обвиняетъ то Катилину, то Цезаря или Клодія, и думаетъ, что все будетъ спасено, если удастся ихъ одолѣть. Но онъ очень ошибался. И Катилина и Клодій были лишь проявленіями болѣе серьезнаго и неизлѣчимаго недуга; но слѣдуетъ ли порицать его за то, что онъ питалъ эту надежду, какъ бы несбыточна она ни была? Можно ли ставить ему въ вину то, что по его мнѣнію имѣлись и другія средства для спасенія республики, помимо пожертвованія свободой? Честный человѣкъ и хорошій гражданинъ не должны сразу мириться съ этими крайностями. Напрасно было бы имъ говорить, что то правленіе, какое они предпочитаютъ и готовы защищать, осуждено уже судьбою на гибель; они повѣрятъ этому лишь тогда, когда фактъ совершится. Пусть называютъ ихъ, если угодно, слѣпцами и глупцами, они могутъ гордиться, что не были чересчуръ проникательны, такъ какъ нѣкоторыя заблужденія и иллюзіи стоятъ куда дороже слишкомъ легкой уступчивости. Настоящей свободы въ Римѣ уже не было, съ этимъ я согласенъ, отъ нея оставалась лишь одна видимость, но и видимость эта что-нибудь да значила. Нельзя претендовать на тѣхъ, кто цѣнитъ и эту видимость и дѣлаетъ отчаянныя попытки не дать ей погибнуть, потому что этотъ призракъ, эта видимость утѣшаетъ ихъ въ потери истинной свободы и внушаетъ имъ нѣкоторую надежду снова завоевать ее. Такъ думали всѣ честные люди, подобно Цицерону, когда они по зрѣломъ размысленіи, безъ увлеченія, безъ страсти и даже безъ надежды всѣ примкнули къ Помпею; именно эти переживанія вкладываетъ Луканъ въ уста Катона въ тѣхъ своихъ удивительныхъ стихахъ, которые по моему мнѣнію должны выражать чувства всѣхъ, хотя и отдававшихъ себѣ ясный отчетъ о печальномъ положеніи республики, но тѣмъ не менѣе упорно продолжавшихъ

защищать её до конца. „Подобно тому какъ отецъ, потерявший своего ребенка, находитъ себѣ утѣшеніе, устраивая его похороны, зажигаетъ своими руками погребальный костеръ и разстается съ нимъ съ сожалѣніемъ лишь въ самую послѣднюю минуту, такъ и я, о Римъ, не покину тебя, пока не увижу тебя мертвымъ у себя на рукахъ. Я послѣдую до конца за однимъ твоимъ именемъ, о свобода, даже и тогда, когда ты будешь лишь обманчивою тѣнью *)!“

IV.

Фарсала не была концомъ политической карьеры Цицерона, какъ онъ самъ, повидимому, думалъ. Событіямъ суждено было еще разъ привести его къ власти и поставить во главѣ республики. Его уединенная жизнь, его молчаніе въ первыя времена диктатуры Цезаря не только не повредили его репутаціи, но напротивъ увеличили её. Государственные люди, оставаясь нѣкоторое время въ сторонѣ отъ дѣлъ, вовсе не теряютъ такъ много, какъ они это думаютъ. Удаленіе отъ дѣлъ, переносимое съ достоинствомъ, способствуетъ иногда увеличенію ихъ популярности. Достаточно того, что они болѣе не у власти, какъ уже обнаруживается нѣкоторая склонность жалѣть о нихъ. Когда они не стоятъ болѣе поперекъ дороги, менѣе основаній относиться къ нимъ строго, а такъ какъ при этомъ отъ ихъ недостатковъ никто уже болѣе не страдаетъ, то о нихъ легко забываютъ, а воспоминаніе сохраняютъ лишь о его хорошихъ качествахъ. Именно это и случилось съ Цицерономъ. Его немилость обезоружила всѣхъ враговъ, порожденных его могуществомъ, и никогда его популярность не была такъ велика, какъ въ то время, когда онъ добровольно держался вдали отъ общества. Впослѣдствіи, когда онъ счелъ необходимымъ ближе подойти къ Цезарю, онъ повелъ себя съ нимъ съ такой ловкостью, сумѣлъ такъ ловко совмѣстить покорность съ независимостью и даже въ самыхъ своихъ похвалахъ и

*) Луканъ, *Фарсалия*, II, 300.

Non ante revellar
Exanimem quam te complectar, Roma, tuumque
Nomen, libertas, et inanem prosequare umbram.

одобреніяхъ держаться нѣсколько оппозиціоннаго тона, что общественное мнѣніе продолжало относиться къ нему сочувственно. Къ тому же наиболѣе славные защитники проиграннаго дѣла, Помпей, Катонъ, Сципіонъ, Бибуль, уже сошли въ могилу. Изъ всѣхъ, съ честью отправлявшихъ высшія должности при старомъ правительствѣ, не оставалось никого, кромѣ него; вотъ почему вошло въ привычку смотрѣть на него, какъ на послѣдняго представителя республики. Какъ извѣстно, въ мартовскія Иды Брутъ и его сторонники, поразивъ Цезаря, обратились съ призывомъ къ Цицерону, размахивая своими окровавленными кинжалами. Такимъ образомъ, они какъ бы признавали его главою своей партіи и чествовали его только что пролитую кровью.

И вотъ не столько по собственной охотѣ, сколько по волѣ обстоятельствъ ему пришлось вновь сыграть такую важную роль въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Цезаря. Я расскажу нѣсколько дальше *), какимъ образомъ онъ былъ приведенъ къ необходимости начать борьбу съ Антоніемъ, въ которой онъ и погибъ. Я покажу, что онъ началъ ее не самъ и не по собственной волѣ. Онъ покинулъ Римъ и не хотѣлъ въ него возвращаться. Онъ полагалъ, что время для законнаго сопротивленія уже прошло, что противъ ветерановъ Антонія необходимы хорошіе воины, а не разумные доводы, и онъ, конечно, былъ правъ. Думая, что его роль кончена, а теперь уже дѣло военныхъ, онъ отправился въ Грецію, когда неожиданно его корабль порывомъ бури былъ выброшенъ на берегъ Регіума. Отсюда онъ отправился въ портъ Велію, гдѣ и встрѣтился съ Брутомъ, собиравшимся также покинуть Италію. Брутъ, будучи всегда врагомъ всякаго насилія и крайне щепетильный, обратился къ нему съ просьбою сдѣлать еще попытку воодушевить народъ и попытаться въ послѣдній разъ перенести борьбу на почву закона. Цицеронъ уступилъ просьбамъ друга и, хотя и не надѣялся ничуть на успѣхъ, поспѣшилъ вернуться въ Римъ, что дало тамъ это послѣднее сраженіе. Это уже во второй разъ „онъ приходилъ, какъ Амфіарай, чтобы живымъ броситься въ пропасть“.

*) Въ главѣ о Брутѣ.

Брутъ въ этотъ день оказалъ Цицерону большую услугу. То отчаянное предпріятіе, въ которое онъ вовлекъ его почти помимо желанія, не могло быть ничѣмъ полезно республикѣ, но оно послужило къ вящей славѣ Цицерона. Этотъ моментъ былъ, быть можетъ, самый прекрасный во всей его политической жизни. Прежде всего мы съ удовольствіемъ и почти съ удивленіемъ находимъ его твердымъ и рѣшительнымъ. Онъ какъ бы отрѣшился ото всѣхъ тѣхъ колебаній, которыя обыкновенно стѣсняли его образъ дѣйствія. Да признаться въ то время и нельзя было колебаться. Никогда вопросъ не ставился такъ ясно. При всякомъ дальнѣйшемъ развитіи событій, партіи вырисовывались все опредѣленнѣе. Всѣмъ извѣстное честолюбіе Цезаря, собравъ вокругъ римской аристократіи всѣхъ желавшихъ подобно ей сохранить древніе учрежденія, впервые вызвало расширение рамокъ этой старой партіи и измѣнило ея программу. Увеличившись за счетъ новыхъ элементовъ она измѣнила вмѣстѣ съ характеромъ и свое наименованіе; она стала партией порядка, партией честныхъ людей, *оптиматовъ*. Этимъ именемъ любили обозначать ихъ Цицеронъ. Это названіе было еще нѣсколько неопредѣленно, но оно точно опредѣлилось послѣ Фарсалы. Съ этого момента не оставалось болѣе никакихъ сомнѣній относительно намѣреній побѣдителя, такъ какъ онъ открыто замѣнилъ своею властью власть сената и народа, то партія, оказывавшая ему сопротивление, усвоила себѣ наиболѣе подходящее названіе, въ правѣ на которое ей никто отказать не могъ; она становится партией республиканскою. Такимъ образомъ борьба возгорается открыто между республикой и деспотизмомъ. А чтобы въ этомъ еще меньше можно было сомнѣваться, деспотизмъ послѣ смерти Цезаря являетъ себя римлянамъ въ своемъ неприкрытомъ ничѣмъ видѣ, такъ сказать въ самой грубой своей формѣ. Тотъ, кто добивается силою наслѣдства великаго диктатора, простой вояка, безъ искры политическаго генія, не отличающій ни хорошими манерами, ни возвышенностью души, — грубый, развратный и жестокій. Онъ ничуть не старается скрыть свои намѣренія и уже ни Цицеронъ, ни кто другой не могутъ въ нихъ обмануться. Для этой души обыкновенно такой нерѣшительной и неува-

ренной должна было служить великимъ облегченіемъ такая возможность ясно видѣть истину, не замѣчать ничего, что загораживало бы ее отъ ума, вполне увѣровать въ правоту своего дѣла и послѣ столькихъ сомнѣній и неясностей вести борьбу на чистоту. Зато, какъ чувствуется ясно, что у него сердце спокойно, а духъ сталъ свободнѣе и увѣреннѣй. Какой пылъ обнаруживаетъ этотъ старикъ, какое нетерпѣніе вступить въ битву. Изъ окружающихъ его молодыхъ людей не одинъ не показываетъ столько рѣшимости, какъ онъ, и онъ самъ теперь навѣрно моложе, чѣмъ былъ въ то время, когда боролся съ Катилиною или Клодіемъ. Онъ не только рѣшительно вступаетъ въ борьбу но, что съ нимъ бываетъ рѣже, онъ продолжаетъ ее до конца, не охладѣвая. По странному противорѣчію, въ этомъ самомъ отчаянномъ предпріятіи, изъ всѣхъ имъ затѣянныхъ, и стоившемъ ему жизни, онъ всего лучше противостоялъ обычному проявленію своего малодушія и упадка духа.

Вернувшись въ Римъ и еще весь пылая тѣмъ одушевленіемъ, какое вынесъ онъ въ Веліи изъ своихъ бесѣдъ съ Брутомъ, онъ немедленно является въ сенатъ и дерзаетъ выступить съ рѣчью. Его первая *Филиппика*, если ее сравнивать съ остальными, кажется робкою и блѣдною; однако, какое необходимо было мужество, чтобы произнести ее въ этомъ равнодушномъ городѣ, передъ этими перепуганными сенаторами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Антонія свирѣпаго и грознаго, знавшаго черезъ своихъ шпіоновъ все, что говорилось о немъ. Такимъ образомъ, Цицеронъ кончилъ тѣмъ же, чѣмъ началъ. Два раза, съ промежуткомъ въ тридцать пять лѣтъ, онъ выступалъ съ протестомъ одинъ, среди всеобщаго молчанія, противъ страшной власти, не терпѣвшей сопротивленія. Мужество заразительно, какъ и страхъ. То мужество, какое проявилъ Цицеронъ въ своей рѣчи, заставило и другихъ найти его въ себѣ. Это свободное слово сперва удивило, а затѣмъ пристыдило молчавшихъ. Цицеронъ воспользовался этими первыми, хотя еще робкими порывами, чтобы собрать вокругъ себя нѣсколько сочувствующихъ и найти защитниковъ для почти уже забытой республики. Въ этомъ то и заключалась главная трудность. Изъ республиканцевъ почти никого не было на лицо, самые

рѣшительные изъ нихъ отправились къ Бруту въ Грецію. Единственно, что можно было сдѣлать, это обратиться къ умѣреннымъ элементамъ всѣхъ партій, ко всѣмъ, кого оскорбляла заносчивость Антонія. Цицеронъ заклиналъ ихъ позабыть старые раздоры и объединиться. „Теперь, говоритъ онъ имъ, есть только одинъ корабль для всѣхъ честныхъ людей *)“. Въ этомъ видна его обычная политика. Онъ опять пытается образовать союзъ, какъ и во время своего консульства. Эта роль рѣшительно по немъ, къ ней онъ расположенъ болѣе всего, да и она для него самая подходящая. По гибкости своего характера и своихъ принциповъ онъ болѣе всякаго другаго былъ пригоденъ для примиренія мнѣній, а усвоенный имъ навыкъ имѣть дѣло со всѣми партіями сдѣлалъ то, что онъ не былъ совершенно чуждъ ни одной изъ нихъ и вездѣ имѣлъ друзей. Вотъ почему его предпріятіе сразу пошло какъ будто успѣшно. Многіе изъ военачальниковъ Цезаря слушали его охотно, особенно тѣ, которые находили, что въ общемъ они потеряютъ менѣе, оставаясь гражданами свободнаго государства, чѣмъ дѣлаясь подданными Антонія; также охотно слушали его и честолюбцы втораго разряда, въ родѣ Гирція и Панзы, которые послѣ смерти своего господина не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы претендовать на первыя мѣста и не желали въ то же время удовольствоваться второстепенными. Къ несчастію все это было пока собраніе вождей безъ воиновъ, а въ нихъ то и ощущалась теперь такая нужда, какъ никогда. Антоній былъ въ Бриндизи, гдѣ онъ поджидаль легіоны, вызванные имъ изъ Македоніи. Вzbѣшенный неожиданно встрѣченнымъ сопротивленіемъ, онъ объявилъ, что отомститъ грабежомъ и убійствомъ. Всѣ знали, что онъ способенъ это сдѣлать. Каждый видѣлъ уже свой домъ разграбленнымъ, поле раздѣленнымъ, а семейство изгнаннымъ. Ужасъ охватилъ всѣхъ. Всѣ трепетали, скрывались, бѣжали. Наболѣе отважные старались отыскать кого-либо, кого можно было бы позвать на защиту республики. Но помощи было ждать не откуда, кромѣ какъ отъ Децима Брута, съ нѣсколькими легіонами занимавшаго цизальпійскую

*) *Ad fam.*, XII, 25.

Галлію, или отъ Секста Помпея, собиравшаго свои войска въ Сициліи; но все это была помощь сомнительная и отдаленная, а гибель была близка и неминуема. Среди этой всеобщей паники племянникъ Цезаря, молодой Октавій, остававшійся до сихъ поръ въ тѣни, благодаря ревности Антонія и недовѣрія республиканцевъ, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій случая выдвинуться, рѣшилъ, что время это пришло. Онъ объѣхалъ всѣ окрестности Рима, призывая къ оружію жившихъ тамъ старыхъ солдатъ своего дяди. Его имя, щедрость и обѣщанія, на которыя онъ не скупился, скоро собрали вокругъ него много воиновъ. Въ Калаціи, въ Казилинумѣ въ нѣсколько дней у него уже было ихъ до трехъ тысячъ. Тогда онъ обратился къ вождямъ сената съ предложеніемъ поддержки со стороны своихъ ветерановъ, прося у нихъ вмѣсто всякой платы лишь одобрить его старанія, направленные къ ихъ спасенію. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи нельзя было отказаться отъ этой помощи, безъ которой грозила гибель, и самъ Цицеронъ, высказывавшій сперва нѣкоторое недовѣріе, допустилъ, въ концѣ-концовъ, обойти себя, этому молодому хитрецу, совѣтовавшемуся съ нимъ, льстившему ему и называвшему его отцомъ. Когда, благодаря ему, спасеніе было обезпечено, когда Антонію, покинутому нѣсколькими своими легіонами, пришлось по необходимости оставить Римъ, гдѣ Октавій мѣшалъ ему дѣйствовать, признательность сената была въ той же мѣрѣ безгранична, какъ и великъ былъ передъ этимъ его страхъ. Освободителя осыпали почестями и знаками вниманія. Цицеронъ въ своихъ похвалахъ поставилъ его на много выше его дяди; онъ назвалъ его божественнымъ юношей, посланнымъ небомъ для защиты отечества, онъ ручался собою за его патріотизмъ и его вѣрность — неосторожныя слова, за которыя жестоко упрекалъ его Брутъ и которыя вскорѣ опровергнуты были событіями.

Дальнѣйшіе факты слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы мнѣ было нужно ихъ пересказывать. Никогда Цицеронъ не игралъ болѣе важной политической роли, какъ именно въ это время; никогда онъ не заслуживалъ болѣе названія государственнаго мужа, въ чемъ ему отказываютъ его враги. Въ теченіе полгода онъ былъ душою республиканской партіи,

вновь образовавшейся по его призыву. „Это я, говорилъ онъ съ гордостью, далъ сигналъ къ этому пробужденію“ *), и онъ имѣлъ основаніе такъ говорить. Его рѣчи, казалось, вернули вновь нѣкоторую долю патріотизма и энергіи индифферентному народу. Онъ заставилъ его еще разъ рукоплескать великимъ словамъ отечество и свобода, которыя скоро должны были умолкнуть на форумѣ. Изъ Рима возбужденіе распространилось на сосѣднія муниципіи и понемногу пришла въ движеніе вся Италія. Но, однако, этого для него недостаточно, и онъ отправляется еще дальше искать враговъ Антонію и защитниковъ для республики. Онъ пишетъ проконсуламъ провинцій и начальникамъ войскъ. Съ одного конца свѣта до другого онъ порицаетъ равнодушныхъ, льститъ честолюбивымъ и привѣтствуетъ людей энергичныхъ. Онъ побуждаетъ постоянно колеблющагося Брута овладѣть Греціей. Онъ одобряетъ смѣлый шагъ Кассія, ставшаго господиномъ Азіи, и подстрекаетъ Корнифиція изгнать изъ Африки войска Антонія; онъ даетъ совѣтъ Дециму Бруту сопротивляться въ Моденѣ. Изъявленія сочувствія, о чемъ онъ такъ страстно хлопотеть, несутся къ нему отовсюду. Даже враги и измѣнники не осмѣливаются открыто отказать ему въ своемъ содѣйствіи. Лепидъ и Планкъ шлютъ громкія увѣренія въ своей вѣрности. Поліонъ торжественно пишетъ ему, „что онъ даетъ клятву быть врагомъ всѣхъ тирановъ“ **). Вездѣ жаждаютъ его дружбы, просятъ его о поддержкѣ, отдаются подъ его покровительство. Его *Филиппики*, которыя исправить онъ, къ счастью, не имѣлъ времени, распространяются по всему міру почти въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ произносилъ, сохраняя вмѣстѣ съ живостью живой рѣчи слѣды перерывовъ и одобреній народа. Эти страстныя импровизаціи повсюду вносятъ волненія этихъ великихъ народныхъ событій. Ихъ читаютъ въ провинціяхъ, ихъ поглощаютъ въ войскахъ и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ доходятъ до Цицерона свидѣтельства вызываемаго ими восторга. „Твоя тога еще счастливѣе, чѣмъ наше оружіе“, говоритъ ему одинъ извѣстный военачальникъ и прибавляетъ, „въ тебѣ консуляръ превзошелъ консула“ ***). „Мои солдаты

*) *Philipp.*, XIV, 7.

**) *Ad fam.*, X, 31.

***) *Ibid.*, XII, 13.

въ твоёмъ распоряженіи“, пишетъ ему другой*). Ему приписываютъ славу за все хорошее, что происходитъ съ республикой. Его поздравляютъ и благодарятъ за все ея успѣхи. Вечеромъ, когда въ Римѣ узнали о Моденской побѣдѣ, весь народъ пришелъ за нимъ на домъ, съ триумфомъ отвелъ его въ Капитолій и пожелалъ непосредственно отъ него выслушать разсказъ о сраженіи. „День этотъ, писалъ онъ Бруту, вознаградилъ меня за все мои труды**“).

То было послѣднее торжество республики и Цицерона. Для нѣкоторыхъ союзовъ успѣхъ можетъ оказаться гибельнѣе, чѣмъ неудача. Когда общій врагъ, объединяющій всехъ ненавистью, оказывается побѣжденнымъ, тотчасъ же появляются отдѣльныя несогласія. Октавій желалъ ослабить Антонія, чтобы получить отъ него то, чего желалъ; онъ не желалъ уничтожать его совсѣмъ. Когда онъ увидалъ его бѣгущимъ къ Альпамъ, онъ протянулъ ему руку и они уже вдвоемъ пошли на Римъ. Съ этого момента Цицерону не оставалось болѣе ничего, какъ „подражать хорошимъ гладиаторамъ и, подобно имъ, стараться умереть съ честью“ ***).

Его смерть была мужественная, что бы ни говорилъ Полліонъ, который, измѣнивъ ему, имѣлъ основаніе клеветать на него. Я скорѣе склоненъ вѣрить свидѣтельству Тита Ливія, не принадлежавшаго къ числу его друзей и жившаго при дворѣ Августа. „Изъ всехъ его несчастій, говоритъ онъ, смерть была единственнымъ, которое онъ перенесъ какъ подобаетъ мужу“ ****). А надо признаться, что это не бездѣлица. Онъ могъ спастись и одно время онъ сдѣлалъ попытку къ этому. Онъ хотѣлъ отправиться въ Грецію, гдѣ онъ встрѣтился бы съ Брутомъ, но послѣ нѣсколькихъ дней плаванія по морю при встрѣчномъ вѣтрѣ, страдая отъ морской болѣзни и еще болѣе мучимый сожалѣніями и горестями, онъ потерялъ вкусъ къ жизни, велѣлъ высадить себя въ Кайетѣ и вернулся, чтобы умереть, въ свой домъ въ Форміяхъ. Онъ часто благодарилъ тотъ порывъ бури, который принесъ

*) *Ibid.*, XII, 12.

**) *Ad Brut.*, 3.

***) *Philipp.*, III, 14.

****) *Apud Senec.*, *Suas.*, 6.

его въ Веліи въ первый разъ, какъ онъ хотѣлъ бѣжать въ Грецію. Это дало ему возможность произнести свои *Филиппики*. Тотъ вѣтеръ, который привелъ его въ Кайету, оказалъ не меньшую услугу его репутаціи. Его смерть, по моему убѣжденію, искупаетъ всѣ слабости его жизни. Для такого человека, какъ онъ, который никогда не выдавалъ себя за Катона, очень много значило сохранить твердость въ эту ужасную минуту; зная мягкость его характера, я тѣмъ болѣе растроганъ, видя его столь рѣшительнымъ въ моментъ смерти. И вотъ, когда я изучаю его жизнь, меня беретъ искушеніе упрекнуть его за его нерѣшительность и слабость, но когда я представляю себѣ его конецъ и вижу его такимъ, какъ описалъ его Плутархъ „съ грязными волосами и бородой, съ измученнымъ лицомъ, привычнымъ жестомъ подносящаго лѣвую руку къ подбородку и пристально вглядывающагося въ своихъ убійцъ“ *), у меня не хватаетъ дерзости быть строгимъ. Несмотря на свои недостатки, это былъ честный человекъ, „очень любившій свою страну“, какъ это высказалъ самъ Августъ однажды въ минуту откровенности и раскаянія. Если онъ бывалъ иногда слишкомъ нерѣшителенъ и слабъ, то онъ все-таки защищалъ то дѣло, которое считалъ справедливымъ и законнымъ, а когда оно было проиграно навсегда, онъ оказалъ ему послѣднюю услугу, какую оно могло потребовать отъ своихъ защитниковъ, онъ запечатлѣлъ его своею смертию.

*) Плутархъ, *Цицеронъ*, 48.

II.

Частная жизнь Цицерона.

I.

Тѣ, кто читалъ переписку Цицерона съ Аттикомъ и кто знаетъ, какое мѣсто въ этихъ интимныхъ сообщеніяхъ занимаютъ денежныя дѣла, не будутъ удивлены, если я начну изслѣдованіе объ его частной жизни съ того, что постараюсь опредѣлить размѣръ его состоянія. Богатство составляло одно изъ главныхъ занятій людей того времени, какъ и людей современнаго вѣка, и въ этомъ, быть-можетъ, эти обѣ эпохи, такъ часто и охотно сравниваемыя, больше всего похожи одна на другую.

Чтобы быть въ состояніи точно опредѣлить бюджетъ хозяйства Цицерона, необходимо было бы имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ записи Эроса, его управляющаго. Все, что намъ болѣе или менѣе достовѣрно извѣстно по этому поводу, это лишь то, что его отецъ оставилъ ему очень небольшое состояніе, которое онъ значительно увеличилъ, хотя и нельзя точно сказать, до какой суммы оно доходило. Его враги обыкновенно преувеличивали его состояніе, желая вызвать подозрѣнія относительно способа, какимъ онъ его прибрѣлъ, и весьма возможно, что, если бы мы знали его величину, оно показалось бы также значительнымъ; но слѣдуетъ воздерживаться судить объ этомъ по мѣркамъ нашего времени. Богатство не есть нѣчто безусловное; человѣкъ считается богатымъ или бѣднымъ смотря по той средѣ, гдѣ онъ живетъ, и возможно что то, что считалось бы богатствомъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ было бы лишь только достаткомъ. А какъ извѣстно, въ Римѣ богатство было далеко не такъ равномѣрно распредѣлено, какъ у насъ. За сорокъ лѣтъ

до консульства Цицерона трибунъ Филиппъ говорилъ, что въ такомъ огромномъ городѣ не было и двухъ тысячъ чело-вѣкъ, которые обладали бы родовымъ имуществомъ *); но зато эти владѣли всѣмъ общественнымъ достояніемъ. Крассъ утверждалъ, что для того, чтобы можно было назваться богатымъ, надо было быть въ состояніи прокормить цѣлую армію на свои доходы, и мы знаемъ, что онъ имѣлъ возможность сдѣлать это, нисколько не стѣсняясь. Милонъ нашелъ способъ задолжать въ нѣсколько лѣтъ свыше 70 милліоновъ сестерцій (14 милліоновъ франковъ, т. е. около 5.000.000 руб.). Цезарь, будучи еще частнымъ лицомъ, истратилъ сразу 120 милліоновъ сестерцій (24 милліона франковъ, т. е. около 9.000.000 руб.), чтобы подарить римскому народу новый форумъ. Такія безумныя траты предполагаютъ огромныя состоянія. Сравнительно съ ними состояніе Цицерона, едва хватившаго на покупку дома на Палатинѣ и на отдѣлку его виллы въ Тускулумѣ, какъ бы значительно оно не представлялось намъ въ настоящее время, въ ту эпоху несомнѣнно должно было казаться довольно обыкновеннымъ.

Но какимъ образомъ Цицеронъ приобрѣлъ это свое состояніе? Было бы очень интересно это знать, чтобы дать отвѣтъ на дурные слухи, распространяемые его врагами. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что средствами приобрести честнымъ путемъ состояніе въ Римѣ были торговля, подряды по общественнымъ работамъ и откупъ налоговъ **); но эти способы, очень удобные для людей, желающихъ поскорѣе разбогатѣть, годились лишь для тѣхъ, кто не имѣлъ никакихъ политическихъ цѣлей; они затрудняли достиженіе общественныхъ должностей, а слѣдовательно и не были пригодны для чело-вѣка, стремившагося управлять своей страной. Не видно также, чтобы онъ поступалъ какъ Помпей, который помѣстилъ свои денежные средства въ одно солидное бан-

*) *De offic.*, II, 21: Положеніе не измѣнилось и въ то время, когда Цицеронъ былъ консуломъ. Мы видимъ, что братъ его въ письмѣ, писанномъ ему въ то время, говоритъ, что въ Римѣ мало всадниковъ, *pauci equites*, т. е. мало людей, владѣющихъ состояніемъ болѣе 80.000 франковъ (т. е. около 30.000 руб.).

**) *Parad.*, 6. *Qui honeste rem quaerunt mercaturis faciendis, operis dandis, publicis sumendis* и т. д.

ковое предпріятіе и получалъ свою долю изъ его прибылей; по крайней мѣрѣ въ его письмахъ нѣтъ даже намека на его участіе въ дѣлахъ такого рода. Точно также не могъ онъ ждать дохода и отъ своихъ прекрасныхъ сочиненій. Тогда не было обычая, чтобы авторъ продавалъ ихъ издателю, или, вѣрнѣе сказать издательское дѣло, какъ мы его понимаемъ теперь, тогда лишь зарождалось. Обыкновенно тѣ, кто хотѣлъ прочитать или приобрести какую-нибудь книгу, доставали ее отъ автора или отъ его друзей и отдавали ее переписать своимъ рабамъ. Когда у нихъ было переписчиковъ болѣе, чѣмъ требовалось для ихъ собственной надобности, они заставляли ихъ работать для публики и продавали тѣ экземпляры, которые имъ были ненужны; но автору не выпадало ровно ничего изъ могущихъ получиться отъ этого барышей. И, наконецъ, не высокія общественныя должности могли обогатить Цицерона; какъ извѣстно, онъ служили не столько средствомъ поправить состояніе, сколько его истратить то вслѣдствіе той цѣны, какую иногда нужно было платить за нихъ, то вслѣдствіе большого расхода на игры и празднества, устройство которыхъ лежало на обязанности нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Только одно управленіе провинціями давало огромные доходы. На эти-то доходы больше всего и рассчитывали обыкновенно главные честолюбцы, чтобы зачинить тѣ прорѣхи, какія производили въ ихъ состояніи роскошь ихъ частной жизни и издержки ихъ жизни общественной. Между тѣмъ Цицеронъ самъ лишилъ себя этого управленія, уступивъ своему сотоварищу Антонію провинцію, которою онъ, согласно обычая, долженъ былъ управлять послѣ своего консульства. Правда, имѣется подозрѣніе, что онъ заключилъ съ нимъ въ то время какое-то условіе, по которому онъ выговорилъ себѣ часть изъ предоставляемыхъ другому огромныхъ доходовъ. Если такая сдѣлка и имѣла мѣсто, что очень сомнительно, то достоверно извѣстно, что она не была выполнена. Антоній грабилъ свою провинцію, но грабилъ ее лишь для одного себя, и Цицеронъ отъ него никогда не получилъ ничего. Двѣнадцать лѣтъ спустя, помимо своего желанія, онъ былъ назначенъ проконсуломъ Киликіи. Мы знаемъ, что въ этой должности онъ пробылъ всего только одинъ годъ и не дѣлая ровно

ничего противозаконнаго и заботясь о благоденствіи своихъ управляемыхъ, онъ сумѣлъ вывести оттуда 2.200.000 сестерцій (440.000 франковъ, т.-е. около 170.000 рублей), а это даетъ намъ понятіе о томъ, какъ можно было нажитья въ провинціяхъ, если не стѣсняться грабить ихъ. Къ тому же эти деньги не пошли въ прокъ Цицерону: часть изъ нихъ онъ далъ взаймы Помпею, который ихъ ему не вернулъ, а во время гражданской войны онъ потерялъ и остальные, такъ что по окончаніи ея онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Такимъ образомъ происхожденіе его богатства надо искать въ другомъ мѣстѣ. Живи онъ въ наши дни, намъ было бы не трудно дознаться, откуда оно взялось. Оно въ достаточной степени нашло бы себѣ объясненіе въ его несравненномъ талантѣ оратора. Съ его краснорѣчіемъ въ наше время онъ быстро бы обогатился въ качествѣ адвоката; но въ тѣ времена имѣлся законъ, запрещавшій ораторамъ принимать какое-либо вознагражденіе, какой-либо подарокъ отъ тѣхъ, кого они защищали (*lex Cincia, de donis et muneribus*). Хотя этотъ законъ былъ проведенъ однимъ трибуномъ, имѣвшимъ въ виду интересъ народа, какъ это передаетъ Титъ Ливій, но въ сущности это былъ аристократическій законъ. Не дозволяя адвокату извлекать законную пользу изъ своего таланта, онъ устранялъ отъ адвокатуры всѣхъ неимущихъ и сохранялъ эту профессію въ видѣ привилегіи для богатыхъ, или лучше сказать, онъ не позволялъ ей стать настоящей профессіей. Мнѣ представляется только, что законъ этотъ не всегда строго соблюдался. Такъ какъ онъ не могъ всего предвидѣть, то онъ и не въ силахъ былъ помѣшать признательности кліентовъ принимать тѣ или иные остроумныя формы, ускользавшія отъ его строгости. Если они твердо рѣшались отплатить такъ или иначе за оказанныя имъ услуги, то мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы законъ могъ, въ концѣ-концовъ, помѣшать имъ это сдѣлать. Во времена Цицерона не считалось преступленіемъ открыто нарушать его. Верресъ говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ раздѣлилъ деньги, привезенныя имъ изъ Сициліи на три части; изъ нихъ первая и самая значительная предназначалась для подкупа судей, другая—для уплаты адвокатамъ, самъ же до-

вольствовался одною третьею частью. *) Цицеронъ, издѣвавшійся по этому поводу надъ Гортензіемъ, адвокатомъ Верреса, остерегался слѣдовать этому примѣру. Его братъ утверждаетъ, что съ того времени, какъ онъ сталъ добиваться консульства, онъ никогда ничего ни съ кого не требовалъ. **) Однако, какимъ бы щепетильнымъ его себѣ не представлять, трудно допустить, чтобы онъ никогда не воспользовался добровольнымъ вознагражденіемъ отъ своихъ кліентовъ. Правда, онъ отказался принять дары, предложенные ему сицилійцами въ знакъ признательности за то, что отомстилъ за нихъ Верресу, но, быть-можетъ, было бы неосторожно принять ихъ послѣ такого блестящаго процесса, привлекавшаго на него всеобщее вниманіе и создавшаго ему могущественныхъ враговъ; зато, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ не отказался принять подарокъ отъ своего друга Патурія Пета, чье дѣло онъ незадолго передъ тѣмъ защищалъ. ***) Подарокъ этотъ состоялъ изъ прекрасныхъ греческихъ и латинскихъ книгъ, а Цицеронъ ничего не любилъ такъ, какъ книги. Извѣстно также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждался въ деньгахъ, а это съ нимъ иногда случалось, онъ обращался преимущественно къ тѣмъ богатымъ людямъ, которыхъ онъ защищалъ. По отношенію къ нему эти люди были менѣе строгими и болѣе терпѣливыми займодавцами и вполне естественно, что, оказавъ имъ услугу своимъ словомъ онъ пользовался у нихъ кредитомъ. Онъ намъ самъ рассказываетъ, что купилъ домъ Красса на деньги своихъ друзей. Изъ числа ихъ одинъ только П. Сулла, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ защищалъ, одолжилъ ему 2 милліона сестерцій (400.000 франковъ, т.-е. около 150.000 руб.). Когда по этому поводу на него обрушились съ нападками въ сенатѣ, онъ отдѣлался шуткою, что доказываетъ, что законъ *Cincia* не слишкомъ строго соблюдался и что нарушавшіе его не особенно опасались преслѣдованія ****). Такимъ образомъ, очень возможно, что всѣ эти важные господа, которымъ онъ спасъ честь или состоянія, всѣ тѣ города или

*) *In Verrem, act. prim.*, 14.

**) *De petit. cons.*, 5 и 9.

***) *Ad Att.*, I, 20.

****) *A. Gell.*, XII, 12.

провинціи, которыхъ онъ защищалъ отъ алчности правителей, всѣ тѣ чужеземные государи, за интересы которыхъ онъ вступался въ сенатѣ, а особенно тѣ богатая компаніи мѣнялъ, черезъ которыя проходили всѣ деньги, стекавшіяся въ Римъ со всего свѣта, и которыя онъ охотно поддерживалъ своимъ вліяніемъ или словомъ, часто старались найти и находили случай высказать ему свою признательность. Такого рода выраженія благодарности кажутся намъ въ настоящее время настолько естественными, что даже до нѣкоторой степени затруднили бы насъ, если бы пожелали защищать Цицерона въ томъ, что онъ не всегда отъ нихъ отказывался; но мы можемъ быть увѣрены, что если онъ иногда и разрѣшалъ себѣ принимать эти выраженія благодарности, то все же онъ дѣлалъ это съ большей осмотрительностью и умѣренностью, чѣмъ значительная часть его современниковъ.

Намъ извѣстна одна изъ наиболѣе обыкновенныхъ и, повидимому, вполне законныхъ формъ, въ какихъ находила себѣ проявленіе такая признательность. Въ Римѣ былъ обычай расплачиваться послѣ смерти посредствомъ духовнаго завѣщанія со всѣми долгами признательности и привязанности, скопившимися во время жизни. Это средство давало кліенту возможность сквитаться съ адвокатомъ, защищавшимъ его, и, повидимому, законъ *Cincia* этому не препятствовалъ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ ту же эпоху отецъ семейства, имѣвшій естественныхъ наслѣдниковъ, могъ раздать изъ своего состоянія любую сумму по его усмотрѣнію своимъ родственникамъ, друзьямъ и всѣмъ тѣмъ, кто былъ ему пріятенъ или полезенъ. Этотъ обычай сдѣлался зломъ, когда къ нему примѣшались мода и тщеславіе. Желая похвастаться многочисленностью друзей, въ завѣщаніе вносили массу лицъ и естественно отдавали при этомъ предпочтеніе наиболѣе извѣстнымъ. Иногда въ какомъ-либо завѣщаніи встрѣчались вмѣстѣ такіе люди, между которыми не было ровно ничего общаго и которые должны были только удивляться, какъ это они сюда попали вмѣстѣ. Клувій, богатый банкиръ изъ Пуццоланы, уже послѣ Фарсалы завѣщалъ свое имущество Цицерону и Цезарю*). Архитекторъ

*) *Ad Att.*, XIII, 45 и слѣд.

Киръ помѣстилъ среди своихъ сонаслѣдниковъ Клодія и Цицерона, то-есть двухъ лицъ, наиболѣе ненавидѣвшихъ другъ друга въ Римѣ *). Этотъ архитекторъ смотрѣлъ, очевидно, какъ на славу имѣть друзей во всѣхъ лагеряхъ. Доходили даже до того, что въ своихъ завѣщаніяхъ писали лицъ, которыхъ при жизни и въ глаза никогда не видали. Лукуллъ увеличилъ свое огромное состояніе за счетъ тѣхъ наслѣдствъ, какія оставляли ему совершенно неизвѣстныя лица въ то время, какъ онъ управлялъ Азіей. Атикъ также получилъ очень много наслѣдствъ отъ людей, о которыхъ онъ никогда и не слышалъ и которые знали его лишь по имени. Что же касается Цицерона, то будучи такимъ выдающимся ораторомъ, имѣя столько обязанныхъ ему людей и являясь какъ бы гордостью всѣхъ римлянъ, онъ особенно часто долженъ былъ являться объектомъ такихъ посмертныхъ благодарностей. Изъ его писемъ видно, что онъ наслѣдовалъ многимъ лицамъ, не игравшимъ, повидимому, особой роли въ его жизни. Въ общемъ, отдѣльныя суммы, доставшіяся ему по завѣщаніямъ, не были значительны. Одна изъ самыхъ большихъ унаслѣдована имъ отъ его стараго учителя, стойка Діодота, котораго онъ содержалъ при себѣ до его смерти **). Чтобы отблагодарить за эту долгую привязанность, Діодотъ оставилъ ему всѣ свои сбереженія, скопленныя имъ въ качествѣ учителя и профессора. Сбереженія эти достигали суммы въ 100.000 сестерцій (20.000 франковъ, т. е. около 7.500 рублей). Всѣ эти незначительныя въ отдѣльности наслѣдства въ общей суммѣ дали порядочную сумму. Цицеронъ самъ исчисляетъ ее свыше 20 милліоновъ сестерцій (4 милліона франковъ, т. е. около 1½ милліона рублей) ***). Вслѣдствіе всего сказаннаго выше мнѣ представляется вполне вѣроятнымъ, что эти наслѣдства, вмѣстѣ съ подарками, полученными имъ въ знакъ признательности отъ обязанныхъ ему кліентовъ и были главнымъ источникомъ его богатства.

Это богатство состояло изъ имущества разнаго рода. Во-первыхъ, у него были дома въ Римѣ. Кромѣ того дома, на

*) *Pro Mil.*, 18.

**) *Ad Att.*, II, 20.

***) *Philipp.*, II, 16.

Палатинѣ, въ которомъ онъ жилъ самъ, и другого въ Каренахъ, гдѣ жилъ его отецъ, у него было еще нѣсколько въ Аршлетѣ и на Авентинѣ, приносившихъ ему 80.000 сестерцій (16.000 франковъ, т. е. около 6500 руб.) дохода въ годъ. *) Кроме того, у него было много виллъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Изъ нихъ намъ извѣстны восемь наиболѣе значительныхъ **), не считая тѣхъ небольшихъ домиковъ (*diversoria*), которые богатые господа приобрѣтали для себя на главныхъ дорогахъ для отдыха въ нихъ при переѣздахъ изъ одного своего владѣнія въ другое. Затѣмъ у него были деньги, которыя онъ употреблялъ различными способами, какъ это видно изъ его переписки. Мы не можемъ точно опредѣлить эту часть его состоянія, но на основаніи привычекъ богатыхъ римлянъ того времени можно сказать утвердительно, она равнялась приблизительно стоимости его домовъ и помѣстій. Однажды, торопя Аттика купить ему понравившіеся сады, онъ небрежно сообщаетъ ему, что сумма въ 600.000 сестерцій (120.000 франковъ, т. е. около 50.000 руб.) у него, навѣрное, найдется ***). Тутъ мы, быть-можетъ, касаемся одного изъ самыхъ любопытныхъ различій, отличающаго социальное состояніе того времени отъ нашего. Въ настоящее время только у банкировъ по профессіи происходитъ такой значительной оборотъ финансовъ. Французская аристократія всегда проявляла презрительное отношеніе къ денежнымъ вопросамъ. Римская аристократія, напротивъ, знала ихъ очень хорошо и занималась ими очень много. Эти огромныя состоянія предоставлялись въ распоряженіе политическаго честолюбія. Ихъ тратили, не колеблясь, чтобы создать себѣ сторонниковъ. Кошелекъ лица, добивающагося общественныхъ почетныхъ должностей, былъ всегда открытъ для всѣхъ, кто могъ быть ему полезенъ. Самымъ

*) *Ad Att.* XVI, I.

**) Его вилла въ Тускулумѣ стоила ему особенно дорого. Ея очень значительную цѣнность доказываетъ тотъ фактъ, что, по возвращеніи Цицерона изъ ссылки, сенатъ ассигновалъ ему 500.000 сестерцій (100.000 франковъ, т. е. около 37.000 руб.) на исправленіе поврежденій, происшедшихъ во время его отсутствія, и онъ находилъ, что этой суммы далеко недостаточно.

***) *Ad Att.*, XII, 25.

бѣднымъ онъ дарилъ, другимъ ссужалъ займы и старался завести съ ними взаимныя связи, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Успѣхъ обычно доставался тому, кто умѣлъ одолжить побольше народу. Цицеронъ, хотя и не столь богатый, какъ большинство изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, подражалъ имъ. Въ письмахъ, которые онъ писалъ Аттику, почти вездѣ говорится о векселяхъ и личныхъ ссудахъ, и изъ нихъ можно видѣть, что деньги его находятся въ постоянномъ оборотѣ. У него постоянныя денежныя дѣла или, какъ теперь говорится, текущіе счета съ самыми важными лицами. То онъ ссужаетъ Цезаря, то самъ беретъ у него. Между его многочисленными должниками находятся люди всякихъ сословій и состояній, начиная съ Помпея до Гермогена, который, кажется, всего лишь отпущенникъ. Къ сожалѣнію, въ концѣ-концовъ, лицъ, кому онъ долженъ самъ, еще больше, чѣмъ его должниковъ. Несмотря на примѣръ и совѣты Аттика, онъ плохо велъ свои денежныя дѣла. Постоянно у него появлялись прихоти, обходившіяся ему очень дорого. То ему требовались, во что бы то ни стало, статуи и картины для украшенія его галлерей, чтобы придать имъ внѣшность греческихъ гимназій. То онъ тратилъ большія суммы на украшенія своихъ загородныхъ домовъ. Великодушный не во-время, онъ ссужаетъ другимъ даже тогда, когда самъ принужденъ занимать для себя. Именно тогда, когда у него особенно много долговъ, ему вдругъ загорится купить какую-нибудь новую виллу. Въ такихъ случаяхъ онъ, не колеблясь, обращается ко всѣмъ римскимъ банкирамъ; онъ идетъ самъ къ Консидію, Аксію, Вестену, Весторію; онъ готовъ попросить даже разжалобить Цецилія, дядю его друга Аттика, если бы не зналъ его несговорчиваго нрава. Впрочемъ, онъ весело переноситъ свое безденежье. Мудрый Атикъ напрасно твердилъ ему, что унижительно имѣть долги; но такъ какъ это униженіе онъ раздѣляетъ со многими, то оно кажется ему несущественнымъ, и онъ первый подшучиваетъ надъ этимъ. Однажды онъ рассказываетъ одному изъ своихъ друзей, что онъ до такой степени запутался въ долгахъ, что охотно вступилъ бы въ какой-либо заговоръ, если бы его пожелали принять, но что съ того времени, какъ онъ изобличилъ заговоръ Катилины, онъ не внушаетъ больше въ этомъ отно-

шеніи довѣрія *); когда же настаетъ первое число мѣсяца, день расплаты по долгамъ, то онъ обыкновенно уѣзжаетъ въ Тускулумъ и предоставляетъ Эросу или Тируну вѣдаться съ кредиторами.

Эти затрудненія и непріятности, постоянно встрѣчающіяся въ его перепискѣ, заставляютъ насъ почти невольно вспоминать нѣкоторыя мѣста въ его философскихъ произведеніяхъ, которыя кажутся довольно непонятными, если ихъ сравнить съ образомъ его жизни, и которыя можно было бы легко обратить противъ него. Тотъ ли это беззаботный и безразсудный человѣкъ, всегда готовый сорить деньгами, который восклицаетъ съ такимъ трогаящимъ насъ убѣжденіемъ: „Безсмертные боги, когда же, наконецъ, люди поймутъ, какія сокровища сокрыты въ экономіи **)!“ Какимъ образомъ этотъ страстный любитель предметовъ искусства, этотъ горячій другъ роскоши и великолѣпія позволялъ себѣ называть безумцами людей, особенно любящихъ статуи и картины или воздвигающихъ себѣ роскошные дома? Здѣсь онъ самъ себѣ изрекаетъ приговоръ и намъ нѣтъ охоты вполнѣ его оправдывать; но прежде чѣмъ произнести ему строгое осужденіе, вспомнимъ, въ какое время онъ жилъ и каковы были его современники. Я не хочу сравнивать его съ наихудшими, въ этомъ случаѣ его торжество надъ ними было бы слишкомъ легко, но и среди тѣхъ, на которыхъ принято смотрѣть, какъ на наиболѣе честныхъ людей, онъ все же занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ. Онъ не обязанъ своимъ состояніемъ ростовщичеству, подобно брату и его друзьямъ; онъ не увеличилъ его путемъ той безпредѣльной скупости, въ которой упрекали Катона, онъ не грабилъ провинцій, какъ это дѣлали Аппій или Кассій; онъ не участвовалъ, какъ Гортензій, въ дѣлежѣ этого награбленнаго. Такимъ образомъ, необходимо признать, что, несмотря на упреки, какіе ему можно сдѣлать, онъ все же въ денежныхъ вопросахъ былъ много деликатнѣе и много безкорыстнѣе другихъ. Къ тому же своею безпорядочностью онъ вредилъ лишь себѣ ***), и если

*) *Ad fam.*, V, 6.

**) *Parad.*, 6.

***) Невѣроятно, чтобы Цицеронъ причинилъ убытокъ своимъ заимодавцамъ, уплативъ имъ 4 за 100. Покидая послѣ смерти Цезаря Римъ,

онъ и имѣлъ нѣкоторую склонность къ расточительности, то во всякомъ случаѣ не прибѣгалъ для ея удовлетворенія къ преступнымъ средствамъ. Подобная добросовѣстность дѣлаетъ ему честь тѣмъ болѣе, что проявленія ея въ то время были очень рѣдки и что очень немногимъ людямъ удалось пройти свой жизненный путь незапятнанными, живя среди такого жаднаго и испорченнаго общества.

II.

Не меньшихъ похвалъ заслуживаетъ онъ и за свою честную и порядочную семейную жизнь. И въ этомъ его современники не могли служить ему примѣромъ.

Весьма возможно, что его молодость прошла очень строго. *) Онъ страстно желалъ сдѣлаться выдающимся ораторомъ, а это не давалось безъ труда. Мы знаемъ отъ него, насколько тяжело было въ то время изученіе краснорѣчія. „Чтобы добиться въ этомъ дѣлѣ успѣха, говоритъ онъ, необходимо отказать отъ всѣхъ удовольствій, избѣгать всякихъ развлеченій, сказать прости забавамъ, играмъ, торжествамъ и почти даже общенію съ друзьями **).“ Именно этой цѣною онъ купилъ свой успѣхъ. Обуревавшее его честолюбіе предохранило его отъ другихъ страстей и удовлетворяло его. Ученіе заняло и заполнило всю его молодость. Когда эти первые годы миновали, опасность стала меньше; усвоенная имъ привычка къ труду и большія дѣла, за которыя онъ брался, въ достаточной степени могли предохранить его отъ всякаго опаснаго увлеченія. Не расположенные къ нему писатели напрасно пытаются найти въ его жизни слѣды той безпорядочности, которая была такъ обычна вокругъ него. Самые недоброжелательные, какъ на примѣръ, Діонъ ***) подшучиваютъ надъ нимъ по поводу одной умной женщины, по имени Це-

Цицеронъ писалъ Аттику, что тѣхъ денегъ, какія ему должны, хватить, чтобы расплатиться съ его долгами, но такъ какъ въ этотъ моментъ деньги были рѣдки и собрать ихъ съ должниковъ было трудно, то онъ поручилъ ему продать его имущество, если потребуется, при чемъ прибавилъ: „Не заботься ни о чемъ, кромѣ моей репутаціи“, (*Ad Att.*, XVI, 2).

*) *Ad fam.*, IX, 26: *Me nihil istorum ne juvenem quidem movit unquam.*

**) *Pro Coelio*, 19.

***) *Dio Cass.*, XLVI, 18.

реллія, которую онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ своимъ близкимъ другомъ *). Да она и на самомъ дѣлѣ имъ была и, повидимому, имѣла даже на него вліяніе. Его переписка съ нею сохранилась и была обнародована. Какъ передаютъ, тонъ этой переписки былъ довольно свободный, и это-то, повидимому, прежде всего дало поводъ къ подозрѣнію; но надо замѣтить, что Цереллія была намного старше него, что она не только не являлась причиною раздора въ его семейной жизни, но, напротивъ, служила посредницею, примиряя его съ женой **) и, наконецъ, что ихъ дружественная близость обязана была, повидимому, ихъ обоюдной любовью къ философіи ***), а это начало спокойное и не чревато печальными возможностями. Цереллія была образованная женщина, и бесѣда съ нею должна была доставлять большое удовольствіе Цицерону. Ея возрастъ, ея воспитаніе, нѣсколько необычное и выдѣлявшее ее изъ среды обыкновенныхъ женщинъ, позволяли держаться съ нею непринужденно, а такъ какъ Цицеронъ по природѣ былъ очень воспріимчивъ, то въ увлеченіи разговоромъ онъ не всегда былъ въ состояніи управлять и сдерживать свой умъ; а такъ какъ кромѣ того и по личной склонности и по національной особенности онъ высоко цѣнилъ ту свободную и смѣлую веселость, образцы которой являлъ ему Плавтъ, то весьма возможно, что онъ писалъ ей безъ всякаго стѣсненія шутки „посолонѣ аттическихъ и чисто римскія. [****)“ Впослѣдствіи, когда подобная деревенская и республиканская простота вышла изъ моды и когда подъ вліяніемъ создавшагося двора вѣжливость значительно утончилась и самыя манеры стали много сдержаннѣе, свобода этихъ намековъ могла безъ сомнѣнія смутить чью-либо деликатность и дать поводъ къ дурнымъ слухамъ. Что касается насъ, то мы должны въ настоящее время жалѣть о потери этихъ писемъ Цицерона къ Церелліи болѣе, чѣмъ о потери другихъ его писемъ. Быть-можетъ, они помогли бы

*) *Ad fam.*, XIII, 72.

**) *Ad Att.*, XVI, 19.

***) *Ibid.*, XIII, 21.

****) *Ad fam.*, IX, 15: *Non attici, sed salsiores quam illi Atticorum, romani veteres atque urbani sales.*

лучше остальныхъ познакомить насъ съ частностями общественныхъ отношеній и свѣтской жизни того времени.

Какъ полагають, когда онъ женился, ему было около тридцати лѣтъ. Это случилось въ концѣ владычества Суллы и во время его первыхъ ораторскихъ успѣховъ. Его жена, Теренція, принадлежала къ знатной и богатой семьѣ. Она принесла ему въ приданое, по словамъ Плутарха *), 120.000 драхмъ (111.000 франковъ, т.-е. около 42.000 руб.) и кромѣ того, какъ намъ извѣстно, она владѣла нѣсколькими домами въ Римѣ и лѣсомъ около Тускулума **). Эта была выгодная женитьба для молодого человѣка, начинавшаго свою политическую жизнь, имѣя больше таланта, чѣмъ денегъ. Изъ писемъ Цицерона получается довольно невыгодное представленіе о Теренціи. Она намъ рисуется какъ женщина хозяйственная, экономная и любящая порядокъ, но желчная и непріятная. Жизнь съ нею была нелегка. Она плохо ладила съ своимъ деверемъ Квинтомъ и еще хуже съ своей невѣсткою Помпоніей, которая, впрочемъ, не ладила ни съ кѣмъ. На своего мужа она имѣла то вліяніе, какое обыкновенно всегда имѣетъ женщина съ сильнымъ и упрямымъ характеромъ на нерѣшительнаго и равнодушнаго человѣка. Цицеронъ долгое время предоставлялъ ей полную власть въ хозяйствѣ; онъ былъ радъ избавиться отъ нѣкоторыхъ занятій, приходившихся ему не по душѣ. Она оказывала также нѣкоторое воздѣйствіе и на его политическую жизнь. Она присовѣтовала ему нѣсколько энергичныхъ мѣропріятій во время великаго консульства, а въ послѣдствіи она же посорила его съ Клодіемъ изъ ненависти къ Клодію, котораго она подозрѣвала въ желаніи ей понравиться. Такъ какъ всякая выгода казалась ей хорошею, то ей удалось впутать Цицерона въ кое-какія финансовыя дѣла, которыя самъ Атикъ, не отличавшійся щепетильностью, не считалъ достаточно честными; но здѣсь и кончалась ея власть. Повидимому, она была вполнѣ чужда и, быть-можетъ, и индифферентна къ литературной славѣ своего мужа. Ни въ одномъ изъ прекрасныхъ произведеній Цицерона, въ которыхъ такъ

*) Плутархъ, *Cic.*, 8.

**) *Ad Att.*, II, 4.

часто упоминаются имена его дочери, брата и сына, не говорится ни слова о его женѣ. Теренція не имѣла никакого вліянія на его умъ. Онъ никогда не повѣрялъ ей своихъ задушевныхъ мыслей относительно самыхъ важныхъ жизненныхъ дѣлъ, онъ не дѣлился съ ней также ни своими вѣрованіями ни своими убѣжденіями. Въ его перепискѣ относительно этого имѣется любопытное свидѣтельство. Теренція была набожна и набожна до крайности. Она совѣщалась съ прорицателями, вѣровала въ чудеса. Цицеронъ отнюдь не позаботился просвѣтить ее на этотъ счетъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже проводитъ какъ будто нѣкоторое странное подраздѣленіе обязанностей между собою и ею; на ней лежить, по его словамъ, благоговѣнное служеніе богамъ, а на немъ служба людямъ *). Онъ не только не стѣснялъ ея набожности, но онъ даже дѣлалъ ей уступки, нѣсколько насъ удивляющія. Вотъ, напримѣръ, что онъ ей писалъ въ ту самую минуту, когда готовился отправиться въ лагерь Помпея: „Наконецъ-то, я освободился отъ своего нездоровья и отъ своихъ страданій, доставлявшихъ тебѣ столько беспокойства. На другой же день послѣ моего отъѣзда я узналъ ихъ причину. Ночью меня вырвало чистѣйшею желчью, и я почувствовалъ себя сразу легче, какъ будто бы какой богъ помогъ мнѣ. Очевидно, это сдѣлалъ Аполлонъ или Эскулапъ. Прошу тебя возблагодарить ихъ за это съ твоей обычной набожностью и усердіемъ **). “Подобная рѣчь кажется странною въ устахъ этого скептика, написавшаго трактатъ *О природѣ боговъ*. Но, очевидно, Цицеронъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Варронъ и многіе другіе, которые, сами не придавая никакого значенія исполненію религіозныхъ обрядовъ, находили, однако, что они полезны для народа и для женщинъ.

До насъ сохранилась цѣлая книга писемъ Цицерона къ Теренціи; въ этой книгѣ содержится цѣлая исторія его хозяйства. Первое, что бросается въ глаза, лишь только откроешь ее, это то, что письма въ ней, считая въ хронологическомъ порядкѣ, становятся все короче, такъ что послѣднія про-

*) *Ad fam.*, XIV, 4: *Neque Dii, quos tu castissime coluisti, neque homines, quibus ego semper servivi*, и т. д.

**) *Ad fam.*, XIV, 7.

сто записки въ нѣсколько строкъ. И не только уменьшается длина писемъ, но и самый тонъ, а выраженія нѣжности становятся все рѣже и рѣже. Прежде всего изъ этого можно заключить, что эта привязанность была не изъ тѣхъ, которыя возрастаютъ со временемъ; привычка жить вмѣстѣ, играющая такую роль въ супружескихъ союзахъ, не укрѣпила, а ослабила ихъ связь. Вмѣсто того, чтобы укрѣпиться, она со временемъ износилась. Первые письма наполнены необыкновенной страстностью. Однако, въ это время Цицеронъ былъ уже женатъ около двадцати лѣтъ, но онъ былъ тогда въ большомъ несчастіи, а по всему несчастіе дѣлаетъ людей нѣжныѣе, все равно какъ и семьи сплотяются тѣснѣе, когда на нихъ падаютъ тяжелые удары судьбы. Цицеронъ только что былъ приговоренъ къ изгнанію. Онъ съ грустью покидалъ Римъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, сожгли его домъ, предали преслѣдованію его друзей и чинили обиды его семьѣ. Теренція вела себя мужественно; на ней выместили гнѣвъ на ея мужа и она все терпѣливо превозмогла. Узнавъ, какъ съ ней обращались, Цицеронъ пишетъ ей съ отчаяніемъ: „О, я несчастный! И нужно же было, чтобы такая добродѣтельная, честная, набожная и преданная женщина испытала изъ-за меня такія муки! *)“ „Вѣрь мнѣ, писалъ онъ ей въ другомъ мѣстѣ, что ты мнѣ всего дороже. Сейчасъ, мнѣ чудится, что я вижу тебя, и я плачу **)!“ И онъ добавлялъ съ еще большимъ чувствомъ: „О, жизнь моя, я хотѣлъ бы увидѣть тебя еще разъ и умереть на твоихъ рукахъ **)!“ Послѣ этого переписка прерывается на шесть лѣтъ. Она начинается снова съ того времени, когда Цицеронъ покидаетъ Римъ и уѣзжаетъ управлять Киликіей, но тонъ ея уже сильно мѣняется. Въ единственномъ письмѣ, уцѣлѣвшемъ до насъ отъ этого момента, выраженія привязанности замѣнены дѣловыми порученіями. Дѣло идетъ о наслѣдствѣ, явившемся весьма кстати для Цицерона, и способахъ извлечь изъ него наибольшую выгоду. Правда, онъ еще величаетъ Теренцію нѣжно любимую и желанною, *sua-*

*) *Ad fam.*, XW, 1.

**) *Ibid.*, XW, 3.

***) *Ibid.*, XW, 4.

vissima atque optatissima, но эти слова не болѣе какъ условныя выраженія вѣжливости. Однако, онъ высказываетъ горячее желаніе увидать ее поскорѣе и просить ее выѣхать навстрѣчу подальше, какъ сколько она можетъ *). Она выѣхала въ Брундузіумъ и по счастливой случайности прибыла въ этотъ городъ какъ разъ, когда ея мужъ вѣзжалъ въ гавань; они встрѣтились на форумѣ и обнялись. Это было счастливое время для Цицерона. Онъ возвращался съ титуломъ императора и съ надеждою на триумфъ; онъ нашелъ свою семью согласною и веселою. Къ несчастію, того и гляди готова была вспыхнуть гражданская война. Во время его отсутствія партіи окончательно порвали другъ съ другомъ; онѣ были совсѣмъ готовы, чтобы вступить во взаимную борьбу, и уже на другой день по пріѣздѣ Цицерону пришлось дѣлать выборъ между ними и объявить себя союзникомъ одной изъ нихъ.

Эта война не только повредила его политическому положенію, она была гибельна для его семейнаго счастья. Когда переписка возобновляется послѣ Фарсалы, она становится до крайности сухой. Цицеронъ возвращается въ Италію и снова высаживается въ Брундузіумъ, но уже не торжествующій и счастливый, а побѣжденный и отчаявшійся. На этотъ разъ онъ не желаетъ болѣе увидѣться съ женою, хотя никогда онъ такъ не нуждался въ утѣшеніи. Онъ удаляетъ ее отъ себя и даже безъ всякаго стѣсненія. „Если ты пріѣдешь, я не вижу, чѣмъ бы ты могла быть мнѣ полезна **).“ Этотъ отвѣтъ особенно жестокъ тѣмъ, что въ то же время онъ вызвалъ свою дочь, чтобы получить утѣшеніе въ бесѣдѣ съ нею. Что же касается его жены, то она получаетъ отъ него лишь коротенькія записки въ нѣсколько строкъ и онъ даже имѣетъ мужество признаться ей, что онѣ такъ коротки потому, что ему нечего сказать ей. ***) Въ то же время онъ отсылаетъ ее къ Лептѣ, Требацію, Аттіку, Сиккѣ, чтобы отъ нихъ узнать объ его рѣшеніяхъ. Это ясно показываетъ, что она больше не пользуется его довѣріемъ. Единственнымъ знакомъ его

*) *Ibid.*, XW, 5.

**) *Ad fam.*, XIV, 12.

***) *Ibid.*, XW, 17.

участія къ ней является повторяемая время отъ времени просьба заботиться о своемъ здоровьѣ, просьба достаточна излишняя, такъ какъ она прожила болѣе ста лѣтъ. Последнее его письмо къ ней совершенно похоже на письмо къ управляющему, когда ему отдають какой-либо приказъ. „Я рассчитываю быть въ Тускулумѣ 7 или 8 этого мѣсяца, пишетъ онъ ей, позаботься, чтобы все было приготовлено. Со мной, быть-можетъ, пріѣдутъ нѣсколько человѣкъ и мы, вѣроятно, пробудемъ тамъ нѣсколько времени. Приготовь баню и похлопочи, чтобы не было недостатка ни въ чемъ, необходимомъ для жизни и здоровья *)“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого супруги разошлись, что уже можно было предвидѣть по тону этого письма. Цицеронъ развелся съ женою послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ супружества, когда у нихъ уже были не только дѣти, но и внуки.

Какіе мотивы привели его къ такой печальной крайности? Возможно, что они не всѣ намъ извѣстны. Тяжелый нравъ Теренціи долженъ былъ часто вызывать въ семьѣ тѣ мелочныя ссоры, которыя, повторяясь безъ конца, подрываютъ исподволь самыя прочныя привязанности. Около того времени, когда Цицеронъ былъ возвращенъ изъ ссылки, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ онъ писалъ тѣ почувствованныя письма, о которыхъ я говорилъ, онъ сообщалъ Аттику: „У меня семейныя непріятности, о которыхъ я не могу тебѣ писать“. И онъ прибавлялъ къ этому, боясь какъ бы его не поняли: „Моя дочь и мой братъ попрежнему любятъ меня **)“. Надо думать, что онъ имѣлъ серьезныя основанія обижаться на свою жену, чтобы исключить ее изъ числа лицъ, въ любовь которыхъ онъ вѣрилъ. Высказываютъ, между прочимъ, догадки, что Теренція могла ревновать Цицерона за ту любовь, какую онъ проявлялъ къ своей дочери. Эта любовь доходила до оскорбительныхъ для нея крайностей и предпочтеній, а она была не такая женщина, чтобы терпѣть молча. Надо полагать, что всѣ эти несогласія еще издавна подготовляли разладъ, но не они его рѣшили окончательно. Причина для этого была болѣе прозаическая и грубая: Цицеронъ оправдываетъ его мотовствомъ и хищеніями своей

*) *Ad fam.*, XW, 20.

**) *Ad Att.*, W, 1.

жены и обвиняетъ ее въ томъ, что она не разъ раззоряла его въ свою пользу. Одна изъ наиболѣе любопытныхъ особенностей этой эпохи состояла въ томъ, что женщины, наравнѣ съ мужчинами, занимались различными дѣловыми спекуляціями. Деньги для нихъ были первою приманкою. Онѣ извлекають доходы изъ своихъ имуществъ, онѣ размѣщаютъ въ разныя мѣста свои свободныя средства, ссужаютъ въ долгъ и сами должаются. Мы находимъ одну женщину среди заимодавцевъ Цицерона и двухъ среди его должниковъ. Но такъ какъ онѣ не могли всегда выступать сами въ этихъ денежныхъ предпріятіяхъ, онѣ обыкновенно прибѣгали къ содѣйствію какого-либо услужливаго отпущенника или какого-нибудь подозрительнаго дѣльца, который слѣдилъ за ихъ интересами и пользовался отъ ихъ барышей. Въ своей рѣчи за Цецину, встрѣтивъ въ этомъ дѣлѣ подобную личность, чье ремесло состояло въ томъ, чтобы присасываться къ богатству женщинъ и часто обогащаться на ихъ счетъ, онъ описываетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Такого рода мужчинъ больше всего въ обыкновенной жизни. Это — льстецъ замужнихъ женщинъ, адвокатъ вдовъ, сутяга по профессіи, любитель ссоръ, большой охотникъ до процессовъ, невѣжда и глупецъ среди мужчинъ и ловкій и свѣдущій юрисконсультъ съ женщинами, хитро прикрывающійся выраженіями ложнаго усердія и лицемерной дружбы, всегда готовый на услуги иногда полезныя, но рѣдко добросовѣстныя *)“. Такой типъ былъ желаннымъ руководителемъ для женщинъ томимыхъ желаніемъ нажить состояніе; и у Теренціи былъ также такой человѣкъ, ея отпущенникъ Филотимъ, ловкій въ дѣлахъ и не особенно щепетильный, подвизавшійся не безъ успѣха въ этомъ ремеслѣ, такъ какъ и самъ былъ богатъ и имѣлъ собственныхъ рабовъ и отпущенниковъ. Первое время Цицеронъ частенько пользовался его услугами, несомнѣнно, по просьбамъ Теренціи. По его указанію Цицеронъ скупилъ по дешевой цѣнѣ часть имѣній Милона послѣ его изгнанія. Дѣло было выгодное, но не совсѣмъ деликатное, и Цицеронъ, который это прекрасно чувствовалъ, не могъ говорить о немъ, не краснѣя. Уѣзжая

*) *Pro Caecin.*, 5.

въ Киликію онъ поручилъ Филотиму управленіе частью своего имущества, и не замедлилъ въ этомъ раскаяться. Филотимъ, управляя его имуществомъ, не столько заботился объ интересахъ своего господина, сколько о собственныхъ. Онъ оставилъ за собою прибыль, полученную отъ имущества Милона, и по возвращеніи Цицерона представилъ ему счетъ, по которому тотъ оказывался ему должнымъ значительную сумму. „Это удивительный воръ *)!“ выбрались взбѣшенный Цицеронъ. Въ это время его подозрѣнія не шли дальше Филотима, но когда онъ вернулся изъ Фарсалы, онъ ясно замѣтилъ, что Теренція была его соучастницей. „Я нашелъ мои домашнія дѣла, писалъ онъ одному другу, въ состояніи почти столь же плачевномъ, какъ и дѣла республики **).“ Лишенія, испытанныя имъ въ Брундузіумѣ, сдѣлали его недоувѣрчивымъ. Онъ просмотрѣлъ свои счета болѣе внимательно, чѣмъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, и ему не трудно было установить, что Теренція его частенько надувала. За одинъ только разъ она удержала 60.000 сестерцій (12.000 франковъ, т. е. около 4.500 руб.) изъ приданаго своей дочери ***). Это было крупное приобрѣтеніе, но она не брезговала и болѣе мелкими наживами. Бя мужъ поймалъ ее однажды, какъ она утаивала 2.000 сестерцій (400 франковъ, т. е. около 150 руб.) изъ той суммы, которую онъ съ нея требовалъ ****). Такой обманъ окончательнo возмутилъ Цицерона, вѣроятно, уже давно огорчаемаго и оскорбляемаго другими еще причинами. Онъ рѣшился, наконецъ, на разводъ, но рѣшился на это не безъ огорченія. Нельзя безнаказанно разрывать узы, которыя привычка, за отсутствіемъ привязанности, должна бы связать очень крѣпко. Кажется, что въ минуту разлуки, послѣ столькихъ счастливыхъ дней прожитыхъ вмѣстѣ, послѣ столькихъ невзгодъ, перенесенныхъ сообща, непремѣнно должны проснуться какія-нибудь трогательныя воспоминанія. Грусть этихъ тягостныхъ минутъ увеличивается еще оттого, что когда хотѣлось бы сосредоточиться и уединиться со своимъ горемъ, приходится заниматься ме-

*) *Ad Att.*, VII, 1 и 2.

**) *Ad fam.*, IV, 14.

***) *Ad Att.*, XI, 2.

****) *Ibid.*, XI, 24.

лочами, связанными съ этимъ дѣломъ: надо защищать свои интересы, считать и спорить. Эти споры, всегда досадные для Цицерона, въ это время заставляли его мучиться болѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ писалъ обязательному Аттику, прося его заняться вмѣсто него дѣлами: „Эти раны слишкомъ свѣжи; я не могу дотронуться до нихъ, чтобы изъ нихъ не пошла кровь *).“ А такъ какъ Теренція продолжала спорить, то онъ рѣшилъ положить конецъ этому спору, предоставивъ ей все, что она требовала. „Я предпочитаю, писалъ онъ, лучше имѣть поводъ пожаловаться на нее, чѣмъ быть недовольнымъ самимъ собою **).“

Понятно, что недруги Цицерона не упустили случая посмѣяться по поводу этого развода. Въ концѣ-концовъ, это было справедливымъ возмездіемъ, такъ какъ Цицеронъ самъ слишкомъ часто смѣялся надъ другими и не могъ рассчитывать, что его пощадятъ. Къ сожалѣнію недолго спустя онъ далъ имъ новый случай повеселиться на его счетъ. Несмотря на свои шестьдесятъ три года онъ вздумалъ снова жениться и выбралъ себѣ совсѣмъ юную дѣвушку, Публилію, которую довѣрилъ его опеку ея умершій отецъ. Женитьба опекуна на опекаемой бываетъ всегда нѣсколько комична, при чемъ обыкновенно плохо приходится опекуну. Какъ могъ Цицеронъ съ его жизненнымъ опытомъ и знаніемъ свѣта позволить себѣ такую неосмотрительность? Теренція, жаждавшая мести, повсюду распускала слухи, что онъ влюбился въ эту юную дѣвицу, но Тиронъ, его секретарь, утверждаетъ, что онъ женился на ней лишь для того, чтобы съ помощью ея имущества расплатиться со своими долгами, и я думаю, что надо вѣрить Тирону, хотя въ подобнаго рода супружествахъ рѣдко бываетъ, что бы тотъ, кто старше лѣтами, былъ въ то же время и бѣднѣйшій. Какъ это и можно было предвидѣть недоразумѣнія не замедлили проявиться въ ихъ семейной жизни. Публилія, будучи моложе своей падчерицы, не могла съ ней поладить и, какъ кажется, когда послѣдняя умерла, она не сумѣла скрыть своей радости. Это показалось Цицерону непростительнымъ преступленіемъ,

*) *Ad Att.*, XII, 22.

**) *Ibid.*, XII, 21.

и онъ не пожелать больше ее видѣть. Странно то, что эта молодая женщина вовсе не обрадовалась возможности получить свободу, которую ей возвращали, а напротивъ употребляла всѣ усилія чтобы снова вернуться въ домъ этого старца, ее отринувшаго *); но онъ былъ непреклоненъ. На этотъ разъ брачнаго опыта для него было достаточно, и разсказываютъ, что когда его другъ Гиртій предложилъ ему въ жены свою сестру, онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно заниматься одновременно и женщиной и философией. Отвѣтъ былъ мудръ, но слѣдовало бы догадаться объ этомъ немного раньше.

III.

У Цицерона отъ Теренціи было двое дѣтей. Старшимъ изъ нихъ была его дочь Туллія. Онъ ее воспиталъ на свой образецъ, посвящая ее въ свои занятія и развивая въ ней любовь къ умственнымъ занятіямъ, доставлявшимъ ему лично такое наслажденіе и бывшимъ совершенно безразличными для его жены. „Въ ней я нахожу, говорилъ онъ о своей дочери, свои черты, свои слова, свою душу **);“ вотъ почему онъ любилъ ее такъ нѣжно. Она была еще очень молода, а уже отецъ ея не могъ удержаться, чтобы въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей не сдѣлать намека на питаемую имъ къ ней привязанность ***) Эта любовь, несомнѣнно, самая глубокая изъ испытанныхъ имъ, составила мученіе его жизни. Невозможно представить себѣ участь болѣе печальную, чѣмъ участь этой молодой женщины. Выданная замужъ въ первый разъ въ тринадцать лѣтъ за Пизона, а потомъ за Крассипа и разлученная съ первымъ смертью, а со вторымъ по разводу, она вышла замужъ въ третій разъ во время отсутствія своего отца, управлявшаго тогда Киликіей. Жениховъ у нея было много, даже изъ молодыхъ людей самыхъ знатныхъ фамилій, и это не только потому, какъ это можно бы думать, что ихъ привлекала извѣстность ея отца. Цицеронъ говоритъ, что всѣ думали, что онъ вернется очень богатымъ послѣ

*) *Ad Att.*, XII, 32.

**) *Ad Quint.*, I, 3.

***) *In Verr. act. sect.* I, 44.

своего управленія. Стремясь вступить въ бракъ съ его дочерью, эти молодые люди рассчитывали сдѣлать выгодную сдѣлку, которая дала бы имъ возможность расквитаться съ долгами *). Среди этихъ претендентовъ были сынъ консула Сульпиція и Тиберій Неронъ, ставшій впослѣдствіи отцомъ Тиберія и Друза. Цицеронъ склонялся уже въ пользу послѣдняго, отправившагося за его согласіемъ къ нему въ Киликію, когда его жена и дочь, которымъ онъ, уѣзжая, оставилъ право выбора, рѣшили безъ его вѣдома предпочесть Корнелія Долабелла. Это былъ молодой человѣкъ изъ хорошей фамиліи, другъ Куріона, Целія и Антонія, ведшій одинаковый съ ними образъ жизни, то-есть проживая свое состояніе и рискуя своей репутаціей, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ умный и бывшій въ модѣ. Этотъ мужъ не совсѣмъ былъ въ духъ Аттика, но Теренція, повидимому, прельстилась его громкимъ именемъ, да, можетъ-быть, и сама Туллія не осталась совсѣмъ нечувствительною къ его хорошимъ манерамъ. Вначалѣ бракъ этотъ казался счастливымъ. Долабелла очаровалъ свою жену и тещу своей добротой и услужливостью. Самъ Цицеронъ, сперва непріятно пораженный быстротою, съ какой сладили это дѣло, находилъ, что его зять и очень уменъ и очень воспитанъ. „Что же касается остального, прибавлялъ онъ, то надо покориться **).“ Подъ этимъ онъ разумѣлъ тотъ легкомысленный и разсѣянный образъ жизни, отъ котораго Долабелла не отказался и послѣ своей женитьбы. Онъ обѣщалъ исправиться, но плохо исполнялъ свое обѣщаніе, и какъ ни старался Цицеронъ закрывать глаза на его безчинства, ему подъ конецъ невтерпѣжъ стало съ ними мириться. Долабелла продолжалъ жить, какъ жила молодежь того времени, шумя по ночамъ на улицахъ подъ окнами женщинъ, бывшихъ въ модѣ, и его выходки казались скандальными даже въ этомъ городѣ, привычномъ къ скандаламъ. Онъ привязался къ одной свѣтской женщинѣ, прославившейся своими любовными приключеніями, къ Цециліи Метелла, супругѣ консулата Лентула Сфинтера. Это она довела впослѣдствіи до раззоренія сына извѣ-

*) *Ad Att.*, VII, 4.

**) *Ibid.*, VII, 3.

стнаго трагическаго актера Эдипа; этотъ безумецъ, не зная, что изобрѣсти, чтобы скорѣе достигъ своей гибели, возымѣлъ странное тщеславіе на одномъ обѣдѣ, данномъ имъ своей возлюбленной, растворить въ винѣ жемчужину цѣнностью въ одинъ миллионъ сестерцій (200.000 франковъ, т. е. около 75.000 руб.) и проглотить ее *). Съ такой особою, какъ Метелла, Долабелла скоро растратилъ все свое состояніе. Затѣмъ онъ сталъ проматывать и состояніе своей жены, при чемъ, недовольствуясь тѣмъ, что ей измѣняетъ и ее разоряетъ, грозилъ отослать ее отъ себя, лишь только она осмѣливалась упрекать его. Повидимому, Туллія очень любила его и поэтому долго противилась совѣтамъ развестись съ нимъ. Въ одномъ мѣстѣ Цицеронъ порицаетъ это, какъ онъ называетъ, безуміе дочери **); но послѣ новыхъ оскорбленій ей пришлось все-таки собраться съ духомъ и оставить домъ своего мужа съ тѣмъ, чтобы вернуться къ отцу. Въ это время она была беременна. Роды, происшедшіе въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, унесли ее на тотъ свѣтъ въ Тускулумѣ въ возрастѣ тридцати одного года.

Цицеронъ былъ неутѣшенъ отъ ея смерти, и горе отъ ея утраты было, несомнѣнно, самымъ тяжелымъ испытаніемъ его въ жизни. Такъ какъ его любовь къ дочери была всѣмъ извѣстна, то ему со всѣхъ сторонъ выражали соболѣзнованіе въ письмахъ, которыя приносятъ утѣшеніе лишь тѣмъ, кто ни въ какомъ утѣшеніи не нуждается. Философы, гордившіеся имъ, старались своими увѣщеваніями помочь ему мужественнѣе перенести эту потерю. Цезарь написалъ ему изъ Испаніи, гдѣ онъ заканчивалъ войну съ сыномъ Помпея. Самые видные представители изъ всѣхъ партій, Брутъ, Лукцій, даже самъ Долабелла выражали сочувствіе его скорби; но ни одно изъ этихъ писемъ не могло его тронуть такъ живо, какъ тронуло письмо, полученное имъ отъ одного изъ его старыхъ друзей Сульпиція, знаменитаго юрисконсульта, управлявшаго въ то время Греціей. По счастью это письмо уцѣлѣло до насъ. Оно вполне достойно какъ выдающагося ума того, кто его писалъ, такъ и того, кому оно назначалось. Изъ него часто

*) Гораций, *Sat.*, II, 3, 239.

**) *Ad Att.*, XI, 25.

цитировалось слѣдующее мѣсто: „Мнѣ хочется рассказать тебѣ одно соображеніе, которое меня однажды утѣшило, въ предположеніи, что, быть-можетъ, оно утѣшитъ нѣсколько и твою скорбь. Когда я возвращался изъ Азіи и направлялся изъ Эгины въ Мегару, я сталъ разсматривать страну, лежащую предо мною. Противъ меня была Мегара, Эгина сзади, направо Пирей, а налѣво Коринѣ. Все это были нѣкогда цвѣтущіе города, а нынѣ однѣ лишь развалины. При этомъ зрѣлищѣ я сказалъ себѣ. Какъ смѣемъ мы, жалкіе смертные, со своею такой краткою жизнью жаловаться на смерть кого-либо изъ насъ, когда мы видимъ столько городовъ, нѣкогда бывшихъ великими, а теперь обратившихся лишь въ мертвыя развалины.*)“ Какая оригинальная и сильная мысль. Этотъ урокъ, извлеченный изъ разрушенія, этотъ способъ истолкованія природы въ пользу моральныхъ идей, эта серьезная меланхолія при созерцаніи прекраснаго пейзажа, все это чувство мало знакомое языческой древности. Это мѣсто поистинѣ кажется проникнутымъ христіанскимъ духомъ. Можно было бы сказать, что это писалъ человѣкъ, близко знающій священное писаніе и „уже возсѣдавшій вмѣстѣ съ пророками на развалинахъ опустошенныхъ городовъ.“ Это до такой степени вѣрно, что святой Амвросій, желая написать однажды утѣшительное письмо, взялъ вышесказанное за образецъ, и всѣ нашли его вполне христіанскимъ. Отвѣтъ Цицерона не менѣе прекрасенъ. Въ немъ онъ рисуетъ трогательную картину своей печали и своего одиночества. Описавъ вначалѣ скорбь, причиняемую ему паденіемъ республики, онъ прибавляетъ: „Но у меня, по крайней мѣрѣ, оставалась дочь. Было, гдѣ преклонить голову и отдохнуть. Бесѣдуя съ ней, я забывалъ всѣ мои заботы и огорченія, и вотъ страшная рана, нанесенная ея утратою, вновь открывала въ моемъ сердцѣ всѣ прежнія раны, которыя я считалъ уже зажившими. До этой поры я въ своей семьѣ находилъ средство, чтобы позабыть о несчастіяхъ республики; какое же средство можетъ предложить мнѣ теперь республика, чтобы заставить меня позабыть о несчастіяхъ родной семьи? Въ одно и тоже время я долженъ избѣгать и своего дома и

*) *Ad fam.*, IV, 5.

форума, такъ какъ домъ больше не утѣшаетъ меня въ тѣхъ горестяхъ, какія мнѣ причиняетъ республика, а республика не можетъ заполнить пустоты, какую я ощущаю въ собственномъ домѣ *).

Такая печальная судьба Тулліи, а также и та скорбь, какую ея смерть причинила ея отцу, привлекають насъ къ ней. Видя ее такъ оплакиваемую, намъ желалось бы получше познакомиться съ нею. Къ несчастію, не уцѣлѣло ни одного ея письма въ перепискѣ Цицерона, и когда онъ расточаетъ ей комплементы относительно ея ума, намъ приходится вѣрить ему на слово, а похвалы отца всегда нѣсколько подозрительны. На основаніи всего, что о ней извѣстно, не трудно допустить, что она была женщина высокоодаренная, *lectissima femina*, т. е. начитаннѣйшая, какъ называется ее въ похвалу Антоній, не любившій ея семьи **). Хотѣлось бы, однако, знать, какъ на ней отразилось воспитаніе, данное ей ея отцомъ. Это воспитаніе внушаетъ намъ невольную недовѣрчивость, и мы никакъ не можемъ отдѣлаться отъ мысли, не пострадала ли отъ него Туллія. Самый способъ, какимъ почтилъ ея память отецъ, вредитъ ея памяти въ нашихъ глазахъ. Можетъ-быть, онъ оказалъ ей плохую услугу, сочинивъ на ея смерть трактатъ *Объ утѣшеніи*, весь наполненный похвалами ей. Молодая женщина, столь несчастная, заслуживала скорѣе элегіи; философскій трактатъ слишкомъ тяжеловѣсенъ для ея памяти. Нельзя ли допустить, что ея отецъ нѣсколько ее испортилъ, желая сдѣлать ее слишкомъ ученою? Въ то время это дѣлалось довольно часто. Гортензій далъ своей дочери воспитаніе оратора, и, утверждая, что она однажды защищала какое-то значительное дѣло не хуже любого адвоката. Я предполагаю, что Цицеронъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей дочери философа, и я боюсь, что ему это удалось даже слишкомъ. Философія представляетъ много опасности для женщины, и г-жѣ Де-Севинь нечѣмъ было особенно гордиться, что она воспитала свою дочь по Декарту. Это сухая и педантичная особа не можетъ расположить насъ въ пользу женщинъ философовъ.

*) *Ad fam.*, IV, 6.

**) *Ad Att.*, X, 8.

Сыну Цицерона, Марку, философія далась еще меньше, чѣмъ его дочери. Отецъ его вполнѣ обманулся относительно его склонностей и стремленій, что и не представляется особенно удивительнымъ, такъ какъ родительская нѣжность часто отличается больше силою, чѣмъ проницательностью. Въ Маркѣ были однѣ-лишь военныя наклонности, а Цицеронъ пожелалъ сдѣлать изъ него философа и оратора и напрасно только потерялъ свой трудъ. Эти наклонности, на время подавляемыя, постоянно проявлялись снова и все съ большею силою. Когда Марку исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ жилъ уже какъ всѣ юноши того времени, такъ что приходилось дѣлать ему выговоры по поводу его расходовъ. Онъ скучалъ на урокахъ своего учителя Діонисія и отъ реторики, которой желалъ обучить его отецъ. Ему хотѣлось бы уѣхать на войну въ Испанію съ Цезаремъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить его желаніе, Цицеронъ отослалъ его въ Аѳины для довершенія его образованія. Тамъ ему устроили помѣщеніе, какъ сыну знатнаго вельможи. Дали ему отпущениковъ и рабовъ, дабы онъ могъ показываться съ такимъ же блескомъ, какъ юные Бибулъ, Ацидинъ и Мессала, учившіеся вмѣстѣ съ нимъ. На его расходы назначили ежегодно около 100.000 сестерцій (20.000 франковъ, т.-е. около 8.000 руб.), что казалось бы достаточнымъ содержаніемъ для человѣка, изучающаго философію; но Маркъ поѣхалъ съ неудовольствіемъ и его пребываніе въ Аѳинахъ не принесло для него тѣхъ результатовъ, на какіе надѣялся Цицеронъ. Вдали отъ отцовскихъ глазъ онъ безъ удержу отдавался своимъ вкусамъ. Вмѣсто того, чтобы слушать курсы риторовъ и философовъ, онъ занялся хорошими обѣдами и блестящими празднествами. Его жизнь была тѣмъ болѣе разсѣяна, что, какъ кажется, такую его безпорядочность поощрялъ самъ его учитель, риторъ Горгій. Этотъ риторъ былъ грекъ въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. человѣкъ, готовый на все изъ-за выгоды. Узнавъ своего ученика, онъ понялъ, что онъ выиграетъ больше, если будетъ льстить его порокамъ, чѣмъ, если будетъ стараться развить въ немъ хорошія качества, и онъ сталъ поощрять его порочныя наклонности. Въ этой школѣ Маркъ, вмѣсто того, чтобы полюбить Платона и Аристотеля, какъ это рекомендовалъ ему его отецъ, больше полюбилъ

вино фалернское и хіосское, и эта привычка осталась у него навсегда. Единственно, чѣмъ онъ гордился впоследствии, такъ это тѣмъ, что онъ былъ первый выпивало своего времени; онъ добивался и добился того, что перецеголялъ триумвира Антонія, который въ этомъ отношеніи пользовался большою извѣстностью и очень ею гордился. Это была его месть за отца, убитого по приказу Антонія. Впоследствии Августъ, желая заплатить сыну долгъ, какой онъ считалъ за собою по отношенію его отца, сдѣлалъ его консуломъ, но ему не удалось отвлечь его отъ безпутныхъ привычекъ, такъ какъ его единственнымъ подвигомъ, сохранившимся въ исторіи, было то, что однажды, будучи пьянъ, онъ бросилъ кубкомъ въ голову Агриппы *).

Понятно, какъ непріятно было Цицерону узнать впервые о безпутствѣ своего сына. Я думаю даже, что онъ долго не давалъ этимъ слухамъ вѣры, такъ какъ любилъ обманывать себя относительно своихъ дѣтей. Вотъ почему, когда Маркъ, получивъ наставленія отъ всего своего семейства, разстался съ Горгіемъ и далъ обѣщаніе вести себя осмотрительно, его отецъ, не желавшій ничего больше, какъ быть обманутымъ, поспѣшилъ ему повѣрить. Съ этого момента онъ только и дѣлаетъ, что беспокоить Аттика просьбами позаботиться о томъ, чтобы сынъ его ни въ чемъ не нуждался и изучаетъ письма, получаемыя отъ сына, пытаясь отыскать въ нихъ указанія объ его исправленіи. До насъ дошло одно изъ этихъ писемъ Марка, относящихся именно къ тому времени, когда онъ, повидимому, вернулся къ лучшимъ привычкамъ. Оно адресовано Тируну и все наполнено увѣреніями и раскаяніемъ. Онъ рисуетъ себя такъ подавленнымъ и униженнымъ всѣми своими ошибками, „что не только душа его протестуетъ противъ нихъ, но даже и уши его слышать о нихъ болѣе не могутъ“. Чтобы окончательно убѣдить его въ своей правдивости онъ изображаетъ ему картину своей жизни; невозможно найти другую, лучше занятую. Онъ проводитъ всѣ дни и чуть не ночи съ философомъ Гратиппомъ, который обращается съ нимъ, какъ съ сыномъ. Онъ оставляетъ его съ собой обѣдать, лишь бы только

*) Плиній, *Hist. nat.*, XIV, 22.

не разлучаться. Онъ въ такомъ восторгѣ отъ ученыхъ бесѣдъ Бруттія, что желалъ его имѣть около себя и платитъ за его столъ и содержаніе. Онъ декламируетъ по-латыни и по-гречески съ самыми учеными риторамъ. Посѣщаетъ онъ лишь людей образованныхъ и видится лишь съ учеными старцами, съ мудрымъ Эпикратомъ, почтеннымъ Леонидомъ, словомъ, со всѣмъ ареопагомъ, и этотъ назидательный рассказъ оканчивается такъ: „Главное старайся быть здоровымъ, чтобы намъ можно было побесѣдовать о наукѣ и философіи *)“. Письмо очень хорошее, но читая его, невольно въ умъ закрадывается нѣкоторое недовѣріе. Его увѣренія до такой степени преувеличены, что начинаешь подозревать, не имѣлъ ли Маркъ какого-либо тайнаго интереса особенно, если вспомнить, что Тиронъ пользовался довѣріемъ своего господина и располагалъ всѣми его щедротами; почему знать, быть-можетъ, эти сожалѣнія и обѣщанія предшествовали и подготавливали почву для какой-нибудь денежной просьбы.

Въ оправданіе Марку можно сказать, что если онъ огорчалъ отца своимъ безпутствомъ, то, по крайней мѣрѣ, доставилъ ему утѣшеніе въ его послѣднія минуты. Когда Брутъ, проѣзжая черезъ Аѣины обратился съ призывомъ къ оружію къ молодымъ римлянамъ, тамъ находившимся, Маркъ почувствовалъ, какъ въ немъ просыпаются военные инстинкты. Онъ вспомнилъ, что въ семнадцать лѣтъ онъ уже съ успѣхомъ командовалъ отрядомъ конницы при Фарсаль и однимъ изъ первыхъ отозвался на призывъ Брута. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ, мужественныхъ и ловкихъ его помощниковъ и часто удостоивался одобренія. „Я такъ доволенъ, писалъ Брутъ Цицерону, храбростью, дѣятельностью и энергіей Марка, что, повидимому, онъ вспомнилъ, наконецъ, какого отца онъ имѣетъ счастье быть сыномъ **). „Понятно, какъ долженъ былъ счастливъ Цицеронъ такому свидѣтельству. Обрадованный такимъ возрожденіемъ своего сына онъ написалъ и посвятилъ ему свой трактатъ *Объ обязанностяхъ*, быть-можетъ, его лучшее произведеніе, ставшій какъ бы послѣднимъ его прощаніемъ съ семьею и родиной.

*) *Ad fam.*, XVI, 21.

**) *Brut. ad Cic.*, II, 3.

IV.

Этотъ очеркъ частной жизни Цицерона не полонъ и къ нему надо добавить еще нѣсколько подробностей. Какъ извѣстно римская семья состояла не изъ однихъ только свободныхъ членовъ, связанныхъ между собою узами родства, но она включала въ свой составъ также и рабовъ. Слуга и господинъ имѣли тогда между собою отношенія болѣе тѣсныя, чѣмъ въ настоящее время, и ихъ жизнь переплеталась взаимно гораздо тѣснѣе. Вотъ почему для того чтобы окончательно познакомиться съ Цицерономъ въ его семейномъ быту, необходимо сказать нѣсколько словъ объ его отношеніяхъ къ рабамъ.

Въ теоріи его взглядъ на рабство не отличался отъ общепринятаго взгляда того времени. Подобно Аристотелю онъ принималъ это установленіе и находилъ его законнымъ. Соглашаясь, что имѣются опредѣленные обязанности по отношенію къ рабамъ, онъ въ тоже время безъ всякаго колебанія допускаетъ, что позволительно сдерживать ихъ жестокостью, когда не остается другого средства заставить ихъ подчиниться *); но что касается примѣненія теоріи въ жизни, то онъ всегда обращался съ ними съ большой мягкостью. Онъ привязывался къ нимъ до такой степени, что плакалъ, если кто изъ нихъ умиралъ. Вѣроятно, это не въ обычаѣ, такъ какъ мы видимъ, что онъ въ этомъ почти оправдывается передъ своимъ другомъ Аттикомъ. „Я очень разстроенъ, писалъ онъ ему; у меня умеръ юноша по имени Сосіеей, бывший у меня чтедомъ, и я огорченъ этимъ больше, чѣмъ, быть-можетъ, полагается огорчаться смертью раба **).“ Во всей его перепискѣ встрѣчается упоминаніе лишь объ одномъ рабѣ, на кого онъ, дѣйствительно, разсерженъ: это нѣкто Діонисій, котораго онъ отыскиваетъ повсюду, даже въ глуши Иллиріи, и котораго онъ хочетъ заполучить назадъ, во что бы то ни стало ***); но Діонисій укралъ у него книги, а это было непростительное преступленіе въ глазахъ

*) *De offic.*, II, 7.

**) *Ad Att.*, I, 12.

***) *Ad fam.*, XIII, 77.

Цицерона. Его рабы также очень его любили. Онъ хвалится вѣрностью, проявленную ими во время его несчастій и, намъ извѣстно, что въ послѣдній моментъ они хотѣли дать себя убить за него, если бы онъ имъ не помѣшалъ.

Среди нихъ есть одинъ, котораго мы знаемъ лучше другихъ и который пользовался исключительной его привязанностью; это — Тиронъ. Имя, какое онъ носить, латинское, а это даетъ основаніе предполагать, что онъ былъ однимъ изъ рабовъ, рожденных въ домѣ господина (*vernae*), и считавшихся больше, чѣмъ другіе принадлежащими къ семьѣ, потому что они никогда ее не покидали. Цицеронъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ его и далъ ему хорошее образованіе. Быть-можетъ, онъ самъ взялъ на себя трудъ докончить его воспитаніе. Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя его учителемъ и любитъ журить его за его манеру писать. Онъ питалъ всегда къ нему горячую привязанность, а подъ конецъ не могъ даже безъ него обходиться. Его роль въ домѣ Цицерона была очень значительна, а его обязанности очень разнообразны. Онъ въ немъ олицетворялъ порядокъ и экономію, не принадлежавшіе къ числу обычныхъ качествъ его господина. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ, и черезъ его руки проходили всѣ денежные дѣла. Каждое первое число на его обязанности лежало напомнить неаккуратнымъ должникамъ или успокоить слишкомъ назойливыхъ займодавцевъ; онъ провѣрялъ счета управляющаго Эроса, не всегда правильно составленные; онъ велъ сношенія съ банкирами, поддерживавшими Цицерона въ трудныя минуты. Всякій разъ, какъ предстояло какое-либо щекотливое порученіе, обращались къ нему, какъ на примѣръ, въ томъ случаѣ, когда надо было потребовать уплату какихъ-то денегъ съ Долабеллы, но нужно было сдѣлать это такъ, чтобы не слишкомъ того изобидѣть. Тщательность, съ какою онъ занимался наиболее важными дѣлами, не избавляла его отъ порученій и относительно пустяковъ. Ему поручали наблюдать за садами, слѣдить за рабочими, посѣщать постройки; даже завѣдываніе столомъ входило въ число его обязанностей, и ему поручали разослать приглашенія на обѣдъ, что не всегда представлялось легкимъ дѣломъ, такъ какъ необходимо было пригласить лишь подходящихъ

другъ къ другу гостей, „а Терція не хочетъ игти, если приглашенъ Публий *)“. Но больше всего оказывалъ онъ услуги Цицерону въ качествѣ его секретаря. Онъ писалъ почти также быстро, какъ говорили, и одинъ только могъ понимать почеркъ своего господина, котораго не могли разбирать обыкновенные переписчики. Для Цицерона онъ былъ больше, чѣмъ секретарь, онъ былъ его довѣреннымъ и даже его сотрудникомъ. Авлъ-Геллій утверждаетъ, что онъ помогалъ ему писать его сочиненія **), и переписка Цицерона не о про-вергаетъ этого мнѣнія. Однажды, когда Тиرونъ лежалъ больной въ одномъ изъ загородныхъ домовъ, Цицеронъ писалъ ему, что Помпей, гостившій въ то время у него, потребо-валъ, чтобы онъ ему что-либо прочелъ новое, на что онъ отвѣтилъ ему, что теперь все въ его домѣ онѣмѣло, такъ какъ нѣтъ Тирона. „Мы или, вѣрнѣе, наше писательство, при-бавляетъ онъ, страдаетъ отъ твоего отсутствія. Возвращайся же поскорѣе, чтобы наши музы вновь ожили ***).“ Въ это время Тиرونъ былъ еще рабомъ. Онъ былъ отпущенъ на сво-боду значительно позднѣе, приблизительно около 70 года. Всѣ близкіе Цицерона одобряли этотъ актъ справедливаго возмездія за столько вѣрныхъ услугъ. Квинтъ, который былъ тогда въ Галліи, поспѣшилъ написать своему брату, благодаря его, что онъ далъ ему новаго друга. Впослѣдствіи Тиرونъ купилъ небольшое поле, несомнѣнно за счетъ щедрости своего господина, и Маркъ въ письмѣ, написанномъ ему изъ Аѳинъ, шутливо подсмѣивается надъ нимъ по по-воду новыхъ вкусовъ, которые должны развиться въ немъ, благодаря этой покупкѣ. „Итакъ, ты теперь собственникъ, говорить онъ ему; тебѣ нужно отвыкать теперь отъ удобствъ города и сдѣлаться настоящимъ римскимъ земледѣльцемъ. Я испытываю не малое удовольствіе, представляя тебя себѣ отсюда въ твоемъ новомъ видѣ. Мнѣ кажется, что я вижу тебя покупающимъ сельско-хозяйственныя орудія, бесѣду-ющимъ съ фермеромъ или собирающимъ за десертомъ въ полу своего платья сѣмена для твоего сада ****).“ Но и будучи

*) *Ad fam.*, XVI, 22.

**) А. Геллій, VII, 3.

***) *Ad fam.*, XVI, 21.

****) *Ibid.*, XVI, 21.

собственникомъ и отпущенникомъ, Тиронъ продолжалъ служить своему господину не менѣе, чѣмъ когда былъ его рабомъ.

Здоровье Тирона вообще было плохое, но этимъ, однако, не стѣснялись. Всѣ его любили и подъ этимъ предлогомъ всѣ заставляли его что-либо дѣлать. Всѣ какъ бы сговорились злоупотреблять его услужливостью, которая была неисчерпаема. Квинтъ, Атикъ, Маркъ требовали отъ него непрерывныхъ извѣстій о Римѣ и Цицеронѣ. При каждомъ увеличеніи работы у его господина, большая часть ея приходилась на его долю, такъ что онъ часто захварывалъ отъ усталости. Во время управленія Киликіею онъ такъ переутомился, что Цицеронъ, возвращаясь, принужденъ былъ оставить его въ Патрасѣ. Ему было очень тяжело разстаться съ нимъ и чтобы высказать ему это, онъ писалъ ему по три раза въ одинъ день. Заботливость, какую обнаруживалъ Цицеронъ при всякомъ случаѣ по поводу его хрупкаго здоровья, была безконечна: онъ готовъ былъ самъ стать врачомъ, чтобы лѣчить его. Однажды, когда онъ оставилъ его нездоровымъ въ Тускулумѣ, онъ писалъ ему: „Позаботься о своемъ здоровьѣ, которымъ пренебрегалъ до сихъ поръ, лишь бы услужить мнѣ. Ты знаешь, что для этого требуется: хорошее пищевареніе, отдыхъ, умѣренныя движенія, развлеченіе и нѣкоторая діета. Возвращайся же молодцомъ, а за это я буду еще больше любить и тебя и Тускулумъ *)“. Когда болѣзнь была серьезнѣе, совѣты и наставленія значительно удлинялись. Вся семья собиралась вмѣстѣ, чтобы писать ему, и Цицеронъ съ перомъ въ рукѣ высказывалъ ему отъ имени своей жены и дѣтей: „Если ты насъ всѣхъ любишь, а въ особенности меня, который тебя воспиталъ, ты позаботишься, чтобы выздороvть, какъ можно скорѣе... Прошу тебя, пожалуйста не считайся съ расходами. Я писалъ Курію, чтобы онъ далъ тебѣ все, что ты потребуешь, и [чтобы онъ былъ поощрѣнъ съ врачомъ, лишь бы онъ былъ повнимательнѣе. Ты мнѣ оказалъ неизчислимыхъ услуги дома, на форумѣ, въ Римѣ, въ провинціи, въ моихъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ, въ моихъ ученыхъ занятіяхъ и въ пи-

*) *Ad fam.*, XVI, 18.

санѣн писемъ; но ты мнѣ окажешь еще услугу, если, какъ я надѣюсь, я снова увижу тебя въ добромъ здоровьѣ *)“. За такую любовь Тиронъ платилъ горячею привязанностью и неутомимою преданностью. Несмотря на хрупкость своего здоровья, онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ и можно сказать, что вся его долгая жизнь была отдана имъ на службу его господину. Его усердіе не ослабѣло и послѣ смерти Цицерона, и онъ пекся о немъ до послѣдней своей минуты. Онъ написалъ его біографію, издалъ его ранѣе неизданные труды; чтобы ничего не пропало, онъ собралъ мельчайшія его замѣчанія и острые слова, и сборникъ этотъ, какъ говорятъ, былъ очень великъ, такъ какъ его преклоненіе не позволяло ему дѣлать выбора. Наконецъ, онъ выпустилъ его рѣчи въ великолѣпныхъ изданіяхъ, съ которыми считались еще во времена Авла Геллія. За эти услуги Цицеронъ, такъ дорожившій своею литературною славою, былъ бы, конечно, всего болѣе благодаренъ своему вѣрному отпущеннику.

Взаимныя отношенія Тирона и его господина невольно заставляютъ думать, что античное рабство, взятое съ этой стороны и въ домѣ такого человѣка, какъ Цицеронъ, было уже не такъ плохо. Очевидно, нравы значительно смягчились въ эту эпоху, и литература болѣе всего способствовала этому прогрессу. Она распространила среди всѣхъ занимавшихся ею новую добродѣтель, названіе которой часто встрѣчается въ философскихъ сочиненіяхъ Цицерона, — гуманность, то-есть такое развитіе ума, которое смягчаетъ и облагораживаетъ душу. Благодаря ея вліянію рабство, не тронутое въ корню, было глубоко измѣнено въ своихъ послѣдствіяхъ. Это измѣненіе произошло безъ всякаго шума. Никто не старался итти на проломъ протівъ господствовавшихъ предразсудковъ; до самаго Сенеки никто не настаивалъ на правахъ раба считаться человѣкомъ, и попрежнему продолжали исключать его изъ всѣхъ великихъ теорій о человѣческомъ братствѣ; но въ дѣйствительности никто не воспользовался болѣе его смягченіемъ нравовъ. Мы видѣли сейчасъ, какъ Цицеронъ обращался со своими рабами, а онъ не былъ исключеніемъ. Атикъ обращался съ ними

*) *Ad fam.*, XVI, 3 и 4.

также, и подобная гуманность сдѣлалась какимъ-то долгомъ чести, въ исполненіе котораго соревновали всѣ люди образованные и воспитанные. Нѣсколькими годами позже Плиній Младшій, также принадлежавшій къ этому кругу, говорить съ трогательной грустью о болѣзняхъ и смерти своихъ рабовъ. „Я знаю, говоритъ онъ, что многіе смотрятъ на этого рода несчастія, какъ на простую потерю имущества, и что, думая такъ, они считаютъ себя великими и мудрыми. Что касается меня, я не знаю, дѣйствительно ли они такъ велики и мудры, какъ сами о себѣ воображаютъ, но я знаю хорошо, что они не достойны званія человѣка *)“. Именно такъ были чувства всего образованнаго общества того времени. Такимъ образомъ, рабство потеряло большую часть своей суровости къ концу римской республики и въ первыя времена имперіи. Этотъ прогрессъ, который обыкновенно приписываютъ христіанству, былъ много древнѣе его и справедливо долженъ быть отнесенъ къ чести философіи и литературы.

Кромѣ отпущенниковъ и рабовъ, составлявшихъ часть семьи богатаго римлянина, съ ней были связаны, хотя и не столь тѣсными узами, еще другія лица, а именно кліенты. Несомнѣнно, древнее учрежденіе кліентства къ этому времени утеряло уже большую часть своего серьезнаго и священнаго характера. Прошло то время, когда Катонъ говорилъ, что кліенты должны считаться въ семьѣ выше родственниковъ и людей близкихъ и что званіе патрона идетъ непосредственно послѣ званія отца. Эти узы значительно ослабѣли и обязательства, налагавшіяся ими, стали значительно слабѣе. Изъ всѣхъ нихъ исполнялась почти только одна обязанность — а именно обязанность для кліентовъ приходить къ патрону по утрамъ, чтобы пожелать ему добраго утра. Квинтъ, въ любопытномъ письмѣ, адресованномъ его брату по поводу его кандидатуры въ консулы, подраздѣляетъ всѣхъ кліентовъ на три разряда: къ первому относятся тѣ, которые довольствуются утренними посѣщеніями; это главнымъ образомъ не особенно близкіе друзья или лю-

*) Однако, Виргилій, оставшійся вѣрнымъ древнимъ традиціямъ, помѣщаетъ въ Аду патрона, обманувшаго своего кліента, рядомъ съ сыномъ, ударившимъ своего отца.

бопытные, приходящіе узнать новости, а часто даже обходящіе всѣхъ кандидатовъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе прочесть на ихъ лицахъ шансы каждаго;—ко второму разряду относятся тѣ, которые сопровождаютъ своего патрона на форумъ, образуя вокругъ него свиту, въ то время какъ онъ дѣлаетъ два или три круга по базиликѣ, чтобы всѣ могли замѣтить, что это выступаетъ важная особа;—и, наконецъ, третій разрядъ составляютъ всѣ тѣ, которые не оставляютъ его ни на минуту все время, пока онъ находится внѣ дома и которые провожаютъ его до дому, равно какъ и заходятъ за нимъ по утрамъ. Эти кліенты самые важные и преданные, не щадящіе своего времени; главнымъ образомъ благодаря ихъ усердно кандидатъ и добивается желаемыхъ должностей *).

Тотъ, кто имѣлъ счастье принадлежать къ богатой и знатной семьѣ, тотъ получалъ по наслѣдству совершенно готовую кліентуру. Какой-нибудь Клодій или Корнелій еще раньше, чѣмъ могъ оказать кому-либо какую-либо услугу, могъ быть увѣренъ, что найдетъ каждое утро свою пріемную полную людьми, связанными съ его семьею признательностью, и, являясь на форумъ защищать свое первое дѣло, онъ, производилъ впечатлѣніе числомъ сопровождавшихъ его кліентовъ. Цицеронъ не имѣлъ такого преимущества, но хотя своими кліентами онъ былъ обязанъ всецѣло самому себѣ, все же число ихъ у него было очень значительно. Въ это время постоянной страстной борьбы, когда самые благонамѣренные граждане постоянно подвергались невѣроятнымъ обвиненіямъ, многимъ приходилось по необходимости прибѣгать для собственной защиты къ его таланту. Онъ охотно помогалъ имъ, потому что у него не было иного способа составить себѣ кліентуру, какъ лишь оказывая всѣмъ побольше услугъ. Быть-можетъ, такое соображеніе руководило имъ, главнымъ образомъ, и тогда, когда онъ бралъ на себя защиту столькихъ сомнительныхъ дѣлъ. Такъ какъ онъ выступилъ впервые на форумъ почти въ одиночествѣ, безъ всякой свиты обязанныхъ ему людей, придающихъ окружаемому ими человѣку особый вѣсъ, то ему не слѣдова-

*) *De petit. cons.*, 9.

мо быть особо разборчивымъ для скорѣйшаго составленія себѣ такой свиты и ея увеличенія. Какъ бы не претило его честному уму браться за сомнительный процессъ, его честолюбіе не могло сопротивляться удовольствію прибавить еще одного человѣка къ толпѣ лицъ, его сопровождавшихъ. Въ этой толпѣ, по словамъ его брата, находились граждане всякаго возраста, положеніе и состоянія. Наряду съ важными лицами тамъ, несомнѣнно, имѣлось и много тѣхъ ничтожныхъ людишекъ, изъ которыхъ обыкновенно состояли такого рода кортежи. Упомянувъ о народномъ трибунѣ Мемміи Гемеллѣ, бывшаго покровителемъ Лукреція, Цицеронъ называетъ его своимъ кліентомъ *).

Не въ одномъ только Римѣ были у Цицерона кліенты и обязанныя ему лица; изъ его переписки видно, что его покровительство простиралось гораздо дальше и что ему писали отовсюду, прося о какихъ-либо услугахъ. Въ то время римляне распространились по всему свѣту; покоривъ міръ, они занялись его эксплуатаціей. Вслѣдъ за легіонами и почти по ихъ пятамъ въ покоряемыя провинціи устремлялись толпы ловкихъ и предприимчивыхъ людей попытать тамъ счастья; они умѣли приспособлять свои таланты къ источникамъ и потребностямъ каждой страны. Въ Сициліи и въ Галліи они обрабатывали обширныя поля и спекулировали на винѣ и хлѣбѣ; въ Азіи, гдѣ имѣлось столько богатыхъ, но задолженныхъ городовъ, они дѣлались банкирами, то-есть своими дорогими займами доставляли имъ быстрое и вѣрное средство раззориться. Вообще они мечтали вернуться въ Римъ, лишь только разбогачются, а чтобы вернуться поскорѣе, они всячески старались поскорѣе разбогатѣть. Такъ какъ они не навсегда селились въ покоренныхъ странахъ, а оставались въ нихъ лишь временно, то, не имѣя тамъ никакихъ коренныхъ связей и привязанностей, они обращались съ ними безъ состраданія и вызывали къ себѣ только ненависть. Ихъ часто преслѣдовали и судили, и они очень нуждались въ хорошихъ защитникахъ. Вотъ почему они старались заручиться поддержкою хорошихъ ораторовъ, особенно Цицерона, считавшагося въ то время наилучшимъ

*) *Ad fam.*, XIII, 19.

изъ всѣхъ. Его талантъ и его вліяніе были совсѣмъ лишніе, чтобы помогать имъ выпутываться изъ разныхъ плохихъ дѣлъ, въ какихъ они попадались.

Если есть желаніе поближе познакомиться съ однимъ изъ такихъ крупныхъ римскихъ негоціантовъ, походившихъ своимъ характеромъ и своею участію до нѣкоторой степени на современныхъ спекуляторовъ, то слѣдуетъ прочесть рѣчь, сказанную Цицерономъ въ защиту Рабирія Постума. Въ ней онъ рассказываетъ всю исторію своего кліента. Эта исторія очень поучительна и ее стоитъ рассказать здѣсь вкратцѣ, чтобы дать представленіе о томъ, каковы были тѣ дѣловые римскіе люди, которые такъ часто прибѣгали къ его обязательному слову. Рабирій, сынъ богатаго и ловкаго откупщика, отъ природы былъ одаренъ предприимчивостью. Онъ не ограничивался какимъ-либо однимъ родомъ торговли, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ Цицеронъ говорилъ, что имъ извѣстны всѣ пути, гдѣ можно нажить деньги, *omnes vias pecuniae norunt* ¹⁾. Онъ занимался всевозможными дѣлами и съ одинаковымъ успѣхомъ; многія изъ нихъ онъ предпринималъ на свой личный рискъ, но часто присоединялся и къ чужимъ предпріятіямъ. Онъ бралъ на откупъ общественные налоги; онъ ссужалъ деньги какъ частнымъ лицамъ, такъ и провинціямъ и царямъ. Столь же щедрый, какъ и богатый, онъ позволялъ своимъ друзьямъ широко пользоваться своимъ состояніемъ. Онъ создавалъ для нихъ должности, заинтересовывалъ ихъ въ своихъ дѣлахъ и дѣлился съ ними своими барышами. Поэтому онъ пользовался въ Римѣ большой популярностью; но какъ это бываетъ, его благополучіе и погубило его. Онъ одолжилъ огромную сумму денегъ египетскому царю Птоломею Авлегу, платившему ему, вѣроятно, большіе проценты. Когда этотъ царь былъ изгнанъ своими подданными, Рабирій оказался вынужденнымъ сдѣлать ему новые авансы для того, чтобы вернуть свои ранѣ данныя ему деньги. Онъ истратилъ свое состояніе и даже состояніе своихъ друзей на его расходы; онъ устроилъ ему великолѣпный царскій вѣздъ въ Римъ, когда Птоломей пріѣхалъ просить помощи у се-

¹⁾ *Ad Quint.*, I, 1.

ната, и, что стоило ему еще дороже, онъ далъ ему средства, чтобы подкупить наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ. Дѣло Птолемея казалось выиграннымъ. Разсчитывая на признательность царя, наиболѣе важные люди оспаривали другъ у друга честь или, вѣрнѣе, выгоду вернуть его вновь на царство. Леантуллъ, бывшій въ то время проконсуломъ Киликіи, полагалъ, что сдѣлать это долженъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Помпей, принимавшій молодого царя въ своемъ альбійскомъ домѣ, требовалъ, чтобы это дѣло было поручено ему. Такое соперничество все погубило. Такъ какъ тутъ столкнулись противоположные интересы, то чтобы не вызывать антагонизма, предоставляя кому-нибудь одному воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ, сенатъ рѣшилъ не предоставлять его никому. Какъ говорятъ, Рабирій, знавшій хорошо римлянъ, далъ тогда царю смѣлый совѣтъ обратиться непосредственно къ одному изъ тѣхъ авантюристовъ, которыми въ то время кишѣлъ Римъ и которые не отступали ни передъ чѣмъ ради денегъ. Сиріей тогда управлялъ бывшій трибунъ Габиній и ему обѣщали 10.000 талантовъ (55 милліоновъ фр.), если онъ рискнетъ открыто не подчиниться декрету сената. Сумма была велика. Габиній согласился, и его войска вернули Птолемея въ Александрію.

Какъ только Рабирій узналъ, что Птоломей возстановленъ на своемъ царствѣ, онъ поспѣшилъ явиться къ нему. Чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ обратномъ полученіи своихъ денегъ, онъ согласился сдѣлаться его главнымъ управляющимъ (*divecetes*) или, какъ принято говорить теперь, его министромъ финансовъ. Онъ облекся въ греческую мантию, къ великому скандалу строгихъ римлянъ, и возложилъ на себя знаки своей должности. Онъ принялъ ее лишь съ тою мыслью, что скорѣе всего онъ разсчитается, если самъ будетъ платить себѣ собственными руками. Онъ и попытался сдѣлать это и, какъ кажется, собирая деньги, обѣщанныя Габинію, онъ оставлялъ тайкомъ часть въ уплату себѣ; но разоряемые народы возопили, и царь, которому Рабирій сдѣлался невыносимымъ послѣ того, какъ сдѣлался ему ненужнымъ, безъ сомнѣнія, обрадовался удобному предлогу избавиться отъ надоедливаго заимодавца и велѣлъ бросить его въ тюрьму, грозя ему даже смертю. Рабирій воспользовался

случаемъ и бѣжалъ изъ Египта, счастливый тѣмъ, что хотя самъ спасся живымъ. У него остался всего лишь одинъ источникъ денежныхъ средствъ. Еще управляя финансами царя, онъ закупилъ за свой собственный счетъ разныхъ египетскихъ товаровъ — бумаги, льна, стекла и нагрузилъ ими нѣсколько кораблей, прибывшихъ теперь съ нѣкоторымъ блескомъ въ Пуцолы. Слухъ объ этомъ дошелъ до Рима, и такъ какъ все привыкли вѣрить въ удачу Рабирія, то молва охотно преувеличила число кораблей и цѣнность груза. Потихоньку даже говорили, что среди этихъ кораблей есть одинъ маленький, который скрываютъ, безъ сомнѣнія, потому что онъ наполненъ золотомъ и драгоценностями. Къ несчастью для Рабирія во всехъ этихъ разсказахъ не было ни слова правды. Маленькій корабль существовалъ лишь въ воображеніи разсказчиковъ, а товары, привезенные на остальныхъ, продавались плохо, и Рабирій окончательно раззорился. Его неудача поразила весь Римъ и занимала его цѣлый сезонъ. Друзья, которымъ онъ такъ великодушно помогалъ, бросили его; общественное мнѣніе, бывшее къ нему до сихъ поръ благосклоннымъ, вооружилось противъ него. Самые снисходительные называли его глупцомъ, а самые злонамѣренные утверждали, что онъ только притворяется бѣднякомъ, чтобы не платить своимъ кредиторамъ. Однако, несомнѣнно, что у него ничего не было и жилъ онъ лишь щедротами Цезаря, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые остались ему вѣрными въ его несчастіи. Цицеронъ также не забылъ его. Онъ помнилъ, что во время его изгнанія Рабирій пришелъ ему на помощь и заплатилъ людямъ, его сопровождавшимъ. Поэтому, когда его захотѣли замѣшать въ процессъ Габинія, онъ поспѣшилъ взять на себя его защиту и добился, по крайней мѣрѣ, того, что сохранилъ ему честь и свободу.

Во всей этой картинѣ недостаетъ одной черты. Цицеронъ говоритъ въ своей рѣчи, что Рабирій былъ не очень образованъ. Его жизнь была такъ полна всякими дѣлами, что у него не оставалось времени, чтобы подумать о своемъ образованіи; но это не было правиломъ: извѣстно, что многіе изъ его сотоварищей по завятію, несмотря на свои малолитературныя занятія, были, тѣмъ не менѣе, людьми и раз-

витыми и образованными. Цицеронъ, рекомендуя Сульпицію одного негоціанта изъ Теспій, писалъ ему: „Ему нравятся наши занятія *)“. Онъ смотрѣлъ на Курія Патрасскаго какъ на одного изъ тѣхъ, кто лучше всѣхъ сохранилъ способность къ древней римской шутливости. „Спѣши вернуться въ Римъ, писалъ онъ ему, дабы не лишиться совсѣмъ городского лоска **).“. Всадники, соединявшіеся въ могущественныя компаніи и бравшіе на откупъ общественныя налоги, были также люди образованные и принадлежавшіе къ хорошему обществу. Цицеронъ, вышедшій изъ ихъ рядовъ, имѣлъ сношенія почти со всѣми ими, но, какъ кажется, особенно близокъ онъ былъ къ компаніи, бравшей на откупъ пастбища въ Азіи, и онъ говоритъ, что она считалась подъ его покровительствомъ.

Это покровительство распространялось также и на людей, не бывшихъ римлянами по происхожденію. Чужеземцы, понятно, смотрѣли какъ на большую честь и преимущество для себя находиться въ какихъ-либо отношеніяхъ съ какою-нибудь извѣстной личностью Рима. Они не могли быть ея кліентами, они желали хотя бы сдѣлать ихъ своими гостями. Въ то время, когда было такъ мало удобныхъ гостинницъ въ странахъ, черезъ которыя приходилось проѣзжать, необходимо было, отправляясь въ далекую поѣздку, озаботиться пріобрѣтеніемъ услужливыхъ друзей, которые готовы были бы дать пріютъ путешественнику. Въ Италіи богатые люди покупали себѣ для ночлеговъ небольшіе домики по всѣмъ дорогамъ, по которымъ чаще всего имъ приходилось ѣздить; но въ другихъ мѣстахъ странствовали отъ одного знакомаго до другого. Часто было тяжелою обязанностью дать такой пріютъ богатому римлянину. Съ нимъ всегда ѣхало много слугъ. Цицеронъ рассказываетъ намъ, что онъ встрѣтилъ въ глубинѣ Азіи, П. Ведія „съ двумя повозками, съ экипажемъ, носилками, лошадьми, многочисленными рабами да еще, кромѣ того, съ обезьяной на небольшой колесницѣ и большимъ количествомъ дикихъ ословъ ***).“. А Ведій былъ

*) *Ad fam.*, XIII, 22.

**) *Ibid.*, VII, 31.

***) *Ad Att.*, VI, 1.

всего лишь малоизвѣстный римлянинъ. Можно себѣ представить поэтому, какую свиту тащилъ за собою проконсулъ или преторъ, когда они отправлялись въ назначенную имъ провинцію! Однако, хотя ихъ прѣздъ и истощалъ тѣхъ, кто ихъ принималъ, люди оспаривали другъ у друга эту раззорительную честь, потому что находили тысячу выгодъ заручиться ихъ поддержкой. Цицеронъ имѣлъ такихъ гостепріимныхъ пріятелей во всѣхъ большихъ городахъ, Греціи и Азіи и почти всегда это были первые граждане. Сами цари, какъ, напримѣръ, Дейотаръ и Аріобарзанъ, не гнушались его пріятельствомъ. Такіе важные города, какъ Волатерры, Ателла, Спарта, Пафосъ постоянно обращались къ его покровительству и оплачивали ему за это общественными почестями. Въ числѣ его кліентовъ имѣлись цѣлыя провинціи, почти цѣлыя націи, а послѣ дѣла Верреса, напримѣръ, онъ сталъ защитникомъ и патрономъ всей Сициліи. Этотъ обычай пережилъ республику, и во времена Тацита извѣстные ораторы все еще имѣли среди своихъ кліентовъ цѣлыя провинціи и царства. Это было единственное величіе, оставшееся у краснорѣчія.

Мнѣ кажется, что всѣ эти подробности достаточно познакомили насъ съ тѣмъ, какова была жизнь важной личности той эпохи. Если ограничиться изученіемъ лишь нѣсколькихъ лицъ, составлявшихъ собою то, что называется теперь семьею, то жизнь Цицерона, разсматриваемая въ его отношеніяхъ къ женѣ и дѣтямъ, въ достаточной мѣрѣ походитъ на нашу. Чувства, лежащія въ основѣ человѣческой природы, не измѣнились, и они приводятъ всегда почти къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Заботы, омрачавшія очагъ Цицерона, его радости и горести не чужды и намъ; но если только выйти изъ этого круга и помѣстить римлянина посреди толпы его слугъ и близкихъ, различіе между тогдашнимъ обществомъ и нашимъ ясно бросается въ глаза. Въ настоящее время жизнь стала болѣе однородною и простою. У насъ нѣтъ болѣе ни тѣхъ невѣроятныхъ богатствъ, ни тѣхъ обширныхъ связей, ни того огромнаго числа людей, связанныхъ съ нашимъ богатствомъ. То, что мы зовемъ теперь въ какомъ-нибудь хозяйствѣ жизнью на широкую ногу, въ то время едва ли было достаточно для одного изъ тѣхъ мелкихъ служащихъ, на

обязанности котораго лежало собирать подати въ какомъ-нибудь провинціальномъ городкѣ. Знатный господинъ или даже просто богатый римскій всадникъ не довольствовались такой малостью. Когда подумаешь о тѣхъ массахъ рабовъ, которые толпились и въ ихъ домахъ и на ихъ земляхъ, обо всѣхъ этихъ отпущенникахъ, составлявшихъ при нихъ какъ бы особый дворъ, о томъ множествѣ кліентовъ, запруждавшихъ улицы Рима, по которымъ они проходили, о тѣхъ пріятеляхъ, которыхъ они имѣли по всему свѣту, о городахъ и царствахъ, умолявшихъ объ ихъ покровительствѣ, тогда лучше начинаешь понимать силу ихъ слова, гордость ихъ манеръ, власть ихъ краснорѣчія, важность ихъ поведенія и то чувство личнаго достоинства, какое они обнаруживали во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и во всѣхъ своихъ рѣчахъ. Именно въ этомъ чтеніе писемъ Цицерона оказываетъ намъ большую услугу. Давая намъ хоть нѣкоторое представленіе о великихъ существованіяхъ, нынѣ намъ совсѣмъ уже непонятныхъ, они тѣмъ самымъ даютъ намъ возможность лучше понимать общество того времени.

Аттикъ.

Изъ всѣхъ лицъ, переписывавшихся съ Цицерономъ, ни одно не поддерживало съ нимъ такихъ продолжительныхъ и правильныхъ сношеній, какъ Аттикъ. Ихъ взаимныя сношенія продолжались безъ всякаго перерыва и безъ всякихъ недоразумѣній до самой смерти Цицерона. При самой краткой разлукѣ они обязательно переписывались и, когда было можно, писали даже по нѣскольку разъ въ день. Эти письма то краткія, чтобы обмѣняться пришедшимъ на умъ воспоминаніемъ, то длинныя и обдуманныя, когда событія были важнѣе, то шутивыя, то серьезныя, смотря по обстоятельствамъ, и писавшіяся наспѣхъ, гдѣ придется, эти письма содержали въ себѣ всю жизнь обоихъ друзей. Цицеронъ очень удачно охарактеризовалъ ихъ, сказавъ: „Это разговоръ между нами“. Къ несчастью, въ настоящее время мы слышимъ только одного изъ двухъ собесѣдниковъ, такъ что разговоръ обратился въ монологъ. Издавая письма своего друга, Аттикъ поостерегся присоединить къ нимъ свои собственныя. Безъ сомнѣнія, онъ не хотѣлъ слишкомъ обнаружить своихъ чувствъ, а его осторожность побуждала его скрывать отъ публики свои сокровенныя мнѣнія и свою интимную жизнь; но онъ напрасно хотѣлъ укрыться, такъ какъ обширная переписка, какую велъ съ нимъ Цицеронъ, достаточно знакомитъ насъ съ нимъ и даетъ намъ возможность безъ труда составить себѣ точное представленіе о томъ лицѣ, къ кому она обращалась. Эта личность, несомнѣнно, является одною изъ самыхъ любопытныхъ той важной эпохи и вполне заслуживаетъ того, чтобы съ ней познакомиться поподробнѣе.

I.

Аттику было двадцать лѣтъ, когда началась война между Маріемъ и Суллою. Онъ видѣлъ ее вблизи и едва самъ не сдѣлался ея жертвою; трибунъ Сульпицій, одинъ изъ главныхъ вождей народной партіи, бывшій его родственникомъ, былъ убитъ по приказу Суллы вмѣстѣ съ его сторонниками и друзьями, а такъ какъ Атикъ часто посѣщалъ его, то и ему грозила тогда опасность. Эта первая опасность рѣшила всю его жизнь. Но несмотря на свой возрастъ, онъ обладалъ осторожнымъ и твердымъ духомъ, а потому и не впалъ въ отчаяніе, а сталъ думать и разсуждать. Если онъ имѣлъ въ это время нѣкоторые проблески политическаго честолюбія и намѣреніе добиться почестей, то онъ отказался отъ этого безъ всякаго усилія, когда увидѣлъ, какою цѣною приходится иногда за это расплачиваться. Онъ понялъ, что такая республика, гдѣ захватываютъ власть силою, обречена на гибель, а погибая, она можетъ увлечь за собою и всѣхъ тѣхъ, кто ей служилъ. Поэтому онъ рѣшилъ держаться подальше отъ дѣлъ, и вся его политика состояла отнынѣ въ томъ, чтобы создать себѣ надежное положеніе внѣ партій и вдали отъ опасностей.

Однажды Сіейса (Sieyès) спросили: „Что вы дѣлали во время террора?—Что я дѣлалъ,—отвѣтилъ онъ,—я жилъ“. И этого было много. Атикъ же сдѣлалъ еще больше. Онъ жилъ во время террора, длившагося ни нѣсколько мѣсяцевъ, а нѣсколько лѣтъ. Какъ будто бы, чтобы испытать его осторожность и ловкость, ему назначено было жить въ самую смутную историческую эпоху. Онъ былъ свидѣтелемъ трехъ гражданскихъ войнъ; при немъ Римъ четыре раза становился добычей различныхъ диктаторовъ, и при каждой новой побѣдѣ происходили новыя убійства. И онъ жилъ ни гдѣ-нибудь въ глуши, позабытый, неизвѣстный и смиренный, а въ самомъ Римѣ и на виду у всѣхъ. Все способствовало тому, чтобы привлечь на него вниманіе; онъ былъ богатъ, а мотивъ этотъ самъ по себѣ былъ достаточенъ, чтобы попасть въ проскрипціонные списки; онъ имѣлъ извѣстную репутацію умнаго человѣка; онъ охотно посѣщалъ власть имущихъ и благодаря именно этимъ связямъ и самъ считался

вліятельнымъ. Однако, онъ сумѣлъ избѣгнуть всѣхъ опасностей, вытекавшихъ изъ его положенія и богатства, и даже нашелъ возможность увеличивать свое значеніе послѣ каждаго изъ этихъ переворотовъ, казалось грозившихъ ему гибелью. Каждое измѣненіе въ высшемъ управленіи, лишавшее его друзей власти, дѣлало его и богаче и вліятельнѣе, такъ что при послѣднемъ переворотѣ онъ совершенно естественно занялъ мѣсто почти наравнѣ съ новымъ властителемъ. Помощью какой удивительной ловкости и какихъ чудесныхъ хитроумныхъ комбинацій достигъ онъ того, что жилъ въ почетѣ, богатствѣ и могуществѣ въ то время, когда и просто жить было такъ трудно? Эта задача была очень трудная, и вотъ какъ онъ ее рѣшилъ.

При первыхъ же убійствахъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, Атикъ рѣшилъ жить отънынѣ вдали отъ политическихъ дѣлъ и партій; но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется, и самой твердой воли недостаточно, чтобы этого достигнуть. Можно сколько угодно заявлять, что желаешь остаться нейтральнымъ, молва все равно причислитъ такого человѣка къ той или другой партіи на основаніи его имени, традицій его семьи, его личныхъ связей и первыхъ обнаруженныхъ имъ предпочтеній. Атикъ понялъ, что для того, чтобы избѣжать подобнаго насильственнаго вовлеченія въ политику и чтобы окончательно сбить съ толку общественное мнѣніе, ему необходимо покинуть Римъ и покинуть его надолго. Онъ надѣялся путемъ такого добровольнаго изгнанія приобрести для себя полную свободу и разорвать тѣ узы, какія, помимо его воли, связывали его еще съ прошлымъ. Но если онъ и хотѣлъ скрыться изъ глазъ своихъ согражданъ, то въ его намѣреніе вовсе не входило, чтобы о немъ всѣ забыли. Онъ рассчитывалъ вернуться и вовсе не хотѣлъ возвращаться какъ никому невѣдомый чужеземецъ и терять выгодныхъ для него первыхъ дружественныхъ связей. Поэтому-то онъ и выбралъ для своего пребыванія не какое-нибудь отдаленное имѣніе въ безвѣстной провинціи, ни какой-нибудь изъ тѣхъ неизвѣстныхъ городовъ, на которые не обращалось вниманія римскаго народа. Онъ удалился въ Аѳины, то-есть въ тотъ единственный городъ, который сохранилъ свою громкую извѣстность и который передъ лицомъ

Рима продолжалъ привлекать на себя удивленіе народовъ. Тамъ умѣло проявленной щедростію онъ скоро пріобрѣлъ всеобщую симпатію. Онъ раздавалъ хлѣбъ гражданамъ, онъ давалъ безпроцентныя ссуды этому городу философовъ, финансы котораго всегда находились въ затруднительномъ положеніи. Мало того, онъ плѣнилъ аѳинянъ лестью, направленною умѣло на самое ихъ чувствительное мѣсто. Онъ первый изъ всѣхъ римлянъ дерзнулъ открыто заявить свое восхищеніе передъ литературою и искусствами Греціи. До этого у его соотечественниковъ было принято восхищаться и заниматься греческимъ искусствомъ втайнѣ, а публично же осмѣивать его. Самъ Цицеронъ, во многихъ случаяхъ не считавшійся съ этимъ глупымъ предразсудкомъ, не смѣлъ, однако, показать, что ему слишкомъ хорошо знакомо имя какого-нибудь великаго скульптора; но Цицеронъ былъ государственнымъ мужемъ, и ему надлежало, быть-можетъ, показывать, по крайней мѣрѣ, порою остальнымъ народамъ то гордое презрѣніе, которое называлось римскою важностію. Необходимо было удовлетворять эту національную слабость, чтобы нравиться народу. Атикъ, въ народѣ совершенно не нуждавшійся, былъ свободнѣе; вотъ почему онъ такъ открыто смѣялся надъ обычаями. Съ самаго своего пріѣзда въ Аѳины онъ сталъ говорить и писать по-гречески, посѣщать, не скрываясь, мастерскія скульпторовъ и художниковъ, пріобрѣтать статуи и картины и сочинять трактаты объ искусствѣ. Аѳиняне были столько же очарованы, какъ и удивлены, увидѣвъ одного изъ своихъ побѣдителей, раздѣляющимъ ихъ любовь къ самымъ дорогимъ для нихъ предметамъ и протестующимъ такимъ образомъ противъ несправедливаго презрѣнія остальныхъ. Ихъ признательность, какъ извѣстно, всегда шумная, осыпала Атика всевозможною лестью. Издавали многочисленныя декреты въ его честь; предлагали ему всякія почетныя должности; хотѣли даже воздвигнуть ему статую. Атикъ поспѣшилъ отъ всего отказаться, но эффектъ былъ произведенъ, и слухъ о такой его популярности не замедлилъ дойти до Рима черезъ тѣхъ молодыхъ людей хорошихъ фамилій, которые пріѣзжали въ Грецію заканчивать свое образованіе. Такимъ образомъ, извѣстность Атика ничуть не пострадала отъ его отсутствія;

люди со вкусомъ бесѣдовали объ этомъ просвѣщенномъ любителѣ, выдѣлявшемся изъ общаго уровня даже въ Аѳинахъ, а въ это самое время большинство, не видя его болѣе, отвыкало ставить его въ связь съ какою-либо политическою партіею.

Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Оставалось сдѣлать боѣе важный другой. Атикъ скоро понялъ, что первымъ необходимымъ условіемъ, чтобы быть независимымъ, это надо быть богатымъ. Эта общая истина была еще очевиднѣе въ ту эпоху. Поведеніе сколькихъ людей во время гражданскихъ войнъ объясняется лишь ихъ матеріальнымъ положеніемъ. Куріонъ, не любившій Цезаря, имѣлъ лишь одинъ мотивъ, чтобы служить ему, это требовательность своихъ кредиторовъ. И самъ Цицеронъ среди главныхъ причинъ, мѣшавшихъ ему отправиться въ лагерь Помпѣя, куда влекли его всѣ симпатіи, указываетъ на деньги, которыя далъ ему взаймы Цезарь и вернуть которыя ему онъ былъ не въ состояніи. Чтобы избавиться отъ затрудненій такого рода и пріобрѣсти себѣ полную свободу, Атикъ рѣшилъ разбогатѣть и разбогатѣлъ. Я думаю, что здѣсь интересно сообщить нѣсколько поподробнѣе о тѣхъ способахъ, какъ наживались деньги въ Римѣ. Отецъ Атика оставилъ ему довольно умѣренное состояніе, всего около 2 милліоновъ сестерцій (400.000 франковъ, т.-е. около 150.000 руб.). Когда онъ покинулъ Римъ, онъ продалъ почти всѣ родовыя имѣнія, чтобы ничего не оставлять позади себя такого, что могло бы соблазнить проскрипторовъ и купилъ себѣ земельныя угодья въ Эпирѣ, этой странѣ скотоводства, гдѣ земля приносила такой большой доходъ. Возможно, что онъ купилъ ихъ очень дешево. Митридатъ только-что опустошилъ Грецію и такъ какъ въ ней осталось очень мало денегъ, то все продавалось по дешевой цѣнѣ. Въ умѣльныхъ рукахъ это владѣніе скоро процвѣло: ежегодно прикупались новыя земли на сбереженія изъ дохода, и Атикъ въ короткое время сдѣлался однимъ изъ крупнѣйшихъ собственниковъ этой страны. Но можно ли предположить, что все его богатство получилось единственно отъ хорошаго управленія его полями? Ему очень хотѣлось бы заставить повѣрить этому, чтобы такимъ образомъ уподобить себя до нѣкоторой

степени Катону и древнимъ римлянамъ. Къ несчастью для него его другъ Цицеронъ выдалъ его. Читая эту нескромную переписку, мы тотчасъ же узнаемъ, что у Аттика было много и другихъ способовъ разбогатѣть, кромѣ его хлѣба и стадъ. Этотъ умѣлый земледѣлецъ былъ въ то же время и ловкимъ коммерсантомъ, почти невѣдавшимъ неудачъ въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ прекрасно умѣлъ извлекать барыши не только изъ глупости другихъ, какъ это обыкновенно бываетъ, но даже изъ собственныхъ удовольствій, и его талантъ состоялъ въ томъ, что онъ обогащался тамъ, гдѣ другіе разорялись. Извѣстно, напримѣръ, что онъ очень любилъ хорошія книги: это же тогда, какъ и теперь, была очень дорогая прихоть, а онъ сумѣлъ сдѣлать изъ нея источникъ порядочнаго дохода. Онъ собралъ у себя большое количество переписчиковъ, большей частью его же выучениковъ; заставивъ ихъ поработать на себя и удовлетворивъ свою страсть, онъ сталъ заставлятъ ихъ работать на другихъ и продавалъ на сторону по дорогой цѣнѣ переписанныя ими книги. Такимъ образомъ онъ сдѣлался настоящимъ издателемъ для Цицерона, а такъ какъ сочиненія его друга расходились очень хорошо, то оказалось, что эта дружба, удовлетворяя потребности его души, была не бесполезна и для его благосостоянія *). Во всякомъ случаѣ, въ такой торговлѣ не было ничего предосудительнаго и любителю литературы ничто не мѣшало сдѣлаться книгопродавцемъ; но Аттикъ занимался, кромѣ того, и многими другими дѣлами, которыя по нашему должны бы казаться ему отвратительными. Такъ какъ онъ видѣлъ, какой успѣхъ имѣли повсюду битвы гладіаторовъ и что не одно празднество не обходилось болѣе безъ такой бойни, то онъ и надумалъ воспитывать гладіаторовъ въ своихъ владѣніяхъ. Онъ старательно обучалъ ихъ искусству умирать красиво, а затѣмъ отдавалъ ихъ въ наемъ городамъ, желавшимъ такого развлеченія **). Надо сознаться, что такого рода занятіе не вполне подходяще для ученаго и умнаго человѣка; но въ этомъ дѣлѣ прибыль

*) Съ большими подробностями я говорю объ этомъ въ статьѣ, опубликованной въ *Revue archéologique* и озаглавленной: *Atticus, éditeur de Cicéron*.

**) *Ad Att.*, W., 4 и 8.

была велика, а мудрость Аттика умѣла приспособляться, какъ только дѣло шло о крупномъ барышѣ. Мало того, онъ былъ при случаѣ и банкиромъ и ссужалъ за большіе проценты, какъ, впрочемъ, это дѣлали и самые знатные римскіе вельможи. Только онъ дѣлалъ это осмотрительнѣе другихъ и старался какъ можно меньше выставять себя въ дѣлахъ, которыми занимался; несомнѣнно, и въ Италіи и въ Греціи у него были ловкіе агенты, размѣщавшіе его капиталы. Его дѣловыя отношенія простирались на весь свѣтъ; у него были должники и въ Македоніи, и въ Эпирѣ, и въ Эфесѣ и на Делосѣ, вездѣ понемногу. Онъ давалъ взаймы частнымъ лицамъ; онъ давалъ взаймы также и городамъ, но дѣлалъ это въ большой тайнѣ, такъ какъ этого рода операціи считались тогда въ такой же мѣрѣ предосудительными, въ какой онѣ были выгодны, а люди, позволявшіе ихъ себѣ, не слыли ни за достаточно честныхъ, ни за достаточно щепетильныхъ. Вотъ почему Атикъ, столько же дорожившій своею репутаціей, какъ и своимъ состояніемъ, не желалъ, чтобы кто-либо зналъ о томъ, что онъ не брезгуетъ такого рода доходами. Онъ это скрывалъ тщательно даже отъ своего друга Цицерона, и мы никогда не узнали бы о томъ, если бы у него не было иногда неудачъ въ этихъ сомнительныхъ предпріятіяхъ. Хотя отъ нихъ обыкновенно получались большіе барыши, но они были сопряжены также и съ нѣкоторымъ рискомъ. Послѣ двухъ вѣковъ римскаго владычества, всѣ союзные и муниципальные города, особенно въ Азіи, были совершенно раззорены. У нихъ у всѣхъ было меньше доходовъ, чѣмъ долговъ, а проконсулы, поддерживая руку откупщиковъ налоговъ, такъ старательно лишали ихъ самихъ послѣднихъ средствъ, что если кредиторы не торопились, то на ихъ долю не оставалось ничего. Это-то и случилось разъ съ Атикомъ, несмотря на всю его предусмотрительность. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Цицеронъ шутить надъ нимъ по поводу его осады Сикіона*); это была осада какихъ-нибудь неисправныхъ должниковъ; Атикъ никогда не участвовалъ ни въ какихъ другихъ походахъ. Однако, эта осада ему не удалась. Въ то время, какъ онъ

*) *Ad Att.*, I, 13.

шелъ такимъ образомъ войною противъ этого несчастнаго задолженнаго города, сенатъ сжалился надъ нимъ и издалъ покровительственный декретъ въ его защиту противъ слишкомъ требовательныхъ кредиторовъ, такъ что Аттикъ, отправившись изъ Эпира побѣдителемъ съ распущенными знаменами, принужденъ былъ, по словамъ Цицерона, прибывъ подѣстѣны этого города, просьбами и ласками *) вымаливать у Сиціонцевъ хоть нѣсколько денегъ (*nummiorum aliquid*). Надо думать, однако, что обыкновенно Аттикъ былъ гораздо счастливѣе въ размѣщеніи своихъ капиталовъ, а его извѣстная осмотрительность даетъ возможность думать, что онъ умѣлъ выбирать себѣ должниковъ болѣе самостоятельныхъ. Несомнѣнно, только, что всѣ эти занятія не замедлили бы сдѣлать его очень богатымъ, но ему не пришлось даже много объ этомъ хлопотать, и въ то время, какъ онъ трудился такъ искусно, чтобы разбогатѣть, богатство само пришло къ нему совсѣмъ съ другой стороны. У него былъ дядя, К. Цецилій, считающійся въ Римѣ, гдѣ было такъ много ростовщиковъ, за самаго немилосерднаго изъ всѣхъ, такъ какъ онъ даже ближайшимъ своимъ родственникамъ одолжалъ деньги въ знакъ особой милости не иначе, какъ изъ 1 процента въ мѣсяцъ. Это былъ сухой, нелюдимый человекъ, сдѣлавшійся подъ конецъ до такой степени всѣмъ ненавистнымъ, что въ день его похоронъ не было возможности помѣщать народу вымѣстить негодованіе на его трупъ. Аттикъ одинъ умѣлъ ладить съ нимъ. Цецилій усыновилъ его своимъ завѣщаніемъ и оставилъ ему большую часть своего состоянія, всего около 10 милліон. сестерцій (нѣсколько болѣе 2.000,000 франковъ или около 750.000 рублей). Съ этихъ поръ благосостояніе Аттика было достигнуто; онъ не зависѣлъ болѣе ни отъ кого на свѣтѣ и могъ поступать по полной своей волѣ.

Но не слѣдовало ли ему бояться, что по возвращеніи его въ Римъ, его рѣшеніе избѣгать всякихъ общественныхъ должностей могло быть истолковано въ дурную сторону? Чтобы остаться внѣ партій, онъ не могъ сослаться на одно лишь безразличіе или страхъ; необходима была болѣе основательная причина, о которой можно было бы громко за-

*) *Ad. Att.*, I, 19.

являть; въ этомъ ему помогла одна философская школа. Эпикурейцы, отдаваясь наслажденіямъ жизни, утверждали, что слѣдуетъ избѣгать общественныхъ должностей, чтобы не подвергать себя соединеннымъ съ ними непріятностямъ. „Не заниматься политикой“ было ихъ основнымъ правиломъ. Атикъ выдалъ себя за эпикурейца: съ этихъ поръ его воздержаніе отъ общественной дѣятельности имѣло законное оправданіе въ вѣрности ученію его секты, а если его и порицали, то это порицаніе падало на всю школу, что всегда облегчаетъ участь каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ дѣйствительности, былъ ли Атикъ такимъ убѣжденнымъ и безусловнымъ эпикурійцемъ? Это вопросъ, относительно котораго ученые расходятся въ мнѣніяхъ, но который допускаетъ легкое рѣшеніе, если основываться на характерѣ дѣйствующаго лица. Только мало его зная, можно предположить, что онъ могъ въ чемъ-либо строго придерживаться какой-либо философской школы и выступать ея вѣрнымъ ученикомъ. Возможно, что онъ изучалъ всѣ эти школы ради того удовольствія, какое доставляло ихъ изученіе его любознательному уму, но онъ и не думалъ подчиняться ихъ системамъ. Онъ нашелъ въ эпикурейскомъ ученіи подходящий для себя принципъ и онъ взялъ его для того, чтобы оправдывать имъ свое политическое поведеніе. Что касается самого Эпикура и его ученія, онъ мало о нихъ беспокоился и былъ готовъ оставить при первомъ подходящемъ случаѣ. Именно это очень мило изображаетъ намъ Цицеронъ въ одномъ мѣстѣ его *Трактата о Законахъ*. Въ этомъ сочиненіи онъ представляетъ самого себя бесѣдующимъ съ Атикомъ на берегахъ Фибрена, въ тѣнистой рощѣ Арпинума. Такъ какъ онъ хочетъ доказать божественное происхожденіе законовъ, то ему прежде всего представляется необходимымъ установить, что боги занимаются людьми, — то, что именно и отвергали эпикурейцы. Онъ обращается тогда къ своему другу и говоритъ ему: „Признайся же, Помпоній, что могущество безсмертныхъ боговъ, ихъ разумъ, ихъ мудрость или, если тебѣ это лучше нравится, ихъ провидѣніе управляетъ вселенной? Если ты не согласенъ съ этимъ, то докажи, почему. — Хорошо, — отвѣчаетъ Атикъ, — такъ какъ благодаря пѣнію этихъ птицъ и журчанію этого

ручья я не боюсь, что меня услышитъ кто-нибудь изъ моихъ сотоварищей, то если хочешь, я готовъ допустить это“ *). Вотъ по истинѣ покладистый философъ и школа врядъ ли извлечетъ большую пользу отъ сторонника, готоваго отказаться отъ нея, лишь только онъ увѣренъ, что о томъ никто не узнаетъ. Въ этомъ ясно сказывается характеръ Аттика. Принять окончательно какое-нибудь мнѣніе, это значитъ взять на себя обязательство защищать его, значитъ быть готовымъ бороться за него. А вѣдь философскія битвы, хотя онѣ и не кровавыя, не менѣе ожесточенны, какъ и всякія другія; это—тоже война, а Атикъ во всемъ жаждетъ мира, по крайней мѣрѣ, для самого себя. Интересно прослѣдить ту роль, какую даетъ ему Цицеронъ въ своихъ философскихъ діалогахъ, гдѣ онъ его выводитъ. Въ большинствѣ случаевъ Атикъ самъ не споритъ, а лишь вызываетъ на споръ. Любознательный до ненасытности, онъ постоянно вопрошаетъ, постоянно ставитъ вопросы; онъ добивается отвѣта, приводитъ возраженія, воодушевляетъ спорящихъ и все это время самъ спокойно наслаждается словесною битвою, лично никогда въ нее не вмѣшиваясь. Сейчасъ мы увидимъ, что именно такова и его роль въ политикѣ.

Атикъ оставался цѣлыхъ двадцать три года вдали отъ Рима, посѣщая его только черезъ очень большіе промежутки и оставаясь въ немъ лишь самое короткое время. Когда онъ нашелъ, наконецъ, что вслѣдствіе своего долгаго отсутствія совершенно порвалъ всякія связи, соединявшія его съ политическими партіями, когда вмѣстѣ съ богатствомъ приобрѣлъ и независимость, когда онъ застраховалъ себя отъ всѣхъ упрековъ за свое поведеніе, придавъ своей осторожности внѣшность философскаго убѣжденія, тогда онъ рѣшилъ окончательно вернуться въ Римъ и снова начать въ немъ свою прерванную жизнь. Для своего возвращенія онъ выбралъ моментъ, когда все было спокойно и какъ бы для того, чтобы навсегда все порвать съ своимъ прошлымъ, онъ вернулся съ новымъ прозвищемъ, которымъ съ тѣхъ поръ

*) *De Leg.*, I, 7.—Онъ остается вѣренъ этой роли любителя философіи, когда говоритъ дальше (I 21), что Антіохъ заставилъ его сдѣлать нѣсколько шаговъ въ Академіи, *deduxit in Academiam perpauculis passibus*. Дальше онъ никогда не заходилъ.

и стали его называть. Это имя *Аттика*, которое онъ привезъ изъ Аѳинъ, какъ будто должно было знаменоватъ собою, что хочетъ жить лишь для изученія литературы и наслажденія искусствомъ.

Съ этого момента онъ проводилъ все свое время или въ самомъ Римѣ или въ своихъ загородныхъ домахъ. Онъ потихоньку ликвидировалъ всѣ свои денежные дѣла, изъ которыхъ нѣкоторыя были еще въ печальномъ положеніи и принималъ всѣ мѣры, чтобы скрыть отъ толпы источники своего богатства. Онъ сохранилъ за собою лишь свои помѣстья въ Эпирѣ, да свои дома въ Римѣ, приносившіе ему и тѣ и другіе большой доходъ, въ которомъ онъ могъ спокойно признаться. Его богатство постоянно возрастало благодаря его управленію. У него не было никакихъ недостатковъ, которые могли бы помѣшать этому возрастанію: онъ не любилъ ни покупать, ни строить, у него не было тѣхъ роскошныхъ виллъ вблизи города или на берегу моря, содержаніе которыхъ разоряло Цицерона. Иногда онъ и теперь давалъ деньги взаймы, но, какъ кажется, скорѣе, чтобы обязать кого-либо, чѣмъ чтобы извлечь денежную выгоду. При этомъ онъ старался выбирать состоятельныхъ людей и въ срокъ платежа былъ безжалостенъ. Онъ поступалъ такимъ образомъ, по его словамъ, изъ расположенія къ этимъ самымъ людямъ, такъ какъ всякое поощреніе ихъ неаккуратности скорѣе привело бы ихъ къ раззоренію. Что касается тѣхъ случаевъ, когда былъ хотя какой-нибудь рискъ получить обратно свои деньги, то онъ не стѣснялся отказывать въ одолженіи даже самымъ близкимъ своимъ роднымъ. Цицеронъ, рассказывая ему однажды объ ихъ общемъ племянникѣ, молодомъ Квинтѣ, какъ тотъ приходилъ къ нему и пытался тронуть его изображеніемъ своей нужды, прибавляетъ: „Тогда я позаимствовалъ кое-что изъ твоего краснорѣчія и ничего не отвѣчалъ“. Средство было хорошо, и Аттику не разъ пришлось примѣнять его по отношенію къ своему зятю и племяннику, всегда бывшихъ безъ денегъ. Самъ онъ умѣлъ вести довольно широкую жизнь, не тратя много. У него былъ собственный домъ на Квиринальскомъ холмѣ; домъ этотъ отличался не столько красивой архитектурой, сколько обширностью и удобствомъ, а на поддержаніе его въ порядкѣ Атикъ тратилъ

только необходимое. Въ этомъ то домѣ онъ и жилъ среди предметовъ искусства, вывезенныхъ имъ изъ Греціи и среди грамотныхъ рабовъ, которыхъ онъ самъ обучилъ и которымъ всѣ завидовали. Онъ часто устраивалъ у себя обѣды, на которые собиралъ знатныхъ образованныхъ римлянъ, угощая ихъ, повидимому, главнымъ образомъ, своею ученостію. Его хлѣбосольство не стоило ему почти ничего, если вѣрно то, что утверждаетъ Корнелій Непотъ, видѣвшій его счета, будто онъ тратилъ на столъ всего 3000 ассъ (150 франковъ, т.-е. около 70 руб.) въ мѣсяцъ *). Всегда нескромный, Цицеронъ рассказываетъ, что на этихъ обѣдахъ подавались самыя обыкновенныя овощи на очень цѣнныхъ блюдахъ **). Но что за дѣло! каждый считалъ себя счастливымъ бывать на этихъ собраніяхъ, на которыхъ можно было насладиться бесѣдою Аттика или чтеніемъ лучшихъ произведеній Цицерона, прежде чѣмъ они появятся въ свѣтѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что всѣ самыя выдающіеся люди того великаго вѣка считали за честь посѣщать этотъ домъ на Квириналѣ.

II.

Если и есть чему завидовать въ счастливой судьбѣ Аттика, то, главнымъ образомъ, тому, что онъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ столько друзей. Это далось ему не безъ труда. Съ самаго его возвращенія въ Римъ онъ начинаетъ заботиться, чтобы стать въ хорошія отношенія со всѣми и пользуется всевозможными средствами, чтобы расположить къ себѣ людей всѣхъ партій. Его происхожденіе, его богатство и самый способъ его пріобрѣтенія—все это ставило его ближе всего къ всадникамъ: эти богатые откупщики общественныхъ налоговъ были его естественными друзьями, и онъ пользовался среди нихъ большимъ вліяніемъ; но онъ сумѣлъ поставить себя въ тѣсныя отношенія и съ патриціями, обыкновенно съ презрѣніемъ относившимися ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ кастѣ. Чтобы расположить ихъ къ себѣ,

*) *Ром. Att.*, 13. Всѣ предъидущія подробности взяты изъ жизнеописанія Аттика, составленнаго Корнеліемъ Непотомъ.

**) *Ad. Att.*, VI, 1.

онъ выбралъ самый правильный путь, состоявшій въ томъ, чтобы играть на ихъ тщеславіи. Пользуясь своими историческими познаніями, онъ сталъ составлять пріятныя для нихъ родословныя, въ которыхъ завѣдомо допускалъ много лживаго, подкрѣпляя тѣмъ ихъ самыя химерическія притязанія. Уже этотъ примѣръ показываетъ намъ, какъ онъ хорошо зналъ свѣтъ и какъ онъ пользовался этимъ знаніемъ, когда хотѣлъ добиться расположенія кого-нибудь. Достаточно лишь просмотрѣть рядъ тѣхъ услугъ, какія онъ оказывалъ разнымъ лицамъ, чтобы понять, какимъ онъ былъ глубокимъ наблюдателемъ и какимъ талантомъ обладалъ онъ подмѣчать слабыя стороны каждаго и извлекать изъ этого личную пользу. Онъ предложилъ Катону заниматься его дѣлами въ Римѣ во время его отсутствія, и Катонъ поспѣшилъ принять это предложеніе: такимъ цѣннымъ управляющимъ не могъ пренебрегать тотъ, кто такъ цѣнилъ свое богатство. Онъ подкупилъ въ свою пользу тщеславнаго Помпея тѣмъ, что выбралъ для него въ Греціи рядъ прекрасныхъ статуй для украшенія сооружаемаго имъ театра *). Такъ какъ онъ хорошо зналъ, что нельзя было плѣнить подобнаго рода услужливостью, а чтобы добиться его расположенія, требовались услуги болѣе реальныя, то онъ ссудилъ его деньгами **). Вполнѣ естественно, что онъ предпочтительно добивался расположенія отъ вождей партій, но онъ не пренебрегалъ и другими людьми, когда они могли быть ему полезны. Онъ внимательно ухаживалъ за Бальбомъ и Теофаномъ, довѣренными Цезаря и Помпея; онъ иногда навѣщалъ даже Клодія и его сестру Клодію, какъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ сомнительной репутаціи. Не имѣя ни суровой разборчивости Катона, ни сильныхъ отвращеній Цицерона, онъ легко приспособлялся ко всѣмъ; его угодливость была готова на все; онъ подходилъ ко всѣмъ возрастамъ, какъ и ко всѣмъ характерамъ. Корнелій Непотъ съ восхищеніемъ указываетъ на то, что еще совсѣмъ юношей онъ плѣнилъ старика Суллу и уже въ очень преклонномъ возрастѣ сумѣлъ понравиться юному Бруту. Между всѣми этими друзьями, столь различными по характеру, состоянію, убѣжденію и возрасту, Атикъ

*) *Ad. Att.*, VII, 9.

**) *Ibid.*, VI, 1.

являлся связующею нитью. Онъ постоянно ходилъ отъ одного къ другому, въ качествѣ посла миротворца, стараясь сблизить ихъ и подружить, такъ какъ, по словамъ Цицерона, у него была привычка составлять дружбы *). Онъ разсѣивалъ подозрѣнія и предразсудки, мѣшавшіе людямъ сводить знакомства; онъ внушалъ имъ желаніе увидаться и сблизиться и если впослѣдствіи между ними возникало какое-нибудь недоразумѣніе, онъ бралъ на себя посредничество и приводилъ объясненія, которыя улаживали все. Образцовымъ его дѣломъ въ этомъ родѣ было заставить примириться и жить въ ладу Гортензія и Цицерона, несмотря на раздѣлявшую ихъ взаимную горячую зависть. Сколько труда стоило ему успокаивать эти два раздражительныхъ самолюбія, вѣчно готовыхъ вспылить и какъ бы нарочно постоянно наталкиваемыхъ другъ на друга судьбою.

Конечно, не всѣ эти связи Атика были истинно дружескаго характера. Многихъ изъ этихъ лицъ онъ посѣщалъ лишь ради той выгоды, какую онъ могъ извлечь изъ нихъ для своего состоянія или своей безопасности; но между ними есть также и такіе, и ихъ немало, которые были его истинными друзьями. Считая только самыхъ значительныхъ изъ нихъ, укажемъ на Цицерона, который никого такъ не любилъ какъ его, и на Брута, высказывавшаго ему до самаго конца полное довѣріе и наканунѣ битвы при Филиппахъ еще писавшаго ему свои послѣднія посланія. Отъ дружбы съ этими двумя выдающимися людьми осталось столько очевидныхъ и яркихъ доказательствъ, что сомнѣваться въ этомъ невозможно и необходимо признать, что онъ сумѣлъ внушить живую любовь къ себѣ этимъ двумъ самымъ благороднымъ душамъ того времени. Сначала это кажется очень удивительнымъ. Его осторожная сдержанность, его открыто выраженное намѣреніе не вступать ни въ какія обязательства, чтобы не подвергаться всякаго рода опасностямъ, должны были бы, повидимому, удалить отъ него людей съ горячимъ сердцемъ, жертвовавшимъ и своимъ достояніемъ и своею жизнью ради своихъ убѣжденій. Какимъ же своимъ достоинствомъ сумѣлъ онъ, однако, такъ ихъ къ себѣ привязать? Какимъ образомъ человѣкъ, столь занятый собою, столь заботливый къ своимъ

*) *Ad. Att.*, VII, 8: *Soles conglutinare amicitias.*

личнымъ интересамъ, могъ такъ полно наслаждаться пріятностями дружбы, которая, казалось бы, требуетъ прежде всего преданности и самопожертвованія? Какъ могло случиться, что мнѣніе моралистовъ, утверждавшихъ, что эгоизмъ—могила для истинной любви *),—оказалось невѣрнымъ.

Опять-таки это одна изъ загадокъ, наполняющихъ собою жизнь Аттика, и притомъ самая неразрѣшимая. Разсматриваемый на разстояніи даже сквозь призму похвалъ Цицерона, Атикъ не рисуется въ привлекательномъ видѣ и не его хотѣлось бы выбрать себѣ въ друзья. Несомнѣнно, однако, что тѣ, которые жили при немъ, не такъ судили о немъ, какъ мы. Его любили и даже чувствовали сразу влеченіе любить его. Это общее расположеніе, какое онъ внушалъ къ себѣ, это нежеланіе всѣхъ видѣть или извинять его недостатки, эти живыя дружескія связи, которыя породили столько свидѣтельствъ, не допускающихъ возможности въ нихъ сомнѣваться,—въ какое удивленіе все это насъ повергаетъ. Было же, слѣдовательно, въ этомъ человѣкѣ что-то другое, помимо того, что намъ кажется, и должно-быть, онъ обладалъ какой-то особой привлекательностью, необъяснимой для насъ, свойственной лишь ему и вмѣстѣ съ нимъ исчезнувшей. Вотъ почему для насъ теперь невозможно вполне уяснить себѣ то странное очарованіе, какое онъ производилъ съ перваго раза на всѣхъ своихъ современниковъ. Можно, однако, составить объ этомъ нѣкоторое представленіе, и писатели, знавшіе его лично, особенно Цицеронъ, даютъ возможность угадать нѣкоторыя изъ этихъ блестящихъ или надежныхъ качествъ, какими онъ подкупалъ всѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. Я перечислю эти качества на основаніи ихъ свидѣтельства и если и ихъ окажется недостаточно, чтобы объяснить вполне многочисленность и полноту его дружескихъ связей, то придется къ нимъ мысленно присоединить и то чисто личное очарованіе, которое теперь невозможно ни опредѣлить, ни отыскать, потому что оно всецѣло исчезло вмѣстѣ съ нимъ.

Прежде всего онъ былъ очень уменъ, въ этомъ согласны

*) Это—выраженіе Тацита: *pessimum veri affectus venenum sua cuique utilitas*.

всѣ, и умъ его былъ такого рода, какой больше всего былъ по вкусу тому обществу, въ которомъ онъ вращался. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ пріятныхъ, но легковѣстныхъ людей, которые плѣняютъ собою только на минуту въ какомъ-нибудь собраніи, но у которыхъ нѣтъ достаточно ни умственныхъ средствъ, ни внутренняго содержанія, чтобы поддержать это чувство на продолжительное время. Онъ обладалъ большимъ образованіемъ и солидными знаніями, хотя и не былъ настоящимъ ученымъ, да это званіе и не имѣетъ особаго значенія въ свѣтскихъ отношеніяхъ. Цицеронъ находилъ, что люди, подобные Варрону, являющіеся кладеземъ науки, не всегда пріятны, и онъ рассказываетъ, что когда тотъ навѣщалъ его въ Тускулумѣ, онъ не разрывалъ его плаща, чтобы удерживать его подольше. *) Но не будучи настоящимъ ученымъ Атикъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ интересовался всѣмъ: искусствами, поэзіей, литературою, философіей и исторіей. Относительно всѣхъ этихъ предметовъ онъ имѣлъ правильныя понятія, иногда даже оригинальныя; онъ могъ, не роняя своего достоинства, вести бесѣду съ самыми заправскими знатоками и всегда имѣя сообщить всякому какую-либо любопытную подробность, тому неизвѣстную. Паскаль называлъ его честнымъ человѣкомъ, и во всякомъ случаѣ онъ былъ образованнымъ и просвѣщеннымъ любителемъ. А по многимъ причинамъ тѣ знанія, какія пріобрѣтаетъ любитель, болѣе всего пригодны въ свѣтѣ. Прежде всего, такъ какъ онъ въ изученіи не преслѣдуетъ опредѣленной цѣли, то онъ интересуется главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что ему кажется интереснымъ; онъ усваиваетъ преимущественно разныя новыя или занятныя подробности, а именно это-то всего болѣе и интересуется знать свѣтскихъ людей. Мало того, многочисленность влекущихъ его къ себѣ знаній мѣшаетъ ему дойти въ чемъ-либо до конца; его характеръ постоянно влечетъ его все дальше впередъ, такъ что онъ не успѣваетъ ничего узнать глубоко. Въ результатъ получается то, что онъ знаетъ многое, и всегда въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это представляетъ интересъ для свѣтскихъ людей. Наконецъ, основное свойство любителя—это все дѣлать съ чувствомъ

1) *Ad. Att.*, XIII, 33.

даже и то, что онъ дѣлаетъ мимолетно. Такъ какъ въ своихъ занятіяхъ онъ руководится лишь своимъ личнымъ влеченіемъ и такъ какъ продолжаетъ онъ ихъ лишь, пока они его интересуютъ, то его рѣчь, когда онъ говоритъ о нихъ, всегда полна воодушевленія, а его манера излагать ихъ—свободнѣе и оригинальнѣе, а потому и пріятнѣе, чѣмъ манера ученыхъ специалистовъ. Такова, надо полагать, была ученость Аттика. Она была слишкомъ разносторонняя, чтобы бесѣда съ нимъ могла когда-либо стать однообразной; она была не достаточно глубокая, чтобы ему грозилъ рискъ наскучить, и, наконецъ, она всегда была полна воодушевленія, такъ какъ вполнѣ естественно, что о томъ, что дѣлаешь съ увлеченіемъ, и говоришь съ охотой. Вотъ то, что придавало такую привлекательность его разговору и чѣмъ онъ плѣнялъ самые неподатливые и сдержанные умы. Онъ былъ еще очень молодъ, когда встрѣтился со старикомъ Суллою, не имѣвшимъ никакого основанія любить его. И вотъ ему такъ понравилось слушать, какъ Атикъ читаетъ греческіе и латинскіе стихи, и бесѣдовать съ нимъ о литературѣ, что онъ почти не расставался съ нимъ и желалъ, во что бы то ни стало, увести его съ собою въ Римъ. Долго спустя, Августъ испыталъ то же очарованіе; ему не надоѣдало постоянно бесѣдовать съ Атикомъ, а когда онъ не видѣлъ его, онъ писалъ ему ежедневно лишь для того, чтобы получать отъ него отвѣты и продолжать такимъ образомъ тѣ долгія бесѣды, которыя доставляли ему также наслажденіе.

Такимъ образомъ можно представить себѣ, что при первой же встрѣчѣ этотъ высокоодаренный человѣкъ располагалъ къ себѣ пріятностью своей бесѣды. При дальнѣйшемъ знакомствѣ, въ немъ отражались болѣе другія достоинства, которыя и удерживали около него тѣхъ, кто былъ привлеченъ его умомъ. Къ числу этихъ достоинствъ прежде всего надо отнести полную безопасность бесѣды съ нимъ. Хотя онъ находился въ связи съ людьми самыхъ противоположныхъ мнѣній и хотя онъ зналъ отъ нихъ секреты всѣхъ партій, его никогда не упрекали въ томъ, что онъ выдалъ кого нибудь. Точно такъ же не видно, чтобы онъ далъ кому-нибудь изъ своихъ друзей серьезный поводъ, чтобы отдалиться, и не одна его дружеская связь не порвалась иначе,

какъ вслѣдствіе смерти. Такое надежное знакомство было въ тоже время и очень легко. Никто не былъ болѣе его снисходителенъ и уживчивъ. Онъ не позволялъ себѣ никого утомлять своею требовательностью или отталкивать своею рѣзкостью. Въ его дружбѣ нечего было опасаться тѣхъ бурь, какія такъ часто омрачали дружбу Цицерона и Брута. Эта была скорѣе одна изъ тѣхъ спокойныхъ и ненарушимыхъ привязанностей, которыя лишь укрѣпляются отъ правильного общенія. Это то въ особенности должно было чаровать политическихъ людей, издерганныхъ и измученныхъ той лихорадочной дѣятельностью, въ которой протекала ихъ жизнь. Вырвавшись изъ этого дѣловаго омута, они были счастливы найти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Форума этотъ мирный домъ на Квириналѣ, куда не достигали внѣшнія ссоры, и успокоить себя недолгою бесѣдою съ умнымъ спокойнымъ человѣкомъ, всегда встрѣчавшимъ ихъ съ одинаковой привѣтливостью и на расположеніе котораго можно такъ спокойно положиться.

Но, несомнѣнно, ничто не привязывало такъ къ нему друзей, какъ его обязательность. Она была неистощима, и никто не могъ утверждать, что она была корыстна, такъ какъ вопреки обыкновенію, онъ давалъ много и не требовалъ ничего. Это также была одна изъ причинъ, почему его дружескія связи были такъ прочны, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, самыя крѣпкія привязанности слабѣютъ и рвутся чаще всего вслѣдствіе этого обмѣна услугъ, изъ невольнаго дѣлаемаго сопоставленія того, что было дано и что получено. Аттикъ, знавшій это очень хорошо, устроился такимъ образомъ, чтобы не нуждаться ни въ комъ. Онъ былъ богатъ, никогда ни съ кѣмъ не судился, не добивался общественныхъ отличій, такъ что всякій признательный другъ, захотѣвшій бы расквитаться съ нимъ за оказанныя имъ услуги, не могъ бы найти для этого случая *). Друзья оставались ему обязанными, и долгъ ихъ постоянно возрасталъ, такъ какъ онъ никогда не давалъ возможности чѣмъ-нибудь

*) Надо, однако, замѣтить, что въ послѣднемъ имѣющемся у насъ письмѣ Цицерона къ Аттiku (XVI, 16) содержится доказательство того старанія, какое проявлялъ Цицеронъ, чтобы спасти часть состоянія Аттика, оказавшуюся въ опасности быть потерянной послѣ смерти Цезаря.

услужить ему. У насъ есть легкое средство оцѣнить всю значительность этой услужливости и познакомиться съ нею вблизи, такъ сказать, на примѣрѣ. Для этого надо лишь хоть бѣгло припомнить тѣ услуги всякаго рода, какія онъ оказывалъ Цицерону во все время ихъ долгой дружбы. Цицеронъ очень нуждался въ такомъ другѣ, какъ Атикъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умныхъ людей, которые ничего не смыслятъ въ денежныхъ разчетахъ; когда ему предъявляли его счетныя книги, онъ, вѣроятно, охотно сказалъ бы, подобно своему ученику Плинію Младшему, что онъ привыкъ къ другой литературѣ: *aliis sum chartis, aliis litteris initiatus*. Атикъ взялъ на себя управленіе его дѣлами, а какой онъ былъ мастеръ на это, мы знаемъ. Онъ отдавалъ въ аренду имѣнія Цицерона по дорогой цѣнѣ, увеличивалъ, какъ только могъ, его доходы и платилъ, самые неотложные долги. Когда онъ открывалъ еще новые долги, онъ позволялъ себѣ бранить своего друга, а тотъ спѣшилъ обыкновенно очень смиренно отвѣчать ему, что впредь онъ будетъ аккуратнѣе. Атикъ, отнюдь этому не вѣрившій, тотчасъ же принималъ всѣ мѣры къ пополненію этого дефицита. Онъ отправлялся къ богачу Бальбу или къ другимъ значительнымъ банкирамъ Рима, съ которыми состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Если тяжелыя времена затрудняли кредитъ, онъ, не колеблясь, черпалъ изъ собственныхъ средствъ. Тѣ, кто его знаютъ, поймутъ, что такая щедрость для него значила очень много. Когда Цицеронъ желалъ купить какую-нибудь землю, Атикъ начиналъ сердиться; но если его другъ не сдавался, онъ лично отправлялся осмотрѣть ее и торговаться въ цѣнѣ. Если дѣло шло о постройкѣ тамъ изящной виллы, Атикъ присылалъ своего архитектора, исправлялъ планы и наблюдалъ за постройкой. Когда домъ былъ отстроенъ, надо было его украсить. Атикъ выписывалъ статуи изъ Греціи. Онъ отличался умѣньемъ ихъ выбирать, и Цицеронъ не скупится на похвалы *Гермате-на* изъ пентелійскаго мрамора, доставленные имъ для него. Понятно, что на виллѣ Цицерона не могли забыть о библіотекѣ; и здѣсь книги доставлялъ Атикъ. Онъ торговалъ ими и лучшія приберегалъ для своего друга. Купивъ книги, ихъ надо было разставить по мѣстамъ; тогда Атикъ отря-

жалъ своего библіотекаря Тиранніона съ рабочими, которые уставляли полки, подклеивали отставшіе листы папируса, прикрѣпляли названія къ свиткамъ и все располагали въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что Цицеронъ, пораженный, писалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ Тиранніонъ привелъ въ порядокъ мои книги, можно сказать, что домъ мой какъ бы обрѣлъ свою душу“ *).

Но Атикъ не ограничивался одними этими услугами, такъ сказать всецѣло внѣшними; онъ проникалъ въ домъ и зналъ всѣ его секреты. Цицеронъ отъ него ничего не скрывалъ и повѣрялъ ему безъ утайки всѣ свои домашнія печали. Онъ рассказывалъ ему о плохомъ поведеніи своего брата, о безчинствахъ племянника; онъ совѣтовался съ нимъ объ огорченіяхъ, причиняемыхъ ему женою и сыномъ. Когда Туллія достигаетъ возраста, когда уже можно выходить замужъ, Атикъ старается найти ей хорошаго мужа. Онъ предложилъ ей въ мужа сына богатаго и извѣстнаго всадника. „Воротись, говорилъ онъ благоразумно Цицерону, воротись къ твоему прежнему стаду“. Къ несчастію, его не захотѣли послушаться. Богатому капиталисту предпочли знатнаго раззорившагося гражданина, который растратилъ приданое Тулліи и принудилъ ее покинуть его. Когда Туллія умерла, быть-можетъ, отъ огорченія, Атикъ посѣщаетъ у кормилицы оставшагося послѣ ея смерти ребенка и заботится, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался. Въ это же самое время Цицеронъ доставилъ ему много хлопотъ со своими двумя разводами. Послѣ того, какъ онъ отослалъ отъ себя свою первую жену Теренцію, онъ поручаетъ Атику уговорить ее сдѣлать завѣщаніе въ его пользу. На него же возлагаетъ онъ непріятное порученіе не допускать къ нему вторую, Публилію, когда она хотѣла противъ его воли вернуться въ его домъ.

Все это, безъ сомнѣнія, значительныя услуги; но онъ оказывалъ и другія болѣе деликатныя, а потому и еще болѣе цѣнныя. Ему Цицеронъ довѣрялъ самое дорогое для него на свѣтѣ—свою литературную славу. Онъ передавалъ ему свои сочиненія, какъ только они были написаны, онъ ихъ

*) *Ad Att.*, IV, 8.

исправлялъ по его указаніямъ, онъ ожидалъ его рѣшенія прежде чѣмъ ихъ обнародовать. Вотъ почему онъ обращался съ нимъ, какъ съ другомъ, передъ которымъ держится совершенно свободно и которому открывается вполнѣ. Хотя онъ очень дорожилъ тѣмъ, чтобы къ его краснорѣчію относились серьезно, но когда онъ былъ увѣренъ, что его не услышитъ никто кромѣ Аттика, онъ не стѣснялся шутить надъ собою и своими произведеніями. Онъ безъ всякаго стѣсненія посвящалъ его во всѣ секреты своего ремесла и объяснялъ ему технику всѣхъ своихъ излюбленныхъ приемовъ. „На этотъ разъ, говоритъ онъ ему, смѣясь, я извелъ цѣлый коробъ благовоній Исократъ и даже всѣ коробочки его учениковъ“ *). Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ онъ рассказываетъ ему однажды объ одномъ изъ самыхъ большихъ своихъ успѣховъ на трибунѣ. Дѣло шло о прославленіи великаго консульства, на счетъ чего онъ, какъ извѣстно, былъ неистощимъ. На этотъ же разъ была особая причина, чтобы говорить съ большимъ блескомъ, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ при этомъ присутствовалъ Помпей, а Помпей имѣлъ слабость завидовать славѣ Цицерона. Случай взбѣситъ того, былъ удобенъ, и Цицеронъ поспѣшилъ не упустить его. „Когда насталъ мой чередъ говорить, пишетъ онъ Атику, Боже мой, какъ я разошелся. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я осыпать похвалами самого себя въ присутствіи Помпея, еще не слыжавшаго ни разу, какъ я прославляю свое консульство. Какъ никогда я сыпалъ періодами, эпитемами, метафорами и всѣми прочими риторическими фигурами. Я уже не говорилъ болѣе, я кричалъ, такъ какъ дѣло касалось моихъ обычныхъ общихъ мѣстъ, мудрости сената, усердія всадниковъ, союза всей Италіи, уничтоженныхъ попыткахъ заговора, о восстановленномъ благоденствіи и мирѣ и т. п. Ты знаешь, что за музыка у меня выходитъ, когда я говорю на эти темы. На этотъ разъ я пѣлъ такъ хорошо, что мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ объ этомъ— ты долженъ былъ слышать меня изъ Аѳинъ“ **). Невозможно смѣяться веселѣе надъ самимъ собою. За эту довѣрчивость Атикъ платилъ тѣмъ, что всячески заботился объ успѣхѣ

*) *Ad Att.*, II, 1.

**) *Ibid.*, I, 14.

произведеній своего друга. Такъ какъ онъ былъ свидѣлемъ ихъ исполненія и самъ занимался ими, прежде чѣмъ они дѣлались извѣстными публикѣ, онъ смотрѣлъ на нихъ почти какъ на свои дѣтища. Онъ заботился о томъ, чтобы выпустить ихъ въ свѣтъ и обезпечить имъ успѣхъ. Цицеронъ говоритъ, что дѣло это онъ зналъ въ совершенствѣ, и это насъ вовсе не удивляетъ. Средство, къ которому онъ прибѣгалъ чаще всего, чтобы приготовить общественное мнѣніе въ пользу какого-нибудь новаго произведенія Цицерона, состояло въ томъ, что онъ заставлялъ лучшихъ своихъ чтецовъ читать самыя прекрасныя мѣста изъ него тѣмъ избраннымъ, которыхъ онъ собиралъ за своими обѣдами. Цицеронъ, знавшій обычную скудость этихъ обѣдовъ, просить его дѣлать ихъ немного получше ради такихъ обстоятельствъ. „Позаботься, пишетъ онъ ему, получше угощать твоихъ гостей, такъ какъ если они будутъ имѣть что-либо противъ тебя, они выместятъ это на мнѣ“ *).

Вполнѣ естественно, что Цицеронъ былъ ему безконечно благодаренъ за всѣ эти услуги, но это значило бы судить о немъ очень дурно, если предполагать, что онъ привязанъ къ нему лишь ради тѣхъ выгодъ, какія извлекалъ изъ него. Нѣтъ, онъ его поистинѣ любилъ, и всѣ его письма полны выраженій самой искренней привязанности. Онъ былъ счастливъ только съ нимъ; онъ никогда не уставалъ посѣщать его; не успѣвалъ онъ съ нимъ разстаться, какъ уже начиналъ горячо желать увидѣть его снова. „Пусть я умру, писалъ онъ ему, но безъ тебя мнѣ былъ бы не въ радость не только мой Тускулумскій домъ, гдѣ мнѣ такъ хорошо, но даже самый островъ Блаженства**).“ Несмотря на все удовольствіе, какое онъ испытывалъ отъ всеобщихъ похвалъ, почести и ласки и отъ постоянной толкотни вокругъ него приспѣшниковъ и поклонниковъ, онъ и посреди этой сутолоки и шума не забывалъ ни на минуту своего отсутствующаго друга. „Со всѣмъ этимъ людомъ, писалъ онъ ему, я чувствуя себя гораздо болѣе одинокимъ, чѣмъ если бы я былъ съ однимъ тобою***)“. И въ самомъ дѣлѣ, все это —

*) *Ad Att.*, XVI, 3.

**) *Ad Att.*, XVI, 3.

***) *Ad Att.*, XII, 51.

политическіе друзья, мѣняющіеся съ событіями, про которыхъ дѣйствительно можно сказать, что пока есть налицо общіе интересы, они—тутъ, а когда общность эта исчезаетъ—исчезаютъ и они; съ ними Цицеронъ принужденъ былъ быть сдержаннымъ и скрытнымъ, а это—мученіе для души столь откровенной. Напротивъ того, Аттику онъ можетъ сказать все, все довѣрить ему безъ всякаго стѣсненія. Вотъ почему спѣшитъ онъ увидаться съ нимъ при малѣйшемъ приступѣ тоски. „Я тебя жажду, пишетъ онъ ему, ты мнѣ необходимъ, я тебя жду. Тысячи вещей меня беспокоятъ и печалить и облегчить меня можетъ только бесѣда съ тобой*)“. Тотъ никогда бы не кончилъ, кто захотѣлъ бы собрать всѣ эти чарующія обращенія, наполняющія его переписку и вырывающіяся у него прямо изъ сердца. Они не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно истинныхъ чувствъ Цицерона: они доказываютъ, что онъ смотрѣлъ на Аттика не только какъ на одного изъ тѣхъ серьезныхъ и надежныхъ друзей, на поддержку которыхъ всегда можно рассчитывать, но также, а это еще удивительнѣе, какъ на нѣжнаго отзывчиваго человѣка: „Ты принимаешь участіе, говоритъ онъ ему, во всѣхъ чужихъ горестяхъ**)“. Хотя это свидѣтельство совершенно не подходитъ къ тому представленію о немъ, какое мы себѣ составили, однако, не вѣрить ему невозможно. Какъ можемъ мы сомнѣваться въ искренности его привязанности къ своимъ друзьямъ, разъ всѣ эти друзья удовлетворились ею? Имѣемъ ли мы право быть требовательнѣе ихъ и не будетъ ли оскорбленіемъ для такихъ людей, какъ Брутъ и Цицеронъ, предположеніе, будто они все время обманывались въ этомъ, сами того никогда не замѣчая? Съ другой стороны, какъ объяснить, что потомство, судящее лишь на основаніи документовъ, оставленныхъ ему друзьями Аттика, извлекаетъ изъ этихъ самыхъ документовъ мнѣніе, совершенно противоположное тому, какое они имѣли о немъ сами? Очевидно, что потомство и современники въ сужденіи о людяхъ стоятъ на различныхъ точкахъ зрѣнія. Мы видѣли, что Аттикъ, взявшій для себя за правило не вмѣшиваться въ общественныя дѣла, не считалъ себя обязаннымъ и раздѣлять

*) *Ad. Att.*, I, 18.

**) *Ibid.*, XII, 14.

тѣ опасности, какимъ могли подвергнуться его друзья, занимаясь ими. Онъ имъ предоставлялъ однимъ и почести, и опасности. Отзывчивый, услужливый, преданный имъ во время обычнаго теченія жизни, онъ немедленно отстранялся, предоставляя имъ однимъ подвергаться опасностямъ, какъ только наступалъ какой-либо политическій переворотъ, ставившій ихъ въ опасное положеніе. А между тѣмъ, если разсматривать событія того времени на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ нихъ, то увидать изъ нихъ можно лишь самые важные и, главнымъ образомъ, политическіе перевороты, то-есть именно тѣ обстоятельства, въ которыхъ дружба Аттика омрачается. Вотъ откуда берется наше строгое сужденіе о немъ. Что же касается современниковъ, то они оцѣниваютъ эти вещи иначе. Всѣ эти значительные кризисы, какъ на нихъ не смотри, все же лишь рѣдкія и скоропреходящія исключенія; несомнѣнно, они сильно дѣйствуютъ на современниковъ, но еще сильнѣе на нихъ дѣйствуютъ тѣ тысячи мелкихъ случайностей, которыхъ потомство болѣе не замѣчаетъ, но изъ которыхъ складывается вообще повседневная жизнь. Современники судятъ о дружбѣ челоука не столько на основаніи какой-либо одной важной услуги, оказанной въ одинъ изъ этихъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ, сколько на основаніи именно тѣхъ пріятныхъ услугъ, которыя оказываются постоянно въ любой моментъ и которыя самымъ разнообразіемъ своимъ плѣняютъ ихъ. Вотъ почему ихъ мнѣніе объ Атикѣ столь различно отъ нашего.

Но что не подлежитъ никакому сомнѣнію и составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей этой личности—это ея потребность въ большомъ числѣ друзей и ея усилія ихъ пріобрѣсти и сохранить. Можно не допускать, пожалуй, что эта потребность вытекала у него изъ великодушной и доброжелательной натуры, изъ того, что Цицеронъ такъ удивительно называетъ „стремленіемъ души, жаждущей любить“, но даже и предполагая, что онъ желалъ лишь занять и заполнить свою жизнь, необходимо признаться, что самый этотъ способъ ея заполнения не можетъ быть признакомъ пошлой натуры. Этотъ уточненный эпикуреецъ, этотъ учитель въ искусствѣ жить зналъ, „что жизнь не въ жизнь,

если она не согрѣта любовью друга *)“. Онъ отказался отъ волненій политической жизни, отъ наслажденія торжествомъ слова, отъ удовольствій удовлетвореннаго самолюбія, но за это за все онъ желалъ насладиться всѣми прелестями душевной жизни. Чѣмъ больше онъ замыкался въ ней и уходилъ въ нее, тѣмъ требовательнѣе и разборчивѣе становился онъ относительно удовольствій, какія онъ можетъ доставить; такъ какъ это были его единственные удовольствія, то онъ хотѣлъ насладиться ими вполнѣ. Для этого ему нужны были друзья, а въ ихъ числѣ нужны были лучшіе умы и благороднѣйшія души его времени. Всю свою дѣятельность, никуда больше не употребляемую, онъ направилъ на доставленіе себѣ тѣхъ наслажденій, доставляемыхъ общеніемъ съ людьми, которыя Боссюэтъ называетъ величайшимъ благомъ человѣческой жизни. Этимъ благомъ счастливый Атикъ наслаждался даже превыше того, чего могъ желать, и дружба щедро вознаградила его всѣ труды, имъ для нея понесенные. Дружба была его единственною страстью, и онъ вполнѣ успѣлъ насладиться ею; и дружба же, наконецъ, украсивъ всю его жизнь, прославила и его имя.

III.

Итакъ, частная жизнь благопріятна для Атика. Онъ менѣе счастливъ, когда изучаешь его образъ дѣйствія по отношенію къ общественнымъ дѣламъ. Относительно этого на него обрушилось не мало упрековъ, и защитить его отъ нихъ не такъ-то легко.

Однако, мы не можемъ относиться къ нему особенно недоброжелательно, если станемъ судить объ его поведеніи, пользуясь воззрѣніями нашего времени. Теперь стали относиться гораздо мягче къ людямъ, открыто заявляющимъ о своемъ намѣреніи жить вдали отъ политикѣ. Есть столько людей, желающихъ управлять своею страной, и такъ трудно стало дѣлать выборъ изъ огромной толпы этихъ жаждущихъ, что невольно испытываешь нѣкоторую благодарность къ тѣмъ, которые не имѣютъ этого честолюбія.

*) *Cui potest esse vita vitalis, ut ait Ennius, qui non in amici mutu benevolentia conquiescat?* (Цицеронъ, *De Amicit.*, 6).

Ихъ уже не порицають, ихъ называютъ умѣренными и благо-разумными; подобное устраненіе заслуживаетъ поощренія какъ средство, хоть нѣсколько расчистить этотъ загроможден-ный путь. Въ Римѣ думали совсѣмъ иначе, и не трудно найти причины такого расположенія. Тамъ, то, что можно назвать политическимъ тѣломъ, было очень ограничено численно. Кромѣ рабовъ, которые не шли въ счетъ, народа, который довольствовался тѣмъ, что подавалъ или, вѣрнѣе, продавалъ свои голоса на выборахъ и который наслаждался своей привилегіей забавляться за счетъ кандидатовъ и кор-миться за счетъ общественной казны, оставалось всего не-большое число семей древняго происхожденія или выдви-нувшихся сравнительно недавно, которыя и подѣлили между собою всѣ общественныя должности. Эта родовая и денеж-ная аристократія была немногочисленна, и ея еле-еле хвата-ло на заполненіе должностей всякаго рода для управленія цѣлымъ свѣтомъ. Слѣдовательно, требовалось, чтобы никто не уклонялся отъ своихъ обязанностей и на невольное уклоне-ніе смотрѣли какъ бы на отступничество. Среди нашей демократіи дѣло обстоитъ иначе. Такъ какъ здѣсь всѣ долж-ности открыты для всѣхъ и такъ какъ благодаря распро-сграненію просвѣщенія изъ всѣхъ классовъ могутъ являться люди достойные ихъ занять, то и не приходится бояться, что отсутствіе нѣсколькихъ способныхъ людей, любителей мира и покоя, можетъ образовать чувствительную и при-скорбную пустоту въ этихъ тѣсныхъ рядахъ, устремляющих-ся со всѣхъ сторонъ въ погоню за властью. Кромѣ того, мы въ настоящее время знаемъ, что и внѣ политической жизни есть тысячи способовъ служить родной странѣ. Знатные римляне не знали иного; на торговлю они смотрѣли какъ на занятіе не совсѣмъ *), почтенное используемое част-ными лицами для своего обогащенія, и совершенно не пони-мали, что отъ этого можетъ выиграть государство; литера-тура казалась имъ пріятнымъ, но пустымъ препровожденіемъ времени, и они совсѣмъ не понимали ея общественнаго значенія. Изъ этого слѣдуетъ, что у нихъ человѣкъ извѣст-наго положенія могъ только однимъ честнымъ путемъ про-

*) Титъ Ливій, XXI, 63: *Quaestus omnibus patribus indicor visus.*

явить свою дѣятельность и принести пользу своей странѣ, а именно выполнениемъ своихъ политическихъ обязанностей *). Дѣлать что-либо другое значило для нихъ не дѣлать ничего; они называли праздными самыхъ трудолюбивыхъ ученыхъ, и имъ и въ голову не приходило, что внѣ службы государству могло существовать что-либо достойное занять время гражданина. Такимъ образомъ думали всѣ старые римляне, и они испытали бы странное удивленіе, если бы кто-нибудь, подобно Атику, присвоилъ себѣ право не служить своей странѣ въ предѣлахъ своихъ силъ и умѣнья. Конечно, Катонъ, который никогда не отдыхалъ и который въ восемьдесятъ четыре года мужественно покинулъ свою виллу въ Тускулумѣ и явился въ Римъ выступать обвинителемъ противъ Сервія Гальба, палача Лузитанцевъ, нашель бы, что оставаться въ своемъ домѣ на Квириналѣ или въ своихъ помѣстьяхъ въ Эпирѣ, посреди своихъ книгъ и статуй, въ то время какъ судьба Рима рѣшалась на форумѣ или при Фарсалѣ, значить совершить такое же преступленіе, какъ прятаться въ своей палаткѣ въ день битвы.

Слѣдовательно, такое систематическое уклоненіе Атика отъ исполненія общественныхъ обязанностей было не римской идеей: онъ заимствовалъ ее у грековъ. Вполнѣ понятно, что въ маленькихъ безпорядочныхъ греческихъ республикахъ, не знавшихъ покоя и переходившихъ безпрестанно и безпричинно отъ самой суровой тираніи къ самой разнузданной вольности, спокойные и трудолюбивые люди, въ концѣ-концовъ, устали отъ всѣхъ этихъ безтолковыхъ и бесплодныхъ волненій. Ихъ перестали манить къ себѣ общественныя должности, которыя можно было получить, лишь лѣстля измѣнчивой толпѣ, а сохранить, лишь исполняя ея прихоть. Къ тому же какую цѣну могла представлять изъ себя эта власть, съ такимъ трудомъ приобретаемая и такъ рѣдко сохраняемая, если ею необходимо было дѣлиться съ самими темными демагогами и стоило ли, дѣйствительно, принимать на себя столько непріятностей для того, чтобы стать преемникомъ или сотрудиномъ Клеона? Въ тоже

*) Именно это говоритъ Сципіонъ въ своей *Республикѣ* (I, 22). *Quum mihi sit unum opus hoc a parentibus majoribusque meis relictum, procuratio atque administratio rei publicae*, и т. д.

время, какъ утомленіе и отвращеніе побуждали честныхъ людей удаляться отъ этихъ политическихъ передрагъ, философія, изо дня въ день все болѣе и болѣе изучавшаяся, также внушала своимъ ученикамъ нѣкотораго рода гордость, приводившую ихъ къ тому же результату. Люди, проводившіе свое время въ размышленіяхъ о Богѣ и мірѣ и пытавшіеся разгадать законы, управляющіе вселенной, не удостоивали спускаться съ этихъ высотъ для того, чтобы управлять государствомъ величиною въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Вотъ почему въ греческихъ школахъ постоянно разбирался вопросъ, нужно или нѣтъ заниматься общественными дѣлами, долженъ ли мудрецъ стремиться къ почестямъ и какая жизнь лучше—умозрительная или дѣятельная. Нѣкоторые философы робко отдавали предпочтеніе жизни дѣятельной, но большинство держалось мнѣнія противоположнаго, и, пользуясь этими спорами, многіе сочли себя въ правѣ создать для себя праздную жизнь и проводить ее въ роскошныхъ помѣщеніяхъ среди занятій литературою и искусствами вполне счастливо въ то самое время, какъ Греція погибала.

Аттикъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Внося въ Римъ этотъ греческій обычай, онъ громко объявилъ о принятомъ имъ рѣшеніи отнюдь не вмѣшиваться въ политическіе раздоры. И онъ сталъ искусно держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ тѣхъ распрей, которыя не переставали волновать Римъ, начиная съ консульства Цицерона до греческихъ войнъ. Даже и въ моменты наибольшаго обостренія этой борьбы, онъ не переставалъ посѣщать всѣ партіи, пріобрѣтать себѣ повсюду друзей и находить въ этихъ разнообразныхъ дружескихъ связяхъ новый предлогъ оставаться нейтральнымъ. Когда Цезарь перешелъ Рубиконъ, Аттику было болѣе шестидесяти лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ кончалась у римлянъ обязательная военная служба. Это была еще новая причина, чтобы оставаться въ сторонѣ, и онъ не замедлил воспользоваться ею. „Я уже вышелъ въ отставку *), отвѣчалъ онъ тѣмъ, кто хотѣлъ завербовать его на службу. Онъ держался того же образа дѣйствій и съ тѣмъ же успѣхомъ и

*) Корнелій Непотъ. *Attic.*, 7. *Usus es aetatis vacatione.*

послѣ смерти Цезаря, но тогда онъ обманулъ еще больше общественное мнѣніе. Зная его въ такихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Брутомъ, думали, что на этотъ разъ онъ не будетъ колебаться, чтобы опредѣленно высказаться. Самъ Цицеронъ, который, казалось бы, долженъ былъ его знать, рассчитывалъ на это; но Атикъ не измѣнилъ себѣ и, воспользовавшись подходящимъ случаемъ, не замедлилъ заявить публично, что онъ не желаетъ быть впутаннымъ въ это дѣло помимо своего желанія. Въ то время какъ Брутъ собиралъ себѣ войско въ Греціи, нѣсколько всадниковъ, его друзей, придумали сдѣлать подписку среди богатѣйшихъ римлянъ, чтобы собрать ему денегъ на содержаніе его солдатъ. Прежде всего обратились къ Атику, чтобы онъ поставилъ свое имя во главѣ списка. Атикъ отказался подписаться начистую. Онъ отвѣтилъ, что все его состояніе въ распоряженіи Брута, если онъ въ немъ будетъ нуждаться или его у него потребуешь, какъ другъ; но въ то же время онъ объявилъ, что онъ не приметъ участія ни въ какой политической манифестаціи, и его отказъ разстроилъ всю подписку.

Въ это же самое время, вѣрный своему обыкновенію подлаживаться ко всѣмъ, онъ охотно принималъ у себя Фульвію, жену Антонія, а также и Волюмнія, начальника его рабовъ и, увѣренный въ томъ, что у него есть друзья повсюду, онъ безъ особой боязни ожидалъ исхода этой борьбы.

Страннѣе всего то, что этотъ человѣкъ, такъ упорно желавшій оставаться нейтральнымъ, не былъ, однако, вполне индифферентнымъ. Его біографъ высказываетъ ему ту похвалу, что онъ всегда держался лучшей партіи *), и это правда, только поставилъ себѣ за законъ не служить своей партіи: онъ довольствовался тѣмъ, что желалъ ей успѣха, причемъ эти пожеланія были самыя горячія. Можно ли повѣрить, что и у него были политическія страсти, которыя онъ и обнаруживалъ въ дружескихъ общеніяхъ съ невѣроятной живостью? Онъ до такой степени ненавидѣлъ Цезаря, что едва не порицалъ Брута за то, что тотъ разрѣшилъ похоронить его **).

*) Непотъ, *Attic.*, 6.

**) *Ad. Atl.*, XW, 10.

Безъ сомнѣнія, онъ желалъ, какъ того требовали самые свирѣпые, чтобы его тѣло бросили въ Тибръ. Такимъ образомъ, онъ разрѣшалъ себѣ имѣть свои предпочтенія и высказывать ихъ самымъ ближайшимъ своимъ друзьямъ. Его осторожность начиналась лишь тогда, когда надо было дѣйствовать. Никогда онъ не соглашался ввязаться въ какую-либо борьбу, но если онъ и не раздѣлялъ ея опасностей, онъ, тѣмъ не менѣе, живо переживалъ всѣ ея перипетіи. Смѣшно видѣть, какъ онъ воодушевляется и горячится, какъ будто бы онъ былъ настоящій воинъ; онъ участвуетъ во всѣхъ удачахъ и неудачахъ, онъ одобряетъ смѣлыхъ, закликаетъ нерѣшительныхъ и даже порицаетъ падающихъ духомъ; онъ позволяетъ себѣ давать совѣты и указанія тѣмъ, кто, по его мнѣнію, дѣйствуетъ мягко,—онъ, который самъ совершенно уклонялся отъ всякихъ дѣйствій. Стоитъ послушать его упреки по адресу Цицерона, когда тотъ колеблется присоединиться къ Помпею: онъ усвоиваетъ себѣ самый патетическій тонъ, напоминаетъ ему его слова и поступки, закликаетъ его во имя его славы и даже приводитъ ему его собственныя сочиненія, лишь бы убѣдить его рѣшиться *). Такая чрезвычайная рѣшимость, проявляемая имъ за счетъ другихъ, создавала иногда довольно комическія случайности. Когда Помпей укрылся въ Бриндузахъ, Атикъ, огорченный до-нельзя, желалъ, чтобы сдѣлана была какая-нибудь попытка спасти его, и дошелъ даже до того, что потребовалъ, чтобы Цицеронъ, прежде чѣмъ уѣхать, предпринялъ для этого что-либо особенное. „Нужно лишь знамя, убѣждалъ онъ его, всѣ соберутся вокругъ него **). Добросердечный Цицеронъ такъ былъ возбужденъ этими пылкими увѣщаніями друга, что были минуты, когда онъ готовъ былъ дерзнуть и искалъ лишь подходящаго случая, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ. Случай представился, и вотъ какъ онъ имъ воспользовался, по его собственнымъ словамъ. „Когда я прибылъ въ мой Помпейскій домъ, Нинвій, твой другъ, увѣдомилъ меня, что центуріоны трехъ находившихся тамъ когортъ желаютъ видѣть меня завтра, чтобы сдать мнѣ городъ. Знаешь ты, что я сдѣлалъ? Я уѣхалъ до разсвѣта лишь бы

*) *Ad Att.*, VIII, 2.

**) *Ibid.*, X, 15.

ихъ не видать. Въ самомъ дѣлѣ, что такое три когорты? Да и будь ихъ больше, что я сталъ бы съ ними дѣлать *)“? Такъ можетъ говорить только благоразумный человѣкъ, хорошо себя знающій. Что же касается Аттика, то возникаетъ вопросъ, былъ ли онъ вполне искрененъ, когда обнаруживалъ такой пылъ къ этому дѣлу, если онъ такъ упорно отказывался лично послужить ему. Эти сильныя страсти, такъ осторожно хранимыя въ сердцѣ и никогда не проявляющіяся въ дѣйствиіи, поневолѣ кажутся подозрительными. Быть-можетъ, онъ просто желалъ нѣсколько подогрѣть свою роль зрителя, принимая до нѣкоторой степени участіе въ волненіяхъ борьбы. Эпикурейскій мудрецъ остается на своихъ ясныхъ высотахъ, спокойно наслаждаясь отсюда зрѣлищемъ бурь и человѣческой борьбы; но онъ наслаждается ими слишкомъ издалека, и испытываемое имъ удовольствіе уменьшается вмѣстѣ съ разстояніемъ. Атикъ хитрѣе и лучше умѣетъ обезпечить себѣ удовольствіе: онъ спускается въ самую средину борьбы, онъ ее зрѣть вплотную и самъ какъ бы участвуетъ въ ней, будучи увѣренъ, что всегда можетъ удалиться изъ нея во время.

Труднѣе всего было ему заставить всѣхъ примириться съ его нейтральностью и труднѣе потому, что его образъ дѣйствиія оскорблялъ болѣе всего тѣхъ, чьимъ уваженіемъ онъ больше дорожилъ. Республиканская партія, которую онъ предпочиталъ и въ которой у него было такъ много друзей, должна была быть значительно менѣе склонною прощать ему его поведеніе, нежели партія Цезаря. Еще въ древности, а тѣмъ болѣе въ наши дни, восхваляли слова, сказанныя Цезаремъ въ самомъ началѣ гражданской войны: „Кто не противъ меня, тотъ за меня“ и весьма порицали совершенно обратныя слова, сказанныя Помпеемъ: „Кто не за меня, тотъ противъ меня“. Однако, если разобраться въ этомъ, то и эта похвала и это порицаніе покажутся одинаково мало вразумительными. Каждый изъ обоихъ соперниковъ, когда выражался такимъ образомъ, сообразовался съ своей ролью, и ихъ слова были продиктованы ихъ положеніями. Цезарь, какъ бы его ни судить, шелъ нарушить установленный порядокъ

*) *Ad. Att.*, X, 16.

и долженъ былъ быть признателенъ тѣмъ, кто ему не мѣшалъ. Могъ ли онъ разумнымъ образомъ требовать отъ нихъ болѣе? Вѣдь дѣйствительно, тотъ, кто не мѣшалъ ему, служилъ ему. Но законный порядокъ, порядокъ установленный считалъ себя въ правѣ обратиться ко всѣмъ за защитой и смотрѣть, какъ на враговъ, на всѣхъ тѣхъ, кто не откликался на его призывъ, такъ какъ надо считать всеобще признаннымъ принципомъ, что тотъ, кто не приходитъ на помощь закону, когда его открыто нарушаютъ, самъ становится соучастникомъ тѣхъ, кто его нарушаетъ. Слѣдовательно, вполне естественно, что Цезарь, вступивъ въ Римъ, отнесся доброжелательно и къ Аттику, и ко всѣмъ тѣмъ, кто не пошелъ подъ Фарсалу, тогда какъ въ лагерь Помпея противъ нихъ существовало сильнѣйшее раздраженіе. Атикъ не особенно беспокоился объ этомъ гнѣвѣ: онъ предоставлялъ высказаться этой легкомысленной и увлекающейся молодежи, которая не могла простить себѣ, зачѣмъ она покинула Римъ, и которая грозила выместить это на тѣхъ, кто въ немъ остался. Что могли ему сдѣлать эти угрозы? Онъ былъ увѣренъ, что сохранилъ уваженіе двухъ самыхъ почтенныхъ и вліятельныхъ людей въ этой партіи, и онъ могъ противопоставить ихъ свидѣтельство всѣмъ гнѣвнымъ выходкамъ остальныхъ. Цицеронъ и Брутъ, несмотря на непреклонность своихъ убѣжденій, никогда не ставили ему въ вину его образъ дѣйствія и даже, какъ будто бы, одобряли его за то, что онъ не вмѣшивался въ общественныя дѣла. „Я знаю честность и благородство твоихъ чувствъ, писалъ однажды Цицеронъ Аттику, когда тотъ счелъ нужнымъ оправдываться; между нами только та разница, что каждый изъ насъ по разному устроилъ свою жизнь. Не знаю, какое честолюбіе побудило меня жаждалъ почестей, тогда какъ ты выбралъ на свою долю честный досугъ по причинамъ, отнюдь не предосудительнымъ“ *). Съ другой стороны Брутъ писалъ ему подъ конецъ своей жизни: „Я далекъ отъ того, чтобы порицать тебя, Атикъ; твои года, характеръ, семья, все заставляетъ тебя цѣнить покой“ **).

*) *Ad Attic.*, I, 17. Смотри также *De offic.*, I, 21 и особенно I, 26. Последнее мѣсто содержитъ, очевидно, намекъ на Аттিকা.

**) *Epist. Brut.*, I, 17.

Такая снисходительность со стороны Брута и Цицерона тѣмъ болѣе удивительна, что они должны были прекрасно понимать, какое зло могъ причинить подобный примѣръ защищаемому ими дѣлу. Если республика погибала, то не только вслѣдствіе дерзости ея враговъ, но также и вслѣдствіе апатіи ея сторонниковъ. Печальное зрѣлище, представляемое ею за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, открытая продажа должностей, скандальныя насилія, происходившія на форумѣ при обсужденіи каждаго новаго закона, кровавыя свалки, сопровождавшія каждые выборы на Марсовомъ полѣ, цѣлыя арміи гладіаторовъ, которыми приходилось окружать себя ради защиты, всѣ постоянныя передраги, всѣ низкія интриги, въ которыхъ окончательно растрчивались послѣднія силы Рима, — совершенно лишили мужества всѣхъ честныхъ людей. Они стали удаляться отъ общественной жизни, и власть потеряла для нихъ всякую привлекательность, какъ только стало необходимо оспаривать ее у людей, готовыхъ на всякое насиліе, на всякій произволъ. Надо было имѣть мужество Катона, чтобы вернуться на форумъ, послѣ того какъ его осыпали тамъ камнями, разорвали тогу и разбили голову. Такимъ образомъ, чѣмъ предприимчивѣе становились насильники, тѣмъ болѣе уступали имъ честные и порядочные, и уже, начиная съ эпохи перваго тріумвирата и консульства Бибула, было очевидно, что апатія честныхъ гражданъ предоставить республику честолюбцамъ, жаждущимъ захватить ее въ свои руки. Цицеронъ хорошо понималъ это и въ своихъ письмахъ онъ не скупился на горькій сарказмъ по отношенію къ этимъ лѣнливымъ богачамъ, влюбленнымъ въ свои рыбныя садки и утѣшавшимся въ предстоящей гибели республики мыслью, что, по крайней мѣрѣ, у нихъ останутся ихъ мурены. Въ введеніи къ своей *Республикѣ* онъ съ удивительной энергіей нападаетъ на тѣхъ, которые, потерявъ мужество сами, стараются отнять его и у другихъ и которые полагаютъ, будто человѣкъ имѣетъ право не служить своей родинѣ и можетъ заботиться о своемъ благосостояніи, не считаясь съ благосостояніемъ ея. „Не будемъ же обращать вниманіе, говоритъ онъ въ концѣ, на этотъ сигналъ къ отступленію, который, раздаваясь въ нашихъ ушахъ, какъ бы хочетъ отозвать назадъ даже тѣхъ, кто уже смѣло

бросился на приступ“*). Бруту также былъ извѣстенъ этотъ недугъ, отъ котораго погибала республика, и онъ не разъ сѣтуетъ на слабость и уныніе римлянъ. „Повѣрь мнѣ, восклицалъ онъ, мы уже слишкомъ стали бояться изгнанія, смерти, бѣдности**). А пишетъ онъ эти прекрасныя слова все тому же Аттику и притомъ вовсе и не думаетъ прилагать ихъ къ нему. Какое же странное очарованіе должно было таиться въ этомъ человѣкѣ, какую огромную власть проявляла его дружба, если эти два великихъ гражданина измѣнили, такимъ образомъ, сами себѣ ради него и откровенно простили ему то, что такъ строго осуждали у другихъ?

Чѣмъ больше думать, тѣмъ меньше видишь причинъ, которыми онъ могъ бы оправдать въ ихъ глазахъ свое поведеніе. Если бы онъ былъ однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые, погрузившись въ свои историческія или философскія изслѣдованія, живутъ лишь прошлымъ или будущимъ и въ сущности не могутъ считаться современниками людей, съ которыми живутъ въ одно время, тогда еще можно было бы понять, что онъ не участвуетъ въ ихъ борьбѣ, потому что онъ чувствуетъ себя внѣ ихъ страстей; но, какъ извѣстно, совсѣмъ напротивъ, онъ очень живо интересовался всѣми даже ничтожными волненіями и темными интригами его времени. Онъ старался знать ихъ и отлично умѣлъ въ нихъ разбираться; это была обычная пища для его любознательнаго ума, и Цицеронъ обращался, главнымъ образомъ, къ нему, когда ему нужны были эти свѣдѣнія. Еще меньше онъ былъ одною изъ тѣхъ спокойныхъ и робкихъ натуръ, созданныхъ для уединенія и размышленія и не находящихъ въ себѣ стремленій, необходимыхъ для активной жизни. Напротивъ, онъ былъ дѣловой человѣкъ съ яснымъ и положительнымъ умомъ, и, если бы захотѣлъ, могъ бы быть превосходнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Чтобы быть полезнымъ своей странѣ, ему нужно было лишь употребить на служеніе ей часть той дѣятельности и того ума, которые онъ употребилъ, чтобы обогатиться, и Цицеронъ вполне правъ говоря, что у него характеръ государственнаго человѣка.

*) *De Rep.*, I, 2.

**) *Epist. Brut.*, I, 17.

Наконецъ, ему не осталось даже и того печальнаго оправданія, что онъ потому не принадлежитъ ни къ какой партіи, что всѣ онъ для него безразличны, и что, не имѣя опредѣленнаго мнѣнія, онъ не зналъ, куда пристать. Въ своихъ письмахъ къ Цицерону и Бруту онъ сотни разъ говорилъ противное и сотни разъ плѣнялъ ихъ пылкостью своего республиканскаго рвенія. Однако, онъ остался спокойнымъ, когда насталъ случай послужить этому правленію, которому на словахъ онъ былъ такъ преданъ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать хоть одно усиліе для его сохраненія, онъ заботился лишь о томъ, чтобы самому не погибнуть при его крушеніи. Но если онъ и не попытался защищать его, то, быть-можетъ, онъ оказалъ ему послѣдній долгъ, выказавъ сожалѣніе о его гибели? Быть-можетъ, онъ засвидѣтельствовалъ какимъ-нибудь образомъ, что хотя онъ и не участвовалъ въ битвѣ, но все-же принялъ участіе въ пораженіи? Быть-можетъ, онъ сумѣлъ, доживая послѣдніе дни подъ новою насильно навязанною властью, съ такимъ достоинствомъ и грустью удалиться отъ свѣта, что самъ побѣдитель проникся къ нему уваженіемъ? Нѣтъ, онъ ничего этого не сдѣлалъ, а это-то болѣе всего и заставляетъ насъ смотрѣть на него недоброжелательно; напротивъ, онъ ретиво принялся приспособливаться къ новому режиму. На другой же день, какъ онъ самъ былъ изгнанъ, онъ уже становится другомъ гонителей. Онъ расточаетъ передъ ними всѣ чары своего ума, назойливо посѣщаетъ ихъ дома и участвуетъ на всѣхъ ихъ празднествахъ. Какъ бы ни было привычно видѣть его всегда доброжелательнымъ по отношенію ко всѣмъ восторжествовавшимъ правительствамъ, все-же никакъ не можешь примириться съ мыслью, что другъ Брута и довѣренный Цицерона могъ такъ быстро стать приспѣшникомъ Антонія и Октавія. Самые снисходительные и тѣ согласятся, конечно, что его дружба съ этими знаменитыми историческими личностями накладывала на него обязанности, которыя онъ не выполнилъ, а тотъ фактъ, что онъ въ преемники имъ выбралъ ихъ палачей, долженъ считаться не иначе, какъ измѣной памяти этихъ лицъ, почтившихъ его своею привязанностью.

Если мы не расположены относиться къ нему такъ сни-

сходительно, какъ Цицеронъ и Брутъ, то тѣмъ болѣе мы не можемъ раздѣлять того наивнаго энтузіазма, какой онъ внушаетъ Корнелію Непоту. Этотъ снисходительный біографъ во всей жизни этого своего героя болѣе всего пораженъ его удивительною удачею въ томъ, что онъ избѣжалъ столько великихъ опасностей. Онъ не можетъ притти въ себя отъ изумленія, при видѣ того, что, начиная съ Суллы и до Августа, этотъ герой выходитъ невредимымъ изъ столько гражданскихъ войнъ, благополучно переживаетъ столько проскрипцій и такъ ловко ведетъ себя, что благоденствуетъ тамъ, гдѣ другіе погибаютъ. „Если осыпаютъ похвалами, говоритъ онъ, кормчаго, сумѣвшаго уберечь корабль среди подводныхъ скалъ и бурь, то не слѣдуетъ ли также удивляться осторожности человѣка, сумѣвшаго сберечь самого себя посреди страшныхъ политическихъ грозъ?“ *): Удивляться тутъ нечему. Что касается насъ, мы сбережемъ наше удивленіе для тѣхъ убѣжденныхъ людей, которые согласуютъ свои дѣйствія съ своими принципами и которые умѣютъ умирать, защищая свои убѣжденія. Неудача не роняетъ ихъ въ нашемъ уваженіи, и чтобы ни говорилъ этотъ защитникъ Аттिका, нѣкоторыя счастливыя плаванія приносятъ менѣе чести, чѣмъ иныя крушенія. Единственная похвала, которую онъ вполнѣ заслуживаетъ и которую такъ охотно преподноситъ ему его біографъ, состоитъ въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ самымъ ловкимъ человѣкомъ своего времени; но, какъ извѣстно есть и другія похвалы получше этой.

*) *Attic.*, 10.

Ц Е Л І Й.

Римская молодежь во времена Цезаря.

Въ изучаемой нами исторіи нѣтъ, быть-можетъ, личности болѣе любопытной, какъ личность Целія. Его жизнь представляетъ для насъ совершенно особый интересъ. Онъ не былъ, подобно Бруту, блестящимъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ; напротивъ, онъ весь принадлежитъ своему времени; онъ жилъ, какъ жили всѣ вокругъ него. Вся тогдашняя молодежь, всѣ эти Куріоны, Долабеллы похожи на него. Они всѣ, подобно ему, испорчены съ пеленокъ, мало заботятся о своемъ достоинствѣ, мотаютъ свои состоянія и любятъ легкомысленныя удовольствія; всѣ они бросаются при первой возможности въ общественную жизнь, томимыя безпокойнымъ честолюбіемъ и стремясь, главнымъ образомъ, къ удовлетворенію своихъ большихъ потребностей, мало считаясь съ предразсудками и вѣрованіями. Такимъ образомъ, исторія Целія есть исторія всѣхъ другихъ, и, изучая ее, мы получаемъ то преимущество, что можемъ сразу ознакомиться со всѣмъ поколѣніемъ, къ которому онъ принадлежалъ. Что же касается самого изученія, то оно для насъ очень легко, благодаря Цицерону. Несмотря на огромное различіе во взглядахъ и поведеніи, Цицеронъ всегда питалъ къ Целію странное влеченіе; онъ любилъ бесѣдовать съ этимъ умнымъ человѣкомъ, издѣвавшимся надъ всѣмъ, и онъ чувствовалъ себя съ нимъ гораздо свободнѣе, чѣмъ съ людьми, подобными Катону и Бруту, подавлявшими его своей прямолинейностью. Онъ защищалъ его передъ судомъ, когда одна женщина, ранѣе любимая имъ и брошенная, пыталась погубить его, и эта защитительная рѣчь является безусловно одною изъ самыхъ пріятныхъ рѣчей, изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ. Впослѣдствіи, когда ему пришлось

уѣхать управлять Киликіей, онъ выбралъ его своимъ политическимъ корреспондентомъ. По счастливой случайности письма Целія дошли до насъ вмѣстѣ съ письмами Цицерона, и во всемъ этомъ сборникѣ нѣтъ болѣе интересныхъ и остроумныхъ. Соберемъ же воедино всѣ разсѣянные въ этихъ письмахъ подробности и на основаніи ихъ попытаемся возстановить исторію Целія, а по ней составить себѣ представленіе о томъ, что такое представляла изъ себя тогдашняя римская молодежь. Узнать это несомнѣнно очень интересно, такъ какъ она играла важную роль, и такъ какъ именно ею всего болѣе пользовался Цезарь для задуманнаго имъ переворота.

I.

Целій былъ не знатнаго рода. Онъ былъ сынъ простаго римскаго всадника изъ Пуццоль, занимавшагося торговлею и нажившаго себѣ большое состояніе въ Африкѣ. Его отецъ, не имѣвшій въ своей жизни другой заботы, какъ разбогатѣть, проявлялъ, какъ это часто бываетъ, свое честолюбіе не столько для себя, сколько для сына: онъ желалъ сдѣлать изъ него политическаго дѣятеля, а такъ какъ видѣлъ, что высшія государственныя должности достигаются вѣрнѣе всего черезъ краснорѣчіе, то онъ отвелъ его еще совсѣмъ молодымъ къ Цицерону, чтобы тотъ сдѣлалъ изъ него, если можно, великаго оратора.

Въ то время еще не было обычая держать юношей въ школахъ риторовъ съ тѣмъ, чтобы они тамъ упражнялись на вымышленныхъ дѣлахъ. Какъ только они надѣвали тогу взрослого мужа, что происходило около шестнадцати лѣтняго возраста, ихъ спѣшили отвести къ какому-нибудь извѣстному государственному человѣку, съ которымъ они и не разставались. Находясь въ самой интимной близости, они слушали его бесѣды съ друзьями, его споры съ противниками; они видѣли, какъ онъ готовится въ тишинѣ къ своимъ словеснымъ битвамъ, они сопровождали его въ базилики и на форумъ, они слушали его защитительныя рѣчи или рѣчи къ народному собранію и когда они сами начинали чувствовать себя способными выступить публично съ рѣчью, они

выступали около него и подъ его защитой. Тащить глубоко сожалѣть объ этомъ мужественномъ воспитаніи, которое, ставя юношу въ условія жизненной истины, вмѣсто того, чтобы держать его среди фикцій риторики, развивало въ немъ вкусъ къ естественному и истинному краснорѣчію и закаляло его, бросая сразу въ настоящую битву и обучая его, по его подлинному выраженію, войнѣ на самомъ полѣ битвы, *pugnare in proelio discebant* *). Это воспитаніе представляло, однако, большую опасность. Оно слишкомъ рано знакомило его съ вещами, которыя лучше бы не знать подольше; оно приучало его ко всякаго рода неблаговиднымъ проявленіямъ, столь обычнымъ въ общественной жизни, оно приводило его къ преждевременной зрѣлости и слишкомъ рано возбуждало въ немъ честолюбіе. Такой юноша въ шестнадцать лѣтъ, жившій въ тѣснѣйшемъ общеніи съ беззащитными пожилыми государственными людьми, открывавшими ему безъ стѣсненія самые низкіе происки партій, не долженъ ли былъ утратить отчасти выпренность и деликатность чувствъ, свойственныхъ его возрасту? Не нужно ли было бояться, что такое порочное общеніе можетъ привить къ нему любовь къ интригѣ, преклоненіе передъ успѣхомъ, безумное стремленіе къ власти, желаніе, во чтобы то ни стало, какъ можно скорѣе подняться повыше и неразборчивость въ средствахъ для достиженія этой цѣли?

Именно это и случилось съ Целіемъ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, честныхъ и трудолюбивыхъ, онъ не покидалъ Цицерона, но замѣтивъ, въ концѣ-концовъ, что такой молодой человѣкъ, какъ онъ стремящійся къ политической карьерѣ, больше можетъ выиграть съ тѣми, которые хотятъ низвергнуть правительство, нежели съ тѣми, которые стараются его сохранить, онъ покинулъ Цицерона и перешелъ къ Катилинѣ. Переходъ былъ рѣзокъ, но Целій никогда не заботился, чтобы избѣгать такихъ перемѣнъ. Съ этого времени, вполне понятно, его жизнь совершенно измѣнилась: онъ сталъ смутьяномъ и дерзкимъ забіякой, наводившимъ страхъ своими злонамѣренными рѣчами на форумъ и на Марсовомъ полѣ. На выборахъ верховнаго жреца онъ ударилъ сенатора.

*) *De orat.*, 34.

Когда онъ былъ назначенъ квесторомъ, всѣ стали обвинять его въ подкупѣ избирательныхъ голосовъ. Не довольствуясь устройствомъ безпорядковъ въ римскихъ комиціяхъ, онъ поднималъ, неизвѣстно зачѣмъ, народное волненіе въ Неаполѣ. Въ то же время онъ не пренебрегалъ и своими удовольствіями. Безчинства шумной молодежи, къ которой онъ принадлежалъ, непрестанно нарушали общественное спокойствіе. Рассказывали, что улицы Рима не были безопасны, когда они возвращались по ночамъ съ своихъ ужиновъ и что по примѣру тѣхъ юныхъ гулякъ, которыхъ намъ рисуетъ Плавтъ и Теренцій, они преслѣдовали честныхъ женщинъ, встрѣчавшихся имъ на пути. Всѣ эти безумства требовали, конечно, большихъ издержекъ, и отецъ Целія, хотя и былъ богатъ, не всегда былъ расположенъ платить за него. Безъ сомнѣнія, теперь этотъ честный негоціантъ изъ Пуццолъ долженъ былъ жалѣть о тѣхъ честолюбивыхъ замыслахъ, какіе онъ питалъ для своего сына, и находить, что ему слишкомъ дорого обходится его желаніе сдѣлать изъ него общественнаго дѣятеля. Целій, съ своей стороны, былъ не такого характера, чтобы легко сносить упреки; онъ покинулъ отцовскій домъ и подъ предлогомъ быть ближе къ форуму и дѣламъ, нанялъ за 10.000 сестерцій (2.000 франковъ, т.-е. около 750 руб.) помѣщеніе на Палатинѣ въ домѣ знаменитаго трибуна Аппія Клодія. Это было важнымъ событіемъ въ его жизни, такъ какъ тутъ онъ познакомился съ Клодіей.

Если бы основываться на свидѣтельствѣ Циперона, пришлось бы составить самое плохое мнѣніе о Клодіи; но Циперонъ—свидѣтель слишкомъ пристрастный, чтобы быть совершенно справедливымъ, а сильная ненависть, какую онъ питалъ къ ея брату, дѣлаетъ подозрительнымъ и его мнѣніе объ его сестрѣ. Къ тому же онъ отчасти противорѣчитъ самъ себѣ, когда говоритъ, что она сохраняла отношенія съ весьма честными людьми, что было бы совсѣмъ удивительно, если бы вправду она совершила всѣ тѣ преступленія, въ которыхъ онъ ее упрекаетъ. Очень трудно повѣрить, чтобы лица, занимающія видное положеніе въ республикѣ и щепетильныя относительно своей репутаціи, продолжали бы видѣться съ нею, если бы они думали, что она отравила своего мужа и была любовницею своихъ братьевъ. Однако, не Ци-

церонъ же это выдумалъ; это была общественная сплетня, а онъ лишь охотно ее повторялъ. Многіе въ Римѣ вѣрили этому слуху, враги Клодіи старались его распространять, и на эту тему были сочинены очень злые стихи, которые и писались на всѣхъ стѣнахъ. Итакъ, репутація Клодіи была очень плохая, и надо признаться, что несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, она отчасти ее заслуживала. Ничто не доказываетъ, что она убила своего мужа, какъ ее въ томъ обвиняли: подобныя обвиненія въ отравленіи были тогда въ большемъ ходу, и имъ легко вѣрили, но все же при его жизни она дѣлала его очень несчастнымъ и, повидимому, не особенно была огорчена его смертью. Сомнительно также, хотя это и утверждаетъ Цицеронъ, чтобы она была любовницей своихъ братьевъ, но зато къ несчастью слишкомъ вѣрно то, что вообще у нея было много любовниковъ. Въ извиненіе ей можно привести лишь одно то, что такой образъ жизни былъ тогда явленіемъ довольно обыкновеннымъ. Никогда скандалы подобнаго рода не были такъ обычны среди знатныхъ дамъ Рима. Но вѣдь римское общество переживало тогда кризисъ, причины котораго, восходящія очень далеко, заслуживаютъ того, чтобы съ ними ознакомиться. О нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ, чтобы можно было дать себѣ отчетъ о той сильной порчѣ, какой подверглись общественные нравы.

Въ странѣ, гдѣ семья такъ почиталась, какъ въ Римѣ, женщины не могли не имѣть большого значенія. Нельзя думать, что онѣ не старались распространить и за предѣлы дома свое вліяніе, которое уже было такъ значительно внутри его, и то почетное мѣсто, какое онѣ занимали въ частной жизни, естественно должно было вызвать у нихъ въ одинъ прекрасный день попытку завоевать для себя и жизнь общественную. Старые римляне, столь ревнивые къ своей власти, предчувствовали давно эту опасность и не пренебрегали никакими средствами, чтобы ее избѣжать. Извѣстно какимъ образомъ относились они къ женщинѣ въ общественной жизни: какихъ только злыхъ выходокъ они не сочиняли по поводу ихъ, они издѣвались надъ ними въ театрѣ и насмѣхались надъ ними даже въ своихъ политическихъ рѣ-

чахъ*); но не слѣдуетъ принимать въ серьезъ этихъ насмѣшекъ и слишкомъ сожалѣть тѣхъ, на кого онѣ направлены. Если на женщинъ такъ нападали, то это потому, что ихъ побаивались, и всѣ эти насмѣшки не столько являются издѣвательствомъ, сколько простою предосторожностью. Эти суровые воины, эти грубоватые поселяне знали хорошо, живя съ женщинами, какой у нихъ свободный и предприимчивый умъ, и насколько во многомъ онѣ стоятъ выше ихъ; вотъ почему они такъ хлопочутъ оградить ихъ дѣятельность хозяйствомъ; но и этого еще недостаточно, чтобы ихъ успокоить: надо даже и въ самомъ хозяйствѣ поставить ихъ въ подчиненіе и зависимое положеніе. Намѣренно утверждаютъ, что онѣ—существа слабыя и неразумныя (*indomita animalia*), не способныя управлять даже собою и торопятся установить надъ ними управленіе. Подъ этимъ предлогомъ ихъ держать подъ вѣчной опекой; онѣ всегда находятся подъ попеченіемъ отца, брата или мужа; онѣ не могутъ ни продавать, ни покупать, ни торговать, ни дѣлать ничего безъ согласія того, отъ кого зависятъ: поступая такимъ образомъ, мужчины увѣряютъ, что они имъ покровительствуютъ; въ дѣйствительности же они сами покровительствуютъ себѣ противъ нихъ. Катонъ, большой врагъ женщины, наивно признается въ этомъ въ минуту откровенности. „Вспомните, говоритъ онъ у Тита Ливія по поводу закона *Oppia*, о всѣхъ правилахъ, установленныхъ нашими предками, чтобы подчинить женъ ихъ мужьямъ. Несмотря на то, что онѣ теперь всѣ связаны, вамъ все же трудно справиться съ ними. Что же будетъ, если вы вернете имъ свободу, если вы предоставите имъ одинаковыя права съ собою? Думаете ли вы, что тогда вы будете въ со-

*) Во времена Гракховъ цензоръ Метеллъ въ одной рѣчи, сказанной противъ холостяковъ, говорилъ слѣдующее: „Граждане, если бы можно было жить безъ женщины, мы всѣ бы обошлись безъ этой обузы (*omnes ea molestia coreremus*); но природѣ угодно было, чтобы было такъ же невозможно обходиться безъ нихъ, какъ непріятно жить съ ними; рѣшимъ же пожертвовать пріятностями недолговѣчной жизни интересамъ республики, которая должна существовать всегда.“ Подобный способъ поощрять людей жениться казался, повидимому, очень убѣдительнымъ, потому, что въ тотъ періодъ, когда число браковъ уменьшилось, какъ никогда, Августъ считалъ необходимымъ читать народу эту рѣчь стараго Метелла.

стояніи управлять ими? Въ тотъ день, когда онѣ добьются равенства, онѣ возьмутъ надъ вами верхъ“. *) Этотъ день насталь приблизительно въ ту эпоху, которой мы теперь занимаемся. Но среди общаго ослабленія древнихъ обычаевъ, законы о женщинахъ также стали плохо исполняться, какъ и всѣ другіе. Цицеронъ говоритъ, что галантные юристы доставляли имъ остроумныя средства, чтобы избѣгать эти законы, повидимому, ихъ вовсе не нарушая **). Въ то же время уже вошло въ привычку видѣть ихъ занимающими важное мѣсто въ обществѣ и считаться съ ними въ управленіи республикой. Почти всѣ политическіе люди того времени находились въ подчиненіи у своихъ женъ или любовницъ. Вотъ почему надо считать безчисленные любовныя похождения Цезаря, такъ же какъ въ послѣдствіи похождения Августа за глубокую хитрость: можно думать, что они старались нравиться женщинамъ, чтобы черезъ нихъ управлять ихъ мужьями.

Такимъ образомъ, благодаря забвенію старинныхъ законовъ, благодаря переменамъ старинныхъ правилъ, женщины стали свободными. А надо замѣтить, что вообще первое пользование вновь завоеванной свободой всегда приводитъ къ нѣкоторому злоупотребленію ею. Нельзя спокойно наслаждаться правами, которыхъ былъ лишенъ долгое время, и всегда эти первыя минуты сопровождаются нѣкоторымъ опьянѣніемъ, отъ котораго трудно сдержаться. То, что происходило въ римскомъ обществѣ той эпохи и всѣ тѣ уклоненія, какія имѣли тогда мѣсто въ поведеніи женщинъ, все это объясняется отчасти привлекательностью и возбужденіемъ, вызваннымъ новой свободой. Тѣ, которыя любили деньги, какъ Теренція, жена Цицерона, торопясь использовать вновь полученное право самимъ распоряжаться своимъ состояніемъ, вступаютъ въ сотрудничество ради сомнительныхъ барышей съ отпущенниками и дѣловыми людьми, безъ стѣсненія обкрадываютъ своихъ мужей; и ударяются въ спекуляціи и торговлю, куда и вносятъ вмѣстѣ съ неслыханнымъ инстинктомъ хищничества, свойственные имъ мелочную бережливость и тонкую расчетливость. Тѣ же, которыя предпочитали удовольствія, предавались съ увле-

*) Титъ Ливій, XXXIV, 3.

**) *Pro Muraena*, 12.

ченіемъ всѣмъ видамъ наслажденія. Менѣе смѣлыя пользовались легкостью развода, чтобы переходить отъ одной любви къ другой подъ прикрытіемъ закона. Другія не считали нужнымъ заботиться объ этомъ и открыто шли на скандалъ.

Клодія была изъ послѣднихъ; но обладая всѣми этими пороками она не заботилась ничуть скрывать ихъ; она обладала и нѣкоторыми достоинствами, въ этомъ необходимо сознаться. Она не была жадна; ея кошелекъ былъ открытъ для ея друзей и Целій, не краснѣя, черпалъ изъ него. Она любила умныхъ людей и привлекала ихъ къ себѣ. Одно время она пыталась убѣдить Цицерона, талантомъ котораго она очень восхищалась, покинуть ради нея его глупую Теренцію и жениться на ней; но Теренція, провѣдавшая о томъ, сумѣла ихъ смертельно перессорить другъ съ другомъ. Одинъ древній схолиастъ говоритъ, что она танцевала лучше, чѣмъ полагается честной женщинѣ *). Она увлекалась не только однимъ этимъ искусствомъ и на основаніи одного мѣста у Цицерона можно заключить, что она также писала стихи**). Заниматься литературой, интересоваться обществомъ умныхъ людей, любить тонкія и изысканныя удовольствія, все это съ перваго взгляда совсѣмъ не представляется заслуживающимъ порицанія; напротивъ, у насъ каждая женщина должна или обладать этими качествами или притворяться. Въ Римѣ думали иначе, и такъ какъ тамъ только однѣ куртизанки пользовались тогда привилегіей такой свободной и изящной жизни, то всякая женщина, старавшаяся выказать тѣ же таланты, подвергалась риску быть смѣшанной съ ними и навлечь на себя такое же порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія; но Клодія не обращала вниманія на это мнѣніе. Она вносила въ свою частную жизнь, въ свои дружескія отношенія то же увлеченіе и тотъ же пылъ, какіе вносилъ ея братъ въ жизнь общественную. Готовая на всѣ излишества и смѣло въ нихъ признававшаяся, доходившая до крайностей и въ любви и въ ненависти, неумѣющая сдерживаться и ненавидѣвшая всякое принужденіе, она не измѣняла той гордой и знатной семьѣ, изъ которой была родомъ, и даже

*) Схолиастъ, Bob., p. Sext., изд. Op. стр. 304.

**) Швабъ (Schwab), *Quaest. Catull.*, p. 77.

въ самыхъ порокахъ ея въ ней сказывалась ея порода. Въ странѣ, гдѣ придавалось такое значеніе соблюденію древнихъ обычаевъ, въ этой класической странѣ *декорума* (самое слово это и содержаніе его—римскаго происхожденія), Клодіи доставляло удовольствіе нарушать общепризнанные законы; она выходила со своими друзьями, позволяла имъ сопровождать себя въ общественные сады или на Аппіеву дорогу, выстроенную ея прадедомъ. Она смѣло подходила къ знакомымъ людямъ; вмѣсто того, чтобы скромно потуплять глаза, какъ то полагалось всякой благовоспитанной матронѣ, она осмѣливалась разговаривать съ ними (Цицеронъ говоритъ, что иногда она ихъ даже цѣловала) и приглашала ихъ къ себѣ на обѣды. Люди серьезные, положительные, степенные негодовали, но молодежь, которой подобная смѣлость нравилась, была отъ нея въ восторгѣ охотно ее посѣщала *).

Целій былъ тогда однимъ изъ модныхъ людей. Онъ уже славился, какъ хорошій ораторъ, а остроумная насмѣшливость его рѣчей страшила многихъ. Онъ былъ храбръ до безумія, всегда готовъ пуститься въ самыя рискованныя предпріятія. Деньги онъ тратилъ безъ счета, и около него постоянно толклось множество друзей и кліентовъ. Немногіе танцевали такъ хорошо, какъ онъ **), и никто не превосходилъ его въ искусствѣ одѣваться со вкусомъ, и въ Римѣ зачастую толковали о красотѣ и ширинѣ пурпуровой полосы, окаймлявшей его тогу. Всѣ эти качества и серьезныя и пустыя были именно такового свойства, чтобы плѣнить Клодію. Сосѣдство сблизило ихъ тѣснѣе, и она стала скоро его возлюбленной.

Несмотря на всю сдержанность Цицерона можно угадать ту жизнь, какую они тогда вели. Онъ говоритъ полусловами о тѣхъ блестящихъ празднествахъ, которыя устраивала Клодія своему возлюбленному и римской молодежи въ своихъ садахъ на берегу Тибра; но главнымъ мѣстомъ ея любовныхъ приключеній были, какъ кажется, Байи. Уже за

*) Всѣ эти и дальнѣйшія подробности взяты изъ рѣчи Цицерона *Pro Caelio*.

**) Макробій, *Sat.*, II, 10.

нѣсколько времени передъ тѣмъ Байи сдѣлались обычнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ модниковъ Рима и Италіи. Источники горячей воды, бывшіе тамъ въ изобиліи, служили причиною или поводомъ для этихъ сборищъ. Нѣкоторое количество больныхъ, отправлявшихся туда за выздоровленіемъ, служили оправданіемъ для цѣлой толпы вполне здоровыхъ людей, пріѣзжавшихъ туда лишь съ цѣлю повеселиться. Съѣздъ начинался съ апрѣля мѣсяца, и въ теченіе всего прекраснаго сезона тамъ завязывались тысячи легкихъ интригъ, слухъ о которыхъ доходилъ до Рима. Серьезные люди всячески остерегались попасть въ этотъ водоворотъ, и въ послѣдствіи Клодіи обвинялъ Цицерона, какъ въ преступленіи, лишь за то, что тотъ проѣздомъ побывалъ въ Байяхъ; но Целій и Клодія не старались скрываться: они безъ стѣсненія предавались всѣмъ удовольствіямъ, доступнымъ въ этой странѣ, которую Горацій величалъ прекраснѣйшей на свѣтѣ. Весь Римъ говорилъ объ ихъ поѣздкахъ по берегу, о блескѣ и шумѣ ихъ пировъ и объ ихъ прогулкахъ по морю на лодкахъ съ пѣвцами и музыкантами. Вотъ все, что рассказываетъ намъ Цицеронъ или, вѣрнѣе, что онъ заставляетъ насъ угадывать, такъ какъ на этотъ разъ онъ желаетъ быть скромнымъ, вопреки своему обыкновенію и къ нашему большому сожалѣнію, чтобы не скомпрометировать своего друга Целія. Къ счастью, мы можемъ узнать объ этомъ больше и проникнуть глубже въ это общество, столь для насъ интересное: для этого намъ нужно обратиться къ тому, кто былъ вмѣстѣ съ Лукреціемъ, величайшимъ поэтомъ этого времени, — къ Катуллу. Катуллъ жилъ среди этихъ достойныхъ изученія личностей и находился съ ними въ отношеніяхъ, которыя дали ему возможность ихъ прекрасно описать. Всѣ знаютъ Лесбію, которую онъ обезсмертилъ своими стихами, но не всѣ знаютъ, что эта Лесбія не была той фикціей, какую часто воображаютъ себѣ элегическіе поэты. Овидій говоритъ намъ, что подъ этимъ именемъ скрыта одна римская дама и по всему вѣроятію знатная, такъ какъ онъ не хочетъ называть ее собственнымъ именемъ, а потому, какъ онъ говоритъ о ней, видно, что всѣ въ то время её знали *). Апулей, жившій значительно позднѣе, болѣе

*) Овидій, *Trist.*, II, 427.

нескромнѣ и сообщаетъ намъ, что Лесбія, это — Клодія *).

Слѣдовательно, Катуллъ также былъ возлюбленнымъ Клодіи и соперникомъ Целія: и онъ посѣщалъ этотъ домъ на Палатинѣ и эти прекрасные тибрскіе сады и его стихи даютъ намъ возможность поближе узнать это общество, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ героевъ.

Я только что говорилъ, что Клодія не имѣла той жадности къ дѣламъ, какая свойственна была многимъ женщинамъ того времени и вообще всѣхъ временъ. Исторія Катулла служить тому прекраснымъ доказательствомъ. Этотъ молодой провинціалъ изъ Вероны, хотя и происходилъ родомъ изъ хорошей семьи, имѣлъ очень небольшое состояніе, а проживъ нѣсколько времени въ Римѣ разсѣянною и пріятною жизнью совсѣмъ его лишился. Его бѣдное небольшое имѣніе скоро очутилось заложеннымъ и перезаложеннымъ. „На него уже не дуютъ болѣе, говоритъ онъ шутливо, ни порывистый вѣтеръ сѣвера, ни буйный вѣтеръ юга (*auster*): цѣлый ураганъ долговъ устремляется на него со всѣхъ сторонъ. О, это ужасный и смертельный вѣтеръ **)!“ Изъ того, какъ онъ рисуетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, еще болѣе бѣдныхъ и задолженныхъ, нежели онъ, видно, что это не на нихъ онъ долженъ разсчитывать и не отъ нихъ долженъ былъ ждать помощи его пустой кошелькъ. Такимъ образомъ не богатство и не знатность могла любить Клодія въ Катуллѣ, но лишь его умъ и талантъ. То, что его плѣняло въ ней, что онъ любилъ въ ней такъ страстно, — это ея изящество и грацію. Эти качества не свойственны обыкновенно женщинамъ, живущимъ какъ Клодія, но въ ней, какъ она низко ни опустилась, сказывалось ея патриціанское происхожденіе. Катуллъ говоритъ это самое въ одной эпиграммѣ, гдѣ онъ сравниваетъ Лесбію съ другой извѣстной красавицей того времени:

„Квинція прекрасна для многихъ. Я также нахожу, что она и бѣла, и стройна, и высока: эти достоинства у ней есть, я это признаю. Но что ихъ сочетаніе дѣ-

*) Апулей, *De Mag.*, 10. Одинъ нѣмецкій ученый, М. Швабъ, въ своемъ трудѣ о Катуллѣ (*Quaest. Catull.*, 1862) поставилъ, какъ мнѣ кажется, вѣтъ сомнѣнія это утвержденіе Апулея.

**) Катуллъ, *Carm.*, 26.

лаетъ ее красавицей—я не согласенъ. Въ ней нѣтъ ничего граціознаго, и во всемъ ея большомъ тѣлѣ нѣтъ ни капли ума и пріятности. Вотъ Лесбія, та—прекрасна, прекраснѣе всѣхъ, и она столько получила граціи на свою долю, что для остальныхъ не осталось ничего“ *).

Женщинѣ, какъ Клодія, имѣвшей такое рѣшительное влеченіе къ умнымъ людямъ, несомнѣнно должно было нравиться бывать въ обществѣ, въ которомъ вращался Катуллъ. Судя по его разсказамъ, въ Римѣ не было другого болѣе умнаго и пріятнаго. Оно состояло изъ писателей и политиковъ, изъ поэтовъ и вельможъ, разнившихся по положенію и богатству, но объединившихся общей любовью къ литературѣ и удовольствію. Здѣсь находились Корнифіцій, Квинтилій Варъ, Гельвій Цинна, стихи котораго пользовались въ то время большой извѣстностью, Азиній Полліонъ, бывшій тогда еще юношей, подававшимъ большія надежды и, наконецъ, Лициній Кальвъ, въ одно и тоже время и государственнѣйшій дѣятель и поэтъ, одна изъ самыхъ самобытныхъ личностей той эпохи, тотъ самый, который двадцати одного году отъ роду напалъ на Ватинія съ такой силой и талантомъ, что Ватиній, совершенно пораженный, обратился къ своимъ судьямъ и сказалъ: „Если мой противникъ такой великій ораторъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я виновенъ!“ Къ этой же кучкѣ лицъ надо отнести и Целія, вполне достойнаго принадлежать къ ней по своему уму и дарованіямъ, а выше всѣхъ надо поставить Цицерона, покровителя всей этой умной молодежи, гордившейся его гениемъ и его славою и чтившаго въ немъ, по выраженію Катулла, краснорѣчивѣйшаго изъ сыновъ Ромула.

Въ этихъ собраніяхъ умныхъ людей, изъ которыхъ многіе не были чужды политики, политика не исключалась; здѣсь господствовалъ республиканскій духъ и отсюда выходили самыя ѣдкія эпиграммы на Цезаря. Извѣстно, въ какомъ тонѣ написаны эпиграммы Катулла. Сочинялъ ихъ и Кальвъ, но онѣ не дошли до насъ, а по отзывамъ современниковъ онѣ были еще ядовитѣе. Вполнѣ понятно, что литература занимала здѣсь мѣсто не меньше, чѣмъ политика. Не упускали, конечно, случая посмѣяться надъ плохими писате-

*) Катуллъ, *Carm.*, 86.

лями и даже торжественно предавали сожженію, для примѣра другимъ, поэмы Волузія. Иногда въ концѣ обѣда, когда головы разгорячались отъ вина и веселья, устраивали поэтическія состязанія: передавали одинъ другому таблички и каждый писалъ на нихъ стихи, самые ядовитые, какіе могъ придумать. Но болѣе всего другого ихъ занимало одно — веселье. Всѣ эти поэты и политики были молоды и влюблены и какое бы удовольствіе они не испытывали, издѣваясь надъ Волузіемъ или высмѣивая Цезаря, все же они предпочитали всему воспѣвать свою любовь. Отсюда же пришла къ нимъ и слава. Въ латинской элегической поэзіи ничто не можетъ сравниться съ коротенькими прелестными стихотвореніями, написанными Катулломъ въ честь Лесбіи. Проперцій примѣшиваетъ слишкомъ много мифологіи къ своимъ воздыханіямъ; Овидій меньше, какъ умный развратникъ; у одного Катулла есть звуки, способные растрогать. И это потому, что онъ одинъ былъ уязвленъ искреннею и глубокою любовью. До этихъ поръ онъ велъ жизнь разсѣянную и безпутную, и сердце его устало отъ мимолетныхъ связей; но въ тотъ день, когда онъ повстрѣчалъ Лесбію, онъ узналъ страсть. Что бы ни думали о Клодіи, любовь Катулла возвышаетъ ее и для нея самое лучшее, если смотрѣть на нее сквозь призму этой удивительной поэзіи. Всѣ тѣ празднества, которыя она давала римской молодежи и объ отсутствіи подробностей о которыхъ мы только что жалѣли, всѣ они оживаютъ въ стихахъ Катулла и кажутся намъ какъ воочію; вѣдь свои лучшія произведенія онъ писалъ именно въ честь этихъ свободныхъ и пышныхъ пировъ, въ честь этихъ очаровательныхъ собраній. Это здѣсь, несомнѣнно, на тѣнистыхъ берегахъ Тибра онъ написалъ для Лесбіи свое прелестное подражаніе самой страстной одѣ Сафо. Быть можетъ именно на Байскомъ побережьѣ, въ виду Неаполя и Капри, подъ этимъ сладостнымъ небомъ и посреди тысячи прельщеній этой очаровательной страны были прочитаны впервые эти стихи, полные такой граціи и страсти и вполне достойные той очаровательной обстановки, среди которой мнѣ такъ пріятно помѣстить ихъ:

„Будемъ жить и любить, моя Лесбія; и не станемъ обращать вниманіе ни на какіе укоры суровыхъ стари-

ковъ. Солнце умираетъ и снова встаетъ, но намъ, когда потухнетъ кратковременный свѣтъ нашей жизни, намъ придется спать цѣлую вѣчность. Дай же мнѣ тысячу поцѣлуевъ, потомъ сто, потомъ опять тысячу и еще сто и снова тысячу и снова сто. Затѣмъ, когда мы нацѣлуемся тысячи разъ, мы спутаемъ счетъ, чтобы не вѣдать его и не дать ревнивцамъ повода завидовать намъ, когда бъ они узнали сколько поцѣлуевъ мы дали другъ другу“.

Крайне любопытенъ тотъ моментъ въ жизни римскаго общества, когда впервые появляются эти просвѣщенные собранія, въ которыхъ бесѣда велась обо всемъ, гдѣ смѣшались между собою люди различныхъ общественныхъ положеній, гдѣ писатели сталкивались съ политиками и гдѣ открыто дерзали увлекаться искусствомъ и почитать умъ за великую силу. Употребляя современное выраженіе, можно сказать, что съ этого момента начиналась свѣтская жизнь. У древнихъ римлянъ не было ничего подобнаго. Они жили на форумѣ или въ своихъ семьяхъ. Между толпою и семьею у нихъ почти не было того посредника, что зовется свѣтомъ, то-есть тѣхъ избранныхъ и учтивыхъ собраній, многочисленныхъ, но чинныхъ, гдѣ человѣкъ въ одно и то же время чувствуетъ себя и свободнѣе, чѣмъ среди незнакомыхъ людей на общественной площади, и все же нѣсколько болѣе связаннымъ, чѣмъ въ привычномъ кругу семьи. Чтобы дойти до этого, необходимо было раньше, чтобы Римъ цивилизовался и чтобы литература завоевала себѣ въ немъ опредѣленное мѣсто, что произошло лишь къ концу послѣдняго вѣка республики. И, однако, не слѣдуетъ ничего преувеличивать. Эта *свѣтская* жизнь, появившаяся въ это время впервые, кажется намъ порою еще очень грубою. Катуллъ сообщаетъ намъ, что на этихъ пріятныхъ обѣдахъ, гдѣ читались такіе прекрасные стихи, попадались гости, кравшіе салфетки *). Да и рѣчи, которыя велись тамъ, часто бывали довольно рискованныя, если судить о нихъ по нѣкоторымъ эпиграммамъ этого великаго поэта. Клодія, собиравшая у себя этихъ умныхъ людей, позволяла иногда себѣ странныя выходки. Изысканныхъ удовольствій свѣтской жизни ей бы-

*) Катуллъ, *Carm.*, 12.

ло мало и она часто доходила до крайностей, заставлявших краснѣть ея старыхъ друзей. Да и они также, эти герои моды, при всемъ ихъ хорошемъ вкусѣ, при всѣхъ ихъ пріятныхъ рѣчахъ и важныхъ стихахъ, вели себя не лучше ея и едва ли были много сдержаннѣе. Они вели себя далеко небезупречно во время своихъ связей съ Клодіей; когда же связь эта распалась, они впали въ непростительный грѣхъ, позволивъ себѣ чернить прошлое и оскорблять женщину, когда-то любимую. Катуллъ оскорблялъ ее самыми грубыми эпиграммами, ее, которая вдохновила его на самые прекрасные стихи. Целій, дѣлая намекъ на плату, которую платили самымъ послѣднимъ куртизанкамъ, обозвалъ ее при полномъ форумѣ женщиною за четверть асса (*quadrantaria*) и это жестокое прозвище осталось за ней навсегда. Изъ этого видно, что этому обществу предстояло еще долго совершенствоваться, но оно быстро улучшилось благодаря только что наступившей монархіи. Все мѣняется вмѣстѣ съ Августомъ. При новомъ режимѣ, эти остатки грубости, отзывавшіяся древней республикой, исчезаютъ; всѣ до такой степени исправляются и становятся такими требовательными, что наиболѣе благовоспитанные начинаютъ уже смѣяться надъ Кальвіемъ и Катулломъ, а Плавта величать варваромъ. Все обнаруживается, все утончается и въ то же время дѣлается прѣснымъ. Въ любовной литературѣ распространяется какой-то придворный духъ и измѣненіе это произошло такъ быстро, что потребовалось не болѣе четверти вѣка, чтобы спуститься отъ Катулла до Овидія.

Любовь Клодіи и Катулла кончилась очень печально. Клодія и не собиралась сохранять вѣрность и вполне соглашалась съ своимъ возлюбленнымъ, когда тотъ писалъ ей: „Обѣщанія женщины надо довѣрять вѣтру или записывать ихъ на водѣ“ *). Катуллъ, зная, что его обманываютъ, негодовалъ на себя, что допускаетъ это. Онъ убѣждалъ себя, бранилъ и не могъ поступать иначе. Не смотря на всѣ усилія взять себя въ руки, онъ не могъ сдѣлать это; любовь была сильнѣе. Послѣ неудачныхъ и мучительныхъ попытокъ борьбы съ собою, борьбы разрывавшей ему сердце, онъ снова

*) Катуллъ, *Carm.*, 70.

возвращался грустный и покорный къ ногамъ той, которую порой и презирая, продолжалъ любить всегда. „Я люблю и ненавижу, говорилъ онъ; ты спрашиваешь, какъ это можетъ быть, я не знаю; но я чувствую, что это такъ и моя душа отъ этого страдаетъ“ *). Такое страданіе и такая покорность совѣмъ не трогали Клодію. Она все болѣе и болѣе погрязала въ различныхъ грязныхъ любовныхъ заключеніяхъ и поневолѣ бѣдному поэту, потерявшему всякую надежду, пришлось разстаться съ ней навсегда. Разрывъ между Клодіей и Целіемъ былъ много практичнѣе. Ихъ любовь закончилась уголовнымъ процессомъ. На этотъ разъ первымъ охладѣлъ Целій. Клодія, обыкновенно сама разрывавшая свои связи, не была привычна къ такому исходу. Оскорбленная этимъ разрывомъ, она уговорилась съ врагами Целія, которыхъ у него было немало, и вступила съ обвиненіемъ его во многихъ преступленіяхъ, а въ томъ числѣ и въ покушеніи на ея отравленіе. Вотъ, признаться, печальное похмелье восхитительныхъ празднествъ въ Байяхъ! Процессъ должно быть былъ очень интересенъ и надо думать, что въ этотъ день на форумѣ не было недостатка въ слушателяхъ. Целій явился туда въ сопровожденіи богача Красса и Цицерона, бывшихъ его покровителями, друзьями и учителями. Они подѣлили между собою его защиту, и Цицеронъ, взявъ на себя все, что относилось къ Клодію. Хотя онъ и заявляетъ въ началѣ своей рѣчи, „что онъ не врагъ женщинъ и еще менѣе врагъ женщины, бывшей подругою всѣхъ“, надо думать, однако, что онъ не упустилъ такого удобнаго случая, чтобы отомстить за все то зло, какое причинила ему эта семья. Въ этотъ день Клодія поплатилась за всѣхъ своихъ. Вотъ почему Цицеронъ такъ возбужденъ и рѣзокъ; судьи должны были много смѣяться, и Целій былъ оправданъ.

Въ своей рѣчи Цицеронъ торжественно обѣщалъ, что его кліентъ измѣнитъ свое поведеніе. Дѣйствительно, давно уже была пора ему остепениться, его молодость и безъ того затянулась слишкомъ долго. Въ это время ему было уже двадцать восемь лѣтъ и ему слѣдовало уже подумать о томъ,

*) Катуллъ, *Сарт.*, 85.

чтобы сдѣлаться эдиломъ или трибуномъ, если только онъ хотѣлъ добиться того политическаго значенія, о какомъ мечталъ для него его отецъ. Неизвѣстно, исполнилъ ли онъ въ точности всѣ обѣщанія, данныя Цицерономъ отъ его имени; возможно, что отнынѣ онъ лишь избѣгалъ участвовать въ слишкомъ шумныхъ скандалахъ, но возможно, что плохой исходъ его любви къ Клодіи совсѣмъ исцѣлилъ его отъ всякихъ любовныхъ авантюръ; нельзя лишь повѣрить тому, что съ этихъ поръ онъ сталъ вести строгую и суровую жизнь на подобіе старыхъ римлянъ. Мы видимъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ уже былъ эдиломъ и участвовалъ въ дѣлахъ весьма серьезныхъ, онъ все же находилъ время, чтобы знать и передавать всѣ любовныя сплетни Рима. Вотъ что онъ писалъ Цицерону, который былъ тогда проконсуломъ въ Киликіи:

„Новаго не случилось ничего, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ приключеній, которыя, я увѣренъ, тебѣ будетъ интересно узнать. Паула Валерія, сестра Триара, развелась безъ всякой причины со своимъ мужемъ, какъ разъ въ тотъ день, когда онъ долженъ былъ вернуться изъ своей провинціи; она выходитъ замужъ за Децима Брута. Думали ли ты когда-нибудь о чемъ-либо подобномъ? Послѣ твоего отвѣта случилось немало невѣроятныхъ вещей такого рода. Сервій Оцелла не смогъ бы убѣдить никого, что онъ имѣетъ успѣхъ у женщинъ, если бы въ теченіе трехъ дней его дважды не ловили на дѣлѣ. Ты меня спросишь, гдѣ? по правдѣ сказать тамъ, гдѣ бы я не хотѣлъ *), но я предоставляю тебѣ кое-что узнать и отъ другихъ. Мнѣ нравится представлять себѣ, какъ побѣдоносный проконсулъ будетъ допытываться у всѣхъ, съ какою именно женщиною застали того-то **).

Очевидно тотъ, кто писалъ это веселое письмо, никогда такъ основательно не мѣнялся, какъ за это ручался Цицеронъ, и мнѣ кажется, что въ томъ, кто такъ мило передаетъ рассказы объ этихъ легкомысленныхъ приключеніяхъ, ска-

*) Вѣроятно, съ какою-либо женщиною, которую любилъ Целій. Цицеронъ, отвѣчая на это письмо, пишетъ ему, что слухъ объ его успѣхахъ дошелъ и до Таврскихъ горъ. Многіе полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о любовныхъ успѣхахъ.

**) *Ad fam.*, VIII, 7.

зывается еще молодой повѣса, шумѣвшій по ночамъ на улицахъ Рима и бывшій возлюбленный Клодіи. Итакъ, хотя частная жизнь Целія и ускользаетъ отъ насъ съ этого момента, все же можно совершенно спокойно утверждать, что онъ никогда вполне не отказывался отъ того образа жизни, какой велъ въ молодости, и что будучи виднымъ должностнымъ лицомъ и виднымъ политикомъ онъ все же продолжалъ перемѣшивать удовольствія съ дѣлами.

II.

Но Целій не былъ только героемъ любовныхъ авантуръ и не довольствовался одною пустою славой задавать тонъ для римскихъ модниковъ. Онъ обладалъ качествами и болѣе серьезными. Благодаря урокамъ Цицерона, онъ скоро сдѣлался замѣчательнымъ ораторомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ онъ бѣжалъ изъ-подъ этой честной опеки, онъ съ блескомъ выступалъ въ одномъ процессѣ, гдѣ ему пришлось бороться противъ самого Цицерона, и на этотъ разъ ученикъ одержалъ верхъ надъ учителемъ. Послѣ этого успѣха его репутація еще болѣе возросла. На форумѣ были и другіе ораторы, болѣе пѣнвшіеся людьми съ развитымъ вкусомъ и считавшіеся ими болѣе совершенными, но не было ни одного, кого страшились бы, какъ Целія: настолько рѣзокъ онъ былъ въ своихъ нападкахъ и дерзокъ въ своихъ насмѣшкахъ... Онъ превосходно умѣлъ схватывать смѣшныя стороны своихъ противниковъ и сочинять на ихъ счетъ разныя ироническія и ѣдкія выдумки, которыя при ихъ краткости прочно укрѣплялись въ памяти. До насъ дошла одна изъ такихъ выдумокъ, приводимая Квинтилианомъ за образецъ этого рода и дающая намъ полную возможность оцѣнить талантъ этого ужаснаго насмѣшника. Въ этомъ отрывкѣ дѣло касается того самого Антонія, который былъ коллегой Цицерона во время его консульства и который, несмотря на всѣ похвалы, расточаемыя ему въ *Катилинаріяхъ*, былъ всего-на-всего ничтожнымъ интриганомъ и грубымъ развратникомъ. Разграбивъ по обычаю всю Македонію, которою онъ управлялъ, онъ напалъ на нѣкоторые сосѣдніе народцы, чтобы заслужить себѣ лавры триумфа. Онъ рассчитывалъ на

легкій успѣхъ, но такъ какъ онъ болѣе занимался собственными удовольствіями, чѣмъ войною, то и былъ постыдно разбитъ. По возвращеніи Антонія въ Римъ, Целій выступилъ противъ него съ обвиненіемъ и въ своей рѣчи разсказалъ или, вѣрнѣе, сочинилъ одну изъ тѣхъ оргій, во время которой мертвецки пьяный полководецъ былъ застигнутъ врагомъ:

„Вся пиршественная зала была переполнена женщинами, его обычными помощницами въ военномъ дѣлѣ, возлежавшими на ложахъ или просто валявшимися, какъ попало, на полу. Узнавъ, что врагъ сдѣлалъ нападеніе, онъ испуганныя до полу-смерти пытаются привести въ себя Антонія; онъ громко зовутъ его по имени, приподнимаютъ за шею. Однѣ шепчутъ ему ласково на ухо, другія обращаются съ нимъ болѣе грубо и даже толкаютъ его и бьютъ; но онъ, привыкшій къ ихъ голосамъ и прикосновеніямъ, протягиваетъ по привычкѣ руки, чтобы обнять первую попавшуюся. Онъ не въ состояніи спать, такъ кричатъ, желая его разбудить, и не въ состояніи очнуться, такъ онъ пьянъ. Наконецъ, выбившись понапрасну изъ силъ, и не заставивъ его очнуться, онъ уносятъ его на рукахъ съ помощью центуріоновъ“ *).

Обладая такимъ острымъ и ѣдкимъ краснорѣчіемъ, естественно имѣть задорный характеръ. Вотъ почему Целій любилъ такъ всякую личную борьбу. Онъ охотно шелъ на ссоры, такъ какъ былъ увѣренъ, что возьметъ въ нихъ верхъ и что никто не устоитъ противъ его жестокихъ нападковъ. Онъ желалъ, чтобы ему противорѣчили, такъ какъ противорѣчіе одушевляло его и давало ему больше силы. Сенека разсказываетъ, что однажды одинъ изъ кліентовъ Целія, чловѣкъ мирнаго нрава и несомнѣнно уже пострадавшій отъ его рѣзкостей, воздерживался въ теченіе цѣлаго обѣда возражать ему; Целій разсердился тогда на то, что ему не давали повода разсердиться. „Осмѣлся же возразить хоть слово, съ гнѣвомъ сказалъ онъ ему, чтобы чувствовалось, что здѣсь насъ двое **). Только-что описанный талантъ Целія какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ той эпохѣ, когда онъ жилъ. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется та репутація, ка-

*) Евинтилианъ, *Inst., or., W.*, 2.

**) Сенека, *De ira*, III, 8.

кою онъ пользовался, и то значеніе, какое онъ имѣлъ среди своихъ современниковъ. Этотъ завзятый спорщикъ, этотъ безжалостный насмѣшникъ, этотъ пылкій обвинитель былъ бы не на своемъ мѣстѣ въ болѣе спокойное время, но среди революціоннаго возбужденія онъ становился цѣннымъ помощникомъ, желательнымъ для каждой партіи. Къ тому же Целій былъ столько же государственнымъ дѣятелемъ, какъ и ораторомъ. Такая похвала для него обычна въ устахъ Цицерона „Я не знаю никого, пишетъ онъ ему, кто былъ бы лучшимъ политикомъ, чѣмъ ты“ *). Онъ видѣлъ людей насквозь; онъ имѣлъ ясный взглядъ на вещи; онъ быстро принималъ рѣшенія, качество, которое Цицеронъ тѣмъ болѣе цѣнилъ у другихъ, что его у него самого было очень мало, а разъ принявъ рѣшеніе онъ брался за дѣло съ такою пылкостью и силою, какія и стяжали ему симпатіи толпы. Въ такую эпоху, когда власть принадлежала тѣмъ, кто имѣлъ смѣлость овладѣвать ею, рѣшительность Целія, повидимому, обѣщала ему блестящую политическую будущность.

Однако, у него были также и важные недостатки, обусловливаемые иногда этими самыми его достоинствами. Онъ хорошо зналъ людей, это, несомнѣнно, большое преимущество, но сталкиваясь съ ними, онъ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе на ихъ дурныя стороны. Изучая ихъ со всѣхъ сторонъ, онъ, въ концѣ-концовъ, силою своей поразительной проницательности подмѣчалъ у каждого какую-нибудь слабость. И такъ строгъ онъ былъ не только къ своимъ противникамъ. Его лучшіе друзья не ускользали отъ этого слишкомъ ясно-видящаго анализа. Изъ его интимной переписки видно, что онъ знаетъ всѣ ихъ недостатки и что онъ не стѣсняется ихъ высказывать. Долабелла, его сотоварищъ по удовольствіямъ, просто посредственный болтунъ, „неспособный сохранить секретъ, даже если его нескромность можетъ все испортить **“). Куріонъ, его постоянный сообщникъ въ политическихъ интригахъ, „не что иное какъ непостоянный флюгеръ, мѣняющійся при малѣйшемъ вѣтеркѣ и не умѣющій сдѣлать ничего разумнаго“ ***), и, однако, Куріонъ и Долабелла, въ то

*) *Ad. fam.*, II, 8.

**) *Ibid.*, VIII, 6.

***) *Ad fam.*, VIII, 4.

самое время, когда онъ третировалъ ихъ такимъ образомъ, имѣли на него достаточно вліянія, чтобы увлечь его за собою въ партію Цезаря. Что касается самаго Цезаря, то и о немъ онъ отзывался не лучше, хотя онъ и склоненъ стать на его сторону. Этотъ сынъ Венера, какъ онъ его называетъ, кажется ему не болѣе „какъ эгоистомъ, которому нѣтъ ни: какого дѣла до интересовъ республики, онъ заботится лишь о собственныхъ“ *), и Целій не стѣсняется говорить, что въ его лагерь, куда онъ, однако, намѣренъ отправиться, находятся лишь „безчестные люди, которые либо боятся за свое прошлое, либо питаютъ преступныя надежды на будущее“ **). При такомъ расположеніи ума и при такой склонности строго судить о всѣхъ, было естественно, что Целій никому вполнѣ не довѣрялъ и никто не смѣлъ на него безусловно полагаться. Что бы съ пользою служить какому-либо дѣлу, надо вполнѣ ему отдаваться. А какъ же можно это сдѣлать, если не способенъ нисколько ослѣпляться на его счетъ и не слишкомъ замѣчать его плохихъ стороны? Всѣ подобныя проныцательныя и догадливыя личности, единственно занятія опасеніемъ, какъ бы не попасть въ просакъ и всегда ясно отдающія себѣ отчетъ въ недостаткахъ другихъ, никогда не бываютъ преданными друзьями и полезными союзниками. Въ тоже время онѣ не внушаютъ довѣрія и той партіи, которой хотятъ служить, потому что и служа ей, онѣ всегда себѣ на умѣ; кромѣ того, онѣ не настолько доступны энтузіазму, чтобы самимъ образовать партію и у нихъ нѣтъ въ достаточной степени той страстности, которая побуждаетъ людей на великія дѣла. Вотъ почему, не будучи въ состояніи сдѣлаться ни вождями, ни простыми рядовыми и ни привязаться къ другимъ или другихъ привязать къ себѣ онѣ, въ концѣ-концовъ, остаются въ одиночествѣ.

Къ этому надо прибавить, что если Целій не увлекался никѣмъ изъ людей, то у него также не было и прочныхъ убѣжденій. Онъ никогда не старался заслужить репутаціи человѣка съ принципами, никогда не пытался внести порядокъ и послѣдовательность въ свою политическую жизнь.

*) *Ad fam.*, VIII, 5. Смыслъ этой фразы измѣненъ у Орелли.

**) *Ibid.*, VIII, 14.

Какъ и въ своей частной жизни онъ руководствовался здѣсь случайностями. Дружеская склонность, личная выгода, простое стеченіе обстоятельствъ, вотъ что вліяло на принятіе имъ кокаго-либо рѣшенія. Онъ перешелъ отъ Цицерона къ Катилинѣ, когда Катилина казался ему сильнѣе; онъ возвратился къ Цицерону, когда тотъ взялъ верхъ. Онъ былъ другомъ Клодія, пока оставался возлюбленнымъ Клодіи; вмѣстѣ съ сестрою онъ покинулъ и брата и рѣзко перешелъ на сторону Милона. Онъ нѣсколько разъ перебѣгалъ, ничѣмъ не смущаясь, отъ партіи сената къ партіи народа и наоборотъ. Въ сущности ему было безразлично, какому дѣлу служить, и ему не составляло никакого труда бросить его. Даже въ тотъ моментъ, когда онъ, повидимому, долженъ былъ всего болѣе хлопотать о немъ, онъ говорилъ о немъ такимъ тономъ, какъ будто оно совсѣмъ его не касалось. Даже въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ и когда дѣло шло о судьбѣ республики, онъ ведетъ себя такъ, какъ будто ему совсѣмъ все равно, уцѣлѣетъ она или погибнетъ. „Это дѣло ваше, говоритъ онъ, богатыхъ стариковъ“ *). Что же касается его, то какое ему до этого дѣло? Такъ какъ онъ ничего не имѣлъ, то ему и терять было нечего. Вотъ почему всякій режимъ былъ для него безразличенъ, и одно лишь любопытство заставляло его находить интересъ въ этой борьбѣ, въ которой онъ игралъ, однако, такую дѣятельную роль. Если онъ съ такимъ жаромъ бросается въ волненія политической жизни, то лишь потому, что тамъ онъ ближе къ событіямъ и людямъ, что тамъ больше матеріала для нѣкоторыхъ наблюденій и больше забавныхъ зрѣлищъ для развлечения. Когда онъ предупреждаетъ съ удивительной проницательностью Цицерона о предстоящей гражданской войнѣ и о тѣхъ бѣдахъ, какія она вызоветъ, онъ прибавляетъ: „Не грози тебѣ самому опасность, я бы сказалъ, что судьба приготовляетъ тебѣ великое и любопытное зрѣлище“ **). Жестокое слово, и Целлій въ послѣдствіи жестоко поплатился за него, такъ какъ играть въ подобную кровавую игру никогда не безопасно и

*) *Ad fam.*, VIII, 13.

**) *Ad fam.*, VIII, 13.

часто тотъ, кто хочетъ быть лишь зрителемъ, становится самъ жертвою.

Когда эта самая война, которую онъ пророчилъ Цицерону, была готова разразиться, Целій былъ назначенъ эдиломъ и его главной заботой стало добыть пантеръ изъ Киликіи для игръ, которые онъ хотѣлъ дать народу. Въ эту минуту, побывавъ болѣе или менѣе долгое время во всѣхъ партіяхъ онъ состоялъ въ партіи сената, то-есть говоря о сенаторахъ, онъ называлъ ихъ „наши друзья“ и „хорошіе граждане“, что однако не мѣшало ему, по привычкѣ, видѣть всѣ ошибки *хорошихъ гражданъ* и горько смѣяться надъ *друзьями*, когда къ тому представлялся поводъ. Цицеронъ находилъ его нерѣшительнымъ и хладнокровнымъ; онъ хотѣлъ бы видѣть его болѣе дѣятельнымъ. До самаго своего отъѣзда въ Киликію онъ не переставалъ восхвалять ему великія качества Помпея: „Вѣрь мнѣ, писалъ онъ ему, присоединись къ этому великому человѣку, онъ тебя приметъ охотно *)“. Но Целій очень остерегался сдѣлать такъ. Онъ зналъ Помпея, и не разъ остроумно живописалъ его въ своихъ рѣчахъ; онъ не удивлялся ему и совсѣмъ его не любилъ. Если онъ держался отъ него вдали во время его наибольшаго могущества, то понятно не для того, чтобы броситься въ его объятія тогда, когда этому могуществу стала грозить гибель. По мѣрѣ того, какъ предвидѣнный имъ кризисъ приближался, онъ все тщательнѣе старался оставаться на-сторожѣ и выжидать событій.

Впрочемъ, это былъ такой моментъ, когда колебались даже самые честные. Подобная нерѣшительность, казавшаяся въ то время вполне основательной, подверглась суровому осужденію въ наше время. Однако, понять ее не трудно. Положеніе дѣлъ въ глазахъ современниковъ рисуется не такъ ясно, какъ въ глазахъ потомства. Если смотрѣть на нихъ издали, отрѣшившись отъ всякой предвзятости и обхватывая сразу и причины и слѣдствія, то конечно, нѣтъ ничего легче составить себѣ опредѣленный взглядъ ни на нихъ; но это бываетъ совсѣмъ иначе когда, приходится жить среди этихъ событій въ слишкомъ тѣсной къ нимъ близости, когда

*) *Ad. fam.*, II, 8.

связанъ и предшествующими обязательствами и личными склонностями и когда отъ принятаго рѣшенія можетъ зависѣть и безопасность и благосостояніе. Тогда уже становится невозможнымъ имѣть такой опредѣленный взглядъ. Этотъ моментъ смутнаго положенія вещей усугублялся еще тѣмъ состояніемъ анархіи, въ которомъ находились всѣ прежнія партіи римской республики. По правдѣ сказать, партій въ это время уже не существовало, были лишь союзы. Уже около пятидесяти лѣтъ какъ борьба шла уже не о принципахъ, но лишь о личныхъ интересахъ. Мнѣнія уже не были дисциплинированы, какъ раньше, а поэтому нерѣшительные люди, для которыхъ необходимо было руководство, колебались и мѣняли свои взгляды. Подобныя явныя перемѣны, случавшіяся даже съ почтенными и уважаемыми лицами, вносили смущеніе въ колеблющіеся умы и затемняли собою право. Цезарь, прекрасно знавшій эти колебанія и нерѣшительность и надѣявшійся использовать ихъ въ свою выгоду, дѣлалъ все возможное, чтобы увеличить ихъ причины. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ готовился разрушить государственное устройство своей страны, онъ искусно старался показывать видъ, что уважаетъ его больше всѣхъ. Одинъ судья, опытный въ этихъ дѣлахъ и знавшій въ совершенствѣ римскіе законы, объявилъ послѣ зрѣлаго размышленія, что законность на сторонѣ Цезаря и жалобы его вполне основательны *). Въ то время онъ очень остерегался обнаруживать свои тайные планы и высказываться съ той откровенностью, какъ онъ это дѣлалъ впоследствии, когда уже былъ господиномъ положенія. То онъ выставлялъ себя продолжателемъ дѣла Гракховъ и защитникомъ народныхъ правъ; то онъ настойчиво повторялъ, желая убѣдить въ этомъ всѣхъ, что республика совѣмъ ни при чемъ въ этомъ спорѣ и сводилъ всю распрю къ простой борьбѣ за власть двухъ могущественныхъ соперниковъ. Въ то время какъ онъ собиралъ свои легіоны въ городахъ верхней Италіи, онъ, не переставая, утверждалъ о своемъ желаніи сохранить общественный миръ; по мѣрѣ того, какъ его противники стано-

*) Смотри превосходный очеркъ Моммсена, озаглавленный: *Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat*. Бреславль, 1857.

вились все требовательнѣе, онъ дѣлался все умѣреннѣе, и никогда онъ не предлагалъ такихъ легкопріемлимыхъ условий, какъ съ тѣхъ поръ, когда вполне убѣдился, что сенатъ не желаетъ ихъ слышать. Съ другой стороны, напротивъ, въ лагерѣ, гдѣ должны бы находиться умѣренные и благо-разумные, господствовало увлеченіе и заносчивость; здѣсь считали врагами республики всѣхъ, кто только высказывалъ отвращеніе къ гражданской войнѣ; здѣсь говорили лишь о проскрипціяхъ и конфискаціяхъ, и примѣръ Суллы былъ у всѣхъ на устахъ. Такимъ образомъ, въ силу какого-то страннаго противорѣчія произошло то, что въ лагерѣ, ополчившемся на защиту свободы, требовали съ крайней настойчивостью исключительныхъ мѣропріятій, и тогда какъ чловѣкъ, всего ожидавшій отъ войны и готовый къ ней, предлагалъ миръ, тѣ, у кого не было никакого войска, торопились отклонить такое предложеніе. Итакъ съ обѣихъ сторонъ роли перемѣнились и каждый, казалось, говорилъ и дѣйствовалъ противъ своихъ интересовъ и принциповъ. Что же удивительнаго въ томъ, что посреди подобныхъ неясностей и среди столькихъ причинъ колебаться, честные люди, подобные Сульпицію и Цицерону, преданные своей странѣ, но болѣе годные для служенія ей въ спокойное время, чѣмъ во время такихъ потрясеній, не могли сразу придти къ необходимому рѣшенію?

Целій также колебался, но причины его колебанія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у Цицерона и Сульпиція. Тогда какъ послѣдніе спрашивали себя съ тоскою, гдѣ право, Целій старался узнать, на чьей сторонѣ сила. Въ этомъ онъ самъ признается съ удивительною откровенностью. „Во время внутреннихъ раздоровъ, писалъ онъ Цицерону, пока борьба идетъ законными средствами и безъ обращенія къ оружію, надо держаться партіи наиболѣе честной; но когда начнется война, надо переходить на сторону болѣе сильныхъ и считать самую надежную партію за наилучшую *)“. Какъ только для рѣшенія ему достаточно было соотношенія силъ обѣихъ противниковъ, его выборъ становился болѣе легкимъ; чтобы рѣшиться ему стоило только открыть глаза. На одной сто-

*) *Ad fam.*, VIII, 14.

ронѣ видѣлись одиннадцать легионовъ, поддерживаемыхъ опытными вспомогательными войсками подъ начальствомъ величайшаго полководца республики; легионы эти стояли вдоль границъ республики и готовы были начать войну по первому сигналу *); на другой сторонѣ почти совсѣмъ не было обученныхъ войскъ, но зато было очень много молодежи изъ знатныхъ фамилій, одинаково неспособной какъ начальствовать, такъ и подчиняться, и также много великихъ именъ, приносившихъ партіи болѣе почета, чѣмъ пользы. Съ одной стороны военный порядокъ и строгая дисциплина, съ другой—ссоры, споры, злоба, соперничество за вліяніе, несогласія во мнѣніяхъ, словомъ—всѣ привычки и всѣ недостатки общественной площади, перенесенные въ лагерь. Это обычные недостатки партіи, претендующей защищать свободу, такъ какъ трудно заставить молчать тѣхъ самыхъ людей, которые сражаются за сохраненіе свободы слова, и всякая власть становится скоро подозрительной, когда люди берутся за оружіе противъ чрезмѣрности этой самой власти. Но различіе между обѣими партіями больше всего сказывалось въ характерѣ ихъ вождей. Цезарь казался для всѣхъ, и даже для величайшихъ своихъ враговъ, чудомъ дѣятельности и предусмотрительности. Что касается Помпея, всѣ видѣли хорошо, что онъ дѣлаетъ только ошибки, и тогда его поведение казалось такимъ же необъяснимымъ, какъ и теперь. Война не была для него неожиданна; онъ говорилъ Цицерону, что предвидѣлъ ее давно **). Но этого мало, что онъ ее предвидѣлъ, онъ повидимому даже желалъ ее; по его именно совѣту были отклонены всѣ предложенія Цезаря и большинство сената не предпринимало ничего, не посовѣтовавшись съ нимъ. Слѣдовательно, онъ видѣлъ приближеніе этого кризиса задолго, и во время всей той долгой дипломатической войны, которая предшествовала началу настоящихъ враждебныхъ дѣйствій, у него было достаточно времени, чтобы къ ней приготовиться. Вотъ почему всѣ были

*) Въ концѣ восьмой книги *De bello gallico* видно, что у Цезаря въ Галліи было восемь легионовъ, въ Цизальпійской Галліи—одинъ, а еще два онъ уступилъ Помпею. При первой угрозѣ войны онъ отдалъ приказъ легионамъ, находившимся въ Галліи, подойти къ границамъ. Послѣ ваятія Корфиніума съ нимъ было три изъ его прежнихъ легионовъ.

**) *Ad Att.*, VII, 4.

убѣждены, что онъ готовъ, хотя этого вовсе не было. Когда онъ говорилъ съ своимъ обычнымъ самохвальствомъ, что ему достаточно лишь топнуть ногой о землю, чтобы появились легіоны, то всѣ предполагали, что онъ говорилъ о тайныхъ наборахъ и неизвѣстныхъ соглашеніяхъ, которые должны были, когда потребуется, доставить ему войска. Увѣренность его придавала мужество самымъ трусливымъ. Сказать поистинѣ, подобная беззаботность среди такой очевидной опасности со стороны человѣка, когда-то завоевавшего цѣлыя царства и совершившаго столько славныхъ дѣлъ, превосходить всякое пониманіе.

Откуда могла взятъся у Помпея такая увѣренность? Или онъ не имѣлъ точныхъ данныхъ о силахъ своего соперника? Или онъ, дѣйствительно, вѣрилъ, какъ это говорилъ, что его войска были недовольны, что его военачальники ненадежны и что никто не послѣдуетъ за нимъ на войну, которую онъ хочетъ итти противъ родной страны? Или онъ рассчитывалъ на свое бывшее счастье, на престижъ своего имени, на счастливую случайность, даровавшую ему столько побѣдъ? Достоверно одно, что въ то самое время, когда ветераны Алексіи и Герговіи собирались подъ Равенной и приближались къ Рубикону, неосторожный Помпей громко высказывалъ свое презрѣніе и къ этимъ войскамъ и къ ихъ полководцу, *vehementer contemnebat hunc hominem* *). Но такое хвастовство длилось недолго; оно тотчасъ же исчезло, какъ только получилось извѣстіе, что Цезарь рѣшительно идетъ на Римъ, и тотъ самый человѣкъ, котораго Цицеронъ только что показывалъ намъ презирающимъ своего противника и пророчащимъ ему гибель, нѣсколько дней спустя, по словамъ того же Цицерона, бѣжитъ въ страхѣ въ глубь Апуліи, не смѣя нигдѣ остановиться или задержаться. До насъ дошло письмо, написанное въ это время Помпеемъ къ консуламъ и къ Домицію, который, по крайней, мѣрѣ сдѣлать попытку оказать сопротивленіе при Корфиніумѣ. „Знайте, пишетъ онъ имъ, я нахожусь въ величайшемъ безпокойствѣ (*scitote me esse in summa sollicitudine* **). Какой контрастъ съ недавними

*) *Ad Att.*, VII, 8.

**) *Ibid.*, VIII, 8.

дерзкими рѣчами. Таковъ и долженъ быть слогъ человѣка, который, внезапно очнувшись отъ преувеличенныхъ надеждъ, рѣзко ударяется изъ одной крайности въ другую. Онъ ничего не приготовилъ, такъ какъ былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхъ; теперь онъ не смѣетъ ничего предпринять, такъ какъ слишкомъ убѣжденъ въ пораженіи. Онъ болѣе не довѣряетъ никому и ни на кого не надѣется; всякое сопротивленіе кажется ему бесполезнымъ; онъ даже не рассчитываетъ болѣе на пробужденіе патріотическаго чувства, и ему и въ голову не приходитъ обратиться съ воззваніемъ къ республиканской молодежи итальянскихъ муниципій. По мѣрѣ того, какъ его врагъ приближается, онъ отступаетъ все дальше. Самый Брундузіумъ съ своими крѣпкими стѣнами не кажется ему надежнымъ; онъ мечтаетъ бѣжать изъ Италіи и думаетъ, что ради безопасности необходимо, чтобы его отдѣляло отъ Цезаря море.

Целій не ждалъ такъ долго, чтобы рѣшиться. Даже еще раньше, чѣмъ началась борьба, ему не трудно было понять, на чьей сторонѣ была сила и кто будетъ побѣдителемъ. Тогда онъ снова рѣшительно измѣнилъ себя и выдвинулся въ первый рядъ среди друзей Цезаря. Онъ выступилъ съ поддержкой предложенія Калидія, требовавшаго, чтобы Помпей былъ отосланъ въ его провинцію, Испанію. Когда надежда на мирный исходъ окончательно исчезла, онъ покинулъ Римъ вмѣстѣ съ своими друзьями, Куріономъ и Долабеллой, и отправился къ Цезарю въ Равенну. Онъ сопровождалъ ему въ его триумфальномъ шествіи по Италіи; онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Цезарь простилъ Домиція, взятаго въ плѣнъ въ Карфиніумѣ, какъ онъ преслѣдовалъ Помпея и тѣсно заперъ его въ Брундузіумѣ. Возбужденный этими быстрыми успѣхами, онъ писалъ Цицерону: „Видалъ ли ты когда большаго глупца, чѣмъ твой Помпей, который подвергаетъ насъ такимъ великимъ испытаніямъ, а самъ ведетъ себя такъ по-ребячески? И, наоборотъ, читалъ ли ты гдѣ-нибудь или слышалъ о чемъ-либо, что превосходитъ рѣшительность Цезаря въ дѣйствіи и его умѣренность послѣ побѣды? Что думаешь ты о нашихъ воинахъ, которые въ самое суровое время зимы, несмотря на всѣ трудности дикой и

холодной страны, окончили войну, какъ бы въ видѣ простой прогулки *)?”

Принявъ участіе въ этомъ дѣлѣ, Целій ни о чемъ больше не думалъ, какъ привлечь къ нему и Цицерона. Онъ зналъ, что это самое пріятное, что только онъ могъ бы сдѣлать для Цезаря. Несмотря на всѣ свои побѣды, Цезарь ничуть не ослѣплялся относительно служившихъ ему лицъ и прекрасно понималъ, что ему недостаетъ нѣсколькихъ честныхъ людей, чтобы придать своей партіи лучшую внѣшность. Великаго имени Цицерона было бы достаточно, чтобы загладить дурное впечатлѣніе, получавшееся отъ его окружающихъ. Къ несчастью Цицерону трудно было принять опредѣленное рѣшеніе. Все время, протекшее отъ перехода черезъ Рубиконъ до взятія Брундузіума, онъ то и дѣло мѣнялъ свое мнѣніе. Съ обѣихъ сторонъ одинаково старались всячески привлечь его къ себѣ и даже сами оба вождя обращались къ нему съ просьбами, хотя и совершенно различнымъ образомъ. Помпей, все такой же неловкій, писалъ ему короткія и настойчивыя письма: „Скорѣй отправляйся по Аппіевой дорогѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Луперію, въ Брундузіумъ; тамъ ты будешь въ безопасности**). Станный языкъ побѣжденнаго, упорно желающаго говорить какъ повелитель. Цезарь вель себя много умнѣе: „Приди, писалъ онъ ему, приди оказать мнѣ поддержку твоими совѣтами, твоимъ именемъ и славою***)“. Такое обращеніе, такое вниманіе со стороны побѣдоноснаго полководца, просившаго съ покорностью, когда имѣлъ право приказывать, не могли оставить Цицерона нечувствительнымъ. Въ тоже время, чтобы вѣрнѣе залучить его на свою сторону, Цезарь заставлялъ писать ему самыхъ близкихъ друзей его, а именно Оппія, Бальба, Требація и главнымъ образомъ Целія, такъ хорошо умѣвшаго убѣждать его. На него нападали сразу, пользуясь всѣми его слабостями: старались возбудить въ немъ снова старую неприязнь къ Помпею; пытались повліять на него изображеніемъ несчастій, грозившихъ его семьѣ; пробовали зажечь

*) *Ad fam.*, VIII, 15.

**) *Ad Att.*, VIII, 11.

***) *Ad Att.*, IX, 6.

его тщеславіе, указывая ему на честь примирить партіи и умиротворить республику.

Столько старанія должно было, въ концѣ-концовъ, поколебать его такую слабую душу. Въ послѣднюю минуту онъ, повидимому, рѣшился остаться въ Италіи въ какомъ-нибудь уединенномъ загородномъ домѣ или же въ какомъ-нибудь нейтральномъ городѣ, чтобы жить тамъ, въ сторонѣ отъ дѣлъ, не примыкать ни къ какой партіи, а проповѣдывать всеѣмъ умѣренность и миръ. Онъ уже началъ прекрасный трактатъ о согласіи между гражданами; онъ хотѣлъ докончить его во время этого досуга, а такъ какъ онъ имѣлъ очень высокое мнѣніе о своемъ краснорѣчьи, то и надѣялся, что оно заставитъ упасть оружіе изъ рукъ самыхъ ожесточенныхъ. Несомнѣнно, это была химера; однако, не надо забывать, что и Катонъ, котораго ни въ чемъ нельзя заподозрѣть, жалѣлъ, что Цицеронъ слишкомъ скоро отказался отъ этого намѣренія. Онъ порицалъ его за то, что онъ пріѣхалъ въ Фарсалу, гдѣ его присутствіе не могло оказать большой помощи сражающимся, тогда какъ, оставаясь нейтральнымъ, онъ могъ сохранить свое вліяніе на обоихъ соперниковъ и служить между ними посредникомъ. Но въ одинъ день всѣ эти прекрасные проекты рушились. Когда Помпей покинулъ Брундузіумъ, гдѣ онъ не считалъ себя больше въ безопасности, и отправился въ Грецію, Цезарь, рассчитывая, что эта новость скорѣе склонитъ на его сторону Цицерона, поспѣшилъ ее передать ему. Однако, именно это и заставило его измѣнить свое первоначальное рѣшеніе. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, какъ Целій, которые измѣняютъ вмѣстѣ съ неудачей и переходятъ на сторону успѣха. Напротивъ, онъ почувствовалъ себя ближе къ Помпею, когда увидалъ его въ несчастіи. „Я никогда не желалъ дѣлить его благополучіе, писалъ онъ, но раздѣлить съ нимъ его несчастіе очень бы хотѣлъ *)“. Когда онъ узналъ, что ушла и республиканская армія, а съ нею почти всѣ его старинные политическіе друзья, когда онъ почувствовалъ, что на этой итальянской землѣ не осталось болѣе ни законнаго управленія, ни консуловъ, ни сената, имъ овладѣло глубокое отчаяніе; ему казалось, что

*) *Ad Att.*, IX, 12.

вокругъ него образовалась, какъ будто, какая-то пустота и что само солнце, по его подлинному выраженію, перестало свѣтить. Многіе одобряли его за осторожность, но онъ самъ упрекалъ себя за нее, какъ за преступленіе. Онъ съ горечью обвинялъ себя въ слабости, старости, склонности къ покою и миру. У него не было теперь другой мысли, какъ только поскорѣй бы уѣхать. „Я не могу больше переносить угрызений совѣсти, писалъ онъ; мои книги, занятія, философія не могутъ мнѣ ничѣмъ помочь. Я какъ птица, собравшаяся летѣть, постоянно смотрю въ сторону моря *)“.

Съ этого момента его рѣшеніе было принято. Напрасно Целій пытался удержать его въ послѣднюю минуту трогательнымъ письмомъ, гдѣ онъ указывалъ ему на гибель его состоянія и на испорченную будущность его сына. Цицеронъ хотя и былъ очень тронутъ, отвѣчалъ, однако, съ необычной для него твердостью: „Я счастливъ видѣть, что ты принимаешь такое участіе въ моемъ сынѣ; но если республика уцѣлѣетъ, онъ будетъ всегда достаточно богатъ именемъ своего отца; если же ей суждено погибнуть, онъ раздѣлитъ общую участь всѣхъ гражданъ **)“. Вскорѣ послѣ этого онъ переѣхалъ за море, чтобы отправиться въ лагерь Помпея. Это вовсе не значитъ, что онъ рассчитывалъ на успѣхъ: присоединяясь къ партіи, всѣ слабости которой ему были хорошо извѣстны, онъ зналъ заранѣе, что добровольно шель раздѣлитъ ея неудачу. „Я иду, писалъ онъ, подобно Амфіараю, чтобы живымъ броситься въ пропасть ***)“. Такое самопожертвованіе онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать ради родины, и это тѣмъ болѣе надо поставить ему въ заслугу, что онъ дѣлалъ это безъ всякаго самообольщенія и безъ малѣйшей надежды.

Въ то время, какъ Цицеронъ отправлялся такимъ образомъ въ лагерь Помпея, Целій сопровождалъ Цезаря въ Испанію. Съ этихъ поръ всякія сношенія между ними стали невозможными; вотъ почему на этомъ моментѣ обрывается ихъ переписка, до того времени очень дѣятельная. Однако,

*) *Ad Att.*, IX, 10.

**) *Ad fam.*, II, 16.

***) *Ibid.*, VI, 6.

есть еще одно письмо, послѣднее, которымъ они обмѣнялись и которое представляетъ собою странный контрастъ со всѣми предшествовавшими. Целій обратился къ Цицерону всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ только что описанныхъ событій, но уже при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Хотя это письмо дошло до насъ въ очень искаженномъ видѣ, такъ что смыслъ всѣхъ фразъ возстановить трудно, все же изъ нихъ ясно видно, что писавшій его былъ во власти сильнѣйшаго раздраженія. Этотъ ревностный сторонникъ Цезаря, столь старавшійся склонить другихъ къ своему мнѣнью, сразу обратился въ его яростнаго врага; то самое дѣло, какое онъ только что защищалъ съ такимъ пыломъ, онъ называетъ теперь не иначе какъ отвратительнымъ и находитъ, „что лучше умереть, чѣмъ служить ему *)“. Что же такое произошло въ этотъ промежутокъ? Что вызвало у Целія новую перемѣну во взглядахъ и чѣмъ все это кончилось? На этомъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько поподробнѣе, такъ какъ это можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на политику диктатора, а главнымъ образомъ, познакомить насъ съ его приспѣшниками.

III.

Въ своемъ трактатѣ *О Дружбѣ* Цицеронъ утверждаетъ, что у тирана не можетъ быть друзей **). Говоря такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ виду Цезаря, и надо признаться, что этотъ примѣръ, повидимому, подтверждаетъ такое мнѣнiе. Для властелина не можетъ быть недостатка въ приспѣшникахъ, а Цезарь, щедро оплачивавшій оказываемыя ему услуги, имѣлъ ихъ болѣе всякаго другаго; но искреннихъ и преданныхъ друзей его намъ почти неизвѣстно. Можетъ-быть они и были у него среди тѣхъ мало извѣстныхъ сторонниковъ его, о которыхъ исторія не сохранила никакого воспоминанія ***), но изъ числа тѣхъ, кого онъ выдвинулъ на

*) *Ad fam.*, VIII, 17.

**) *De amic.*, 15.

***) Было бы несправедливо обойти здѣсь молчанiемъ имя Мація, отъ котораго сохранилось такое прекрасное письмо по поводу смерти Цезаря (*Ad fam.*, XI, 28). Этотъ, несомнѣнно, былъ истиннымъ другомъ Цезаря,

первыя мѣста и кого онъ призвалъ принять участіе въ своей удачѣ, никто не остался ему вѣрнымъ. Его щедрость породила неблагодарныхъ, его милосердіе не обезоружило никого, и ему измѣнили даже тѣ, кого онъ осыпалъ своими милостями. Если кого и можно назвать его истинными друзьями, такъ это его воиновъ, ветерановъ, участвовавшихъ въ великой Галльской войны; это были его центуріоны, которыхъ онъ всѣхъ зналъ по имени и которые такъ самоотверженно умирали за него на его глазахъ: Сцева, щитъ котораго при Диррахіумѣ былъ прибитъ двумястами тридцатью стрѣлами *), Крастинъ, сказавшій ему утромъ въ день Фарсальской битвы: „Сегодня вечеромъ ты поблагодаришь меня живого или мертваго **). Эти служили ему вѣрно, и онъ зналъ это и полагался на нихъ, но онъ зналъ также, что не можетъ быть увѣреннымъ въ своихъ военачальникахъ. Хотя онъ щедро одѣлилъ ихъ и деньгами и почестями послѣ побѣды, они все же были недовольны. Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе честные, печалились при мысли, что они погубили республику и пролили свою кровь за установленіе абсолютной власти. Большинство не страдало отъ подобныхъ сомнѣній, но всѣ находили, что ихъ плохо вознаградили за услуги. Какъ не велико было великодушіе Цезаря, оно все же было недостаточно, чтобы удовлетворить ихъ. Имъ предали всю республику, они стали преторами и консулами, они получили въ управленіе самыя богатыя провинціи и, однако, они продолжали жаловаться. Все служило имъ предлогомъ для ропота. Антоній настоялъ на томъ, чтобы ему за безцѣнокъ присудили домъ Помпея; когда же пришли къ нему за деньгами, онъ обрушился гнѣвомъ и заплатилъ одними ругательствами. Безъ сомнѣнія, онъ въ этотъ день находилъ, что къ нему не были достаточны внимательны и называлъ Цезаря неблагодарнымъ. Вообще это—не рѣдкое явленіе, когда эти военные люди,

но надо замѣтить, что онъ былъ изъ тѣхъ, кого онъ сдѣлалъ преторами или консулами или за кого онъ платилъ такъ часто долги. Мадій никогда не исполнялъ никакой важной политической должности и не будь писемъ Цицерона, его имя не дошло бы до насъ.

*) *De bello civ.*, III, 53.

**) *Ibid.*, III, 91.

такіе храбрые предъ лицомъ непріятеля и такіе удивительныя въ день битвы, обращаются въ обыкновенной жизни въ пошлыхъ честолюбцевъ, полныхъ низкой ревностью и ненасытной корыстью. Они начинали съ ропота и жалобъ и почти всѣ кончали измѣной. Среди тѣхъ, кто убивалъ Цезаря, находились, быть-можетъ, лучшіе его военачальники: Сулпицій Гальба, побѣдитель Нантуатовъ, Базиль, одинъ изъ самыхъ выдающихся начальниковъ конницы, Децимъ Брутъ и Требоній, герои Марсальской осады: Тѣ же, кто не принадлежалъ къ заговорщикамъ, вели себя въ этотъ день не лучше ихъ. Когда читаешь у Плутарха рассказъ о смерти Цезаря, сердце сжимается, видя, что никто не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки защитить его. Заговорщиковъ было не болѣе шестидесяти, а сенаторовъ было болѣе восьмисотъ. Большая часть изъ нихъ служили въ его войскѣ; всѣ они были обязаны ему честью засѣдать въ Куріи, чего вовсе не были достойны, и эти несчастные, обязанные ему и своимъ состояніемъ и своимъ званіемъ, унижавшіеся передъ нимъ ради его покровительства и жившіе его милостями, молча смотрѣли, какъ его убивали. Все время, пока длилась эта ужасная борьба, пока „подобно звѣрю, окруженному охотниками, онъ отбивался отъ устремленныхъ на него мечей“, они оставались недвижими на своихъ мѣстахъ, и все ихъ мужество состояло въ томъ, что они поспѣшили удалиться, лишь только Брутъ сдѣлалъ попытку сказать рѣчь надъ окровавленнымъ трупомъ. Цицеронъ вспоминалъ именно эту сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ, когда онъ говорилъ въ послѣдствіи: „Въ тотъ день, когда падаютъ угнетатели своего отечества, становится ясно, что у нихъ не было друзей *)“.

Если военачальники Цезаря, имѣвшіе столько основаній оставаться ему вѣрными, измѣняли ему, то могъ ли онъ рассчитывать тѣмъ болѣе на тѣхъ сомнительныхъ союзниковъ, которыхъ онъ набралъ себѣ на форумѣ и которые, раньше чѣмъ служить ему, уже служили всѣмъ прочимъ? Чтобы выполнить свои намѣренія, ему необходимы были люди опытные въ дѣлѣ управленія и ихъ ему необходимо было имѣть

*) *De amic.*, 15.

какъ можно больше, дабы новое правительство не казалось режимомъ чисто военнымъ. Вотъ почему онъ не былъ разборчивъ и бралъ кого попало. Всего больше приходило къ нему людей безчестныхъ изъ всѣхъ партій. Хотя онъ ихъ и не уважалъ, но принималъ хорошо и всюду бралъ съ собою. На Цицерона они нагнали страхъ, когда Цезарь посѣтилъ его вмѣстѣ съ ними въ Форміяхъ: „Со всей Италіи, писалъ онъ къ нему, сошлись всѣ негодяи“ *), и даже Атикъ, обычно такой осторожный, не могъ удержаться, чтобы не назвать эту свиту адскою толпою **). Хотя тотъ фактъ, что подобные перевороты исходятъ обыкновенно отъ людей, которымъ терять нечего, довольно обыченъ, но, тѣмъ не менѣе странно, что Цезарь не сумѣлъ найти себѣ болѣе почтенныхъ союзниковъ. Даже самые ярые его противники не могли не признать, что въ томъ, что онъ хотѣлъ разрушить, не все заслуживало сохраненія. Задуманная имъ революція имѣла серьезныя причины, поэтому было естественно, чтобы у ней были также и искренніе сторонники. Какимъ же образомъ могло случиться, что среди всѣхъ помогавшихъ ему перемѣнить режимъ, вызывавшій столько жалобъ и такъ угнетавшій всѣхъ, оказалось, повидимому, такъ мало лицъ дѣйствовавшихъ по убѣжденію, а напротивъ, почти всѣ были лишь наемными заговорщиками, трудившимися безъ всякой искренности для чело-вѣка, котораго они не любили и чье дѣло считали дурнымъ?

Быть можетъ, составъ партіи Цезаря надо объяснить тѣми обычными приемами, которыми онъ пользовался для его пополненія. Такъ, когда онъ хотѣлъ привлечь кого-нибудь къ своему предпріятію, онъ не терялъ время на то, чтобы показать ему недостатки прежняго правленія и достоинства того, какое онъ хотѣлъ поставить на его мѣсто. Онъ прибѣгалъ къ болѣе простому и надежному приему: онъ платилъ. Это говоритъ за то, что онъ хорошо зналъ своихъ современниковъ и нисколько не ошибался, думая, что въ обществѣ, всецѣло отдавшимся роскоши и наслажденію, ослабѣвшія вѣрованія были замѣнены одними лишь матеріальными интересами.

*) *Ad Att.*, IX, 19.

**) *Ibid.*, IX, 18.

Вотъ почему онъ безъ всякаго колебанія организовалъ обширную систему подкупа. Средства для этого доставала ему Галлія. Онъ ее грабилъ такъ же рѣшительно, какъ и покорилъ, „завладѣвая, какъ говоритъ Светоній, всѣмъ, что онъ находилъ въ храмахъ боговъ, и беря города приступомъ, не столько затѣмъ, чтобы наказать, сколько затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ разграбить ихъ“ *). Съ помощью этихъ денегъ онъ и вербовалъ себѣ сторонниковъ. Никто, приходившій къ нему, не уходилъ никогда съ пустыми руками. Онъ не пренебрегалъ даже дѣлать подарки рабамъ и отпущенникамъ, имѣвшимъ хотя какое-нибудь вліяніе на своихъ хозяевъ. Во время его отсутствія изъ Рима, ловкій испанецъ Бальбъ и банкиръ Оппій, бывшіе его повѣренными въ дѣлахъ, раздавали щедроты отъ его имени: они тайно выручали сенаторовъ, оказавшихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; они снабжали деньгами молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій, истощившихъ уже родительскія средства. Онъ ссужалъ безъ процентовъ, но всѣмъ было извѣстно, какими услугами придется современемъ расплачиваться. Такимъ именно образомъ они подкупили Куріона, заставившаго заплатить за себя очень дорого: у него было болѣе 60 милліоновъ сестерцій долга (12 милліоновъ франковъ, т.-е. около 4¹/₂ милліоновъ руб.) Целій и Долабелла, дѣла которыхъ были не лучше, были, вѣроятно, привлечены тѣми же средствами. Никогда подкупъ не раскидывался такъ широко и такъ безстыдно. Почти каждый годъ зимою Цезарь возвращался въ цизальпійскую Галлію съ галльскими сокровищами. Тогда ярмарка открывалась, и важныя личности посѣщали его по очереди. Однажды, въ Луккахъ, ихъ собралось сразу столько, что внутри помѣщенія было насчитано двѣсти сенаторовъ, а у входа сто двадцать ликторовъ.

Вообще пріобрѣтаемая за деньги вѣрность людей длится лишь до тѣхъ поръ, пока ведутся полученныя деньги, а въ рукахъ этихъ людей деньги не залеживались и съ того самаго дня, какъ откажешься удовлетворять ихъ расточительности, надо начать имъ недовѣрять. Кромѣ того, была и еще одна особая причина, почему всѣ эти политическіе друзья Цезаря

*) Светоній, *Caes.*, 54.

должны были рано или поздно стать недовольными. Всѣ они выросли среди бурь республики; съ раннихъ поръ они бросились въ эту дѣятельную и кипучую жизнь и сроднились съ нею. Никто болѣе ихъ не пользовался и не злоупотреблялъ свободой слова; они были обязаны ей своимъ вліяніемъ, своей властью, своей извѣстностью. По странной непоследовательности людьми, изъ всѣхъ силъ трудившимися надъ установленіемъ абсолютнаго правленія, были именно тѣ, которые менѣе всего могли обойтись безъ борьбы на общественной площади, безъ дѣловыхъ волненій, безъ свободного воздѣйствія слова, то-есть безъ всего того, что существуетъ лишь въ свободномъ правленіи. Ни для кого деспотическая власть не должна была показаться тяжелою такъ скоро, какъ для тѣхъ, кто не могъ переносить даже легкаго и справедливаго ига закона. Вотъ почему они не замедлили понять ошибку, которую совершили. Они поняли, что помогая одному конфисковать свободу остальныхъ, они предали ему и свою. Въ тоже время имъ не трудно было замѣтить, что новый режимъ, установленный ихъ трудами, не могъ возвратить имъ того, что давалъ старый. Въ самомъ дѣлѣ, что значили всѣ эти чины и почести, которыми ихъ собирались наградить, когда въ сущности вся власть находилась въ рукахъ одного человѣка? Правда, существовали еще и преторы и консулы, но какое сравненіе между этими должностными лицами, зависѣвшими отъ одного человѣка, подчиненными его взглядамъ, подавляемыми его властью и затемненными его славою и этими же должностями при старой республикѣ? Отсюда должны были неизбежно рождаться неудовольствія, сомнѣнія и часто также и измѣны. Вотъ почему всѣ эти союзники, набранные Цезаремъ изъ различныхъ партій и оказавшіе ему вначалѣ столько полезныхъ услугъ, въ концѣ-концовъ, стали причинять ему немало хлопотъ. Никто изъ этихъ беспокойныхъ и непослушныхъ людей, не дисциплинированныхъ ни природою, ни навыкомъ, не могъ согласиться добровольно подчиняться дисциплинѣ и сознательно рѣшиться повиноваться. Какъ только они ускользали съ глазъ своего господина и переставали чувствовать надъ собой его сдерживающую руку, у нихъ тотчасъ же брали верхъ прежніе инстинкты; при первомъ же случаѣ они снова ста-

новились прежними безтактными смутьянами, и стоило только Цезарю отлучиться, какъ въ Римѣ, умиротворенномъ его абсолютною властью, снова вспыхиваютъ беспорядки. Такъ Целій, Долабелла, Антоній нарушали общественное спокойствіе, которое они обязаны были поддерживать. Куріонъ, вождь этой молодежи, присоединившійся къ новому правительству, умеръ слишкомъ скоро, чтобы стать недовольнымъ; но по тому легкомысленному и свободному тону, съ какимъ онъ уже говорилъ о Цезарѣ въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ и потому еще, что онъ не имѣлъ на его счетъ никакихъ иллюзій, можно полагать, что онъ поступилъ бы такъ же, какъ другіе *).

Теперь легко понять и то, какія причины жаловаться имѣлъ Целій и какимъ образомъ этотъ честолюбивый человѣкъ, котораго не могли удовлетворить почести древней республики, пришелъ къ тому, что почувствовалъ себя неважно при новомъ режимѣ. Теперь становится понятнымъ и странное письмо, написанное къ Циперону, и то объявленіе войны, какое онъ сдѣлалъ Цезарю и его партіи. Недовольство рано закралось въ его душу. Съ самаго начала гражданской войны, когда его поздравляли съ успѣхами его партіи, онъ отвѣчалъ съ грустью: „Что мнѣ до этой славы, которая не доходитъ до меня?“ **). Это значить, что онъ уже началъ понимать, что въ новомъ правленіи имѣется мѣсто лишь для одного человѣка и что этому одному отнынѣ должна принадлежать вся слава такъ же, какъ и вся власть. Цезарь взялъ его съ собою въ свою экспедицію въ Испанію и тамъ, повидимому, не далъ ему случая отличиться. По возвращеніи въ Римъ онъ былъ назначенъ преторомъ, но не городскимъ, считавшимся болѣе почетной должностью; здѣсь ему предпочли Требонія. Это предпочтеніе, которое онъ принялъ за личную обиду, жестоко его разсердило. Онъ рѣшилъ отомстить и сталъ ждать лишь случая. Такой случай, показалось ему, представился, когда Цезарь со всѣми своими войсками отправился въ Фессалію для преслѣдованія Помпея. Оно думалъ, что въ отсутствіи диктатора и его войска, посреди об-

*) *Ad Att.*, X, 4.

**) *Ad fam.*, VII, 15.

щаго волненія въ Италіи, въ которой носились тысячи противорѣчивыхъ слуховъ объ исходѣ борьбы, ему удастся нанести рѣшительный ударъ. Моментъ былъ выбранъ очень удачно; но еще удачнѣе былъ тотъ вопросъ, на которомъ Целій рѣшилъ обосновать новое сопротивление. Ничто не дѣлаетъ столько чести его политической ловкости, какъ то, что онъ такъ ясно подмѣтилъ слабыя стороны восторжествовавшей партіи и съ перваго взгляда сообразилъ, какое наилучшее положеніе надо занять, чтобы напасть на съ успѣхомъ.

Хотя Цезарь уже господствовалъ надъ Римомъ и Италіей и хотя можно было предвидѣть, что республиканская армія его не задержитъ, все же ему предстояло преодолѣть еще много важныхъ затрудненій. Целій это хорошо зналъ, какъ зналъ также и то, что въ политической борьбѣ успѣхъ часто бываетъ испытаніемъ, чреватымъ серьезными опасностями.

Послѣ того какъ врагъ побѣжденъ, приходится сдерживать своихъ сторонниковъ, а это иногда бываетъ очень трудно. Необходимо бываетъ класть предѣлъ крайностямъ, которыя ранѣе терпѣлись и даже какъ будто поощрялись, пока моментъ ихъ удовлетворенія казался далекимъ; особенно трудно бороться противъ тѣхъ чрезмѣрныхъ надеждъ, которыя порождаются побѣдой у побѣдителей и которыя она не въ силахъ осуществить. Обыкновенно, пока дѣло еще не сдѣлано, и идетъ вербовка сторонниковъ, тогда не скупятся на обѣщанія; но въ тотъ день, когда власть достигнута, очень трудно бываетъ исполнить всѣ взятыя на себя обязательства и тогда эти прекрасныя оппозиціонныя программы, подъ знаменемъ которыхъ совершалось дѣло, становятся большой помѣхой. Цезарь былъ признаннымъ главою демократической партіи и въ этомъ была его главная сила. Какъ извѣстно, вступая въ Италію, онъ объявилъ, что идетъ возвратить свободу республикѣ, угнетаемой кучкой аристократовъ. А демократическая партія, уполномоченнымъ которой онъ такимъ образомъ себя объявилъ, имѣла уже готовую программу. Это не была болѣе программа Граковъ. Послѣ цѣлаго вѣка борьбы и притомъ часто кровопролитной, взаимная ненависть достигла высшаго предѣла, а упрямое противодѣйствіе аристократіи сдѣлало народъ еще требовательнѣе. Послѣ Кайя Гракха

каждый изъ вождей, пытавшихся стать во главѣ его для того, чтобы надежнѣе увлечь его за собою, заявлялъ отъ его имени какое-либо новое требованіе. Клодій желалъ получить для него права свободы ассоціацій съ тѣмъ, чтобы съ помощью тайныхъ обществъ управлять республикой. Катилина обѣщалъ конфискацію и грабежъ; вотъ почему воспоминаніе о немъ такъ долго пользовалось популярностью. Цицеронъ говоритъ о богатыхъ поминкахъ, справлявшихся въ его честь, и о цвѣтахъ, покрывавшихъ его могилу *). Цезарь, выступившій ихъ преемникомъ, не могъ вполне отказаться отъ этого наслѣдства; ему необходимо было обѣщать, что онъ закончитъ ихъ дѣло и удовлетворитъ вождельнія демократіи. Въ это время она, повидимому, не особенно заботилась о политическихъ реформахъ, а добивались лишь соціальной революціи. Кормиться, ничего не дѣлая, за счетъ государства посредствомъ часто повторяемыхъ бесплатныхъ раздачъ; присвоить себѣ наилучшія земли союзниковъ, посылая колонистовъ въ наиболѣе богатые итальянскіе города; добиться нѣкотораго перераспредѣленія богатствъ подъ предлогомъ отнять у аристократіи присвоенное ею себѣ общественное имущество—таковъ былъ обычный идеалъ плебеевъ, но то, чего съ особеннымъ упорствомъ добивалась демократія, то, что сдѣлалось какъ бы лозунгомъ всей этой партіи—это упраздненіе долговъ или, какъ тогда говорили, уничтоженія долговыхъ записей (*tabulae novae*), то-есть открытое нарушеніе общественнаго права и всеобщее банкротство, предписанное закономъ. Какъ ни насильственна была эта программа, Цезарь, беря на себя главенство надъ демократіей, тѣмъ самымъ какъ бы принималъ ее. Пока исходъ борьбы былъ сомнителенъ, онъ очень остерегался высказываться противъ этой программы изъ боязни ослабить свою партію расколомъ. Вотъ почему вѣрили, что, одержавъ побѣду, онъ приступитъ къ ея осуществленію.

Но задача Цезаря была не только разрушить одно правительство; онъ желалъ основать другое, а ему было прекрасно извѣстно, что на грабежъ и банкротствѣ нельзя устроить ничего солиднаго. Используя безъ всякаго за-

*) *Pro Flacco*, 30.

зрѣнія совѣсти программу демократіи для уничтоженія республики, онъ понялъ, что теперь для него началась новая роль. Въ тотъ день, когда онъ сдѣлался господиномъ Рима, его инстинктъ государственнаго человѣка и его интересъ верховнаго правителя сдѣлали изъ него консерватора. Протягивая руку умѣреннымъ элементамъ прежнихъ партій, онъ не стѣснялся пользоваться часто и традиціями прежняго режима.

Несомнѣнно, что дѣло Цезаря, беря его во всемъ его цѣломъ, далеко не было дѣломъ революціонера. Нѣкоторые изъ его законовъ заслужили даже одобреніе Цицерона послѣ мартовскихъ идъ, а ужъ это одно говоритъ, что они не соотвѣтствовали желаніямъ и надеждамъ демократіи. Онъ выслалъ восемьдесятъ тысячъ бѣдныхъ гражданъ въ колоніи, но за море, въ Африку и Грецію. Онъ не могъ и думать о полномъ уничтоженіи всѣхъ подачекъ со стороны государства римскому народу, но онъ ихъ значительно ограничилъ. Въмѣсто трехсотъ двадцати тысячъ гражданъ, принимавшихъ въ нихъ участіе при республикѣ, онъ сократилъ это число до ста пятидесяти тысячъ; онъ распорядился, чтобы число это оставалось постоянно непревзойденнымъ и чтобы ежегодно преторъ замѣщалъ мѣста тѣхъ изъ этихъ привиллегированныхъ нищихъ, которые умирали въ теченіе года. Онъ не только ничего не измѣнилъ въ запретительной системѣ, дѣйствовавшей при республикѣ, но даже установилъ новыя ввозныя пошлины на чужеземные товары. Онъ издалъ законъ противъ роскоши, значительно болѣе строгій, чѣмъ предшествовавшіе, подробно регламентировавшій какъ надлежало одѣваться и питаться, и сталъ проводить его въ жизнь съ настойчивой строгостью. Рынки охранялись военною стражею, чтобы тамъ не продавалось ничего недозволеннаго закономъ, и воины имѣли право даже входить въ дома и забирать прямо со столовъ запрещенные съѣстные припасы. Эти мѣры, стѣснявшія торговлю и промышленность, а слѣдовательно вредившія интересамъ народа, Цезарь заимствовалъ изъ преданій аристократическихъ правительствъ. Слѣдовательно, онѣ не могли быть популярны, но еще менѣе популярны были тѣ ограниченія, какія онъ примѣнилъ къ праву собраній. Это право, которымъ демо-

кратія дорожила болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ, уважалось до самыхъ послѣднихъ временъ республики, и трибунъ Клодій искусно пользовался имъ, чтобы наводить страхъ на сенатъ и подавлять форумъ своимъ терроромъ. Подъ предлогомъ почитанія боговъ ларовъ cadaго перекрестка были образованы особыя мѣстныя ассоціаціи (*collegia compitalicia*), куда входили бѣдные граждане и рабы. Эти общества, бывшія вначалѣ религиозными, скоро стали политическими. Въ эпоху Клодія онѣ составляли нѣчто въ родѣ правильной арміи демократіи и играли въ смутахъ Рима ту же роль, какую играли во Франціи секціи въ 93 г. Рядомъ съ этими постоянными ассоціаціями и по тому же образцу создавались ассоціаціи временныя всякій разъ, какъ предстояло какое-либо важное избраніе. Людей набирали по ихъ мѣстожительству, подраздѣляли ихъ на декуріи и центуріи, назначали надъ ними вождей, которые и вели ихъ подавать голоса военнымъ строемъ, а такъ какъ вообще народъ отдавалъ свои голоса не даромъ, то заранѣе выбирали важное лицо, называвшееся *секвестромъ* (*sequester*), въ руки котораго передавалась сумма, обѣщанная кандидатомъ, и распредѣлителей (*divisores*), на обязанности которыхъ лежало распредѣлять деньги послѣ голосованія между членами cadaго отряда. Вотъ какъ происходила въ Римѣ всеобщая подача голосовъ въ концѣ республики и вотъ какимъ образомъ эта раса, по природѣ склонная къ дисциплинѣ, сумѣла дисциплинировать даже самъ безпорядокъ. Цезарь, часто пользовавшійся услугами этихъ тайныхъ ассоціацій, управлявшій посредствомъ ихъ выборами и бравшій верхъ на форумѣ, чтобы тамъ ни говорили, не захотѣлъ болѣе терпѣть ихъ, какъ только онѣ стали ему ненужны. Онъ думалъ, что никакое правильное правительство не просуществуетъ долго, если оставить функционировать бокъ-о-бокъ съ нимъ это скромное правительство. Такимъ образомъ, онъ не отступилъ передъ строгими мѣрами, чтобы избавиться отъ этого организованнаго безпорядка. Къ великому возмущенію своихъ друзей онъ сразу уничтожилъ всѣ политическія общества, оставивъ изъ нихъ лишь наиболѣе древнія, не представлявшія никакой опасности.

Это были крутыя мѣры и онѣ должны были задѣть мно-

гихъ; вотъ почему онъ прибѣгнулъ къ нимъ не сразу, а лишь послѣ Мунды и Тапса, когда власть его уже никѣмъ не оспаривалась и когда онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы противостать демократіи, своей прежней союзницѣ. Когда онъ отправлялся подъ Фарсалу, онъ еще долженъ былъ щадить многое; его осторожность совѣтовала ему не раздражать своихъ друзей, пока у него оставалось еще такъ много враговъ. Къ тому же были и такіе вопросы, которыхъ нельзя было откладывать, настолько близко къ сердцу принимала ихъ демократія и настолько настойчиво требовала ихъ рѣшенія. Къ числу этихъ вопросовъ принадлежало уничтоженіе долговъ. Цезарь занялся этимъ дѣломъ сейчасъ же по возвращеніи изъ Испаніи; но и въ этомъ случаѣ, несмотря на всю затруднительность своего положенія, онъ не былъ такъ радикаленъ, какъ на это рассчитывали. Подъ вліяніемъ своихъ инстинктовъ консерватора, съ одной стороны, и требованій партіи, съ другой, онъ остановился на среднемъ исходѣ: вмѣсто того, чтобы совершенно отмѣнить долговья обязательства, онъ удовольствовался лишь ихъ нѣкоторымъ сокращеніемъ. Прежде всего онъ повелѣлъ, чтобы всѣ суммы, уплаченныя раньше, какъ проценты, были зачислены въ теченіе капитальнаго долга; затѣмъ, чтобы облегчить уплату уменьшенной такимъ образомъ суммы, онъ приказалъ подвергнуть оцѣнкѣ черезъ посредниковъ имущества должниковъ и опредѣлять не настоящую ихъ стоимость, а ту, какую они имѣли до гражданской войны, а заимодавцы обязаны были принимать ихъ въ уплату по этой оцѣнкѣ. Светоній говоритъ намъ, что такимъ образомъ долговъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на четверть. Правда, эти мѣры представляются намъ еще въ достаточной мѣрѣ революціонными. Мы не понимаемъ такого вмѣшательства власти, чтобы отнимать безъ всякаго основанія у частныхъ лицъ нѣкоторую долю ихъ состоянія, и ничто не кажется намъ болѣе несправедливымъ, какъ то, что самъ законъ нарушаетъ договоры, поставленные подъ его защиту; но въ то время впечатлѣніе было совсѣмъ иное. Кредиторы, боявшіеся, что имъ не оставятъ ничего, почувствовали себя очень счастливыми, что потеряли не все, а должники, рассчитывавшіе совершенно очиститься, горько жаловались, что ихъ хотѣли заставить

заплатить хоть чтонибудь. Отсюда—разочарованіе и ропотъ. „Въ эту минуту, писалъ Целій, за исключеніемъ нѣсколькихъ ростовщиковъ, всѣ здѣсь на сторонѣ Помпея“ *).

Для такого скрытаго врага, какъ Целій, этотъ случай начать враждебныя дѣйствія былъ достаточно благопріятенъ. Онъ успѣшилъ не упустить его и использовать то недовольство, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Его образъ дѣйствія былъ очень смѣлъ. Взять на себя подобную роль крайняго демократа или, какъ сказали бы теперь, социалиста, отринутую Цезаремъ, образовать изъ всѣхъ недовольныхъ новую болѣе радикальную партію и провозгласить себя ея вождемъ—таковъ былъ задуманный имъ планъ. Въ то время какъ посредники, назначенные для оцѣнки имущества должниковъ, выполняли по мѣрѣ силъ свои щекотливыя обязанности, а городской преторъ Требоній разбиралъ всѣ недоразумѣнія, возникавшія по поводу этого посредничества, Целій распорядился поставить свое курульное кресло возлѣ судилища Требонія и, самовольно присвоивъ себѣ право пересматривать рѣшенія своего коллеги и начальника, объявилъ, что окажетъ поддержку требованіямъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы ему пожаловаться; но или потому, что Требоніемъ всѣ были довольны, или вѣрнѣе всѣ боялись Цезаря, никто не дерзнулъ къ нему обратиться. Эта первая неудача не обезкуражила Целія; напротивъ, онъ думалъ, что чѣмъ затруднительнѣе становилось положеніе, тѣмъ смѣлѣе надо дѣйствовать и, несмотря на противодѣйствіе консула Сервилія и всѣхъ остальныхъ магистратовъ, онъ издалъ два очень смѣлыхъ закона: одинъ освобождалъ всѣхъ съемщиковъ отъ платы за помѣщеніе въ теченіе года, а другой совершенно отмѣнялъ всѣ долги. На этотъ разъ народъ, повидимому, былъ готовъ притти на помощь тому, кто такъ рѣшительно принялъ его сторону: начались волненія на форумѣ, снова какъ прежде, полилась кровь и Требоній былъ сброшенъ разъяренной толпою съ его судейскаго мѣста и спасся только чудомъ. Целій торжествовалъ и думалъ, безъ сомнѣнія, что начинается новая революція, но въ силу какого-то страннаго совпаде-

*) *Ad. fam.*, VIII, 17.

нія онъ сталъ жертвою той самой ошибки, которая нѣсколько позднѣе погубила Брута. При обстоятельствахъ совершенно противоположныхъ эти два столь различные между собою человѣка обманулись одинаковымъ образомъ: они оба слишкомъ понадѣялись на римскій народъ. Одинъ изъ нихъ возвращалъ ему свободу и считалъ его способнымъ желать и защищать ее; другой призывалъ ея къ оружію, обѣщая подѣлать ему достояніе богачей; но народъ не сталъ слушать ни того, ни другого, такъ какъ онъ уже не былъ болѣе способенъ къ подъему ни ради дурныхъ страстей, ни ради благородныхъ инстинктовъ. Роль народа уже кончилась, и онъ это сознавалъ; въ тотъ день, когда онъ предалъ себя въ руки абсолютной власти, онъ какъ бы совершенно потерялъ память о прошломъ. Отнынѣ онъ вполне отказался отъ всякой политической инициативы и ничто болѣе не могло вырвать его изъ апатіи. И всѣ эти права, столь желанныя и добытыя съ такимъ трудомъ, и этотъ антагонизмъ, такъ тщательно раздувавшійся народными вождями, и судъ, и аграрные законы—все стало ему безразличнымъ. Это уже тотъ самый народъ имперіи, который такъ удивительно мѣтко описанъ Тацитомъ, самый презрѣнный изъ всѣхъ народовъ, снисходительный къ каждому успѣху, жестокой ко всѣмъ неудачамъ, привѣтствующій одинаковыми рукоплесканьями всякаго кто торжествуетъ, и играющій одну единственную роль во всѣхъ революціяхъ, состоящую въ томъ, что когда борьба кончена, онъ составляетъ кортежъ побѣдителя.

Подобный народъ не могъ быть ни для кого серьезной опорой, и Целій сдѣлалъ ошибку, рассчитывая на него. Если онъ по старой привычкѣ и проявилъ одинъ разъ свою чувствительность отъ тѣхъ великихъ обѣщаній, которые его такъ волновали тогда, когда онъ былъ свободенъ, то это волненіе было несерьезно и достаточно было небольшого отряда конницы, случайно проѣзжавшаго черезъ Римъ, чтобы вернуть его къ порядку. Консулъ Сервилій особымъ постановленіемъ сената, отмѣнявшимъ всѣ законныя власти, былъ уполномоченъ сосредоточить въ однѣхъ своихъ рукахъ всю власть. Съ помощью этихъ проходящихъ войскъ онъ запретилъ Целію отправлять служебныя обязанности, а такъ какъ Целій

не подчинился, то велѣлъ разбить его курульное кресло *) и стащить его съ трибуны, съ которой онъ не желалъ сходить. На этотъ разъ народъ остался спокойнымъ и никто не отозвался на призывъ, пытавшій разбудить въ этихъ усталыхъ душахъ бывлыя страсти. Целій вернулся домой въ бѣшенствѣ. Послѣ такого публичнаго безчестія онъ не могъ болѣе оставаться въ Римѣ. Вотъ почему онъ поспѣшилъ покинуть его, говоря всѣмъ, что онъ отправляется съ объясненіями къ Цезарю, но на дѣлѣ у него были иные проекты. Потерпѣвъ неудачу въ Римѣ, Целій рѣшилъ попытаться поднять возстаніе въ Италіи и начать новую гражданскую войну. Это было дерзкое и рискованное предпріятіе и, однако, съ помощью одного неустрашимаго человѣка, поддержкой котораго онъ заручился, онъ не отчаивался добиться успѣха. Въ то время въ Италіи находился одинъ старый заговорщикъ, Милонъ, наводившій нѣкогда ужасъ своими жестокостями во время той анархіи, которая послѣдовала послѣ консульства Цицерона. Осужденный впоследствии за убійство, онъ нашелъ убѣжище въ Марселѣ. Цезарь вернулъ всѣхъ изгнанныхъ за исключеніемъ только одного Милона, котораго онъ побаивался въ виду его неисправимой дерзости, но по приглашенію Целія онъ вернулся тайно и выжидалъ событій. Целій отыскалъ его и они вдвоемъ написали возбуждающія письма въ итальянскія муниципіи, соблазняя ихъ всяческими обѣщаніями и убѣждая взяться за оружіе. Муниципіи остались спокойными. Тогда Целію и Милону не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ обратиться къ послѣднему оставшемуся имъ средству. Покинутые свободными гражданами Рима и Италіи они обратились къ рабскому населенію, освобождая изъ тюремъ рабовъ и созывая къ себѣ альпійскихъ пастуховъ и общественныхъ гладіаторовъ. Когда имъ удалось такимъ

*) Одна очень любопытная подробность, сохранившаяся у Квинтилиана, показываетъ намъ, что и среди этихъ серьезныхъ дѣлъ, въ которыхъ вопросъ шелъ о жизни, Целій сохранилъ легкость своего характера и свою обычную насмѣшливость. Послѣ того какъ его курульное кресло было разбито, онъ велѣлъ сдѣлать себѣ новое все изъ кожаныхъ ремней и принесть его къ консулу. Всѣ присутствующіе расхохотались. Рассказывали, что Сервилій былъ въ своей молодости наказанъ однажды ремennыми плетями.

путемъ собрать около себя нѣкоторое число сторонниковъ, они раздѣлились, чтобы попытать каждому счастье порознь, но ни тотъ, ни другой успѣха не имѣли. Милонъ, осмѣлившійся напасть на одинъ важный городъ, защищаемый преторомъ съ цѣлымъ легиономъ войска, былъ убитъ ударомъ камня. Целій, послѣ того какъ напрасно пытался привлечь на свою сторону Неаполь и Кампанью, принужденъ былъ отступить до Туріума. Здѣсь онъ столкнулся съ отрядами испанскихъ и галльскихъ всадниковъ, посланныхъ на него изъ Рима и когда онъ приблизился къ нимъ, чтобы вступить съ ними въ переговоры и попытаться подкупить ихъ, они его убили.

Такъ погибъ тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду этотъ рѣшительный молодой человѣкъ, надѣявшійся перевѣсить счастье Цезаря. Никогда широкіе замыслы не имѣли такой печальный конецъ. Обнаруживъ невѣроятную смѣлость, переходя отъ одного рискованнаго проекта къ другимъ, еще болѣе рискованнымъ, по мѣрѣ того, какъ предшествующіе не удавались и дѣлая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣдовательно попытки взбунтовать Римъ, Италію, рабовъ, онъ умеръ въ глуши отъ руки нѣсколькихъ варваровъ, которыхъ онъ хотѣлъ соблазнить измѣнить ихъ долгу, и его смерть, происшедшая какъ разъ въ то время, когда всѣ взоры были устремлены на Фарсалу, прошла почти незамѣченной. Однако, кто же станетъ утверждать, что подобный конецъ, какъ онъ не печаленъ, является незаслуженнымъ? Въ концѣ-концовъ, не справедливо ли, чтобы человѣкъ, жившій всевозможными приключеніями, и погибъ какъ искатель приключеній? Онъ вовсе не былъ настоящимъ политикомъ, что бы не говорилъ Цицеронъ; чтобы быть имъ, ему не доставало убѣжденія и готовности ему служить. Неустойчивость его чувствъ, непослѣдовательность его поведенія, тотъ скептицизмъ, какой онъ проявлялъ по отношенію ко всѣмъ мнѣніямъ, столько же принесли вреда его таланту, какъ и характеру. Если бы онъ сумѣлъ внести больше единства въ свою жизнь, если бы онъ сразу присталъ къ какой-либо честной партіи, его качества, найдя себѣ достойное примѣненіе, достигли бы совершенства. Безъ сомнѣнія, онъ также могъ погибнуть, но погибнуть при Фарсалѣ

или Филиппахъ все же нѣкая честь, учитываемая потомствомъ. Напротивъ, такъ какъ онъ часто мѣнялъ свои мнѣнія сообразно своимъ интересамъ или прихотямъ, такъ какъ онъ поочередно служилъ самымъ противоположнымъ партіямъ, не вѣря въ справедливость не одной изъ нихъ, то онъ и оставался всегда не болѣе какъ посредственнымъ ораторомъ и случайнымъ политикомъ и умеръ на большой дорогѣ, какъ простой злоумышленникъ. Однако, несмотря на его ошибки, исторіи не легко относиться къ нему дурно. Древніе писатели всегда отзываются о немъ съ тайной снисходительностью. Блескъ, окружавшій его молодость, пріятности его ума, изящество, какое онъ умѣлъ сохранять даже въ самыхъ печальныхъ его поступкахъ, особая смѣлая откровенность, не позволявшая ему искать уважительныхъ предлоговъ для недостойныхъ уваженія вещей, ясное пониманіе взаимныхъ отношеній въ политической жизни, его знаніе людей, необычная находчивость, энергичная рѣшимость, его удивительная отвага на все дерзать и постоянно играть собственной головою, — столько блестящихъ качествъ въ соединеніи съ такими крупными недостатками обезоруживали самыхъ строгихъ судей. Самъ благоразумный Квинтиліанъ, такъ мало способный понимать эту увлекающуюся натуру, не осмѣлился, однако, отнести къ нему сурово. Отозвавшись съ похвалою объ изяществѣ его ума и объ язвительности его краснорѣчія, онъ довольствуется слѣдующей его оцѣнкою: „Это былъ человѣкъ, заслуживавшій и лучшаго поведенія и болѣе долгой жизни, *dignus vir cui mens melior et vita longior contigisset* *)“.

Въ тотъ моментъ, когда Целій умеръ, та элегантная молодежь, образцомъ которой онъ являлся и съ которой намъ удалось познакомиться благодаря стихотвореніямъ Катуллы и письмамъ Цицерона, уже отчасти исчезла. Не осталось почти никого изъ тѣхъ юношей, которые блистали на празднествахъ въ Байяхъ и которымъ рукоплескали на форумѣ. Катуллъ умеръ раньше всѣхъ въ то самое время, когда талантъ его, созрѣвшій съ годами, сталъ болѣе серьезнымъ и возвышеннымъ. Его другъ Кальвъ послѣдовалъ за нимъ

*) *Inst. orat.*, X, I.

вскорости, скончавшись въ тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе излишествъ общественной жизни. Куріонъ былъ убитъ солдатами Помпея, какъ Целій—солдатами Цезаря. Долабелла пережилъ всѣхъ, но и онъ въ непродолжительномъ времени также погибъ трагической смертью. То было революціонное поколѣніе, пожидаемое революціей, такъ какъ совершенно справедливо извѣстное выраженіе, утверждающее, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ она пожираетъ дѣтей своихъ.

ЦЕЗАРЬ и ЦИЦЕРОНЪ.

I.

Цицеронъ и лагерь Цезаря въ Галліи.

Цицеронъ не ошибался, когда онъ сказалъ однажды Цезарю: „Послѣ насъ будетъ много споровъ о тебѣ, такъ же, какъ ихъ много было и между нами“ *). И дѣйствительно, объ этой исторической личности и до сихъ поръ еще ведутся ожесточенные споры. Никто не возбуждалъ столько симпатій, ни вызывалъ столько гнѣва, и надо сознаться, что, повидимому, онъ заслуживалъ и то, и другое. Нельзя ни удивляться ему, ни порицать его безъ нѣкоторыхъ оговорокъ и въ немъ есть много и привлекательнаго и отталкивающаго. Даже тѣ, которые ненавидятъ его отъ всей души и не могутъ простить ему совершенный имъ политическій переворотъ, невольно проникаются къ нему тайнымъ расположеніемъ, лишь только вспомнятъ объ его побѣдахъ или стануть читать его сочиненія.

Чѣмъ сложнее и непонятнѣе эта личность, тѣмъ необходимѣе, чтобы составить о ней правильное сужденіе, узнать мнѣніе о ней тѣхъ, кто ее лично зналъ. Хотя Цицерона почти всю жизнь раздѣляли съ Цезаремъ серьезныя разногласія, но все же онъ имѣлъ случай два раза вступить съ нимъ въ болѣе тѣсныя отношенія: во время галльской войны онъ былъ его политическимъ союзникомъ и усерднымъ корреспондентомъ; послѣ Фарсалы онъ снова сталъ его другомъ и выступалъ посредникомъ между побѣдителемъ и тѣми, кого онъ осудилъ на изгнаніе. Посмотримъ, что онъ намъ говорить о немъ въ эти два момента его жизни, когда онъ

*) *Pro Marcello*, 9.

его видѣлъ всего ближе и постараемся найти въ его перепискѣ, такъ хорошо знакомящей насъ съ выдающимися людьми этой эпохи, содержащіяся въ ней свѣдѣнія о томъ, кто былъ изъ всѣхъ самый выдающійся.

I.

Прежде всего необходимо припомнить тѣ событія, которыя побудили Цицерона покинуть аристократическую партію, къ которой онъ принадлежалъ со времени своего консульства, съ тѣмъ, чтобы перейти на службу триумвировъ, и постараться понять, какъ могло случиться, что мужественный другъ Гортензія и Катона сдѣлался приспѣшникомъ Помпея и Цезаря. Это далеко не лучшее время его жизни и его самые искренніе почитатели стараются обходить его по возможности молчаніемъ. Однако, остановиться на немъ хоть ненадолго не безъинтересно и даже, быть можетъ, и не бесполезно.

Когда Цицеронъ вернулся изъ ссылки, на которую былъ осужденъ Клодіемъ послѣ своего консульства, его возвращеніе носило характеръ настоящаго триумфа. Брундузы, гдѣ онъ высадился, отпраздновали его прибытіе общественными празднествами. Всѣ граждане муниципій, расположенныхъ вдоль Аппіевой дороги ожидали на пути, а со всѣхъ сосѣднихъ фермъ сбѣгались отцы семействъ съ женами и дѣтьми, чтобы взглянуть на него. Въ Римѣ онъ былъ встрѣченъ безчисленной толпою народа, заплотившаго всѣ общественныя площади и ступени храмовъ. „Казалось, говорилъ онъ, что весь городъ сорвался съ своихъ основъ, чтобы привѣтствовать своего освободителя *)“. У своего брата, гдѣ онъ остановился, онъ нашелъ дожидавшихся его наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, а также многочисленныя привѣтствія отъ всѣхъ народныхъ обществъ города. Весьма возможно, что среди лицъ, привѣтствовавшихъ его были и такія, которыя годъ тому назадъ подавали свой голосъ съ тѣмъ же воодушевленіемъ за его изгнаніе и что многіе изъ тѣхъ, которые рукоплескали ему при его возвращеніи, также рукоплескали при его отъѣздѣ; съ народомъ случаются иногда подобныя

*) *In Pis.*, 22.

странныя и великодушныя перемѣны. Бываетъ, что вслѣдствіе какого-то неожиданнаго порыва съ него слетаетъ и злоба, и недовѣріе и узость партійныхъ взглядовъ, и въ тотъ моментъ, когда страсти повидимости всего горячѣе, а раздоры всего сильнѣе, онъ неожиданно негаданно воодушевляется, чтобы почтить какой-нибудь большой талантъ или характеръ, который покорило его, неизвѣстно какимъ образомъ. Обычно, эти порывы признательности и почтенія проходятъ быстро, но если бы они продолжались и одинъ лишь день, они являются безсмертною честью для того, кто былъ ихъ предметомъ, и оставляемаго ими по себѣ блеска бываетъ достаточно, чтобы освѣтить цѣлую жизнь. Вотъ почему мы должны быть снисходительны къ Цицерону, если онъ говорилъ такъ часто и такъ подробно объ этомъ памятномъ для него днѣ. Небольшая гордость въ этомъ случаѣ и законна и естественна. Развѣ могла его душа, столь податливая на народное одобреніе, не опьянѣть отъ радостнаго торжества возвращенія? „Мнѣ представляется, говорилъ онъ, что я не только возвращаюсь изъ ссылки; мнѣ кажется, что я восхожу на небо *)“.

Но ему въ скорости пришлось снова спуститься на землю. Что бы ему ни представлялось въ первую минуту, онъ скоро увидалъ, что этотъ городъ, встрѣчавшій его съ такимъ торжествомъ, ничуть, однако, не измѣнился и что онъ находитъ его опять въ томъ же состояніи, въ какомъ его покинулъ. Уже три года въ немъ царила анархія и такая анархія, что несмотря на всѣ примѣры новѣйшихъ революцій, почти невозможно ее себѣ вообразить. Съ тѣхъ поръ какъ триумвиры, чтобы завладѣть республикой, спустили съ цѣпи демагогію, она стала полною госпожею. Смѣлый трибунъ, перебѣжчикъ изъ аристократіи, носившій къ тому же лучшее имя въ Римѣ, Клодій, взялъ на себя задачу руководить ею и, поскольку возможно, дисциплинировать ее. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ онъ обнаружилъ не мало таланта и смѣлости и преуспѣлъ въ немъ достаточно, чтобы заслуженно сдѣлаться пугаломъ для честныхъ людей. Когда мы говоримъ о римской демагогіи, не надо забывать, что она была на много страшнѣе фран-

*) *Pro Dom.*, 28.

цузской, а пополнялась за счетъ элементовъ еще болѣе опасныхъ. Какъ бы основателемъ ни былъ тотъ страхъ, какой внушаетъ намъ всякое народное волненіе, когда въ день возстанія поднимаются всѣ подонки нашихъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ, будемъ помнить, что въ Римѣ эти низшіе слои опускались еще глубже. Ниже праздношатающихся и безработныхъ всякаго рода и племени, обыкновеннаго орудія революцій, тамъ имѣлась еще цѣлая толпа отпущенниковъ, деморализованныхъ рабствомъ, и которымъ свобода дала лишь возможность больше дѣлать зла; тамъ были еще гладіаторы, обученные сражаться и съ животными и съ людьми и привыкшіе играть какъ собственною жизнью, такъ и жизнью другихъ; но хуже всѣхъ тамъ были бѣглые рабы, которые, совершивъ какое-либо убійство или грабежъ, сбѣгались отовсюду въ Римъ, чтобы затеряться во мракѣ его народныхъ кварталовъ; это была ужасная и отвратительная толпа безъ семьи, безъ отечества, а поставленная общимъ мнѣніемъ вѣвъ закона и общества, она не могла ничего уважать, такъ какъ ей нечего было терять. И вотъ среди такихъ то людей Клодій и вербовалъ свои банды. Этотъ наборъ происходилъ среди бѣлаго дня въ одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣстъ Рима, около *Аврелиевыхъ ступеней*. Затѣмъ этихъ новобранцевъ распредѣляли по декуріямъ и центуріямъ подъ начальство энергичныхъ вождей. Изъ нихъ по кварталамъ составлялись особые тайные общества, имѣвшія свой штабъ и арсеналъ въ храмѣ Кастора. Въ опредѣленный день, когда нужно было устроить народную манифестацію, трибуны приказывали закрывать торговые заведенія, и тогда вся армія тайныхъ обществъ, усиленная освобожденными отъ работы ремесленниками, двигалась на форумъ. Тамъ они встрѣчали ни честныхъ людей, которые, чувствуя себя въ меньшинствѣ, оставались дома, а гладіаторовъ и пастуховъ, которыхъ сенатъ для своей защиты привезъ изъ дикихъ странъ Пиценума и Галліи—и вотъ начиналась свалка. „Представьте себѣ Лондонъ, говоритъ Моммсенъ, съ рабскимъ населеніемъ Новаго Орлеана, съ полиціею Константинополя, съ промышленностью современнаго Рима и добавьте къ этому политическое состояніе Парижа въ 1848 году и вы будете имѣть нѣкоторое пред-

ставленіе о республиканскомъ Римѣ въ его послѣдніе моменты“.

Не было больше ни одного закона, который бы почитался, ни одного гражданина или магистрата, который былъ бы безопасенъ отъ насилія. Сегодня уничтожали должностные знаки консула, завтра убивали на смерть трибуна. Самъ сенатъ, увлекаемый общимъ примѣромъ, потерялъ въ концѣ концовъ то качество, которое вообще римлянинъ терялъ послѣднимъ—важность. Въ этомъ собраніи царей, какъ его назвалъ одинъ грекъ, споры стали вестись съ возмутительной грубостью. Цицеронъ не удивлялъ никого, величая своихъ противниковъ самыми грубыми кличками, такими какъ: *свинья, падалъ, навозъ*. Иногда пренія становились настолько буйными, что шумъ доходилъ даже до волнующейся толпы, наполнявшей сосѣдніе портики куріи. Тогда и она вмѣшивалась въ пренія и такъ шумно, что испуганные сенаторы спѣшили удалиться *). На форумѣ, понятно, было еще хуже. Цицеронъ передаетъ, что когда уставали ругаться, то начинали плевать другъ другу въ лицо **). Кто хотѣлъ говорить народу, тотъ долженъ былъ силою брать трибуну, а чтобы остаться на ней надо было рисковать жизнью. Трибуны нашли новый способъ добиваться единодушія въ голосованіи предлагаемыхъ ими законовъ, а именно бить и прогонять всѣхъ, осмѣливавшихся итти противъ ихъ мнѣнія. Но самыя жаркія схватки происходили въ день выборовъ на Марсовомъ полѣ. Приходилось поневолѣ жалѣть о томъ времени, когда открыто торговали избирательными голосами. Въ это время уже не заботились болѣе о приобрѣтеніи общественныхъ должностей за деньги, такъ какъ находили болѣе удобнымъ захватывать ихъ силою. Каждая партія отправлялась спозаранку на Марсово поле. По дорогамъ, шедшимъ къ нему, происходило не мало столкновеній. Всѣ спѣшили притти раньше своихъ противниковъ, а если эти уже успѣли опередить, то на нихъ нападали, чтобы прогнать: естественно, что должности доставались тѣмъ, кто оставался хозяиномъ положенія. Среди всѣхъ

*) *Ad Quint.*, II, 1.

**) *Ibid.*, II, 3.

вооруженныхъ шаекъ, никто не былъ въ безопасности. Приходилось укрѣплять даже свои дома, чтобы можно было противостоять неожиданному нападенію. Выходить изъ дома можно было не иначе, какъ подъ конвоемъ гладіаторовъ и рабовъ. Чтобы перейти изъ одного квартала въ другой, нужно было принимать столько же предосторожностей, какъ при переходѣ черезъ неизвѣстную страну, а всякимъ встрѣчнымъ на перекресткахъ пугались не меньше, чѣмъ встрѣчамъ въ чашѣ лѣса. Въ центрѣ Рима случалось происходили настоящія сраженія и правильныя осады. Считалось обычнымъ явленіемъ поджечь домъ врага, хотя бы и съ опасностью сжечь весь кварталъ, а подъ конецъ ни одно народное собраніе, ни одни выборы не обходились безъ кровопролитія. „Тибръ, говоритъ Цицеронъ, вспоминая одну изъ этихъ схватокъ, былъ переполненъ трупами гражданъ, всѣ общественныя стоки были также полны ими, и приходилось тряпками подтирать кровь, стекавшую съ фѳорума“ *).

Вотъ въ какихъ жестокихъ конвульсіяхъ погибала римская республика и на какіе унизительные безпорядки трагитались ея послѣднія силы. Цицеронъ хорошо зналъ эту анархію и опасности, которыми она ему угрожала. Вотъ почему прежде чѣмъ вернуться въ Римъ, онъ принялъ твердое рѣшеніе быть осторожнымъ, чтобы снова не испытать необходимости покинуть его. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, кого несчастіе закаляетъ и кто находитъ какъ бы удовольствіе въ борьбѣ съ неудачами. Ссылка его. обезсилила. Во время своего долгаго и скучнаго пребыванія въ Тессаліи онъ имѣлъ возможность подумать о прошломъ и онъ поставилъ себѣ въ вину, какъ преступленія, свои попытки проявить мужество и независимость, свою дерзость вступать въ борьбу съ могущественными людьми, свою ошибку слишкомъ тѣсно примкнуть къ партіи, хотя и лучшей, но несомнѣнно слабѣйшей. Онъ возвращался съ твердымъ намѣреніемъ не вступать по возможности ни въ какія обязательства, обезоружить своихъ враговъ услужливостью и быть внимательнымъ ко всѣмъ. Такого образа дѣйствій онъ и держался по своему возвращеніи, и его первыя рѣчи являются образцомъ политики.

*) *Pno Sext.*, 35.

Все еще замѣтно, что онъ попрежнему склоненъ къ партіи аристократовъ, къ тому же особенно усиленно хлопотавшей объ его возвращеніи изъ ссылки, и для выраженія своей признательности находитъ въ похвалу ей прекрасныя выраженія; но онъ уже начинаетъ заигрывать съ Цезаремъ и льстить Помпею, величая его „самымъ добродѣтельнымъ, самымъ мудрымъ, самымъ великимъ изъ людей, какъ современнаго ему вѣка, такъ и вообще всѣхъ вѣковъ“ *). Въ то же время онъ самъ говоритъ намъ, что остерегался являться въ сенатъ, когда тамъ предстояло обсуждать слишкомъ жгучіе вопросы, и что онъ старался покидать форумъ, лишь только пренія принимали слишкомъ острый характеръ. „Не надо больше сильныхъ средствъ, отвѣчалъ онъ тѣмъ, которые пробовали заставить его выступить болѣе активно; я хочу лѣчиться воздержаніемъ“ **).

Однако, ему пришлось скоро убѣдиться, что одной этой осмотрительной осторожности было недостаточно, чтобы устранить отъ него всякую опасность. Въ то время, какъ по его приказанію происходила перестройка его дома на Палатинѣ, разрушеннаго послѣ его ссылки, шайки Клавдія набросились на рабочихъ, разогнали ихъ и, поощренные этой удачей, подожгли расположенный рядомъ домъ его брата Квинта. Черезъ нѣсколько дней, когда онъ прогуливался по Священной дорогѣ, онъ внезапно услышалъ громкій шумъ и, обернувшись, увидѣлъ угрожавшіе ему обнаженные мечи и поднятыя палки. Это нападали на него тѣ же самые люди. Онъ едва успѣлъ спастись въ пріемной одного дружескаго дома въ то время, какъ его рабы храбро сражались передъ дверью, чтобы дать ему время скрыться. Всѣ эти насилія не смутили бы Катона, но Цицеронъ былъ ими очень напуганъ: они показали ему достаточно ясно, что его система искуснаго лавированія между партіями не могла гарантировать ему безопасности. Дѣйствительно, ни одной партіи не было интереса брать на себя заботу объ его защитѣ, пока онъ ограничивался относительно ея одними комплиментами, а такъ какъ онъ не могъ оставаться одинокимъ и безпомощнымъ посреди всѣхъ этихъ вооруженныхъ партій,

*) *Ad pop. pro red.*, 7.

**) *Ad Att.*, VI, 3: *Ego diaeta curari incipio, chirurgiae taedet.*

то ему и необходимо было, чтобы найти себѣ необходимую поддержку, вступить въ болѣе тѣсную связь съ одною изъ нихъ.

Но на которой слѣдовало остановиться? Это былъ важный вопросъ, гдѣ его интересы сталкивались съ его симпатіями. Всѣ его предпочтенія были, очевидно, на сторонѣ аристократіи. Онъ былъ тѣсно связанъ съ нею, начиная со времени своего консульства, и съ тѣхъ поръ вѣрно служилъ ей: ради нея онъ подвергался гнѣву народа и попалъ въ ссылку. Но то же самое изгнаніе помогло ему понять, что это самая честная партія была въ то же время и наименѣе надежная. Въ послѣднюю минуту сенаторы не нашли болѣе дѣйствительнаго способа для его спасенія, какъ издавать бесполезные указы, наряжаться въ траурныя одѣянія и умолять консуловъ; Цицеронъ полагалъ, что этого было недостаточно. Видя, какъ его плохо защищаютъ, онъ заподозрѣлъ, что тѣ, которые такъ вяло отнеслись къ защитѣ его интересовъ, не были особенно огорчены его неудачей, и возможно, что онъ не ошибался. Римская аристократія, несмотря на всѣ его заслуги передъ ней, не могла забыть, что для нея онъ новый человѣкъ, *homo novus*. Всѣ эти Клавдіи, Корнеліи, Манліи всегда смотрѣли съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ на этого простого гражданина изъ Арпинума, волею народа ставшаго имъ равнымъ. Еще, пожалуй, они могли бы простить ему его удачу, если бы онъ самъ держалъ себя съ большею скромностью, но какъ извѣстно, онъ былъ очень тщеславенъ. Такое тщеславіе, съ его стороны, было, конечно, только смѣшно, но оно задѣвало аристократію, которая находила его преступнымъ. Она не могла переносить той законной гордости, съ которою онъ постоянно напоминалъ, что онъ не болѣе, какъ выскочка. Она возмущалась на него, когда онъ, выведенный изъ себя, осмѣливался отвѣчать ей насмѣшками, и сравнительно еще недавно она была скандализована тѣмъ, что онъ забылся до такой степени, что дерзнулъ купить себѣ виллу Катула въ Тускулумѣ и поселиться на Палатинѣ въ домѣ Красса. Цицеронъ, при своей обычной проницательности, очень хорошо угадывалъ всѣ эти чувства аристократіи и даже преувеличивалъ ихъ. Съ той же поры, какъ онъ вернулся изъ изгнанія, у него появились

противъ нея и другія причины неудовольствія. Она очень заботилась объ его возвращеніи, но не могла предвидѣть той торжественности и блеска, какимъ будетъ встрѣчено его прибытіе, и какъ, можно думать, была этимъ очень недовольна. „Люди, обрѣзавшіе мнѣ крылья, говоритъ Цицеронъ, недовольны, что они отростаютъ снова“ *). Съ этого времени его добрые друзья въ сенатѣ не хотѣли дѣлать для него ничего болѣе. Онъ нашелъ свое состояніе очень разстроеннымъ, свой домъ на Палатинѣ сожженнымъ, свои виллы въ Тускулумѣ и Форміяхъ разграбленными и раззоренными; добиться вознагражденія за всѣ эти убытки ему удалось лишь съ большимъ трудомъ. Но всего болѣе его раздражало то, что какъ онъ хорошо видѣлъ, никто не раздѣлялъ его гнѣва противъ Клодія. При его яростныхъ нападкахъ на него, всѣ оставались спокойными и безмолвными. Нѣкоторые же, наиболѣе ловкіе, напротивъ, старались говорить съ особеннымъ почтеніемъ объ этомъ дерзкомъ трибунѣ и, не краснѣя, протягивали ему публично руку. Откуда могла появиться у нихъ такая терпимость къ человѣку, всегда относившемуся къ нимъ такъ нетерпимо! Это объяснялось тѣмъ, что они надѣялись воспользоваться имъ въ своихъ выгодахъ и въ тайнѣ питали надежду призвать демагогію на помощь аристократіи въ минуту опасности. Такой союзъ, хотя и менѣе обыкновенный, чѣмъ союзъ демагогіи съ деспотизмомъ, не былъ, однако, несбыточнымъ, и если бы удалось заполучить на свою сторону Клодія, банды его дали бы возможность сенату значительно обуздать тріумвировъ. Цицеронъ, замѣчавшій эту политику, боялся стать ея жертвой; онъ тогда съ горечью сожалѣлъ о тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказалъ сенату и которыя ему самому обошлись такъ дорого. Вспоминая всѣ опасности, какимъ онъ подвергался, защищая его, ту упорную и несчастную борьбу, какую онъ велъ за него послѣдніе четыре года; гибель своей политической карьеры и печальное положеніе своего состоянія, онъ говорилъ съ грустью: „Теперь я хорошо вижу, какимъ я былъ глупцомъ (*sciō me asinum germanum fuisse*“ **).

*) *Ad. Att.*, IV. 2.

**) *Ibid.* IV, 5.

Такимъ образомъ, ему ничего не оставалось, какъ стать на сторону триумвировъ. Именно этотъ совѣтъ дали ему его мудрый другъ Атикъ и его братъ Квинтъ, сдѣлавшіеся противъ обыкновенія очень осторожнымъ, послѣ того, какъ у него сожгли его домъ; да и самъ онъ испытывалъ искушеніе поступить такъ всякій разъ, какъ ему удавалось избѣжать какой-нибудь новой опасности. Однако, Цицерону не легко было рѣшиться на это. До этихъ поръ триумвиры были его заклятыми врагами. Не говоря о Крассѣ, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ соучастника Катилины, онъ хорошо зналъ, что именно Цезарь натравилъ на него Клодія и не могъ забыть того, что Помпей, клявшійся защищать его, самымъ низкимъ образомъ предоставилъ его мести своихъ друзей; но у него не было иного выбора и, усомнившись въ аристократической партіи, ему не оставалось ничего другого, какъ отдаться подъ покровительство триумвировъ. Такимъ образомъ, ему пришлось покориться. Онъ уполномочилъ своего брата сдѣлать за него завѣренія передъ Цезаремъ и Помпеемъ и принялся, какъ могъ, угождать ихъ честолюбію. Первымъ его дѣломъ по возвращеніи было потребовать для Помпея одного изъ тѣхъ чрезвычайныхъ полномочій, до которыхъ онъ былъ такъ жаденъ: поего инициативѣ, на Помпея возложена была обязанность заботиться въ теченіе шести лѣтъ о продовольствіи Рима вслѣдствіе чего онъ былъ облеченъ властью почти безъ границъ. Спустя немного времени, несмотря на полное истощеніе общественной казны, онъ добился того, что Цезарю была назначена крупная сумма на уплату его легіонамъ и дано было разрѣшеніе имѣть подъ своей командой десять помощниковъ. Когда аристократія, понимавшая, съ какою цѣлью онъ предпринималъ покореніе Галліи, хотѣла помѣшать ему закончить это дѣло, все тотъ же Цицеронъ потребовалъ и добился, чтобы ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ, старинный врагъ триумвировъ сдѣлался ихъ обычнымъ защитникомъ передъ сенатомъ. Поддержка, которую онъ согласился имъ оказать, была для тѣхъ далеко не бесполезна. Его великое имя и его убѣдительное краснорѣчіе привлекали къ нему умѣренныхъ всѣхъ партій, всѣхъ, у кого было колеблющееся мнѣніе и нетвердое убѣжденіе, а особенно тѣхъ, кто, уставъ отъ

невзгодъ свободы, искалъ повсюду твердой руки, которая могла бы внести умиротвореніе; всѣ эти люди, вмѣстѣ съ личными друзьями Цезаря и Помпея, съ подкупленными креатурами богача Красса и всякаго рода честолюбцами, предчувствовавшими наступленіе монархическаго порядка и желавшими первыми использовать его, составляли въ сенатѣ нѣкотораго рода большинство, ораторомъ и вождемъ котораго былъ Цицеронъ и которое оказывало триумвирамъ важную услугу тѣмъ, что давало законную санкцію той власти, которую они захватили насиліемъ и удерживали беззаконно.

Наконецъ-то Цицеронъ добился покоя. Его враги стали бояться его, Клодій не осмѣливался болѣе нападать на него, ему завидовали, что онъ такъ близко подружился съ новыми властителями, а между тѣмъ этотъ искусный образъ поведенія, заслужившій ему благодарность со стороны триумвировъ и одобреніе отъ Аттика, былъ ему подчасъ очень тяжелъ. Напрасно говорилъ онъ себѣ, что „его жизнь снова приобрѣла свой блескъ“, все же совѣсть мучила его за то, что онъ служилъ людямъ, честолюбивые замыслы которыхъ были ему понятны и которыхъ онъ считалъ гибельными для свободы своей страны. Среди заботъ угодить имъ, онъ испытывалъ иногда внезапныя вспышки патріотизма, заставлявшія краснѣть его. Его интимная переписка вездѣ таитъ слѣды этихъ одолевавшихъ его колебаній. Однажды онъ писалъ Аттику рѣшительнымъ и легкомысленнымъ тономъ: „Оставимъ въ покоѣ честь, справедливость и прекрасныя правила... Такъ какъ тѣ, которые безсильны, не хотятъ любить меня, постараемся внушить любовь къ себѣ въ тѣхъ, которые всесильны“ *) Но, уже на слѣдующій день его беретъ стыдъ, и онъ не можетъ удержаться, чтобы не сказать своему другу: „Есть ли что печальнѣе нашей жизни, въ особенности моей? Если я говорю согласно моихъ убѣжденій, меня принимаютъ за безумнаго; если я начинаю поступать согласно своихъ интересовъ, меня обвиняютъ въ рабскихъ наклонностяхъ; если я молчу, говорятъ, что я трушу**).

*) *Ad Att.* IV., 5.

**) *Ibid.*, IV, 6.

Даже въ его публичныхъ рѣчахъ, несмотря на его усиленную сдержанность, замѣтно проскальзываютъ его тайныя неудовольствія. Мнѣ кажется, что они всего яснѣе сказываются въ томъ невѣроятно горькомъ и рѣзкомъ тонѣ, который такъ свойствененъ ему въ это время. Никогда, быть можетъ, онъ не произносилъ столько страстныхъ ругательствъ. Подобныя вспышки гнѣва противъ дру ихъ часто свойственны тѣмъ, кто самъ собою недоволенъ. Горечь же рѣчей, относящихся къ этому періоду его жизни, объясняется тѣмъ чувствомъ внутренняго недовольства, которое испытываетъ всякій, находясь на дурномъ пути и не имѣя мужества сойти съ него. Онъ не прощалъ своимъ прежнимъ друзьямъ ихъ насмѣшекъ, а новымъ—ихъ неумѣренности; онъ тайно упрекалъ себя за свою трусливую уступчивость, сердился на всѣхъ и на себя, и за все вымещалъ на Ватиніи или Пизонѣ. Въ такомъ настроеніи духа, онъ не могъ быть надежнымъ другомъ ни для кого. Случалось, что онъ внезапно нападалъ на своихъ новыхъ союзниковъ и наносилъ имъ удары, тѣмъ болѣе непріятные, что они были совсѣмъ неожиданны. Иногда онъ доставлялъ себѣ удовольствіе нападать на ихъ лучшихъ друзей, чтобы показать другимъ и доказать самому себѣ, что онъ не вполне потерялъ свою свободу. Къ общему удивленію въ одной рѣчи, защищая интересы Цезаря, онъ выступилъ съ особымъ одобреніемъ Бибула, котораго Цезарь ненавидѣлъ. Однажды, кажется, онъ былъ даже совсѣмъ готовъ вернуться опять къ тѣмъ, кого, прежде чѣмъ разстаться, онъ величалъ честными людьми. Случай казался ему подходящимъ, чтобы торжественно порвать съ новой партіей. Дружба между триумвирами значительно охладѣла. Помпей былъ недоволенъ успѣхами послѣдней войны съ галлами, такъ затмѣвавшими его прежнія побѣды. Цицеронъ, слыша его безцеремонные отзывы объ его соперникѣ, рѣшилъ, что онъ можетъ теперь безопасно дать удовлетвореніе своей больной совѣсти, и попытался сразу заслужить прощеніе своихъ прежнихъ друзей. Воспользовавшись нѣкоторыми затрудненіями, возникшими при проведеніи въ жизнь аграрнаго закона Цезаря, онъ торжественно объявилъ, что въ майскія иды онъ будетъ говорить по поводу продажи земель въ

Кампаньи, распределенныхъ согласно этого закона между народомъ. Это его заявленіе произвело большое впечатлѣніе. Сторонники триумвировъ были столько же возмущены, какъ удивлены, а аристократическая партія поспѣшила встрѣтить съ восторгомъ возвращающагося къ ней краснорѣчиваго перебѣжчика; но въ теченіе нѣсколькихъ дней все обернулось противъ него. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ рѣшался на такое смѣлое выступленіе, почти распавшійся союзъ триумвировъ, снова возродился въ Луккахъ, гдѣ они среди цѣлаго двора льстецовъ еще разъ подѣлили между собою весь міръ. И вотъ Цицеронъ снова очутился въ одиночествѣ и безъ поддержки предъ лицомъ могущественнаго и раздраженнаго врага, грозившаго еще разъ предать его мести Клодія. Атикъ порицалъ его; Квинтъ, ручавшійся за своего брата, грубо жаловался, что его заставили нарушить слово; Помпей, втайнѣ содѣйствовавшій измѣнѣ, дѣлалъ видъ, что сердится болѣе всѣхъ. Несчастный Цицеронъ, атакованный со всѣхъ сторонъ и напуганный поднявшеюся бурей неудовольствія, поспѣшилъ уступить и пообѣщать все, чего хотѣли. Такимъ образомъ, эта попытка его къ независимости привела его лишь къ большому порабощенію.

Начиная съ этого момента, онъ повидимому болѣе рѣшительно примирился съ своимъ новымъ положеніемъ, такъ какъ чувствовалъ, что не въ силахъ измѣнить его. Онъ сталъ осыпать все болѣе и болѣе преувеличенными похвалами тщеславнаго Помпея, никогда ими не довольствовавшагося. Онъ согласился взять на себя вмѣстѣ съ Оппіемъ и Балбомъ завѣдываніе дѣлами Цезаря и наблюдать за сооруженіемъ воздвигаемыхъ имъ памятниковъ. Онъ пошелъ даже еще дальше и по просьбѣ своихъ могущественныхъ покровителей согласился протянуть руку тѣмъ, на кого смотрѣлъ, какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ. Для него, чьи ненависти были такъ опредѣленны, это было не малымъ самопожертвованіемъ; но разъ онъ такъ рѣшительно вошелъ въ ихъ партію, ему необходимо было принять и ихъ дружескія связи, какъ и защищать ихъ цѣли. Прежде всего его примирили съ Крассомъ. Это было трудное предпріятіе, тянувшееся очень долго, такъ какъ въ ту минуту,

когда думали, что ихъ старинная вражда погашена, она внезапно вспыхнула снова при одномъ спорѣ въ сенатѣ и Цицеронъ обрушился на своего новаго союзника съ такой силой, что удивился даже самъ. „Я думалъ, что моя ненависть исчезла, говорилъ онъ наивно; я полагалъ, что отъ нея въ моемъ сердцѣ не осталось ничего*)“. Затѣмъ отъ него потребовали, чтобы онъ взялъ на себя защиту Ватинія; на это онъ согласился довольно охотно, хотя всего только годъ назадъ онъ нападалъ на него съ самой нестерпимой бранью. У римскихъ адвокатовъ были въ обычаи такіе рѣзкіе переходы и самъ Цицеронъ не разъ уже поступалъ такъ. Когда Габиній возвратился изъ Египта, возстановивъ на престолѣ царя Птолемея вопреки формальному приказу сената, Цицеронъ, который его терпѣть не могъ, найдя этотъ случай удобнымъ, чтобы погубить его, приготовился выступить противъ него; но Помпей сталъ настоятельно просить его выступить въ защиту Габинія. Цицеронъ не осмѣлился противиться и рѣшилъ защищать того, кого ненавидѣлъ, и въ дѣлѣ, которое считалъ преступнымъ. По меньшей мѣрѣ онъ имѣлъ то утѣшеніе, что проигралъ этотъ процессъ, и хотя онъ обыкновенно очень дорожилъ своимъ успѣхомъ, возможно, что на этотъ разъ неудача не была для него непріятна.

Но онъ хорошо понималъ, что вся его угодливость и податливость и всѣ эти вынужденныя выступленія вопреки себя возстановятъ въ концѣ-концовъ противъ него общественное мнѣніе. Вотъ почему онъ рѣшился написать въ это время своему другу Лентулу, одному изъ вождей аристократіи, важное письмо, въ которомъ онъ объяснялъ свой образъ дѣйствія**). Письмо это онъ, вѣроятно, предназначалъ для распространенія. Въ этомъ письмѣ, рассказавъ факты по своему и достаточно очернивъ тѣхъ, чью партію онъ покидалъ, что является удобнымъ и широко примѣняемымъ средствомъ предупредить ихъ жалобы и возложить на нихъ отвѣтственность за то зло, какое имъ будетъ сдѣлано, онъ осмѣливается съ какой-то странной откровенностью защищать во-

*) *Ad fam.*, I, 9.

**) *Ad fam.*, I, 9.

обще политическое непостоянство. Приводимые имъ доводы не всегда хороши, но надо думать, что лучшихъ найти и нельзя, такъ какъ ими не перестаютъ пользоваться и до сихъ поръ. Ссылаясь на гдѣ то сказанные слова Платона, „что съ отечествомъ, какъ и съ отцомъ нельзя поступать съ насиліемъ“, Цицеронъ возводитъ въ принципъ, что политическій дѣятель не долженъ упорно желать того, что уже не угодно болѣе его согражданамъ, и не долженъ тратить свой трудъ на бесполезную оппозицію. Обстоятельства мѣняются, надо мѣняться вмѣстѣ съ ними и приспособляться къ дующему вѣтру, чтобы не разбиться о скалу. Да и значить ли это еще измѣняться? Развѣ нельзя въ сущности желать одного и того же и служить своей странѣ подъ различными знаменами? Можно ли назвать непостояннымъ того, кто защищаетъ, смотря по обстоятельствамъ, мнѣнія, кажушіяся противоположными, если къ одной и той же цѣли можно идти разными дорогами, и развѣ кто не знаетъ, „что для того, чтобы войти въ гавань, надо часто мѣнять направленіе парусовъ?“ Все это не болѣе, какъ общія мѣста, придумываемыя остроумнымъ политическимъ дѣятелемъ для оправданія своихъ слабостей, и спорить о нихъ нечего. Лучшій способъ защитить Цицерона состоитъ въ указаніи на время, въ какое онъ жилъ и какъ мало онъ былъ подходящъ для этого времени. Этотъ изящный писатель, остроумный художникъ слова, этотъ любитель мирныхъ искусствъ, принужденъ былъ жить по капризу судьбы въ одну изъ самыхъ бурныхъ и тревожныхъ историческихъ эпохъ. Что могъ сдѣлать среди этой кровавой борьбы, гдѣ господствовала сила, чловѣкъ досуга и науки, не имѣвшій иного оружія, кромѣ своего слова и постоянно мечтавшій о спокойныхъ удовольствіяхъ гражданина и мирныхъ лаврахъ краснорѣчія? Чтобы противостать натиску отовсюду ему нужно было бы имѣть болѣе мужественную душу, чѣмъ ту, какую онъ таилъ въ своей груди. Событія болѣе могущественныя, чѣмъ онъ, постоянно перепутывали его намѣренія и играли его колеблющейся волей. При своемъ вступленіи въ политическую жизнь онъ выбралъ себѣ девизомъ покой и честь, *otium cum dignitate*; но обѣ эти вещи такого рода, что соединить ихъ вмѣстѣ въ революціонную эпоху не легко и если черезъ-

чуръ хотѣть сохранить одну изъ нихъ, значить почти всегда лишиться другой. Люди съ рѣшительнымъ характеромъ, знающіе это очень хорошо, дѣлають прежде всего выборъ между ними обѣими и смотря по тому, кто это, Катонъ или Атикъ, сразу выбираютъ себѣ или спокойствіе или честь. Нерѣшительные, какъ Цицеронъ, переходятъ отъ одного къ другому, смотря по обстоятельствамъ, и тѣмъ приносятъ вредъ и тому и другому. Въ исторіи жизни Цицерона мы дошли теперь до одного изъ тѣхъ тяжелыхъ моментовъ, когда онъ жертвуетъ честью спокойствію; не будемъ къ нему слишкомъ строгими и вспомнимъ, что въ послѣдствіи онъ пожертвовалъ не только спокойствіемъ, но и жизнью, чтобы спасти свою честь.

II.

Однимъ изъ результатовъ новой политики Цицерона было то, что онъ получилъ возможность хорошо узнать Цезаря. Это не значить, что до того они были чужды другъ другу. Ихъ обоюдная любовь къ литературѣ, общность ихъ литературныхъ занятій привлекали ихъ другъ къ другу еще въ молодости, и изъ этихъ первыхъ никогда не забывающихся отношеній между ними никогда не пропадала взаимная симпатія и расположеніе. Но такъ какъ въ послѣдствіи они примкнули къ противоположнымъ партіямъ, то событія и не замедлили ихъ разлучить. На форумѣ, въ сенатѣ они усвоили себѣ обыкновеніе постоянно держаться противоположныхъ мнѣній, и вполнѣ естественно, что ихъ дружба пострадала отъ горячности ихъ споровъ. Однако, Цицеронъ передаетъ намъ, что даже въ моменты наибольшаго взаимнаго раздраженія Цезарь никогда не могъ ненавидѣть его *)

Политика ихъ разъединила, политика же ихъ и сблизила. Когда Цицеронъ счелъ нужнымъ примкнуть къ партіи триумвировъ, дружескія отношенія между ними возобновились, но на этотъ разъ, взаимное положеніе было очень различно и ихъ отношенія не могли болѣе сохранить прежній характеръ. Старинный сотоварищъ Цицерона сталъ теперь для него покровителемъ. Теперь уже не взаимное влеченіе или

*) *In Pis.*, 32.

общность занятій, а взаимный интересъ и необходимость связывали ихъ вмѣстѣ, и ихъ новый союзъ покоился на нѣкотораго рода взаимномъ соглашеніи, при чемъ одинъ изъ нихъ отдавалъ свой талантъ и немного своей чести, а другой гарантировалъ ему за это безопасность. Надо признаться, что такого рода обстоятельства не благоприятны для зарожденія искренней дружбы. Однако, если читать дружескую переписку Цицерона, тамъ, гдѣ онъ говоритъ на чистоту, нельзя не замѣтить, что онъ нашелъ много привлекательнаго въ этихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ, казавшихся ему первоначально столь затруднительными. Возможно, что это для него еще болѣе отгѣнялось тѣми отношеніями, которыя ему въ то же время приходилось поддерживать съ Помпеемъ. Цезарь по крайней мѣрѣ всегда былъ привѣтливъ и вѣжливъ. Хотя у него было столько важныхъ дѣлъ, онъ всегда находилъ время подумать о своихъ друзьяхъ и пошутить съ ними. Несмотря на свое высокое общественное положеніе, онъ допускалъ, чтобы ему писали „попросту и безъ низкопоклонства *)“. Онъ самъ отвѣчалъ любезными письмами, „полными вѣжливости, предупредительности и вниманія **“, которыя такъ восхищали Цицерона. Помпею, напротивъ, повидимому доставляло удовольствіе оскорблять его своимъ высокомеріемъ. Этотъ надутый честолюбецъ, избалованный поклоненіемъ восточныхъ народовъ и принимавшій на себя видъ триумфатора даже тогда, когда онъ вѣхалъ изъ своего альбанскаго дома въ Римъ, держался всегда повелительнаго и надменнаго тона, который отъ него всѣхъ отталкивалъ. Но помимо высокомерія другою непріятною чертою его характера была скрытность. Онъ до крайности не любилъ дѣлиться своими проектами съ другими; онъ скрывалъ ихъ даже отъ самыхъ преданныхъ своихъ друзей, которымъ нужно было знать ихъ, чтобы оказывать имъ поддержку. Цицеронъ не разъ жаловался, что никогда нельзя знать, чего онъ хочетъ; ему самому случалось попадать въ полный просакъ относительно его истинныхъ намѣреній и, желая угодить ему, навлекать на себя его гнѣвъ. Такая упорная скрытность схо-

*) *Ad. Quint.*, II, 12.

**) *Ibid.*, II, 15.

дила, безъ сомнѣнія, въ глазахъ большинства за глубокую политику, но болѣе проницательные легко открывали ея причину. Если онъ не высказывалъ своего мнѣнія никому, то чаще всего потому, что у него не было никакого мнѣнія, и какъ это случается довольно обыкновенно, молчаніе служило ему для того, чтобы скрывать пустоту. Онъ шелъ на авось, безъ твердыхъ принциповъ и безъ опредѣленной системы и никогда не заглядывалъ дальше текущихъ событій. Событія всегда заставляли его врасплохъ, и онъ прекрасно показалъ, что онъ столько же неспособенъ ими руководить, какъ и предвидѣть. Самое его честолюбіе, бывшее его преобладающею страстью, не имѣло ни точныхъ видовъ, ни опредѣленныхъ притязаній. Какія бы почетныя должности ни предлагали ему для удовлетворенія этой его страсти, чувствовалось всегда, что этого было мало; это было ясно и безъ словъ, такъ какъ онъ старался скрыть это достаточно неудачно. Его обычная тактика была показывать свое пресыщеніе, и онъ хотѣлъ, чтобы ему насильно навязывали то, чего онъ въ сущности страстно добивался. Вполнѣ понятно, что такая комедія, повторяемая слишкомъ часто, не могла обмануть никого. Въ концѣ-концовъ, такъ какъ онъ послѣдовательно нападалъ и защищалъ всѣ партіи, и добиваясь, повидимому, почти царской власти, не пытался разрушить республику въ то время, когда имѣлъ къ этому возможность, то намъ совершенно невозможно угадать, каковы были его намѣренія и планы, да и вообще были ли у него какія либо опредѣленные намѣренія и планы.

Совсѣмъ не то былъ Цезарь. Этотъ, по крайней мѣрѣ, отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ честолюбіи и хорошо зналъ, чего хочетъ. Его планы были составлены имъ еще раньше, чѣмъ онъ вступилъ въ общественную жизнь *); еще въ юности онъ намѣтилъ себѣ цѣль сдѣлаться властителемъ. Эта мысль родилась въ немъ при видѣ совершавшихся на его глазахъ переворотовъ; сознаніе собственной высокой цѣнности и ничтожества его враговъ дали ему силу взяться за это дѣло, а нѣкоторая суевѣрная вѣра въ свою судьбу,

*) Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ историковъ древности. Въ одномъ отрывкѣ изъ письма Цицерона къ К. Аксію, цитируемомъ Светоніемъ (*Caes.*, 9), говорится: *Caesar in consulatu confirmavit regnum de quo aedilis cogitaret.*

руживая въ стремленіи къ ней излишней поспѣшности, но никогда не упуская ее изъ виду. Знать опредѣленно, чего хочешь, качество вообще довольно рѣдкое у людей, особенно въ такія смутныя эпохи, когда добро и зло перемѣшиваются между собою, а между тѣмъ торжество принадлежитъ тѣмъ, кто обладаетъ этой способностью. Главное превосходство Цезаря состояло въ томъ, что среди окружавшихъ его нерѣшительныхъ политическихъ дѣятелей, не имѣвшихъ ни опредѣленныхъ плановъ, ни твердыхъ убѣжденій, ни здороваго честолюбія, онъ только одинъ обладалъ честолюбіемъ ясно сознаваемымъ и только одинъ имѣлъ исполнѣ опредѣленную цѣль. Всѣ сталкивавшіеся съ нимъ невольно испытывали надъ собою превосходство этой могучей и спокойной воли, имѣвшей ясное преставленіе о своихъ планахъ, полное сознаніе своихъ силъ и твердую увѣренность въ побѣдѣ. Самъ Цицеронъ, несмотря на свое предубѣжденіе, испыталъ на себѣ это вліяніе. Видя въ немъ столько послѣдовательности и стойкости, онъ не могъ помѣшать себѣ сдѣлать нелестныя сравненія съ нерѣшительностью и непостоянствомъ его прежняго друга. „Я согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о Помпее, писалъ онъ, не договаривая, своему брату, или вѣрнѣе ты съ моимъ, такъ какъ уже немало времени, какъ я не перестаю воспѣвать Цезаря *)“. И, дѣйствительно, достаточно приблизиться къ истинно гениальному человѣку, чтобы исполнѣ понять пустоту того воображаемаго великаго человека, котораго легкіе успѣхи и напыщенный важный видъ дѣлали такъ долго предметомъ восхищенія для глупцовъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Цезарь былъ однимъ изъ тѣхъ упрямцевъ, которые идутъ наперекоръ событіямъ и не соглашаются никогда ничего измѣнять въ своихъ разсоставленныхъ планахъ. Напротивъ, никто лучше его не умѣлъ примѣняться къ необходимости. Цѣль его оставалась та же, но онъ не колебался, когда это было нужно, пользоваться самыми различными цѣлями для ея достиженія. Именно въ довольно часто встрѣчающаяся у людей, затѣивающихъ великія предпріятія, заранѣе обезпечивала ему успѣхъ. Вотъ почему онъ такъ рѣшительно шелъ къ своей цѣли, не обна-

*) *Ad Quint.*, II, 13.

тотъ самый моментъ, который мы теперь разсматриваемъ, въ его политикѣ произошло одно изъ такихъ видныхъ измѣненій. Момсенъ очень удачно опредѣлилъ, сказавъ, что главное отличіе Цезаря отъ тѣхъ людей, съ которыми его обыкновенно сравниваютъ, отъ Александра и Наполеона, состоитъ въ томъ, что вначалѣ онъ былъ больше государственнымъ человѣкомъ, чѣмъ полководцемъ. Онъ вышелъ не изъ лагеря, какъ они, а лишь вступивъ въ него, по волѣ случая и почти невольно, оказался въ роли завоевателя. Вся его молодость протекла въ Римѣ въ волненіяхъ политической жизни и онъ отправился въ Галлію въ возрастѣ, когда Александръ уже умеръ, а Наполеонъ былъ побѣжденъ.

Очевидно у него было намѣреніе достигъ власти, не прибѣгая къ помощи оружія; онъ рассчитывалъ разрушить республику посредствомъ внутренней и медленной революціи, сохраняя въ такомъ незаконномъ дѣлѣ, насколько возможно, всю видимость законности. Онъ видѣлъ, что народная партія жаждала больше социальныхъ реформъ, чѣмъ дорожила политической свободой, и онъ вполне основательно думалъ, что демократическая монархія какъ разъ придется ей по вкусу. Способствуя всячески безпорядкамъ, тайно участвуя въ дѣлахъ Катилины и Клодія, онъ утомлялъ робкихъ республиканцевъ слишкомъ мятежною свободой и приучалъ ихъ къ мысли добровольно пожертвовать ею ради спокойствія. Онъ надѣялся, такимъ образомъ, что республика, потрясаемая непрерывными волненіями, истощавшими и утомлявшими самыхъ ревностныхъ ея защитниковъ, падетъ въ концѣ концовъ безъ всякаго насилія и шума. И вотъ къ нашему большому удивленію въ тотъ самый моментъ, когда планъ этотъ, столь искусно проводимый, вотъ вотъ готовъ былъ осуществиться, мы видимъ, что Цезарь отъ него сразу отказывается.

Послѣ своего консульства, когда онъ правилъ вполне единолично, принудивъ другого консула къ бездѣйствію, а сенатъ къ молчанію, онъ удаляется изъ Рима на десять лѣтъ, пускаясь на покореніе неизвѣстнаго края. Какая причина могла побудить его къ такому неожиданному измѣненію плана? Хотѣлось бы подумать, что ему надоела та жизнь, полная всякихъ интригъ, какую онъ велъ въ Римѣ,

и онъ захотѣлъ отдаться дѣлу болѣе достойному; но гораздо болѣе вѣроятно то, что, убѣдившись въ неизбѣжномъ предстоящемъ паденіи республики, онъ понялъ, что ему необходимо имѣть за собой войско и военную славу, чтобы взять верхъ надъ Помпеемъ. Слѣдовательно онъ рѣшилъ отправиться въ Галлію ни по увлеченію, ни по страсти, но по зрѣлому размысленію и расчету. Когда онъ принялъ это важное рѣшеніе, столь многопослужившее его величію, ему было уже сорокъ четыре года *). Паскаль находитъ, что начинать въ эти годы слишкомъ поздно и что онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы забавляться завоеваніемъ міра. Совершенно напротивъ, это представляется однимъ изъ самыхъ удивительныхъ усилій этой энергичной воли, что въ возрастѣ, когда привычки устанавливаются безповоротно и человѣкъ безповоротно вступаетъ на тотъ путь, по которому и будетъ идти до конца, Цезарь рѣзко началъ новую жизнь и, бросивъ сразу ремесло народнаго агитатора, которымъ занимался цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, принялся управлять провинціями и руководить войсками. По правдѣ сказать, это зрѣлище представляется намъ болѣе удивительнымъ, чѣмъ оно казалось въ то время. Въ теперешнее время уже не дѣлаются сразу въ пятьдесятъ лѣтъ администраторами и полководцами, и эти обязанности по нашему мнѣнію требуютъ спеціальнаго призванія и продолжительнаго изученія; въ Римѣ же, какъ показываетъ намъ исторія, было совсѣмъ иначе. Развѣ не было незадолго передъ этимъ примѣра, какъ сластолюбивый Лукуллъ, отправляясь командовать войскомъ въ Азію, по дорогѣ обучился военному искусству и по прибытіи побѣдилъ Митридата? Что же касается администраціи, то богатый римлянинъ научался ей на собственныхъ дѣлахъ. Тѣ обширныя имѣнія и тѣ полчища рабовъ, которыми онъ владѣлъ, то завѣдываніе огромнымъ богатствомъ, которое часто превышало богатство нѣсколькихъ государствъ нашего времени, дѣлали его заранѣе не чуждымъ искусству управленія. Точно также и Цезарь, научившійся управлять провинціями и начальствовать надъ войскомъ всего лишь

*) Или только 42, если считать его рожденіе въ 654 г. Относитедьно этого смотри интересныя подробности въ книгѣ *Vie de César* II, глава I.

въ теченіе одного года своего преторства въ Испаніи, не имѣлъ больше надобности ничему учиться для того, чтобы побѣждать Гельветовъ и организовать побѣжденные страны, и онъ сразу явилъ себя и удивительнымъ полководцемъ и геніальнымъ администраторомъ.

Именно въ эту эпоху начались снова его дружескія сношенія съ Цицерономъ и продолжались во все время Галльскихъ войнъ. Цицерону часто приходилось писать ему, рекомендуя ему людей, желавшихъ служить подъ его начальствомъ. Въ это время молодежь считала за честь побывать въ лагерь Цезаря. Помимо желанія принять участіе въ великихъ дѣлахъ подъ руководствомъ такого полководца, многіе тайнѣ надѣялись разбогатѣть въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Извѣстно, какою прелестью обладаетъ обыкновенно неизвѣстное и какъ легко приписывать ему то хорошее, на что надѣешься. Въ то время для человѣческаго воображенія Галлія была тѣмъ, чѣмъ была Америка въ XVI вѣкѣ. Думали, что въ этихъ неизвѣстныхъ для римлянъ странахъ имѣлись цѣлыя груды сокровищъ и всѣ жаждавшіе разбогатѣть спѣшили отправиться къ Цезарю, чтобы получить свою долю добычи. Такой наплывъ людей къ нему не былъ ему не пріятенъ, такъ какъ онъ свидѣтельствовалъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производили его завоеванія, а это было ему на руку. Вотъ почему онъ самъ охотно приглашалъ всѣхъ къ себѣ. Онъ весело писалъ Цицерону, проившему его за какого-то неизвѣстнаго римлянина: „Ты меня просилъ за М. Оффіа; если хочешь, я сдѣлаю его царемъ Галліи, но, быть можетъ, онъ предпочтетъ лучше быть помощникомъ Лепты. Присылай мнѣ, кого хочешь, а я его обогащу“ *). Какъ разъ у Цицерона въ это время было два лица, которыхъ очень любилъ и которые очень желали разбогатѣть, а именно юрисконсультъ Требацій Теста и его родной братъ Квинтъ. Представившійся случай былъ очень удобенъ и онъ воспользовался имъ, чтобы отправить ихъ обоихъ къ Цезарю.

Требацій былъ молодой человѣкъ очень талантливый и трудолюбивый, сильно привязавшійся къ Цицерону и не

*) *Ad fam.*, VII, 5.

разстававшийся съ нимъ. Совсѣмъ еще юношей пріѣхалъ онъ въ Римъ, покинувъ свою родину — бѣдный городокъ Улубры, расположенный посреди Понтійскихъ болотъ, пустынные Улубры, *vacuae Ulubrae*, жителей которыхъ прозывали Улубрскими лягушками. Требацій изучалъ право и, приобретъвъ въ немъ солидныя познанія, онъ, вѣроятно, оказывалъ много услугъ Цицерону, который, кажется, никогда не зналъ хорошо юриспруденціи и находилъ для себя болѣе удобнымъ подсмѣиваться надъ ней, чѣмъ изучать ее. Къ несчастью, такъ какъ юридическія консультаціи по закону не подлежали оплатѣ, юрисконсульты не могли разсчитывать разбогатѣть въ Римѣ. Вотъ почему и Требацій, несмотря на свои обширныя знанія, былъ очень бѣденъ. Цицеронъ, искренно любившій его, рѣшился лишить себя его пріятнаго и полезнаго общества и послалъ его къ Цезарю съ однимъ изъ тѣхъ очаровательныхъ рекомендательныхъ писемъ, писать которыхъ онъ былъ такой мастеръ и въ которыхъ онъ вкладывалъ столько изящества и ума. „Я не прошу у тебя для него, писалъ онъ, ни начальствованія надъ легиономъ, ни мѣста правителя. Я не опредѣляю ничего. Подари ему твое расположеніе, а если впослѣдствіи ты захочешь сдѣлать что либо ради его положенія и извѣстности, то я и противъ этого ничего имѣть не буду. Словомъ, я тебѣ уступаю его цѣликомъ; я передаю его тебѣ, какъ говорятъ, съ рукъ на руки, и надѣюсь, что въ твоихъ надежныхъ и побѣдоносныхъ рукахъ ему будетъ вполне хорошо *)“. Цезарь поблагодарилъ Цицерона за этотъ для него несомнѣнно очень цѣнный подарокъ, „такъ какъ, остроумно замѣтилъ онъ, среди огромнаго множества окружающихъ меня лицъ не найдется ни одного, кто сумѣлъ бы составить самую простую дѣловую записку **)*“.

Требацій очень неохотно покинулъ Римъ; Цицеронъ говорить, что его буквально надо было выгнать изъ него ***). Первое впечатлѣніе отъ Галліи, столь мало походившей на теперешнюю Францію, было, конечно, не таково, чтобы развеселить его. Онъ ѣхалъ черезъ дикія страны, народонасе-

*) *Ad fam* VII, 5.

**) *Ad Quint* II, 15.

***) *Ad fam.*, VII, 6: *nisi te extrusissemus*.

леніе которыхъ еще не помирилось съ завоеваніемъ и было враждебно, и среди всего этого варварства, тягело ложившагося ему на сердце, онъ постоянно вспоминалъ объ удобствахъ и удовольствіяхъ того чуднаго города, который онъ только что покинулъ. Письма, которыя писалъ онъ, были такія отчаянныя, что Цицеронъ, забывая, что и самъ онъ переживалъ то же самое во время своей ссылки, кротко упрекалъ его за эти его, какъ онъ называлъ, глупости. Когда же Требацій пріѣхалъ въ лагерь, то его плохое настроеніе духа еще усилилось. Онъ вовсе не былъ воиномъ и возможно, что всѣ эти Нервы и Атребаты наводили на него страхъ. Онъ прибылъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Цезарь отправлялся въ походъ на Британъ, и подъ какимъ-то предлогомъ отказался сопровождать его туда: можетъ быть, подобно Думнориксу, онъ сослался на то, что боится моря; но и оставаясь, въ Галліи, онъ не избѣгалъ ни опасностей, ни скуки. Зимой въ условіяхъ жизни было много всякихъ неудобствъ; приходилось подъ этимъ суровымъ небомъ страдать и отъ холода и отъ дождя. Лѣтомъ начинались военныя дѣйствія, а съ ними новыя опасности. Требацій все время жаловался на свою судьбу. Его неудовольствіе увеличивалось еще и отъ того, что онъ не сразу нашелъ тѣ выгоды, которыхъ ожидалъ. Онъ поѣхалъ неохотно и жаждалъ вернуться назадъ, какъ можно, скорѣе. Цицеронъ говоритъ, что онъ смотрѣлъ на рекомендательное письмо, данное имъ къ Цезарю, какъ на платежный документъ, подлежащій оплатѣ немедленно по предъявленіи *). Онъ представилъ себѣ, что ему достаточно только явиться, чтобы забрать деньги и уѣхать. Впрочемъ, не ради однихъ денегъ пріѣхалъ онъ въ Галлію; онъ рассчитывалъ пріобрѣсти здѣсь положеніе и значеніе. Онъ желалъ, чтобы Цезарь поближе узналъ его и оцѣнилъ. „Ты все же предпочелъ бы, пишешь ему Цицеронъ, чтобы съ тобой совѣтовались, чѣмъ если бы просто осыпали золотомъ **“. А Цезарь былъ такъ занятъ, что доступъ къ нему былъ очень труденъ, да, онъ сначала и не обратилъ особаго вниманія на этого ученаго юрискон-

*) *Ad fam.*, VII, 17.

**) *Ibid.*, VII, 13.

сульты, пріѣхавшаго къ нему изъ Рима. Онъ ограничился тѣмъ, что предложилъ ему положеніе и преимущества военнаго трибуна, конечно, безъ исполненія его обязанностей. Требацій не считалъ это достаточной наградой за продолжительное путешествіе и за окружающія постоянно опасности и подумывалъ о возвращеніи. Цицерону стоило не малаго труда помѣшать ему сдѣлать этотъ шагъ. Мнѣ думается, что во всей его перепискѣ нѣтъ писемъ остроумнѣе и пріятнѣе тѣхъ, какія онъ писалъ Требацію, чтобы убѣдить его остаться. Съ этимъ малоизвѣстнымъ молодымъ человекомъ, къ которому онъ чувствовалъ горячее расположеніе, Цицеронъ держалъ себя совершенно непринужденно. Онъ позволялъ себѣ свободно смѣяться, что дѣлалъ далеко не при всѣхъ, и смѣялся тѣмъ охотнѣе, что зналъ, что тому невесело и желалъ его утѣшить. По моему, его старанія развеселить своего несчастнаго друга дѣлають его шутки почти трогательными, при чемъ его чувство придаетъ здѣсь еще больше прелести его уму. Иногда онъ добродушно подсмѣивается надъ нимъ, чтобы заставить его улыбнуться, а иногда вышучиваетъ его въ такихъ вѣщахъ, въ какихъ онъ зналъ, что это не будетъ обидно для Требація. Напримѣръ, однажды онъ проситъ него прислать ему подробное описаніе похода. „Въ разсказахъ о битвахъ, пишетъ онъ ему, я болѣе всего довѣряю наиболѣе трусливымъ *)“; вѣроятно потому, что держась вдали отъ битвы, они лучше могутъ охватить ее въ цѣломъ. Въ другой разъ, высказавъ нѣкоторое опасеніе по поводу того, что онъ подвергается столькимъ опасностямъ, онъ прибавляетъ: „Къ счастью, я знаю твою осторожность; ты гораздо смѣлѣе, когда требуешь къ суду, чѣмъ когда нападаешь на непріятеля и я вспоминаю, что ты, хотя и хорошій пловецъ, но не пожелалъ отправиться въ Британь изъ боязни выкупаться въ океанѣ **).“ Чтобы успокоить его нетерпѣніе, онъ пугаетъ его злыми насмѣшками. Не боится ли онъ, если вернется, попасть къ Лаберію въ одинъ изъ его мимовъ? А какую смѣшную фигуру представлялъ бы въ комедіи трусливый юрисконсультъ, таскающійся въ хвостѣ войска и упражняющійся въ своемъ

*) *Ad fam.*, VII, 18.

**) *Ibid.*, VII, 10.

искусствѣ среди варваровъ; для того же, чтобы не допустить шутокъ и насмѣшекъ, надо нажить состояніе. Пусть онъ вернется попозже, зато вернется богатымъ: Бальбъ это общалъ. А вѣдь Бальбъ—банкиръ; онъ говоритъ не въ смыслѣ стойковъ, утверждающихъ, что всякій достаточно богатъ, если можетъ наслаждаться зрѣлищемъ неба и земли; онъ говоритъ, какъ римлянинъ, и это значитъ, что онъ вернется съ достаточнымъ количествомъ золотыхъ монетъ, *more romano bene punitum*. Требацій остался и сдѣлалъ очень хорошо. Цезарь не замедлилъ обратить на него вниманіе и подарить его своей дружбой. Да и самъ онъ попривыкъ къ жизни въ лагеряхъ и сталъ даже менѣе трусливъ, чѣмъ былъ при своемъ прибытіи. Возможно, что онъ вернулся богатымъ, какъ это предсказалъ ему Бальбъ, такъ какъ если въ Галліи и не было всѣхъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ тамъ жаждали, то все же щедрость Цезаря была неисчерпаемымъ источникомъ, обогащавшимъ всѣхъ его друзей. Впослѣдствіи Требацій пережилъ трудныя времена, сохранивъ репутацію честнаго человѣка; эту справедливость воздають ему всѣ партіи, хотя вообще онъ не склонны къ справедливости. На его долю выпалъ счастливый и рѣдкій жребій избѣгнуть всѣхъ опасностей гражданскихъ войнъ и онъ дожилъ до временъ Горація, посвятившаго ему одну изъ самыхъ пріятныхъ своихъ сатиръ. Изъ нея мы видимъ, что въ это время это былъ любезный и добродушный старецъ, охотно смѣявшійся и шутившій съ молодежью. Безъ сомнѣнія, онъ рассказывалъ ей о той великой эпохѣ, однимъ изъ послѣднихъ очевидцевъ которой онъ являлся, о войнѣ съ Галлами, въ которой онъ принималъ участіе, о Цезарѣ и его военачальникахъ, которыхъ онъ зналъ лично. Благодаря преимуществу такого своего возраста онъ могъ говорить о Лукреціи съ Вергиліемъ, о Цицеронѣ съ Титомъ Ливіемъ, о Катуллѣ съ Проперціемъ и составлялъ собою какъ бы переходное и живое звено между двумя самыми выдающимися эпохами латинской литературы.

Другимъ лицомъ, также посланнымъ Цицерономъ къ Цезарю, былъ его братъ Квинтъ. Такъ какъ онъ занималъ довольно важное мѣсто въ его жизни и, кромѣ того, сыгралъ важную роль и въ Галльской войнѣ, то я полагаю умѣст-

нымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Хотя онъ учился тому же, какъ и его братъ, и слушалъ тѣхъ же учителей, онъ никогда не имѣлъ никакого влеченія къ краснорѣчію и постоянно отказывался говорить публично. „Достаточно, говорилъ онъ, одного оратора въ семьѣ и даже въ городѣ“. *) Онъ былъ тяжелаго и непостояннаго характера и часто безпричинно впадалъ въ безудержный гнѣвъ. Облаая, повидимому, большой энергіей, онъ, однако, скоро терялъ мужество и хотя по внѣшности всегда казался властительнымъ, на дѣлѣ его проводили всѣ окружающіе. Эти недостатки, втайнѣ огорчавшіе Цицерона, хотя онъ и старался оправдывать ихъ, помѣшали Квинту имѣть успѣхъ въ общественной жизни, да внесли немало непріятностей и въ его частную жизнь.

Его очень рано женили на Помпоніи, сестрѣ Аттика. Этотъ бракъ, придуманный обоими друзьями для закрѣпленія своей дружеской связи, чуть чуть ее не разрушилъ. Оба супруга оказались съ твердыми характерами: оба были вспыльчивы и рѣзки и никогда не могли столковаться. Ихъ семейная жизнь была окончательно разстроена, наконецъ, тѣмъ безграничнымъ вліяніемъ, какое взялъ надъ своимъ господиномъ его рабъ Стацій. По этому поводу намъ было бы легко показать изъ писемъ Цицерона, какимъ вліяніемъ пользовался зачастую рабъ въ древнихъ семьяхъ: оно было даже больше, чѣмъ это можно предполагать. Теперь, когда слуга свободенъ, казалось бы естественнѣе, если бы онъ занялъ въ нашихъ домахъ болѣе важное мѣсто. Между тѣмъ, получилось совсѣмъ обратное, и онъ потерялъ въ своемъ вліяніи то, что онъ выигралъ въ своемъ достоинствѣ. Сдѣлавшись независимымъ господиномъ, онъ заставилъ своего господина считаться съ собою. Они живутъ вмѣстѣ, связанные временнымъ договоромъ, который, налагая на нихъ обоюдныя обязательства, повидимому, стѣсняетъ того и другого. Такъ какъ этотъ непрочный договоръ можетъ быть разорванъ въ любой моментъ и эти сотрудники сегодняшняго дня могутъ стать наавтра другъ другу безразличными или даже враждебными, то между ними нѣтъ уже мѣста ни для

*) *De orat.*, II, 3.

искренности, ни для довѣрчивости, и все время, пока ихъ соединяетъ случай они живутъ во взаимномъ недоувѣрїи и полуборьбѣ. Совсѣмъ не такъ было въ древности, когда процвѣтало рабство. Тогда слуга и господинъ были связаны ни на короткій моментъ, а на всю жизнь, вотъ почему они и старались узнать другъ друга и приспособиться. Добиться благосклонности господина было цѣлой будущностью для раба, и онъ всячески старался добиться этого. Такъ какъ ему нечего было защищать и оберегать, то онъ и отдавался ему цѣликомъ. Онъ льстилъ и потворствовалъ безъ стѣсненія самымъ дурнымъ его страстямъ и, въ концѣ-концовъ, дѣлался для него необходимымъ. А войдя въ его интимность, благодаря ежеминутной угодливости и тѣмъ скрытымъ и тайнымъ услугамъ, которыхъ отъ него не стыдились требовать и въ которыхъ онъ никогда не отказывалъ, онъ прїобрѣталъ въ семьѣ значеніе, такъ что можно поистинѣ сказать, какъ бы страннымъ не казалось это съ перваго раза, что никогда слуга не былъ такъ близко къ тому, чтобы быть господиномъ, какъ именно въ ту эпоху, когда онъ былъ рабомъ. Это именно и случилось со Стаціемъ. Узнавъ всѣ слабыя стороны Квинта, онъ такъ хорошо вкрался въ его довѣріе, что подчинилъ себѣ весь домъ. Возмущалась только одна Помпонія и непрїятности, испытываемыя ею въ своей домашней жизни по этому поводу, дѣлали ее еще болѣе невыносимой. Она безъ конца язвила мужа обидными словами; отказывалась являться на устраиваемыхъ имъ обѣдахъ подъ предлогомъ, что она чужая въ его домѣ или если и соглашалась появиться, то лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать гостей свидѣтелями самыхъ непрїятныхъ сценъ. Вѣроятно, въ одинъ изъ такихъ дней, когда она была своенравнѣе и упрямѣе, чѣмъ обыкновенно, Квинтъ сочинилъ слѣдующія двѣ эпиграммы, единственный дошедшій до насъ образчикъ его поэтическаго таланта:

„Довѣрай свой корабль вѣтрамъ, но не довѣрай своей души женщинѣ. Скорѣй можно положиться на прихоть волнъ, чѣмъ на слова женщины“.

„Нѣтъ женщины, которая была бы добра, а если бы такая случайно и нашлась, то я не знаю, какъ могло случиться, что вещь дурная сама по себѣ могла оказаться на время хорошею“.

Объ эти эпиграммы не очень то любезны, но ихъ надо простить несчастному мужу сварливой Помпоніи.

Насколько частная жизнь Квинта не была счастлива, настолько же политическая жизнь не была блестяща. Тѣ важныя должности, которыя онъ занималъ, онъ былъ обязанъ ими болѣе громкой извѣстности своего брата, чѣмъ собственнымъ заслугамъ; съ своей стороны, онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы заслужить ихъ. Сперва онъ былъ эдиломъ и преторомъ, а затѣмъ былъ назначенъ правителемъ Азіи. Для такого характера, какъ его, было труднымъ испытаніемъ получить въ свои руки почти безграничную власть. Отъ нея у него голова пошла кругомъ; его жестокость, ничѣмъ не сдерживаемая, перестала знать себѣ мѣру; подобно восточному деспоту, онъ только и звалъ, что жечь и вѣшать. Особенно хотѣлось ему заслужить славу праведнаго судьи. Однажды въ одной части своей провинціи ему пришлось зашить въ одинъ мѣшокъ и бросить въ воду двухъ отцеубійцъ; посѣтивъ другую часть провинціи, онъ пожелалъ и тамъ устроить такое же зрѣлище, чтобы никому не было завидно. И вотъ онъ сталъ стараться схватить нѣкоего Зевксиса, довольно вліятельнаго человѣка, нѣкогда обвинявшагося въ убійствѣ своей матери, но оправданнаго судомъ. Къ пріѣзду правителя Зевксисъ, предупрежденный объ его намѣреніяхъ, скрылся, и Квинтъ, огорченный, что изъ его рукъ ускользнулъ матереубійца, началъ писать ему самыя нѣжныя письма, приглашая его вернуться. Однако, обыкновенно онъ не былъ такъ коваренъ и высказывался болѣе откровенно. Онъ приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ - схватить и сжечь живымъ нѣкоего Лицинія и его сына, обвиненныхъ въ лихоимствѣ. Онъ писалъ одному римскому всаднику по имени Капіену, „что онъ еще надѣится задушить его когда нибудь въ дыму при одобреніи всей провинціи“ *). Правда, когда его упрекали за эти яростныя письма, онъ отвѣчалъ, что это просто шутки, что онъ хотѣлъ только посмѣяться. Станный способъ шутить, обнаруживающій варварскую натуру. А вѣдь Квинтъ былъ человекомъ образованнымъ, онъ читалъ Платона и Ксенофонта,

*) *Ad Quint.*, I, 2.

прекрасно говорилъ по гречески и даже въ свободное время сочинялъ трагедіи. По всей видимости онъ былъ цивилизованнымъ воспитаннымъ человѣкомъ, но только по видимости. У самыхъ благовоспитанныхъ римлянъ цивилизація часто не шла глубже одной внѣшности и подъ изящной видимостью въ нихъ скрывалась грубая и дикая душа этой безжалостной воинственной расы.

Квинтъ вернулся изъ своей провинціи съ достаточно плохой извѣстностью, но всего удивительнѣе то, что онъ вернулся, не разбогатѣвъ. Очевидно, онъ не такъ сильно вымогалъ, какъ другіе его коллеги, и онъ сумѣлъ привезти достаточно денегъ, чтобы хотя бы зачинить тѣ прорѣхи, какія онъ причинилъ своему состоянію своимъ управленіемъ; состояніе его было сильно растроено его расточительностью, такъ какъ у него, подобно брату, была слабость покупать и строить; кромѣ того, онъ любилъ рѣдкія книги и возможно также, что не умѣлъ отказывать своимъ любимымъ рабамъ. Ссылка Цицерона довершила разстройство его дѣлъ, а когда онъ вернулся изъ нея, Квинтъ былъ совершенно разоренъ. Это не помѣшало ему, даже въ моментъ самой настоящей своей нужды, отстроить себѣ домъ въ Римѣ, купить загородный домъ въ Арпинумѣ и другой въ предмѣстьѣ города, построить въ своей Арепейской виллѣ бани, портики, садки и устроить такую прекрасную дорогу, что ее принимали за государственную. Правда, что бѣдственное положеніе римлянина того времени могло сойти за благосостояніе многихъ нашихъ вельможъ. Однако, насталъ такой день, когда Квинтъ очутился совершенно въ рукахъ своихъ кредиторовъ и не могъ уже нигдѣ болѣе найти себѣ кредита. Тогда онъ прибѣгъ къ послѣднему источнику, остававшемуся для запутавшихся должниковъ: онъ отправился къ Цезарю.

Такимъ образомъ, не одна только любовь къ славѣ влекла Квинга въ Галлію; онъ отправлялся туда, какъ и многіе другіе, чтобы разбогатѣть. До сихъ поръ результатъ не вполне оправдывалъ надежды, и у такихъ народовъ, какъ Белги и Германцы, не нашли всѣхъ тѣхъ сокровищъ, на которыя рассчитывали; но при всемъ томъ все еще не теряли надежды: вмѣсто того, чтобы отказаться отъ этой созданной

воображеніемъ блестящей химеры, послѣ каждой неудачи все дальше отодвигали то волшебное мѣсто, гдѣ должно было скрываться сокровище. Такъ какъ именно въ это время собирались напасть на Британію, то это мѣсто и помѣщали въ Британіи. Всѣ рассчитывали тамъ разбогатѣть и самъ Цезарь, по словамъ Светонія, надѣялся вывести оттуда много жемчуга*). Эти надежды были еще разъ обмануты. Въ Британіи не оказалось ни жемчуга, ни золотыхъ рудниковъ. Съ большимъ трудомъ удалось захватить незначительное количество плѣнниковъ, не имѣвшихъ особой цѣнности, такъ какъ изъ нихъ нельзя и думать было сдѣлать литераторовъ или музыкантовъ. вмѣсто всякаго богатства этотъ народъ имѣлъ лишь тяжелыя повозки, стоя на которыхъ они и сражались съ большимъ мужествомъ. Вотъ почему Цицеронъ писалъ шутливо Требацію, сообщавшему ему объ этомъ разочарованіи войска: „Такъ какъ ты не находишь тамъ ни золота, ни серебра, то мой совѣтъ тебѣ захватить одну изъ британскихъ повозокъ и ѣхать на ней къ намъ въ Римъ безъ остановки“**). Квинтъ былъ почти того же мнѣнія. Хотя онъ встрѣтилъ хорошій пріемъ со стороны Цезаря и послѣдній назначилъ его однимъ изъ своихъ помощниковъ, но когда онъ увидалъ, что богатство не приходитъ такъ скоро, какъ онъ надѣялся, то упалъ духомъ и, подобно Требацію, одно время подумывалъ о возвращеніи, но Цицеронъ, на этотъ разъ уже не шутившій, не позволилъ ему это сдѣлать.

Этимъ онъ оказалъ ему очень важную услугу, такъ какъ именно во время этой зимы, слѣдовавшей за походомъ въ Британію, Квинтъ имѣлъ случай совершить геройское дѣло, давшее ему уваженіе въ глазахъ военныхъ людей. Хотя онъ съ увлеченіемъ читалъ Софокла и самъ сочинялъ трагедіи, но въ сущности онъ былъ не больше, какъ воинъ. Предъ лицомъ врага онъ ощутилъ въ себѣ и обнаружилъ такую энергію, какую въ немъ трудно было предполагать. Среди возставшаго населенія въ окопахъ, возведенныхъ на скорую руку и въ одну ночь, онъ сумѣлъ всего съ однимъ легіо-

*) *Caes.*, 47.

**) *Ad. fam.*, VII, 7.

номъ защищать лагерь, порученный его охранѣ Цезаремъ и отразить безчисленныхъ непріятелей, только что разбившихъ римскую армію. Онъ сумѣлъ мужественно отвѣтить на всѣ ихъ дерзкія выходки. Хотя онъ чувствовалъ себя больнымъ, онъ обнаружилъ тѣмъ не менѣе удивительную дѣятельность, и только волненіе между его воинами заставило его поберечь себя. Я не стану возвращаться къ подробностямъ этого дѣла, такъ прекрасно рассказаннаго Цезаремъ въ его *Комментаріяхъ* и принадлежащаго къ числу наиболѣе славныхъ дѣлъ Галльской войны. Этотъ прекрасный воинскій подвигъ реабилитируетъ Квинта; онъ сглаживаетъ мелкія недостатки его характера и помогаетъ ему съ большимъ достоинствомъ вести свою неблагодарную и трудную роль младшаго брата великаго человѣка.

III.

Цицеронъ очень хорошо предвидѣлъ, что хотя Цезарь, составляя свои *Комментаріи*, и говорилъ, что его единственное намѣреніе—это приготовить матеріалъ для исторіи, тѣмъ не менѣе совершенство этого произведенія послужило препятствіемъ для всѣхъ благоразумныхъ людей вновь начинать его. Вотъ почему и Плутархъ и Діонъ остерегались его передѣлывать; они довольствовались тѣмъ, что сократили его, и въ настоящее время мы знаемъ о Галльской войнѣ лишь то, что намъ рассказалъ тотъ, кто былъ ея героемъ. Какъ бы ни былъ совершененъ этотъ рассказъ, или вѣрнѣе именно благодаря этому самому его совершенству, намъ трудно имъ удовлетвориться. Таково вообще свойство прекрасныхъ произведеній: вмѣсто того, чтобы удовлетворить общественную любознательность, они, напротивъ, разжигаютъ ее. Заинтересовывая насъ рассказываемыми событіями, они возбуждаютъ въ насъ желаніе узнать ихъ поподробнѣе, и однимъ изъ признаковъ несомнѣннаго ихъ успѣха служить то, что читатель не довольствуется ими и желаетъ знать больше того, что въ нихъ говорится. Эта потребность знать новыя подробности объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій исторіи дѣлаетъ для насъ особенно цѣнными тѣ письма, которыя Цицеронъ писалъ Требацію и своему брату. Хотя ихъ немного и они короче, чѣмъ бы намъ

хотѣлось, но достоинство ихъ въ томъ, что они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, что Цезарь рассказываетъ о своихъ походахъ. Такъ какъ письма эти болѣе интимны, чѣмъ разска-зъ, составленный для публики, то они и вводятъ насъ глубже въ частную жизнь побѣдителя галловъ; они даютъ намъ возможность проникнуть въ его палатку, въ минуты его отдыха и покоя, о чемъ онъ самъ и не подумалъ разсказать намъ. Такое естественное дополненіе къ *Комментаріямъ* крайне поучительно, и если мы хотимъ получше ознакомиться съ Цезаремъ и его окружавшими, то лучше всего сдѣлаемъ, если соберемъ изъ этихъ писемъ разсѣянные въ нихъ подробности.

Мнѣ думается, что войско Цезаря вовсе не походило на тѣ старинныя римскія войска, которыя описываются намъ такими мрачными и умѣренными, трепещущими постоянно предъ наказаніемъ и все время подчиненными непреклонной дисциплинѣ. Войско Цезаря несомнѣнно держалось очень строго въ минуту опасности и покорно подчинялось этому. Никакое другое войско не переносило столько лишеній и не выполняло столько великихъ дѣлъ. Но когда опасность проходила, дисциплина ослабѣвала. Цезарь разрѣшалъ своимъ воинамъ отдыхъ, а иногда и развлеченія. Онъ позволялъ имъ носить блестящія доспѣхи и даже рядиться. „Что за бѣда, если они душатся? говорилъ онъ. Они умѣютъ также и сражаться *)“. И однако эти воины, которыхъ помпейцы называли изнѣженными, терпя всякую нужду отъ голода въ Диррахіумѣ, объявляли, что они скорѣе будутъ ѣсть кору съ деревьевъ, чѣмъ выпустятъ Помпея. Набирались они большей частью среди цизальпійскихъ галловъ, у которыхъ римская цивилизація не отняла первоначальныхъ ихъ качествъ; добродушная и отважная раса эта любила войну и вела ее весело. Военачальники очень походили на воиновъ; они были предприимчивы и неукротимы, находчивы въ минуту опасности и больше полагались на самихъ себя, чѣмъ на правила и предписанія. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что ни одинъ изъ нихъ не приобрѣлъ извѣстности въ прежнія войны. Цезарь, повидимому, желалъ, чтобы ихъ

*) Светоній, *Caes.*, 67.

военная слава начиналась только съ него. Нѣкоторые изъ нихъ, а среди нихъ, быть-можетъ, самый выдающійся — Лабіѣнъ, были его политическими друзьями, такими же старинными заговорщиками, какъ и онъ, сдѣлавшіеся по его примѣру и почти безъ всякой подготовки превосходными вождями. Другіе, какъ Фабій Максимъ и Сервій Гальба, напротивъ, носили знаменитые имена; это были или сторонники, набранные имъ заблаговременно изъ аристократіи, или заложники, взятые имъ у нея. Большинство изъ нихъ, какъ-то: Крассъ, Планкъ, Волкацій Туллій, Децимъ Брутъ и въ послѣдствіи Полліонъ, были молодые люди, пользовавшіеся его явнымъ предпочтеніемъ; на нихъ онъ охотно полагался въ своихъ отважныхъ предпріятіяхъ. Онъ любилъ молодость и по естественной склонности и по политическимъ соображеніямъ: такъ какъ она не принадлежала еще ни къ какой партіи, и такъ какъ она не успѣла еще привязаться къ республикѣ, служа ей, то онъ и надѣялся, что ей легче всего будетъ привыкнуть къ тому новому режиму, который онъ собирался установить.

Обычная свита проконсула состояла не изъ однихъ только этихъ его помощниковъ, число которыхъ было различно. Сюда надо еще присоединить и ту толпу молодыхъ римлянъ, дѣтей знаменитыхъ домовъ, заранѣе по своему происхожденію предназначенныхъ къ почетной дѣятельности, которые пріѣзжали къ нему изучать подъ его руководствомъ веденіе войны. Они назывались его сотоварищами по шатру, *contubernales*. Такіе же войны, какъ и всѣ другіе, такъ же, какъ и всѣ, рисковавшіе собою въ дни битвъ, послѣ сраженія они снова становились друзьями, товарищами вождя, за которымъ они и слѣдовали во всѣхъ его экспедиціяхъ, подобно кліентамъ, сопровождавшимъ своего патрона по городу. Они присутствовали при его разговорахъ, они дѣлили съ нимъ всѣ часы его отдыха и удовольствія, они возсѣдали за его столомъ, они окружали его, когда онъ вершилъ свой судъ, — словомъ, составляли то, что называлось когортой претора (*praetoria cohors*). Говорили, будто Сципіонъ Африканскій придумалъ это средство, чтобы поднять значеніе верховной власти въ глазахъ покоренныхъ народовъ, а послѣ него всѣ правители ревностно заботились

о сохраненіи всей этой внѣшности, придававшей имъ больше важности. Но это еще не все, на-ряду съ военными тамъ имѣлось мѣсто и для лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній и занятій. Для управленія этими обширными странами, находившимися подъ властью проконсула, могли требоваться и искусные финансисты, и свѣдующіе секретари, и даже ученые юрисконсульты. Вотъ почему даже Требацій, миролюбивый и ученый Требацій, не былъ лишнимъ въ свитѣ этого войска и имѣлъ случай примѣнять свои знанія даже у Нервійцевъ и Белговъ. Если къ этимъ лицамъ, которымъ ихъ болѣе или менѣе серьезныя обязанности придавали извѣстное значеніе, прибавить еще толпу мелкихъ служащихъ и низшихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: ликторовъ, приставовъ, писцовъ, переводчиковъ, врачей, домашнихъ слугъ и даже гадателей, то мы получимъ тогда нѣкоторое представленіе о той поистинѣ царской свитѣ, какую влачилъ обыкновенно за собою проконсулъ.

Свита Цезаря должна была быть даже пышнѣе другихъ. Десять легіоновъ, находившихся подъ его начальствомъ, а также обширность тѣхъ странъ, которыя онъ покорилъ и которыми управлялъ, объясняютъ, почему онъ былъ окруженъ такимъ множествомъ военныхъ и всякихъ другихъ лицъ. Къ тому же онъ и самъ любилъ пышность. Онъ охотно принималъ всѣхъ, кто къ нему являлся и всегда находилъ для нихъ какія-либо занятія, чтобы ихъ удержать. Даже въ этихъ дикихъ странахъ ему доставляло удовольствіе поражать ихъ своимъ пріемомъ. Световій рассказываетъ, что онъ повсюду возилъ съ собою разборный паркетный или мозаичный полъ и всегда имѣлъ у себя два готовыхъ стола для угощенія посѣщавшихъ его богатыхъ римлянъ и знатныхъ провинціаловъ *). Его помощники подражали ему, и Пинарій писалъ Цицерону, что онъ былъ въ восторгѣ отъ обѣдовъ его брата Квинта **). Это не значитъ, что Цезарь лично дорожилъ очень этими пышными обѣдами и этой богатой обстановкой. Какъ извѣстно, онъ былъ очень воздерженъ и при нуждѣ могъ спать подъ

*) Светоній, *Caes.*, 46 и 48.

**) *Ad Quint.*, III, 1.

открытымъ небомъ и вѣсть, не морщась, прогорклое масло; онъ любилъ представительность и пышность. Хотя республика и существовала еще, но онъ уже былъ почти царемъ; въ его лагеряхъ, въ Британи и Германіи, у него были свои приспѣшники и клевреты. Доступъ къ нему былъ не легокъ; Требацій испыталъ это на себѣ, а мы знаемъ, какъ долго онъ не могъ добратъся до него. Несомнѣнно, Цезарь не принималъ людей съ тѣмъ напыщеннымъ и суровымъ высокомеріемъ, которое такъ отталкивало отъ Помпея, но при всемъ томъ, какъ бы ни старался онъ быть любезнымъ, въ немъ всегда чувствовалось нѣчто, что внушало почтеніе, и за всей его простотой въ обращеніи со всѣми тайлось внутреннее сознаніе собственнаго превосходства. Этотъ защитникъ демократіи былъ тѣмъ не менѣе аристократомъ, никогда не забывавшимъ своего происхожденія и охотно говорившимъ о своихъ предкахъ. Въ самомъ началѣ его политической карьеры, когда онъ съ такой горячностью нападалъ на учрежденія Суллы и старался вернуть трибунамъ ихъ былую власть, онъ въ то же время произнесъ по поводу своей умершей тетки похоронную рѣчь, сплошь наполненную генеалогической выдумкой, гдѣ онъ торжественно описывалъ, что его родъ ведетъ свое начало одновременно и отъ царей и отъ боговъ. Впрочемъ, въ этомъ онъ слѣдовалъ традиціямъ Гракховъ, его знаменитыхъ предшественниковъ. Они также горячо защищали народные интересы, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ гордымъ изяществомъ своихъ манеръ свое аристократическое происхожденіе. Извѣстно, что при ихъ вставаніи отъ сна по утрамъ присутствовала цѣлая толпа ихъ кліентовъ и что они первые вздумали дѣлать между ними различія, напоминающія большіе и малые выходы Людовика XIV.

Но что всего замѣчательнѣе въ этой толпѣ, окружавшей Цезаря, это ея любовь къ литературѣ. Правда, времена были уже не тѣ, когда римскіе полководцы приказывали сжигать литературныя произведенія или хвалились собственнымъ невѣжествомъ. Начиная со временъ Муммія и Марія, литература окончательно проникла въ лагеря, которые, какъ извѣстно, являются для нея мѣстопробываніемъ довольно необычнымъ. Однако, я думаю, что ни въ одномъ войскѣ ни-

когда не было собрано вмѣстѣ столько образованныхъ любителей литературы, столько талантливыхъ и свѣтскихъ людей, какъ въ войскѣ Цезаря. Почти всѣ помощники Цезаря были близкими друзьями Цицерона и всѣ они ревностно старались поддерживать тѣсныя сношенія съ тѣмъ, на кого въ Римѣ смотрѣли, какъ на оффиціального патрона литературы. Крассъ и Планкъ научились краснорѣчію, выступая подъ его руководствомъ, а изъ дошедшихъ до насъ писемъ Планка, изъ ихъ ораторской многорѣчивости, видно, что онъ хорошо воспользовался его уроками. Требоній, побѣдитель Марсели, особенно восхищался островами Цицерона и даже издалъ ихъ отдѣльнымъ сборникомъ. Цицеронъ, которому подобное восхищеніе, конечно, не могло не нравиться, находилъ, однако, что издатель ввелъ въ предисловіе слишкомъ много отсебятины, подъ предлогомъ подготовить эффектъ для остротъ и дать возможность ихъ лучше оцѣнить. „Когда дѣло доходитъ до меня,—говорилъ онъ,—то смѣха уже не хватаетъ“. Гирцій былъ выдающимся историкомъ, въ послѣдствіи взявшимъ на себя трудъ закончить *Комментаріи* Цезаря. Мацій, преданный другъ Цезаря, показавшій себя достойнымъ этой дружбы, оставшись ему вѣрнымъ, переводилъ *Иліаду* латинскими стихами. Квинтъ также былъ поэтомъ, но поэтомъ трагическимъ. Тою зимою, когда ему пришлось сражаться съ Нервійцами, его охватилъ такой поэтической пылъ, что онъ сочинилъ четыре пьесы въ шестнадцать дней; признаться, это значитъ обращаться съ трагедіей нѣсколько по военному. Лучшую, по его мнѣнію, изъ этихъ пьесъ, *Эригона*, онъ отослалъ своему брату, но она затерялась въ дорогѣ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь распоряжается Галліей, — писалъ ему Цицеронъ,—только одна *Эригона* не могла доѣхать въ безопасности *)“. Странно, безъ сомнѣнія, встрѣтить сразу въ войскѣ Цезаря столько талантливыхъ писателей, но еще удивительнѣе то, что всѣ эти римскіе всадники, слѣдовавшіе за войскомъ и добивавшіеся отъ Цезаря мѣстовъ поставщиковъ и подрядчиковъ, провіантмейстеровъ и откупщиковъ, повидимому, также очень любили литературу, что

*) *Ad Quint.*, III, 9.

собственно не вяжется съ ихъ стремленіями и цѣлью. Мы видимъ, что одинъ изъ нихъ, Лента, благодаритъ Цицерона за присылку ему трактата о риторикѣ, какъ человѣкъ способный оцѣнить такой подарокъ. Испанецъ Бальбъ, этотъ образованный банкиръ и ловкій администраторъ, сумѣвшій привести въ образцовый порядокъ не только финансы Рима, но что еще удивительнѣе даже финансы Цезаря, имѣлъ къ философіи гораздо большее пристрастіе, чѣмъ того можно было бы ожидать отъ банкира. Онъ спѣшилъ снимать для себя копии съ новыхъ произведеній Цицерона, раньше чѣмъ они сдѣлаются извѣстными публикѣ и хотя по своему характеру онъ былъ скромнѣйшій человѣкъ, ему случалось дѣлать нескромности, чтобы первому ихъ прочесть.

Среди всей этой массы лицъ, любившихъ литературу, Цезарь всетаки стоялъ на первомъ мѣстѣ. Литература вполне соответствовала его изящной натурѣ и, безъ сомнѣнія, представлялась ему самымъ пріятнымъ занятіемъ и отдыхомъ для развитого ума. Я не стану, однако, утверждать, что онъ питалъ къ ней любовь вполне безкорыстную, такъ какъ намъ извѣстно, что эта любовь удивительно хорошо обслуживала его политику. Ему необходимо было, во что бы то ни стало, расположить къ себѣ общественное мнѣніе, а на него ничто такъ не дѣйствуетъ, какъ превосходство ума въ соединеніи съ превосходствомъ силы. Его главные произведенія всѣ написаны съ этой предвзятой мыслью и съ этой точки зрѣнія можно сказать, что и писанія его входили въ кругъ его политическихъ дѣйствій. Не для того только, чтобы плѣнить нѣсколькихъ прежнихъ любителей литературы, онъ написалъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Галліи свои *Комментаріи* и написалъ съ быстротой, повергшей въ удивленіе его друзей. Онъ хотѣлъ не дать римлянамъ позабыть объ его побѣдахъ; онъ желалъ рассказать о нихъ въ интересной формѣ, оживить ихъ, и если возможно даже увеличить въ свое время произведенное впечатлѣніе. Когда онъ сочинялъ объ книгѣ *Аналоги*, онъ по всей вѣроятности рассчитывалъ поразить римлянъ видомъ полководца, который, по выраженію Фронтонъ, „занимался изученіемъ словъ въ то время, какъ стрѣлы разсѣкали воздухъ и изслѣдовалъ законы языка при шумѣ рожковъ и трубъ“.

Цезарь зналъ, какую пользу его слава можетъ извлечь изъ этихъ контрастовъ, и какъ велико будетъ удивленіе въ Римѣ, когда изъ такой невѣроятной дали придетъ его трактатъ по грамматикѣ одновременно съ извѣстіемъ о какой-либо новой его побѣдѣ. По этому же соображенію онъ всегда горячо жаждалъ дружбы Цицерона. Если его изящная и деликатная натура находила немалое удовольствіе въ сношеніяхъ съ человѣкомъ столь выдающихся способностей, то онъ не могъ также не знать, какое могущественное вліяніе имѣлъ этотъ человѣкъ на общественное мнѣніе, и насколько похвалы выигрывали въ своемъ значеніи, если онѣ выходили изъ его краснорѣчивыхъ устъ. До насъ не дошли письма, которые онъ писалъ къ Цицерону, но такъ какъ самъ Цицеронъ былъ въ восторгѣ отъ нихъ, а удовлетворить его было не легко, то надо думать, что они были очень внимательны и не безъ лести. Отвѣты Цицерона также полны выраженія самыхъ горячихъ чувствъ. Въ этотъ періодъ онъ заявлялъ, что Цезарь въ его привязанности занимаетъ мѣсто сейчасъ же за его дѣтьми и почти наравнѣ съ ними; онъ горько сожалѣетъ о всѣхъ тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя до этого времени отдѣляли его отъ него и давалъ себѣ обѣщаніе заставить того позабыть, что онъ однимъ изъ послѣднихъ вошелъ въ его дружбу. „Я буду подражать, писалъ онъ, тѣмъ путешественникамъ, которые встали позже, чѣмъ хотѣли: они торопятся и спѣшатъ такъ, что достигаютъ конца раньше тѣхъ, кто уже былъ въ пути часть ночи *)“, Они какъ бы состязались между собою въ любезностяхъ; осыпали другъ друга похвалами и щеголяли другъ передъ другомъ сочиненіями и въ стихахъ и въ прозѣ. Читая первыя описанія похода въ Британь, Цицеронъ восклицалъ въ порывѣ восторга: „Какія удивительныя событія! Какая страна! Какіе народы! Какія битвы и въ особенности каковъ полководецъ“. Вслѣдъ за этимъ, онъ писалъ своему брату: „Дай мнѣ описать Британь, дай мнѣ только красокъ, а я уже разрисую“ **). Онъ, дѣйствительно, началъ писать объ этомъ завоеваніи эпическую поэму, но другія его занятія

*) *Ad. Quint.* II, 15.

**) *Ad. Quint.* II, 16.

мѣшали ему писать ее такъ скоро, какъ онъ того хотѣлъ. Цезарь, съ своей стороны, посвятилъ Цицерону свой трактатъ объ *Аналогіи* и по этому поводу обратился къ нему съ такимъ изысканнымъ привѣтствіемъ: „Ты открылъ всѣ сокровища свойственныя краснорѣчію, и самъ первый воспользовался ими. Съ этой стороны ты много прославилъ римское имя и возвеличилъ свою родину. Ты снискалъ себѣ наилучшую славу и наивеланнѣйшій триумфъ, чѣмъ слава и триумфъ самыхъ великихъ полководцевъ, такъ какъ больше цѣнности въ расширеніи границъ ума, чѣмъ въ расширеніи предѣловъ имперіи“ *). Эта самая утонченная лесть, какую только могъ сказать писателю такой побѣдоносный воитель, какъ Цезарь.

Вотъ какія отношенія поддерживалъ Цицеронъ съ Цезаремъ и его приближенными во время Галльской войны. Его переписка, сохранившая для насъ воспоминаніе о нихъ, близко знакома намъ со вкусами и склонностями всѣхъ этихъ незаурядныхъ людей, какъ бы оживляетъ ихъ для насъ и приближаетъ ихъ къ намъ. Несомнѣнно, что эта одна изъ величайшихъ услугъ, какія только она можетъ оказать намъ. Читая эту переписку, какъ бы видишь передъ собою воочію ихъ собранія и какъ бы до нѣкоторой степени присутствуешь при ихъ разговорахъ. Вполнѣ естественно, что больше всего ихъ занималъ Римъ. Изъ глубины Галліи они не спускали съ него глазъ и всѣ ихъ труды и хлопоты имѣли одну цѣль—заставить тамъ говорить о себѣ. Проходя столько неизвѣстныхъ странъ отъ Роны до океана, всѣ эти молодые люди поддерживали себя надеждою, что о нихъ будутъ говорить на тѣхъ празднествахъ и въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ свѣтскіе люди такъ охотно сплетничали объ общественныхъ дѣлахъ. Даже Цезарь, когда онъ переходилъ черезъ Рейнъ по деревянному мосту, рассчитывалъ поразить воображеніе всѣхъ тѣхъ праздношатающихся, что собирались на форумъ около трибуновъ, чтобы узнать новости. Послѣ того какъ войска высадились въ Британи, мы видѣли, что прежде всего онъ спѣшитъ написать о томъ своимъ друзьямъ и

*) Цицеронъ, *Brut.*, 72 и Плиній, *Hist. nat.*, VII, 30.

особенно Цицерону *); сдѣлалъ онъ это вовсе не потому, что у него въ эту минуту было много досуга, но онъ безъ сомнѣнія считалъ за особую славу помѣтить свое письмо страню, куда до него не ступала нога ни одного римлянина. Если съ одной стороны такъ хотѣлось посылать въ Римъ побольше славныхъ новостей, то съ другой и получать новости изъ Рима также доставляло не малое удовольствіе. Всѣ приходящія издалека письма прочитывались съ жадностью; они какъ бы приносили съ собою въ Германію и Британію атмосферу той свѣтской жизни, позабыть и не сожалѣть о которой не властенъ никто, кто ее однажды полюбилъ. Цезарю недостаточно было читать *Дневникъ римскаго народа*, передававшій въ сжатомъ видѣ о всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, и сокращенный протоколъ народныхъ собраній. Его гонцы безъ конца странствовали по Галліи, доставляя ему письма съ точными изложеніями мельчайшихъ событий. „Ему сообщаютъ все, говорилъ Цицеронъ, какъ о важныхъ вещахъ, такъ и о пустякахъ“ **). Эти новости, столь нетерпѣливо ожидаемыя и передаваемыя вѣроятно съ комментаріями, должны были составлять обычный предметъ его бесѣдъ съ друзьями. Мнѣ думается, что за его торжественнымъ, какъ говорилось выше, столомъ рѣчь шла и о литературѣ и о грамматикѣ, выслушивались стихи Мація или Квинта, но болѣе всего тамъ говорили о Римѣ, и вся окружавшая Цезаря эlegantная молодежь, сожалѣя о римскихъ удовольствіяхъ, никогда не уставала говорить объ этомъ вѣчномъ городѣ. И вотъ, подслушавъ тогда, какъ эти молодые люди болтаютъ между собою о послѣднихъ событіяхъ въ Римѣ, о политическихъ безпорядкахъ или о наиболѣе ихъ интересовавшихъ частныхъ скандалахъ, какъ они дѣлятся самыми послѣдними сплетнями и самыми недавними злословіями, такъ старательно имъ переданными, трудно было бы повѣрить, что находишься въ самомъ центрѣ страны

*) Цезарь дважды писалъ Цицерону изъ Британи. Первое письмо шло до Рима двадцать шесть дней, а второе двадцать восемь. Это была очень хорошая скорость для того времени, и изъ этого видно, что курьерская служба была организована очень хорошо. Впрочемъ, какъ извѣстно, пребываніе Цезаря въ Британи было очень непродолжительное.

**) *Ad. Quint.*, III, 1.

Белговъ, на самомъ берегу Рейна или океана и наканунѣ битвы; скорѣе можно было бы подумать, что присутствуешь среди сборища умныхъ людей въ какомъ-нибудь аристократическомъ домѣ на Палатинѣ или въ богатомъ кварталѣ Каренъ.

Письма Цицерона оказываютъ намъ еще другую услугу. Они даютъ намъ возможность понять, какое огромное впечатлѣніе производили въ Римѣ побѣды Цезаря. Онѣ возбуждали не только восхищеніе, но и удивленіе, такъ какъ онѣ были въ одно и то же время и завоеваніями и открытіями. Что было извѣстно до него объ этихъ отдаленныхъ странахъ? Нѣсколько невѣроятныхъ небылицъ, рассказывавшихся купцами по своему возвращеніи оттуда съ цѣлью придать себѣ побольше важности. Онѣ сдѣлались извѣстны только со времени Цезаря. Онъ первый осмѣлился напасть и побѣдить германцевъ, которыхъ обыкновенно представляли въ видѣ гигантовъ, одинъ взглядъ которыхъ наводилъ ужасъ; онъ первый рискнулъ проникнуть въ Британъ, гдѣ, какъ увѣряли, ночь длилась цѣлые три мѣсяца, и всѣ эти передававшіяся изъ устъ въ уста выдумки придавали его побѣдамъ оттѣнокъ чудеснаго. Однако, не всѣ охотно поддавались этому обаянію. Наиболѣе проницательные люди изъ аристократической партіи, смутно понимавшіе, что на берегахъ Рейна, въ сущности, рѣшалась судьба римской республики, желали, чтобы Цезарь былъ отозванъ, а на его мѣсто былъ назначенъ другой полководецъ, которому, быть можетъ, и не удастся довершить покореніе Галліи, но у котораго зато не будетъ соблазна помышлять о покореніи родной страны. Катонъ, доводившій все до крайности, при обсужденіи предложенія вознести моленія богамъ за пораженіе Аріовиста, осмѣлился, напротивъ, предложить выдать побѣдителя разманцамъ; но подобнаго рода выступленія не могли повліять на измѣненіе общественнаго мнѣнія, которое опредѣленно было на сторонѣ того, кто сумѣлъ въ такое короткое время покорить столько неизвѣстныхъ странъ. Сословіе всадниковъ, сдѣлавшееся торговымъ и денежнымъ классомъ Рима, торжествовало при видѣ столькихъ огромныхъ странъ, открытыхъ для его дѣятельности. Цезарь, въ свою очередь рассчитывавшій на всадниковъ, заботился о нихъ, звалъ ихъ

за собою и его первую заботою было проложить для нихъ дорогу черезъ Альпы. Народъ, любящій военную славу и легко податливый энтузіазму, не могъ не испытывать сильнаго восторга передъ тѣмъ, кто раздвинулъ для Римлянъ такъ далеко границы міра. При извѣстїи о каждой новой побѣдѣ Римъ праздновалъ и устраивалъ благодарственные моленія богамъ. Послѣ пораженія Белловъ, сенатъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, не могъ уклониться отъ установленія общенародныхъ двухнедѣльных моленій, чего раньше никогда ни для кого не дѣлалось. Послѣ удачнаго похода въ Германію также были установлены такія *суппликации*, но уже въ теченіе двадцати дней, а послѣ взятія Алезіи—еще въ теченіе двадцати. Такихъ почестей для Цезаря требовалъ обыкновенно Цицеронъ, являвшійся выразителемъ общественнаго восторга, говоря своимъ прекраснымъ языкомъ: „Наконецъ-то осмѣлились напасть на галловъ; до этихъ поръ довольствовались тѣмъ, что удавалось удачно противостоять ихъ нападеніямъ. Прежніе полководцы римскаго народа считали достаточнымъ для ихъ славы не дать имъ къ намъ проникнуть. Цезарь же самъ оправился къ нимъ. Нашъ вождь, наши легіоны, наше оружіе проникли въ страны, доселѣ не описанныя ни въ одной исторіи и не извѣстныя свѣту даже по имени. Раньше въ нашемъ распоряженіи были лишь одни врата въ Галлію, теперь границы этихъ народовъ стали предѣлами нашей имперіи. Надо видѣть особую милость судьбы въ томъ, что природа устроила изъ Альпъ, какъ бы оплотъ для Италіи. Если бы доступъ въ нее былъ открытъ для всей этой безчисленной толпы варваровъ, никогда Римъ не смогъ бы стать центромъ и средоточіемъ имперіи міра. Теперь эти непроходимыя горы излишни. Отъ Альпъ до самаго Океана теперь нѣтъ ничего, что заставляло бы бояться за Италію“ *).

Эта несдержанная похвала, за которую впоследствии немало упрекали Цицерона, тѣмъ не менѣе вполне понятна, и что бы ни говорили политики, то увлеченіе, какое испытывали по отношенію къ Цезарю въ то время столько честныхъ и умныхъ людей, вполне естественно, тѣмъ болѣе, что без-

*) *De prov. cons.*, 13 и 14

граничное восхищеніе, съ какимъ встрѣчались его побѣды, объяснялось не столько ихъ значительностью, сколько необходимостью. Правда, для будущаго эти побѣды и могли быть чреваты опасностями, но для даннаго момента онѣ были необходимы. Впослѣдствіи онѣ привели къ уничтоженію свободы Рима, но въ это время они обезпечили самое его существованіе *). То, что ускользало вслѣдствіе предубѣжденій и опасеній, къ тому же вполне законныхъ, отъ глазъ подозрительной аристократіи, угадывалось патріотическимъ инстинктомъ народа. Онъ хотя смутно, но понималъ всѣ тѣ опасности, какія могли притти вскорѣ изъ Галліи, если не поспѣшить завоевать ее. Правда, бояться надо было не галловъ, такъ какъ у нихъ уже начался упадокъ и они не думали болѣе о завоеваніяхъ, бояться надо было германцевъ. Діонъ глубоко не правъ, утверждая, что Цезарь затѣивалъ войны зря, ради одной лишь своей славы. Какую бы пользу онъ ни извлекъ изъ нихъ, можно сказать одно, что онъ не столько самъ вызвалъ ихъ, сколько былъ на нихъ вызванъ. Не Римъ шелъ тогда на германцевъ, но германцы смѣло шли на него. Въ тотъ моментъ, когда Цезарь былъ назначенъ проконсуломъ, Аріовистъ занялъ уже часть страны Секвановъ и хотѣлъ овладѣть и остальною. Его сородичи, привлекаемые плодородіемъ этихъ прекрасныхъ странъ, непрестанно переходили черезъ Рейнъ, чтобы присоединиться къ нему и, однажды, ихъ прибыло двадцать пять тысячъ сразу. Что случилось бы съ Италіей, если бы въ то время, какъ Римъ терялъ свои силы во внутреннихъ распряхъ, свевы и сикамбры утвердились на Ронѣ и Альпахъ? Нашествіе, предотвращенное за вѣкъ передъ этимъ Маріемъ, начиналось снова; оно могло бы привести къ паденію Рима, такъ это и случилось четыре вѣка спустя, если бы Цезарь не остановилъ его. Его слава въ томъ, что онъ отбросилъ германцевъ за Рейнъ, какъ впослѣдствіи задачею имперіи являлось удерживать ихъ тамъ, что ей и удавалось въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ.

Но это было не единственное и не самое великое послѣдствіе побѣдъ Цезаря. Завоевавъ Галлію, онъ сдѣлалъ ее со-

*) Это вполне доказано Моммсеномъ въ его *Римской Исторіи*.

всѣмъ и навсегда римскою. Та чудесная быстрота, съ которою Римъ ассимилировалъ тогда галловъ, можетъ быть понята лишь тогда, если знать, въ какомъ состояніи они находились. Они не были уже вполне варварами, какъ германцы; надо замѣтить, что ихъ побѣдитель, хорошо ихъ знавшій, нигдѣ не называетъ ихъ такъ въ своихъ *Комментаріяхъ*. У нихъ были уже большіе города, правильная система налоговъ, опредѣленные религіозныя вѣрованія, честолюбивая и могущественная аристократія и даже нѣчто въ родѣ національнаго воспитанія подъ руководствомъ жрецовъ. Если эта невысокая культура не вполне просвѣтила умы, то все же она по меньшей мѣрѣ ихъ пробудила. Галлы были доверчивы и любознательны, достаточно развиты, чтобы понимать, чего имъ недоставало, и достаточно свободны отъ предрассудковъ, чтобы отказываться отъ своихъ обычаевъ, если находили вмѣсто нихъ лучшіе. Съ самаго начала войны они удачно переняли римскую тактику, научились сооружать осадныя машины и дѣйствовали ими съ ловкостью, въ которой самъ Цезарь отдаетъ имъ справедливость. Правда, они были еще грубы и суровы, если угодно, но уже совсѣмъ подготовлены къ принятію высшей цивилизаціи, къ которой инстинктивно стремились. Вотъ объясненіе тому, почему они ее такъ легко усвоили. Они десять лѣтъ боролись противъ иностраннаго владычества, но не оказали ни малѣйшаго сопротивления при усвоеніи чужого языка и обычаевъ. Можно сказать, что Галлія была похожа на плодородную почву сожженную солнцемъ и жадно впитывающую въ себя первыя капли дождя; она такъ глубоко пропиталась римскою цивилизаціею, которой она жаждала, не зная ея, что и доселѣ послѣ столькихъ вѣковъ и несмотря на столько переворотовъ, она не совсѣмъ утратила ея слѣды и что эта единственная вещь, уцѣлѣвшая донинѣ въ этомъ краѣ, гдѣ все мѣняется. Такимъ образомъ, Цезарь не только присоединилъ къ римскимъ владѣніямъ нѣсколько новыхъ земель, онъ сдѣлалъ ему подарокъ болѣе цѣнный и полезный: онъ пріобрѣлъ для него цѣлый умный народъ, почти тотчасъ же по покореніи усвоившій римскую цивилизацію; народъ этотъ, сдѣлавшись римскимъ столько же по сердцу, сколько и по языку, соединяя свои интересы съ интересами новой родины,

поступая въ ея легіоны для ея защиты и отдаваясь съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ и талантомъ изученію искусства и литературы для ея прославленія, долженъ былъ на долгое время омолодить эту издыхавшую имперію и вернуть ей ея силу.

Въ то время, какъ въ Галліи происходили эти важныя событія, Римъ продолжалъ быть ареной самыхъ постыдныхъ безпорядковъ. Правительства въ немъ болѣе не было; съ трудомъ удавалось избирать необходимыхъ магистратовъ и всякій разъ, какъ народъ собирался на форумъ или Марсовомъ полѣ, происходили междоусобныя побоища. Эти безпорядки, заставлявшіе краснѣть честныхъ людей, еще болѣе увеличивали эффектъ, производимый побѣдами Цезаря. Какой контрастъ между битвами съ Аріовистомъ или Верцингеториксомъ и этими битвами гладіаторовъ, обагрившими кровью улицы Рима. И какимъ геройскимъ дѣломъ казалось взятіе Агендикума или Алезіи тѣмъ людямъ, которые занимались лишь осадю дома Милона подъ предводительствомъ Клодія или убійствомъ Клодія подъ начальствомъ Милона! Всѣ государственные люди, остававшіеся въ Римѣ, въ томъ числѣ и Помпей, и Цицеронъ, утрачивали нѣчто изъ своего достоинства, дѣлаясь причастными этимъ интригамъ. Цезарь, удалившись отъ нихъ на время, былъ единственнымъ, кто выросъ посреди всеобщаго приниженія. Вслѣдствіе этого всѣ, чьи думы были оскорблены этими печальными зрѣлищами и чьи сердца хоть нѣсколько скорбѣли о римскомъ достоинствѣ, не спускали глазъ съ него и его войска. Подобно тому, какъ это было и во времена великой французской революціи, военная слава утѣшала честныхъ людей за внутренній позоръ и униженіе. Въ то же время крайніе размѣры зла заставляли повсюду искать для него дѣйствительнаго средства. Зарождалась и начинала распространяться идея о томъ, что для спокойствія необходимо создать твердую и прочную власть. Послѣ ссылки Цицерона аруспиціи предсказали, что монархія будетъ восстановлена *), и чтобы предсказать это—не надо было быть вовсе пророкомъ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ положеніе дѣла еще болѣе ухуд-

*) *De Arusp. resp.*, 25.

шилось, сама республиканская партія, несмотря на свое отвращеніе, принуждена была прибѣгнуть къ энергичному средству, учредивъ временную диктатуру. Помпей былъ назначенъ единымъ консуломъ, но Помпей не разъ доказалъ, что у него не было достаточно ни силы, ни рѣшимости, чтобы разъ навсегда справиться съ анархіей. Надо было искать въ иномъ мѣстѣ болѣе твердой руки и болѣе непреклонной воли, и вотъ естественно, что всѣ взоры устремлялись на побѣдителя галловъ. Слава толкала его на эту роль; надежды однихъ и опасенія другихъ заранѣ прочили его на это мѣсто; съ каждымъ днемъ всѣ все болѣе привыкали къ мысли, что онъ будетъ наслѣдникомъ республики, и революція, предавшая ему Римъ, была уже болѣе чѣмъ на половину сдѣлана еще ранѣе, чѣмъ онъ перешелъ Рубиконъ.

II.

Побѣдитель и побѣжденные послѣ Фарсалы.

Гражданская война прервала сношенія Цицерона съ Цезаремъ, существовавшія во время Галльской войны. Цицеронъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшиться принять въ ней участіе, и лишь послѣ продолжительной нерѣшительности упреки совѣсти, боязнь общественнаго мнѣнія, а главнымъ образомъ примѣръ его друзей побудили его, наконецъ, отправиться въ лагерь Помпея. „Подобно быку слѣдующему за стадомъ, говорилъ онъ, я отправляюсь вслѣдъ за честными людьми“ *); но онъ дѣлалъ это, скрѣпя сердце, и не обольщая себя никакой надеждою. Послѣ Фарсалы онъ не считалъ возможнымъ продолжать борьбу: онъ это открыто высказалъ на совѣщаніи республиканскихъ вождей въ Диррахіумѣ и послѣ этого, немедленно, вернулся въ Брундузіумъ чтобы отдать себя на волю побѣдителя.

Какія горькія мысли должны были приходить ему въ голову при воспоминаніи обстоятельствъ своего торжественнаго возвращенія изъ ссылки всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ этомъ самомъ городѣ, гдѣ въ честь его было устроено столько празднествъ, онъ долженъ былъ высадиться втихомолку, скрывать своихъ ликторовъ, таиться отъ людей и выходить лишь по ночамъ. Здѣсь онъ провелъ одиннадцать мѣсяцевъ, самыхъ печальныхъ въ его жизни, провелъ въ уединеніи и тоскѣ. Его сердце одолѣвали горести со всѣхъ сторонъ и его домашнія дѣла причиняли ему печали не меньше, чѣмъ общественныя. Его отсутствіе окончательно разстроило его состояніе. Будучи самъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ имѣлъ неосторожность одол-

*) *Ad Att.*, VII, 7.

жить всё имѣвшіяся у него деньги Помпею: кинжалъ египетскаго царя унесъ сразу и кредитъ, и должника. Въ то время, какъ онъ старался добыть хоть сколько нибудь денегъ, распродавая свою мебель и посуду, онъ узналъ, что его жена сговорила съ его отпущенниками, чтобы окончательно ограбить у него и то, что оставалось; онъ узналъ, что его братъ и племянникъ, отправившіеся къ Цезарю, хлопотали всячески о собственномъ оправданіи и чтобы обѣлить себя не прочь были погубить его; онъ увидѣлся съ Тулліей, своею горячо любимою дочерью, но онъ встрѣтилъ ее печальною и больною, страдающею одновременно и отъ несчастій отца и отъ невѣрности своего мужа. Къ этимъ вполне реальнымъ несчастьямъ присоединялись для него въ то же время и несчастія воображаемыя, заставлявшія его, однако, также не мало страдать; особенно онъ мучился отъ своей обычной нерѣшительности. Лишь только вступивъ ногою на землю Италіи, онъ уже сталъ раскаиваться въ томъ, что вернулся. По обыкновенію его безпокойное воображеніе рисовало ему вещи всегда въ худшемъ положеніи, чѣмъ онъ были, и онъ старательно отыскиваетъ во всемъ происходящемъ какой-либо предлогъ для неудовольствія. Онъ отчаивается, когда Антоній хочетъ принудить его покинуть Италію; когда ему позволяютъ остаться, онъ въ еще большемъ волненіи, такъ какъ такое исключеніе въ его пользу можетъ повредить его репутаціи. Если Цезарь не аккуратно ему пишетъ, онъ начинаетъ безпокоиться; получивъ письмо отъ него, какъ бы благосклонно оно ни было, онъ начинаетъ такъ тщательно перебирать всё его выраженія, что въ концѣ концовъ открываетъ въ немъ какой-либо новый поводъ для тревоги; даже самая широкая и полная амністія не вполне его успокоиваетъ. „Когда прощаютъ такъ легко, говоритъ онъ, это значитъ, только отсрочиваютъ наказаніе“ *).

Наконецъ послѣ почти годичнаго пребыванія въ Брундузіи, онъ получилъ позволеніе покинуть этотъ шумный и грязный городъ. Онъ вернулся въ свои прекрасныя виллы, которыя онъ такъ любилъ и гдѣ онъ былъ такъ счастливъ;

*) *Ad Att.*, XI, 20. Я читаю *cognitionem* вмѣсто *notionem*, такъ какъ послѣднее, по моему, не имѣетъ смысла.

онъ вновь нашелъ свои любимыя книги, принялся опять за прерванныя занятія и снова могъ насладиться тѣми драгоценными благами, которыми человѣкъ, пока имѣеть, пользуется, не замѣчая, и которыя начинаетъ цѣнить лишь тогда, когда ихъ утратить на время—благами безопасности и спокойствія. Ничто не могло никогда сравниться для него съ прелестью этихъ первыхъ дней мирно проведенныхъ въ Тускулумѣ послѣ столькихъ бурь и съ удовольствіемъ возврата къ пріятнымъ занятіямъ ума, для которыхъ онъ и былъ собственно созданъ, какъ онъ это хорошо тогда почувствовалъ. „Знай, писалъ онъ своему другу Варрону, что по моему возвращеніи я поспѣшилъ примириться съ моими старыми друзьями, я хочу сказать съ моими книгами. По правдѣ, если я избѣгалъ ихъ, то не потому, что я имѣлъ что либо противъ нихъ, но я не могъ видѣть ихъ безъ нѣкотораго смущенія. Мнѣ казалось, что, ввязываясь въ столь безнокойныя дѣла съ сомнительными союзниками, я не достаточно вѣрно слѣдовалъ ихъ правиламъ. Они меня извиняютъ, они меня снова зовутъ въ свою компанію и говорятъ мнѣ, что ты былъ много разумнѣе меня, такъ какъ не покидалъ ихъ. Теперь, когда я снова примирился съ ними, я надѣюсь, что мнѣ будетъ легче переносить тѣ невзгоды, которыя насъ удручаютъ и которыя намъ угрожаютъ“ *).

Отнынѣ его поведеніе точно опредѣленно. На немъ лежалъ долгъ по отношенію къ той великой партіи, которой онъ служилъ и которую защищалъ—держаться въ сторонѣ отъ новаго правительства. Ему приходилось искать въ философіи и литературѣ полезнаго примѣненія для своей дѣятельности и создать себѣ почетное уединеніе вдали отъ общественныхъ дѣлъ, которыми онъ уже не могъ болѣе съ честью заниматься. Онъ хорошо это понималъ, говоря: „Сохранимъ по крайней мѣрѣ полусвободу, стараясь скрываться и молчать“ **). Молчать и прятаться—это дѣйствительно была лучшая программа, какъ для него, такъ и для всѣхъ тѣхъ, кто принужденъ былъ сдать ся послѣ Фарсалы. Далѣе мы увидимъ, насколько онъ былъ ей вѣренъ.

*) *Ad fam.*, IX, 1.

**) *Ad Att.*, XVI, 31.

I.

Очень трудно сразу отвыкнуть отъ политики. Занятіе общественными дѣлами и проявленіе власти, даже и тогда, когда они не занимаютъ всю душу, все же разочаровываютъ ее во всемъ остальномъ и жизнь кажется пустою тому, кто совсѣмъ устраняется отъ нихъ. Это самое случилось и съ Цицерономъ. Онъ, несомнѣнно, былъ вполне искрененъ, когда, покидая Брундузію, онъ давалъ себѣ обѣщаніе „всѣцѣло уйти въ литературу“; но обѣщать онъ могъ и больше, а сдержать нѣтъ. Онъ скоро насытился спокойствіемъ, и книжныя удовольствія стали казаться ему нѣсколько скучными и прѣсными; онъ съ большимъ любопытствомъ сталъ прислушиваться къ слухамъ, доходившимъ до него извнѣ, и даже, чтобы лучше быть освѣдомленнымъ, онъ покинулъ Тускулумъ и пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь онъ незамѣтно вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ; онъ сталъ посѣщать сенатъ; двери его дома снова открылись для всѣхъ любившихъ литературу и занимавшихся ей; онъ снова завязалъ тѣсныя сношенія съ друзьями изъ партіи Цезаря и съ ихъ помощью скоро помирился съ Цезаремъ.

Примиреніе между ними произошло очень легко, несмотря на всѣ основанія, какія они имѣли, чтобы сердиться другъ на друга. Любовь къ умственнымъ наслажденіямъ, соединявшая ихъ, была сильнѣе всѣхъ ихъ политическихъ антипатій. Когда первый порывъ гнѣва прошелъ, они снова сблизились съ непринужденностью, свойственной людямъ, привыкшимъ къ условностямъ и обычаямъ свѣтской жизни, позабывъ или стараясь позабыть всѣ раздѣлявшія ихъ несогласія. Однако, эти отношенія для Цицерона сдѣлались затруднительнѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Въ своемъ старинномъ сотоварицѣ онъ имѣлъ теперь не только покровителя, но и господина. Между ними уже не было, какъ прежде, ни договора, ни соглашенія, откуда вытекали бы для нихъ взаимныя обязанности; съ одной стороны, былъ побѣдитель, которому право войны позволяло все, а съ другой — побѣжденный, обязанный самою жизнью его милосердію.

Затруднительность положенія усугублялась еще тѣмъ, что если побѣдитель и имѣлъ право являть себя требова-

тельнымъ, то отъ побѣжденнаго общественное мнѣніе требовало тѣмъ болѣе сдержанности. Въ эпоху галльскихъ войнъ можно было еще предполагать, что Цицеронъ защищалъ проекты Цезаря изъ дружбы или по убѣжденію; но съ того момента, какъ во время гражданской войны онъ съ такимъ краснорѣчіемъ высказалъ неодобреніе его дѣлу, всѣ его любезности и услуги по отношенію къ нему представлялись ничѣмъ инымъ, какъ низкимъ искательствомъ и постыднымъ стремленіемъ заслужить его прощенія. Уже его внезапное возвращеніе изъ-подъ Фарсалы сильно порицалось. „Мнѣ не прощаютъ, что я живъ“, *) говорилъ онъ. Еще менѣе прощали ему его пріятельскія отношенія съ друзьями Цезаря. Честные люди негодовали, видя, какъ онъ часто посѣщаетъ домъ Бальба, обѣдаетъ у Эвтрапела въ компаніи съ Пансой или Антоніемъ вмѣстѣ съ актрисою Клееридою, или участвуетъ на торжественныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ Долабеллою на деньги побѣжденныхъ; со всѣхъ сторонъ недоброжелательные взоры подмѣчали всѣ его слабости. Такимъ образомъ, ему одновременно приходилось угождать всѣмъ партіямъ, ухаживать и за побѣдителями и за побѣжденными ради своей репутаціи или безопасности, жить возлѣ своего господина, не слишкомъ ему угождая, но и никогда не сердя, и среди этихъ опасныхъ взаимоотношеній устроить все такъ, какъ того требовала его честь и спокойствіе. Это было трудное положеніе, и обыкновенному чловѣку едва ли удалось бы изъ него выбраться, но Цицеронъ былъ для этого достаточно ловокъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія съ успѣхомъ, у него было одно чудесное качество, мѣшавшее ему казаться слишкомъ угодливымъ и податливымъ, даже и тогда, когда ему приходилось прибѣгать къ лести. Мадамъ де-Севинье гдѣ-то сказала: „Умъ — своего рода достоинство“. Эти слова справедливы во всѣхъ отношеніяхъ; одинъ только умъ и можетъ помочь болѣе или менѣе достойно пережить трудныя времена. Когда чловѣкъ сохраняетъ свой умъ передъ неограниченнымъ властелиномъ, когда онъ осмѣливается шутить и улыбаться посреди молчанія и ужаса другихъ, онъ свидѣтельствуетъ тѣмъ самымъ,

*) *Ad fam.*, X.

что величіе того, съ кѣмъ онъ говоритъ, его не подавляетъ, и что онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ему противостоять. Къ тому же оставаться господиномъ самого себя въ его присутствіи значить до нѣкоторой степени бравировать имъ, и мнѣ кажется, что какъ бы требователенъ и подозрителенъ не былъ деспотъ, онъ бываетъ, вѣроятно, также недоволенъ тѣми, кто позволяетъ себѣ обнаруживать передъ нимъ свой умъ, какъ и тѣми, кого онъ можетъ заподозрить въ томъ, что у нихъ есть сердце. Такимъ образомъ, ниже мужества души, внушающаго энергическія рѣшенія, но все-таки рядомъ съ нимъ есть мужество ума, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ часто бываетъ, что оно одно только и возможно. Послѣ пораженія людей чувства очередь за людьми ума, могущими еще оказать нѣкоторыя услуги въ то время, когда тѣ уже не могутъ ничего сдѣлать. Такъ какъ люди этого рода ловки и гибки и умѣютъ быстро подымать голову послѣ того, какъ необходимость принуждала ихъ склонять ее, они еще поддерживаютъ свое достоинство съ нѣкоторою честью среди гибели своей партіи. Ихъ иронія, хотя и весьма скромная, служить какъ бы протестомъ противъ обязательнаго для всѣхъ молчанія и препятствуетъ людямъ, утратившимъ свободу дѣйствія, потерять окончательно и возможность говорить. Слѣдовательно, умъ не такая ничтожная вещь, какъ о немъ иногда толкуютъ; онъ имѣетъ также свое величіе, и можетъ случиться, что послѣ какой-нибудь важной катастрофы, когда все безмолвно, убито и обезсилено, онъ одинъ поддерживаетъ человеческое достоинство.

Такова была приблизительно роль Цицерона въ эту эпоху, и надо сознаться, что роль эта была довольно важна. Въ этомъ большомъ городѣ, — покорномъ и безмолвномъ, онъ одинъ осмѣливался говорить. Онъ уже давно началъ это дѣлать, и когда былъ еще въ Брундузіи, не зная, помилютъ ли его или нѣтъ, онъ уже пугалъ Аттіка своими свободными рѣчами. Безнаказанность естественнымъ образомъ сдѣлала его смѣлѣе, такъ что, вернувшись въ Римъ, онъ заботился лишь о томъ, чтобы сдѣлать насмѣшки свои, какъ можно остроумнѣе. Цезарь любилъ умъ, хотя бы онъ былъ обращенъ противъ него. Вмѣсто того, чтобы сердиться на

остроты Цицерона, онъ собиралъ и, въ самый разгаръ Испанской войны, приказывалъ своимъ корреспондентамъ сообщать ихъ ему; Цицеронъ, знавшій это, продолжалъ говорить, не стѣсняясь. Такое свободное высказываніе мыслей, что въ то время было большою рѣдкостью, привлекало къ нему всѣ взоры. Никогда его не окружало столько людей. Друзья Цезаря охотно посѣщали его, чтобы, по примѣру своего вождя, показать свое свободомысліе и терпимость. Такъ какъ по смерти Помпея и Катона Цицеронъ остался самымъ славнымъ представителемъ республиканской партіи, то вокругъ него тѣснились также приверженцы республики. Итакъ, къ нему приходили со всѣхъ сторонъ, и всѣ партіи встрѣчались поутру въ сѣняхъ его дома. „Въ одно и то же время, говорилъ онъ, меня посѣщаетъ много честныхъ людей, которымъ грустно, посѣщаютъ и наши веселые побѣдители *)“.

Вѣроятно, ему очень льстило подобное вниманіе, а особенно его радовало то, что онъ снова приобрѣлъ свое прежнее значеніе. Замѣтимъ, однако, что, сдѣлавшись снова вліятельнымъ лицомъ, чьей дружбы искали и чей домъ спѣшили посѣщать, онъ уже нарушилъ первую часть предначертанной имъ себѣ программы; что же касается второй ея части, то и она была вскорѣ позабыта, какъ только онъ принялъ участіе въ возвращеніи изгнанниковъ. Онъ вернулся въ общество, какъ бы исполняя желаніе Цезаря; посмотримъ теперь, какъ онъ пересталъ молчать, чтобы отблагодарить его за милосердіе.

Есть полное основаніе восхищаться милосердіемъ Цезаря, и воздавать ему вполнѣ заслуженныя похвалы. Среди недоступныхъ жалости междоусобицъ древняго міра въ первый разъ блеснулъ въ то время лучъ гуманности. Никогда ранѣе не закрадывалось въ душу побѣдителя сомнѣніе насчетъ широты его правъ; онъ считалъ ихъ неограниченными и пользовался ими безъ стѣсненія. Кто жъ до Цезаря провозглашалъ и примѣнял на дѣлѣ уваженіе къ побѣжденному? Онъ первый объявилъ, что месть его умереть съ его побѣдою и что онъ не станетъ поражать безоружнаго противника. Восторгъ, внушаемый намъ такимъ его пове-

*) *Ad Att.*, IX, 20.

деніемъ, увеличивается еще оттого, что этотъ прекрасный примѣръ умѣренности и кроткости явленъ имъ въ эпоху насилій, въ промежутокъ между проскрипціями Суллы и Октавія; онъ миловалъ своихъ враговъ даже тогда, когда тѣ убивали его цѣльныхъ воиновъ и сжигали заживо его матросовъ вмѣстѣ съ ихъ кораблями. Впрочемъ, не надо ничего преувеличивать, и исторія не должна быть панегирикомъ. Безъ всякаго намѣренія умалять славу Цезаря, позвоительно спросить себя, по какой причинѣ онъ миловалъ побѣжденныхъ, и вполне основательно изслѣдовать приемы и предѣлы его милосердія.

Одинъ изъ его лучшихъ друзей, Куріонъ, въ задушевной бесѣдѣ съ Цицерономъ, говорилъ ему однажды, что Цезарь жестокъ по характеру, и если шадилъ своихъ враговъ, то лишь для того, чтобы сохранить привязанность народа*); но скептикъ Куріонъ, подобно Целію, былъ склоненъ смотрѣть на людей съ дурной ихъ стороны, и въ этомъ случаѣ, конечно, клеветалъ на своего начальника. Въ дѣйствительности Цезарь былъ милосердъ и по природѣ и по системѣ, *pro natura et pro instituto* **); такъ говоритъ о немъ продолжатель его *Комментаріевъ*, очень хорошо его знавшій. Но если сердце не измѣняется, зато можетъ измѣняться по обстоятельствамъ политика. Кто добръ единственно по природѣ, тотъ останется добрымъ навсегда; но если къ этому естественному инстинкту, влекущему насъ къ милосердію, присоединяется размышленіе, разсчитывающее, какой, эффектъ оно произведетъ и какую выгоду можно изъ него извлечь, тогда легко можетъ случиться, что милосердіе ослабнетъ, если не найдетъ достаточно выгоды проявить себя. Тотъ, кто въ силу системы являлся кроткимъ и гуманнымъ, чтобы привлечь къ себѣ людей, могъ рѣшиться также въ силу системы быть жестокимъ; если бы почувствовалъ надобность устрашить ихъ. Это самое бывало и съ Цезаремъ; знакомясь съ его жизнью, мы видимъ, что милосердіе его неоднократно затмевалось. Я не думаю, чтобы онъ совершалъ жестокости безъ причины или просто изъ

*) *Ad Att.*, X, 4.

**) *Bell. afric.*, 88.

удовольствія совершать ихъ, какъ это дѣлали многіе изъ его современниковъ; но онъ не отказывался отъ нихъ, когда находилъ ихъ для себя выгодными. Во время его преторства въ Испаніи ему случилось брать приступомъ города, готовые и безъ того на сдачу, для того только, чтобы имѣть поводъ ограбить ихъ. Въ Галліи онъ никогда не колебался утратить своихъ враговъ жестокостью; такъ онъ приказываетъ обезглавить весь сенатъ Венетовъ, перерѣзать Узипетовъ и Тенктеровъ, сразу продать въ рабство сорокъ тысячъ жителей Генабума и отрубить кисти рукъ у всѣхъ, кто взялся противъ него за оружіе въ Укселлодунѣ. А развѣ онъ не держалъ въ тюрьмѣ въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ своего достойнаго противника, геройскаго вождя Арвенцевъ, Верцингеторикса, а затѣмъ равнодушно повелѣлъ умертвить его въ день своего триумфа? Даже въ эпоху междоусобій, когда онъ сражался съ своими согражданами, былъ моментъ, когда онъ, наконецъ, усталъ прощать. Увидѣвъ, что его система милосердія не обезоруживаетъ его враговъ, онъ отказался отъ нея, а ихъ упорство, очень его изумившее, подъ конецъ прямо его ожесточило. По мѣрѣ того, какъ борьба продолжалась, она съ обѣихъ сторонъ принимала все мрачнѣйшій оттѣнокъ. Между республиканцами, доведенными до отчаянья рядомъ неудачъ, и между побѣдителемъ, доведеннымъ до бѣшенства ихъ сопротивленіемъ, война стала беспощадною. Послѣ Тапса Цезарь подаетъ примѣръ казней, и его армія, заразившись его гнѣвомъ, умерщвляетъ побѣжденных на его глазахъ. Отправляясь въ послѣдній Испанскій походъ, онъ объявилъ, что милосердіе его истощилось, и что всякій, не положившій оружія, будетъ преданъ смерти. Поэтому Мундская битва была ужасна. Діонъ рассказываетъ, что обѣ арміи напали другъ на друга въ безмолвномъ бѣшенствѣ, и что вмѣсто воинственныхъ пѣсней, раздававшихся обыкновенно въ это время, слышались только изрѣдка слова: „Коли и бей“. Когда окончилась битва, началась рѣзня. Старшаго сына Помпея, которому удалось бѣжать, преслѣдовали въ лѣсахъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней и, наконецъ, убили, безъ всякой пощады.

Лучшій моментъ милосердія Цезаря былъ подъ Фарсалой.

Еще вступая въ Италію, онъ заранѣе объявилъ, что тамъ не увидятъ больше возобновленія проскрипцій. „Я не хочу подражать Суллѣ, говорилъ онъ въ одномъ знаменитомъ и, вѣроятно, очень распространенномъ письмѣ. Водворимъ новый способъ побѣждать и поищемъ для себя охраны въ милосердіи и кротости *)“. Сначала онъ и дѣйствовалъ согласно съ этими прекрасными словами. Послѣ побѣды онъ приказалъ солдатамъ щадить своихъ согражданъ, и на самомъ полѣ битвы протянулъ руку Бруту и многимъ другимъ. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, чтобы въ это время была дана всеобщая амнистія **). Напротивъ того, эдиктомъ Антонія, управлявшаго Римомъ въ отсутствіе Цезаря, строго воспрещалось всѣмъ помпеянцамъ возвращаться въ Италію, не получивъ на то разрѣшенія. Исключеніемъ были въ этомъ случаѣ Цицеронъ и Лелій, которыхъ нечего было бояться. Впослѣдствіи возвратилось еще много другихъ, но ихъ призвали отдѣльно и особыми декретами. Этимъ способомъ Цезарь извлекалъ наибольшія выгоды изъ своего милосердія. Обыкновенно такія отдѣльныя милости раздавались не даромъ, и изгнанниковъ почти всегда заставляли платить за нихъ частію своего состоянія. Рѣдко также онъ бывали полными съ перваго раза; имъ разрѣшали сначала вернуться въ Сицилію, потомъ въ Италію, прежде чѣмъ открыть для нихъ вполнѣ ворота Рима. Эти искусно подготовленные ступени, увеличивая собою число милостей, даруемыхъ Цезаремъ, не давали засыпать общественному одобренію. Всякій разъ хоръ льстецовъ возобновлялъ свои похвалы, не переставая прославлять великодушіе побѣдителя.

Итакъ, послѣ Фарсалы въ Греціи и въ Азіи было нѣсколько изгнанниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ позволенія вернуться, но получили его однако не всѣ. Письма Цицерона оказываютъ намъ услугу, знакомя насъ съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ. Тутъ были люди всѣхъ классовъ и состояній, начиная съ торговцевъ и откупщиковъ податей и кончая вельможами. Рядомъ съ Марцелломъ, Торкватомъ,

*) *Ad Att.*, IX., 7.

**) Общая амнистія, о которой говоритъ Светоній, была дана уже гораздо позже.

Домиціємъ, встрѣчаются совершенно неизвѣстныя личности, какъ-то Требіанъ и Тораній, а это доказываетъ, что месть Цезаря распространялась не на однихъ только вождей партіи. Между этими изгнанниками встрѣчаются также три писателя, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что съ ними было поступлено, быть-можетъ, всего хуже. Одинъ изъ нихъ, Т. Ампій, ярый республиканецъ, не проявилъ во время ссылки достаточно твердости. Онъ писалъ исторію знаменитыхъ людей и, повидимому, не извлекъ для себя достаточно пользы изъ представлявшихся ему тамъ прекрасныхъ примѣровъ. Мы лучше знаемъ двухъ остальныхъ, нисколько впрочемъ не похожихъ другъ на друга: умнаго негоціанта, Этруска Цецину, и ученаго Нигидія Фигула. Нигидій, котораго ставили на ряду съ Варрономъ за обширность его свѣдѣній, и который, подобно ему, былъ въ одно и то же время философомъ, грамматикомъ, астрономомъ, физикомъ, риторомъ и юрисконсультomъ, больше всего поразилъ своихъ современниковъ глубиною своихъ теологическихъ изысканій. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ много занимается ученіемъ Халдеевъ и Орфиговъ, то онъ слылъ за великаго чародѣя. Думали, что онъ предсказываетъ будущее, и подозревали, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Столько разнообразныхъ занятій не мѣшали ему однако интересоваться дѣлами своей страны. Въ то время не думали, что ученый воленъ и не быть гражданиномъ. Путемъ разныхъ происковъ онъ достигъ общественныхъ должностей; онъ былъ преторомъ въ трудныя времена и отличился при этомъ своей энергіей. Когда Цезарь вступилъ въ Италію, Нигидій, вѣрный правиламъ своего учителя, Пиеагора, повелѣвающаго мудрому являться на помощь, когда въ опасности—законъ, поспѣшилъ оставить свои книги и выступилъ въ первомъ ряду бойцовъ при Фарсалѣ. Цецина показала себя сначала столь же твердымъ, какъ Нигидій, и, подобно ему, отличился своей республиканской ревностью. Мало того, что онъ поднялъ оружіе противъ Цезаря, онъ еще оскорбилъ его въ одномъ памфлетѣ въ самомъ началѣ войны; но онъ былъ такъ же слабъ, какъ пылокъ, и не могъ вынести изгнанія. Этотъ легкомысленный человѣкъ мечталъ объ удовольствіяхъ Рима, и сокрушался о томъ, что лишенъ ихъ. Чтобъ полу-

чить помилованіе, онъ рѣшилъ написать новое сочиненіе, совершенно противорѣчащее прежнему, для того, чтобы изгладить произведенное имъ дурное впечатлѣніе. Онъ называлъ его своими Жалобами, и уже одно это названіе показываетъ, какъ былъ его характеръ. Онъ расточалъ въ немъ безъ конца похвалы Цезарю и все еще боялся, что ихъ мало. „Я все дрожу, говорилъ онъ Цицерону, когда спрашиваю себя, будетъ ли онъ этимъ доволенъ“ *). Столько смиренія и низости тронули, наконецъ, побѣдителя, и хотя онъ безжалостно оставлялъ умирать въ ссылкѣ энергическаго, не умѣвшаго льстить, Нигидія, онъ позволилъ Цецинѣ поселиться въ Сициліи.

Цицеронъ сталъ утѣшителемъ всѣхъ этихъ изгнанниковъ и употреблялъ все свое вліяніе, чтобы улучшить ихъ положеніе. Онъ служилъ имъ всѣмъ съ одинаковою преданностью, хотя и имѣлъ причины жаловаться на нѣкоторыхъ изъ нихъ; но онъ позабывалъ ихъ вины, лишь только видѣлъ ихъ несчастными. Въ своихъ письмахъ къ нимъ онъ всячески старался приспособиться къ ихъ положенію и чувствамъ, мало заботясь о томъ, чтобы оставаться въ согласіи съ самимъ собою, лишь бы только утѣшить ихъ и быть имъ полезнымъ. Тѣмъ, кто сокрушался о своемъ удаленіи изъ Рима, онъ говорилъ, что они напрасно желаютъ туда вернуться, и что лучше просто слышать о несчастіяхъ республики, чѣмъ видѣть ихъ своими глазами; напротивъ того, тѣмъ, которые слишкомъ мужественно выносили ссылку и даже, къ отчаянью своихъ семействъ, вовсе не хотѣли возвращаться назадъ, онъ писалъ совершенно иное. Если онъ замѣчалъ слишкомъ раболѣпную поспѣшность въ стремленіи угодить и вызвать милости Цезаря, онъ не затруднялся высказывать осужденія и съ безконечными оговорками напоминалъ несчастному о позабытомъ имъ уваженіи къ самому себѣ. Напротивъ, видя, что кто-нибудь расположенъ къ геройской опрометчивости и рѣшается на совершенно бесполезную выходку, онъ принимался проповѣдывать осторожность и покорность. Въ то же время онъ не щадилъ своихъ трудовъ. Онъ обращался къ друзьямъ властителя, а въ слу-

*) *Ad fam.*, VII, 7.

чаѣ нужды и къ нему самому, хотя очень трудно было найти доступъ къ человѣку, на которомъ лежали дѣла цѣлаго міра. Онъ просилъ, обѣщалъ, утомлялъ своими мольбами, и почти всегда добивался успѣха, такъ какъ Цезарь старался все больше и больше привязать его разными одолженіями къ своей партіи. Испросивъ для кого-нибудь помилованіе, онъ спѣшилъ, обыкновенно, первый сообщить его нетерпѣливо ожидавшему изгнаннику; онъ съ жаромъ поздравлялъ его и прибавлялъ къ своимъ привѣтствіямъ нѣсколько наставленій насчетъ умѣренности и молчанія, которыя онъ охотно давалъ другимъ, не всегда соблюдая самъ.

Среди всѣхъ этихъ изгнанниковъ самымъ значительнымъ лицомъ былъ прежній консулъ Марцеллъ; и никого изъ нихъ Цезарь не имѣлъ больше причинъ такъ ненавидѣть, какъ его. Между прочимъ, Марцеллъ приказалъ высѣчь розгами одного жителя Комы, желая этимъ показать, что ни во что не ставитъ правъ, дарованныя Цезаремъ этому городу. Послѣ Фарсалы онъ удалился на островъ Митилену и нисколько не думалъ возвращаться назадъ, когда его роднымъ и Цицерону пришло въ голову хлопотать объ его помилованіи. Но уже съ первыхъ шаговъ они встрѣтили препятствіе, на которое вовсе не рассчитывали: они думали, что имъ придется умолять одного Цезаря, между тѣмъ оказалось, что сначала надо еще уговорить Марцелла. Это былъ человѣкъ энергичный, не потерявшій мужества отъ неудачи своего дѣла, настоящій философъ, вполне примирившійся съ изгнаніемъ, упрямый республиканецъ, не желавшій возвращаться въ Римъ, чтобы видѣть его поработленнымъ. Пришлось вести продолжительные переговоры, прежде чѣмъ онъ согласился, чтобы за него ходатайствовали у побѣдителя, да и пошелъ онъ на это очень неохотно. Читая письма Цицерона къ нему по этому поводу, нельзя не удивляться его ловкости, хотя и трудно понять причину его настойчивости. Съ удивленіемъ спрашиваешь себя, почему онъ принималъ участіе въ возвращеніи Марцелла больше, нежели самъ Марцеллъ. Они никогда не были очень дружны между собою; Цицеронъ не стѣснялся осуждать его за упорство, да притомъ мы знаемъ, что онъ не любилъ такихъ твердыхъ и

сильныхъ характеровъ. Слѣдовательно, для того, чтобы такъ страстно желать возвращенія Марцелла въ Римъ, у него была какая-нибудь другая причина, усиляющая его привязанности къ нему. Эта невысказанная имъ причина, о которой можно, однако, догадываться, была страхъ общественнаго мнѣнія. Онъ зналъ, что его осуждаютъ за то, что онъ слишкомъ мало старался для своего дѣла, и онъ самъ укорялъ себя иногда за то, что слишкомъ рано покинулъ его. Когда, живя въ Римѣ, гдѣ онъ весело проводилъ время въ роскошныхъ пирахъ, задаваемыхъ ему Гирціемъ и Долабеллою и посѣщаемыхъ имъ, по его словамъ, для того, чтобы позабыть немного о своемъ рабствѣ, онъ вспоминалъ о честныхъ людяхъ, дававшихъ убивать себя въ Африкѣ или въ Испаніи, или жившихъ изгнанниками въ какомъ-нибудь печальномъ и глухомъ городкѣ Греціи, онъ негодовалъ на себя за то, что онъ не съ ними, мысль объ ихъ страданіяхъ часто смущала его удовольствія. Вотъ почему онъ такъ ревностно хлопоталъ объ ихъ возвратѣ. Для него было важно уменьшить число людей, составлявшихъ по своимъ страданіямъ досадную противоположность съ тѣмъ счастіемъ, какимъ онъ наслаждался, а также и тѣхъ, кто своимъ гордымъ поведеніемъ какъ бы осуждалъ его покорность. Всякій разъ, какъ въ Римъ возвращался какой-нибудь ссыльный, Цицерону казалось, что онъ самъ освободился отъ какой-то душевной тяжести и избѣгнулъ упрековъ со стороны своихъ недоброжелателей. Поэтому, когда онъ неожиданно добился помилованія Марцелла, радость его не знала границъ. Благодаря ей, онъ позабылъ даже принятое имъ намѣреніе молчать, строго выполнявшееся имъ въ продолженіи двухъ лѣтъ. Желая поблагодарить Цезаря, онъ заговорилъ въ сенатѣ и произнесъ знаменитую дошедшую до насъ рѣчь *).

Слава этой рѣчи отличается крайне измѣнчивою судьбою. Ею долгое время беззавѣтно восхищались, и въ прош-

*) Само собою разумѣется, что я вѣрю подлинности этой рѣчи; причины, почему заподозривали ея подлинность, кажутся мнѣ ничтожными. Дальше я буду говорить объ этихъ причинахъ, и докажу, что она далеко не такъ низка и раболовна, какъ это говорятъ.

ломъ столѣтїи добрый Роллэнъ считалъ ее за образецъ и за послѣднїй предѣлъ краснорѣчїя; но этотъ восторгъ значительно уменьшился съ тѣхъ поръ, какъ люди стали менѣе чувствительны къ искусству деликатнымъ образомъ прославлять государей и начали больше дорожить откровеннымъ и свободнымъ словомъ, нежели самою остроумною лестью. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой рѣчи хотѣлось бы видѣть побольше достоинства. Особенно неприятно поражаютъ въ ней щекотливыя воспоминанїя о междоусобной войнѣ. Слѣдовало, или вовсе не говорить о ней, или говорить съ большей гордостью. Надо ли было, напримѣръ, скрывать причины, заставившія республиканцевъ взяться за оружіе, а свести всю борьбу на столкновеніе между честолюбїями двухъ выдающихся людей? Время-ли было послѣ пораженїя Помпея принести его въ жертву Цезарю и утверждать съ такою увѣренностью, что онъ не могъ бы воспользо-ваться побѣдой такъ хорошо. Чтобы не осуждать слишкомъ строго тѣ уступки, которыя Цицеронъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать одержавшей верхъ партїи, мы должны вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ была произнесена эта рѣчь. Послѣ Фарсалы онъ въ первый разъ выступилъ публично. Въ этомъ сенатѣ, очищенномъ Цезаремъ и наполненномъ имъ своими креатурами, никто еще не слыхалъ свободного голоса. Друзья и поклонники властелина только одни имѣли право тамъ говорить, и какъ бы чрезмѣрными ни казались намъ похвалы Цицерона Цезарю, можно навѣрное сказать, что лесть его должна казаться очень умѣренной передъ ежедневною раздававшеюся здѣсь лестью другихъ. Прибавимъ къ этому, что никто еще не рѣшался испытывать терпимости Цезаря и никто не зналъ точно ея предѣловъ. А очень естественно, что тотъ, кто не знаетъ навѣрное, гдѣ начинается недозволенное, всегда немного опасается рисковать. Не зная предѣла дозволенной свободы, можно иногда не достигъ его изъ опасенїя его перейти. Впрочемъ этотъ ораторъ, говорившїй за изгнанника, принадлежалъ самъ къ числу побѣжденныхъ. Онъ вполне зналъ, какія права давала въ то время побѣда, и не скрывалъ этого. „Мы были разбиты, говорить онъ Цезарю, и ты

могъ по закону всѣхъ насъ умертвить“ *). Въ настоящее время положеніе вещей сильно измѣнилось. Человѣчность сократила эти безжалостныя права, да и побѣжденный, знающій это, уже не такъ легко сдается весь вполне: съ тѣхъ поръ какъ онъ не подвергается прежнимъ опасностямъ, ему легко быть похрабрѣе; но находясь передъ властелиномъ, имѣвшимъ надъ нимъ неограниченную власть, и зная, что онъ долженъ считать дарованіе ему свободы и жизни за благодареніе, которое можетъ быть всегда и отнято, онъ не могъ говорить съ такою же увѣренностью, и несправедливо было бы назвать робостью ту осторожность, къ какой вынуждало его столь опасное положеніе. Наконецъ, остается еще послѣдній, болѣе простой и, вѣроятно, болѣе истинный способъ объяснить тѣ нѣсколько неумѣренныя похвалы, въ которыхъ упрекали Цицерона, а именно, признать ихъ искренними. Чѣмъ обширнѣе были права побѣдителя, тѣмъ больше было заслуги отказаться отъ нихъ, особенно же, если онъ отказывался отъ нихъ въ пользу человѣка, котораго имѣлъ законное основаніе ненавидѣть. Вотъ почему прощеніе Цезаремъ своего личнаго врага произвело сильное впечатлѣніе и на сенаторовъ, и на Цицерона. То, что изъясненія радости и благодарности, наполняющія собою его рѣчь, не были простымъ ораторскимъ приѣмомъ, видно изъ того, что они находятся и въ письмѣ къ Сульпицію, писанномъ вовсе не для публики. „Этотъ день показался мнѣ такъ прекрасенъ, говорить онъ ему, описывая это достопамятное засѣданіе сената, что мнѣ казалось, будто я вижу возрожденіе республики **).“ Но это уже чистое увлеченіе, потому что ничто не походило такъ мало на пробужденіе республики, какъ этотъ произвольный поступокъ властелина, милующаго людей, виновныхъ лишь въ томъ, что хорошо служили своему отечеству. Тѣмъ не менѣе, такая сильная гипербола служить доказательствомъ глубокаго и искренняго впечатлѣнія, произведеннаго въ то время на Цицерона милосердіемъ Цезаря. Извѣстно, до какой степени его живой характеръ былъ досту-

*) *Pro Marc.*, 4.

**) *Ad fam.*, IV, 4.

пень впечатлѣніямъ минуты. Обыкновенно его чувства восторга или ненависти такъ сильны, что, выражая ихъ, онъ рѣдко соблюдаетъ должныя границы. Вотъ почему въ рѣчи за Марцелла мы встрѣчаемъ гиперболическія похвалы и чрезмерную иногда лесть; хотъ ихъ и легко объяснить, но еще лучше было бы вовсе не встрѣчать ихъ.

Съ этими оговорками можно только наслаждаться рѣчью Цицерона. Въ ней не одна только лесть, какъ это думаютъ иные, и кто прочтетъ ее внимательно и безъ предубѣжденій, тотъ найдетъ въ ней и нѣчто другое. Выразивъ Цезарю благодарность за его милосердіе, онъ позволяетъ себѣ высказать ему также нѣсколько истинъ и подать нѣсколько совѣтовъ. Эта вторая часть, теряющаяся теперь въ блескъ первой, гораздо любопытнѣе, хотъ и не такъ блестяща, и въ свое время производила, несомнѣнно, больше дѣйствія. Хотя Цицеронъ по обыкновенію и передѣлалъ нѣсколько свой трудъ прежде, чѣмъ пустить его въ свѣтъ, но, вѣроятно, сохранилъ въ немъ слѣды импровизаціи. Если онъ не сразу нашелъ эти прекрасные періоды, самые звучные и пышныя въ латинскомъ языкѣ, то, вѣроятно, не слишкомъ сильно измѣнилъ порядокъ мыслей и ходъ рѣчи. Вы чувствуете, что онъ понемногу оживляется, разгорячается и становится все смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ говоритъ. Успѣхъ его краснорѣчія, котораго всѣ были такъ долго лишены, рукоплесканія его друзей, восторгъ и изумленіе новыхъ сенаторовъ, еще не слыхавшихъ его, упоеніе собственною рѣчью, ощущаемое человѣкомъ, когда онъ видитъ, что его слушаютъ, наконецъ, самое мѣсто, гдѣ произносилась рѣчь, эти стѣны сената, на которыя онъ въ ней намекаетъ, хранившія память о столькихъ краснорѣчивыхъ и свободныхъ рѣчахъ, все это наполняетъ его мужествомъ. Онъ постепенно забываетъ всю робкую сдержанность начала рѣчи, и смѣлость является у него вмѣстѣ съ успѣхомъ. Развѣ онъ не нападаетъ косвеннымъ образомъ на неограниченную власть, когда, наприим., говорить: „Мнѣ больно видѣть, что участь республики, долженствующей быть безсмертною, вполнѣ зависитъ отъ жизни одного человѣка, который долженъ умереть“ *).

*) *Pro Marc.*, 7.,

болѣе рѣзкихъ и почти жестокихъ словахъ: „Ты много сдѣлалъ для того, чтобы возбудить удивленіе людей, но недостаточно для того, чтобы заслужить ихъ одобреніе“ *). Что жъ долженъ сдѣлать Цезарь для того, чтобы въ будущемъ ему не только удивлялись, но и одобряли? Онъ долженъ измѣнить существующее: „Республика не можетъ оставаться въ томъ видѣ, какъ она есть“. Онъ ничего дальшаго не объясняетъ, но можно понять, чего ему хочется. Онъ хочетъ свободы, если не такой полной, какою пользовались до Фарсалы, то правильной и умѣренной, совмѣстимой съ сильной побѣдоносною властью, единственно возможной въ то время для Рима. Очевидно, что въ эту минуту Цицеронъ не считалъ еще невозможнымъ достигнуть соглашенія между Цезаремъ и свободой. Развѣ человѣкъ, такъ блистательно отказывавшійся отъ наименѣе оспариваемыхъ правъ побѣды, не могъ пожелать впослѣдствіи отказаться и отъ другихъ? А, видя его милосердіе и великодушіе относительно частныхъ лицъ, развѣ нельзя было подумать, что онъ современемъ могъ поступить также и относительно своего отечества? Какъ ни слаба была эта надежда, но за неимѣніемъ другой, честный человѣкъ и добрый гражданинъ не долженъ былъ дать ей затеряться и даже обязанъ былъ всѣми средствами побуждать Цезаря къ ея осуществленію. Слѣдовательно, восторженно расхваливать Цезаря за сдѣланное, чтобы подвигнуть его сдѣлать еще больше, вовсе не было преступленіемъ, и мнѣ кажется, что похвалы, расточаемыя ему Цицерономъ, утратятъ отчасти тотъ раболѣпный видъ, за который ихъ укоряютъ, если принять во вниманіе его цѣль.

Цезарь выслушалъ комплименты съ удовольствіемъ, а совѣты безъ гнѣва. Онъ былъ слишкомъ доволенъ, что Цицеронъ пересталъ молчать, чтобы сердиться за сказанное имъ. Для него было очень важно, чтобы этотъ государственный человѣкъ, на котораго были устремлены всѣ взоры, снова вступилъ, какимъ бы то ни было образомъ, въ общественную жизнь. Этотъ великій голосъ упорно безмолвствовавшій, какъ бы протестовалъ тѣмъ самымъ противъ новаго прави-

*) *Pro Marc.*, 8.

тельства. Даже и не пытаюсь ему противорѣчить, онъ заставлялъ предполагать, что для этого нѣтъ свободы и, такимъ образомъ, заставлялъ порабощеніе казаться еще болѣе тяжелымъ. Когда Цицеронъ заговорилъ, такъ обрадовались, что позволили ему говорить, какъ онъ хотѣлъ. Онъ вскорѣ это замѣтилъ и этимъ воспользовался. Съ этой минуты становится ощутительно, что выступая публично, онъ сталъ чувствовать себя свободнѣе. Тонъ его дѣлается тверже, и онъ меньше говоритъ комплиментовъ и похвалъ. Дѣло въ томъ, что, въ своей рѣчи за Марцелла, онъ какъ бы хотѣлъ испытать, на сколько можетъ дать себѣ воли. Позондировавъ такимъ образомъ почву, онъ могъ лучше распоряжаться собою и идти съ большей увѣренностью.

Таково было положеніе Цицерона при диктатурѣ Цезаря; изъ всего сказаннаго видно, что оно вовсе не такъ смиренно, какъ это думали, и что и во времена деспотизма онъ сумѣлъ оказать нѣкоторыя услуги свободѣ. На эти услуги не обратили вообще вниманія, что меня нисколько не удивляетъ. Съ людьми бываетъ отчасти то же, что и съ произведеніями искусствъ: глядя на нихъ издали, удивляются лишь ихъ вольнымъ и вѣрно схваченнымъ позамъ, а подробности и оттѣнки ускользаютъ отъ глазъ. Лица, вполне перешедшія на сторону побѣдителя, подобно Куріону или Антонію, или безустанно сопротивлявшіяся ему, подобно Лабіѳну и Катону, совершенно понятны для всѣхъ. Что же касается тѣхъ особо одаренныхъ и гибкихъ умовъ, которые бѣгутъ всякой крайности, искусно умѣютъ лавировать между покорностью и возмущеніемъ, скорѣе обходятъ затрудненія, чѣмъ преодолеваютъ ихъ, и готовы заплатить небольшою лестію за право высказать нѣсколько истинъ, то къ нимъ всегда относятся строже. Такъ какъ изъ нашего далеко нельзя вполне ясно видѣть ихъ положенія, то малѣйшая снисходительность съ ихъ стороны представляется уже низостью, и намъ они представляются распростертыми, когда они лишь кланяются. Только подойдя къ нимъ вплотную, т. е. начавши изучать факты ближе, мы дѣлаемся, наконецъ, способными справедливо отнестись къ нимъ. Мнѣ кажется, что сдѣланный нами подробный разборъ не можетъ быть неблагопріятенъ для Цицерона, и что онъ не

ошибался, когда впоследствии, при описаніи этой поры своей жизни, говорилъ, что порабощеніе его было не безъ нѣкотораго достоинства; *quievi cum aliqua dignitate**).

II.

Говоря объ отношеніяхъ между Цицерономъ и Цезаремъ послѣ Фарсалы, я умышленно умолчалъ о происходившемъ между ними состязаніи по поводу Катона. Явленіе это до такой степени любопытно, что показалось мнѣ достойнымъ отдѣльнаго изученія, а чтобы лучше понять чувства, внесенныя каждымъ изъ нихъ въ это состязаніе, быть-можетъ, не бесполезно будетъ начать ближайшимъ ознакомленіемъ съ личностью, служившей предметомъ спора.

О Катонѣ всѣ имѣютъ довольно правильное понятіе, такъ что и нападающіе на него, и восхищающіеся имъ почти вполне согласны между собою относительно главныхъ чертъ его характера. Это не была такая непонятная и сложная натура, какъ Цицеронъ, съ такимъ трудомъ поддающаяся опредѣленію. Напротивъ того, не было человѣка безусловнѣе и однообразнѣе его, и мы не видимъ во всей исторіи ни одного лица, чьи достоинства и недостатки были бы такъ ясно обозначены. Единственно, что грозитъ изучающимъ его, это — соблазнъ еще болѣе преувеличить эту могучую и рѣзкую фигуру. При небольшомъ желаніи, изъ этого упряма можно сдѣлать человѣка съ норовомъ, изъ этой откровенной и чистосердечной натуры — невѣжу и грубіяна словомъ, написать каррикатуру Катона, а не портретъ его. Чтобы не впасть въ подобную крайность, слѣдуетъ прежде, чѣмъ говорить о немъ, прочесть небольшое письмо, написанное имъ Цицерону, въ то время проконсулу въ Киликии **). Отъ Катона ничего не осталось, кромѣ этой записки, и, по-моему, она должна крайне удивить всякаго, кто составилъ себѣ о немъ предвзятое понятіе. Въ ней нѣтъ ни грубости, ни жесткости, а напротивъ, есть очень много тонкости и ума. Случай былъ весьма затруднительный: приходилось отказать Цицерону въ отличіи, которое ему очень хотѣлось

*) *Philipp.*, III, 11.

**) *Ad fam.*, XV, 5.

получить. На старости лѣтъ у него явилось тщеславное желаніе прослыть побѣдителемъ, и онъ просить сенатъ вотиловать благодарственныя молитвы богамъ за успѣхъ совершеннаго имъ похода. Сенатъ отнесся снисходительно къ этой прихоти; сопротивлялся почти одинъ Катонъ; но и ему также не хотѣлось ссориться съ Цицерономъ, и письмо, написанное имъ въ оправданіе своему отказу, можетъ положительно назваться образцовымъ произведеніемъ ловкости. Онъ доказываетъ ему, что, сопротивляясь его просьбѣ, онъ лучше его самого понимаетъ интересъ его славы. Если онъ не хочетъ благодарить боговъ за успѣхи Цицерона, такъ это потому, что, по его мнѣнію, Цицеронъ обязанъ этими успѣхами самому себѣ. Развѣ не лучше отнести часть ихъ лично къ нему, нежели приписывать ихъ случаю или покровительству неба? Подобный отказъ былъ, несомнѣнно, весьма любезенъ и не давалъ Цицерону даже повода разгнѣваться, хотя онъ имѣлъ на это полное право. Итакъ, Катонъ умѣлъ при случаѣ дѣйствовать очень хитро, чего о немъ никакъ нельзя предположить съ перваго взгляда. Характеръ его сдѣлался гибче вслѣдствіе прілежнаго изученія греческихъ писателей; онъ жилъ среди изящнаго кружка и, помимо своей воли, заимствовалъ у него кое-что. Подозрѣвать это заставляетъ насъ его остроумное письмо, и мы должны вспоминать и перечитывать его всякій разъ, какъ намъ вздумается представить его себѣ невоспитаннымъ мужикомъ.

Однако, надо сознаться, что обыкновенно онъ былъ рѣзокъ и упрямъ, суровъ къ самому себѣ и строгъ къ другимъ. Такова его природная склонность, и онъ усилилъ ее еще сознательно. Не одна природа виновна въ созданіи такихъ цѣльныхъ и безусловныхъ характеровъ; нѣкоторая погоня за оригинальностью и снисходительность къ самому себѣ часто дѣлаютъ то, что человекъ помогаетъ природѣ и тѣмъ сильнѣе выдаетъ ее. Катона влекло къ этому недостатку и самое имя, какое онъ носилъ. Примѣръ его знаменитаго предка былъ у него постоянно передъ глазами, и онъ всего болѣе старался походить на него, не принимая въ соображеніе разности времени и людей. При подражаніи безъ разбора является преувеличеніе. Воспроизведеніе чужихъ добродѣтелей всегда затруднительно и ведетъ къ чрез-

мѣрности. Берутъ лишь наиболѣе выдающіяся черты своего образца и пренебрегаютъ умѣряющими ихъ остальными. Это самое случилось и съ Катонѣмъ, и Цицеронъ справедливо укоряетъ его за то, что онъ подражалъ только грубымъ сторонамъ характера своего дѣда. „Если бы ты при своей строгой мудрости, говорилъ онъ, заимствовалъ нѣкоторыя легкія и веселыя черты дѣдовскихъ нравовъ, достоинства твоей сдѣлались бы пріятнѣе“ *). Несомнѣнно, что у стараго Катона было и остроуміе, и деревенская веселость, и насмѣшливое добродушіе, чего совсѣмъ не было у его внука. Онъ заимствовалъ у него только грубость и упрямство и довелъ ихъ до крайности.

Изъ всѣхъ крайностей самая опасная есть, быть-можетъ, крайность въ стараніи быть хорошимъ; по крайней мѣрѣ, отъ нея всего труднѣе исправиться, такъ какъ виновный тутъ рукоплещетъ самъ себѣ, и никто не осмѣливается укорять его. Недостатокъ Катона состоялъ въ томъ, что онъ ни въ чемъ не зналъ мѣры. Желая твердо держаться своего мнѣнія, онъ оставался непреклоннымъ къ совѣтамъ друзей и къ урокамъ опыта. Практика жизни, эта непреклонная повелительница, по словамъ Боссюэта, не имѣла на него никакого вліянія. Энергія его доходила до упрямства, а честность его бывала иногда не въ мѣру щепетильною. Эта крайняя щепетильность и помѣшала именно его успѣхамъ въ то время, когда онъ добивался общественныхъ должностей. Народъ былъ очень требователенъ къ тѣмъ, кто обращался къ его выбору. Во все остальное время года онъ давалъ проводить себя, какъ угодно; но въ день выборовъ признавалъ себя властелиномъ и любилъ это показывать. Его нельзя было задобрить, не льстя всѣмъ его прихотямъ. Цицеронъ нерѣдко смѣялся надъ этими несчастными услужливыми кандидатами (*natio officiosissima candidatorum*), которые рано по утрамъ идутъ стучаться у всѣхъ дверей, проводятъ все время въ дѣланіи визитовъ и комплиментовъ, считаютъ своею обязанностью сопровождать всѣхъ полководцевъ, возвращающихся въ Римъ и

*) *Pro Muraena*, 31.

уѣзжающихъ оттуда, составляютъ изъ себя свиту всѣхъ вліятельныхъ ораторовъ и принуждены быть безконечно внимательны и почтительны ко всѣмъ. Изъ людей народа, отъ которыхъ, собственно говоря, и зависѣли выборы, наиболѣе честные ждали себѣ лести, а другіе требовали подкупа. Катонъ не былъ способенъ ни на то, ни на другое. Онъ не хотѣлъ ни льстить, ни лгать; а платить еще и того менѣе. Когда его убѣждали дѣлать пиры и подарки, въ которыхъ уже издавна не могли отказывать кандидаты, онъ рѣзко отвѣчалъ: „Ведете ли вы просто мѣновой торгъ удовольствіями съ развратной молодежью или требуете у римскаго народа управленія міромъ“? И онъ не переставалъ повторять то правило, „что надо добиваться должностей только однимъ личнымъ достоинствомъ“ *). Жесткія слова! сказалъ Цицеронъ; ихъ не привыкли слышать въ такія времена, когда всѣ должности сдѣлались продажными. Они не понравились народу, извлекавшему для себя выгоду изъ этой продажности, и Катонъ, продолжавшій добиваться должностей только за свои личные достоинства, бывалъ почти всегда побѣждаемъ тѣми, кто хлопоталъ съ деньгами въ рукахъ.

Подобнаго рода честные и рѣшительные характеры встрѣчаются на различныхъ ступеняхъ и въ частной и въ общественной жизни. По этому они столько же относятся къ области комедіи, какъ и къ области исторіи. Если бы я не боялся повредить важности изучаемаго мною лица, я сказалъ бы, что вышеприведенный гордый отвѣтъ невольно напоминаетъ собою одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній французскаго театра. Въ *Мизантропѣ* Мольеръ хотѣлъ изобразить своего рода Катона. Правда, что здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ частнаго лица, а не объ управленіи міромъ, и ведется просто гражданскій процессъ; но по этому поводу Катонъ нашей комедіи говоритъ точно такъ же, какъ и тотъ. Онъ тоже не хочетъ подчиниться тѣмъ обычаямъ, которыхъ не одобряетъ. Рискуя даже проиграть свое дѣло, онъ не хочетъ идти къ своимъ судьямъ, а когда ему говорятъ:

„А кого же вы желаете имѣть за себя ходатаемъ?“
онъ отвѣчаетъ такъ-же гордо, какъ Катонъ:

*) *Pro Mur.*, 35.

„Кого?—Разумъ, мое законное право и справедливость“.

Какъ бы то ни было, подобныя личности внушаютъ всегда большое уваженіе. Осуждать ихъ не хватаетъ духу, а между тѣмъ это необходимо. Не преувеличеніями и не предвзятой суровостью должно защищать такія благородныя вещи, какъ честность, честь и свобода. Имъ и безъ того уже невыгодно бороться съ испорченностью и развратомъ; къ чему же придавать имъ еще непріятную и притомъ бесполезную жесткость и суровость? Преувеличивать нравственную щепетильность значить обезоруживать добродѣтель. Уже довольно того, что она принуждена быть степенною; зачѣмъ же дѣлать ее отталкивающею? Не жертвуя ни однимъ принципомъ, она должна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ умѣть уступать людямъ для того, чтобы надъ ними господствовать. Доказательствомъ того, что люди, гордящіеся своей неуступчивостью, неправы, служить то, что они вовсе не такъ несговорчивы, какъ воображаютъ, и несмотря на все свое сопротивление, подконецъ всетаки дѣлаютъ кой-какія уступки. Въдѣ и строгій и суровый герой *Мизантропа*, Альцестъ, все-таки принадлежитъ къ свѣту и притомъ къ самому лучшему. Онъ ведетъ придворную жизнь, что легко узнается не только по его манерамъ и обращенію, хотя я и представляю себѣ *человѣка съ зелеными лентами*, одѣтымъ со вкусомъ и изяществомъ, но и по дѣлаемымъ имъ послабленіямъ и по тѣмъ уловкамъ вѣжливости, которыя также не что иное, какъ ложь, и которыхъ онъ не потерпѣлъ бы въ Филинтѣ. Прежде, чѣмъ разразиться противъ вельможи съ его сонетомъ, онъ употребляетъ ловкія выраженія, въ которыхъ можно только предугадывать истину:

„Развѣ вы имѣете что-нибудь возразить на мой сонетъ?“

— Я этого не говорю.

Выраженіе: я *этого не говорю*, такъ часто повторяемое имъ, если его разобрать со строгостью мизантропа, развѣ оно не уклончивость и не преступная слабость? Руссо строго упрекаетъ за это Альцеста, и я не думаю, чтобы Альцестъ, твердо держась своихъ правилъ, нашелся что отвѣчать Руссо. И у Катона нетрудно найти подобнаго рода измѣны самому себѣ. Этотъ строгій врагъ происковъ, не желавшій сначала ничего дѣлать для успѣха своихъ кан-

дидатуръ, подконецъ просто ихъ добивается: подобно всѣмъ прочимъ, онъ ходитъ на Марсово поле, чтобы пожимать руки гражданъ и выпрашивать у нихъ голоса. „Какъ! говорилъ ему иронически Цицеронъ, потѣшавшійся такими противорѣчiями, развѣ тебѣ приходится ко мнѣ за избирательнымъ голосомъ? Скорѣе я долженъ благодарить человека съ такими достоинствами, какъ твои, соглашающагося взять на себя изъ-за меня столько трудовъ и опасностей?“ *) Онъ дѣлалъ еще больше, этотъ строгій врагъ лжи: у него былъ одинъ изъ рабовъ, называемыхъ *номенклаторами*, знавшихъ имена и профессiю всѣхъ римскихъ гражданъ, и онъ, подобно другимъ, пользовался имъ для того, чтобы увѣрить бѣдныхъ избирателей, будто онъ ихъ лично знаетъ. „Развѣ это не значитъ злоупотреблять и надувать народъ?“—говорилъ Цицеронъ и былъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Особенно печально то, что эти уступки, унижающiя достоинство и цѣльность характера, ни къ чему не служатъ; онъ дѣлаются обыкновенно неохотно и слишкомъ поздно; онъ не изглаживаютъ воспоминанiя о прежнихъ грубостяхъ и никого собою не подкупаютъ. Несмотря на эти позднiя старанiя и на помощь своего номенклатора, Катонъ не достигъ консульства, и Цицеронъ строго осуждаетъ промахи, заставившiе его потерпѣть неудачу. Самъ онъ могъ, конечно, обойтись безъ консульства; но республикѣ нужно было имѣть его консуломъ, и, по мнѣнiю многихъ хорошихъ гражданъ, способствовать торжеству дурныхъ людей вслѣдствiе излишней щепетильности или преувеличенной честности, значило почти то же самое, что покинуть республику или измѣнить ей.

Подобныя преувеличенiя и крайности еще понятны въ человекѣ, который, подобно Альцесту, намѣвается *избѣгать людей*: но они становятся непростительны, когда хочешь жить съ людьми, да еще стремишься управлять ими. Управленiе людьми вещь очень деликатная и трудная, не позволяющая отталкивать отъ себя тѣхъ, къ которымъ намѣреваешься руководить. Конечно, надо желать сдѣлать ихъ лучшими, но прежде всего ихъ надо принимать такими, какъ они есть.

*) *Pro Mur.*, 36.

Первый законъ политики состоитъ въ томъ, чтобы желать только возможнаго. Катонъ часто позабывалъ о немъ. Онъ не умѣлъ оказывать той снисходительности, безъ которой нельзя управлять народами; въ характеръ его не было ни довольно гибкости, ни той степени честной хитрости, которая даетъ успѣхъ въ предпринимаемыхъ дѣлахъ; въ немъ не было ничего, сближающаго между собою противоположныя честолюбія, успокоивающаго зависть соперниковъ и собирающаго вокругъ одного лица людей, съ совершенно различными характерами, взглядами и интересами. Онъ могъ служить только рѣзкимъ протестомъ противъ нравовъ своего времени; но онъ не былъ главою партіи. Не смотря на все свое уваженіе къ нему, я беру на себя смѣлость сказать, что онъ и настойчивъ былъ потому, что умъ у него былъ узокъ. Онъ не могъ сразу разобраться во всемъ, относительно чего можно держать себя вольнѣе, или наоборотъ, надо отстаивать до конца. Ученикъ стойковъ, говорившихъ, что всѣ проступки равны между собою, такъ что по остроумному замѣчанію Цицерона, убить безъ нужды цыпленка такъ же грѣшно, какъ задушить отца родного, онъ прилагалъ эту странную и суровую теорію къ политикѣ. Замкнувшись въ строгой законности, онъ съ непріятнымъ ожесточеніемъ защищалъ въ ней всякій вздоръ. Онъ былъ неразборчивъ въ своемъ восхищеніи прошлымъ. Онъ одинаково подражалъ и древнимъ костюмамъ, и древнимъ правиламъ, и не носилъ туники подъ тогою только потому, что ея не носилъ Камиллъ. Ограниченность его ума, а также его узкое и упрямое усердіе не разъ вредили республикѣ. Плутархъ укоряетъ его, что онъ бросилъ Помпея въ руки Цезаря, отказавши ему въ пустомъ удовлетвореніи тщеславія. Цицеронъ осуждаетъ его за то, что онъ разсердилъ всадниковъ, съ такимъ трудомъ приближенныхъ имъ къ сенату. Правда, что всадники заявляли неразумныя требованія; но онъ долженъ былъ скорѣе уступить имъ, чѣмъ допустить ихъ помочь Цезарю своими громадными богатствами. По этому именно поводу Цицеронъ говорилъ о немъ: „Ему представляется, что онъ живетъ въ республикѣ Платона, а не въ грязи Ромула“ *), и слова эти до

*) *Ad Att.*, II, 1.

сихъ поръ всего лучше характеризуютъ ту неумѣльную политику, которая, требуя слишкомъ многаго отъ людей, въ концѣ концовъ ничего отъ нихъ не получаетъ.

Въ сущности вся роль Катона состоитъ въ сопротивленіи. Онъ не былъ способенъ вести за собой партію; особенно удивителенъ онъ былъ, когда ему приходилось выдерживать нападеніе противника. Чтобы одолѣть его, онъ употреблялъ часто удававшуюся ему тактику: видя, что намѣреваются принять рѣшеніе, казавшееся ему гибельнымъ, и что надо, во что бы то ни стало, помѣшать народу утвердить его, онъ требовалъ слова и уже не уступалъ его никому. Плутархъ повѣствуетъ о немъ, будто онъ могъ говорить, не утомляясь, цѣлый день. Ропотъ, крики, угрозы, ничто его не страшило. Случалось, что ликторъ стаскивалъ его съ трибуны; но какъ только онъ освобождался, онъ всходилъ на нее опять. Однажды трибунъ Требоній, выведенный изъ терпѣнія такимъ сопротивленіемъ, приказалъ отвести его въ тюрьму: Катонъ нисколько не смутился и продолжалъ свою рѣчь по дорогѣ, сопровождаемый толпою людей, желавшихъ его слушать. Надо при этомъ замѣтить, что нельзя сказать, что онъ былъ непопуляренъ: народъ, любящій вообще мужество, въ концѣ концовъ сдавался передъ этимъ упорнымъ хладнокровіемъ и этой непобѣдимой энергіей. Иногда онъ принималъ его сторону, вопреки своимъ интересамъ и склонностямъ, и Цезарь, всемогущій повелитель толпы, остерегался однако-же вспышекъ Катона.

При всемъ томъ, какъ я уже говорилъ, Катонъ не могъ быть главою партіи, а что еще прискорбнѣе, партія, за которую онъ боролся, вовсе не имѣла главы. То было собраніе аристократовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для управленія другими. Не говоря уже о Помпеевѣ, этомъ сомнительномъ союзникѣ, не внушавшемъ къ себѣ довѣрія, Сципіонъ отталкивалъ отъ себя всѣхъ своимъ высокомѣріемъ и жестокостью; Аппій Клавдій былъ не болѣе, какъ убѣжденный авгуръ, вѣрившій въ гаданіе по птицамъ; Марцеллъ былъ недостаточно гибокъ и привѣтливъ и самъ сознается, что почти никто его не любилъ; у Сервія Сульпиція были всѣ слабости придиричаваго юрисконсульта; наконецъ, Цицеронъ и Катонъ грѣшили

противоположными крайностями, такъ что надо было или соединить ихъ въ одно, или дополнить ихъ одного другимъ для того, чтобы изъ нихъ вышелъ удовлетворительный политикъ. И такъ, до Фарсалы въ этой республиканской партіи были блестящія личности, но не было главы, а такъ какъ ревнивое самолюбіе и соперническое тщеславіе ея членовъ никакъ не могли ужиться между собою, то врядъ ли ихъ можно даже и считать за партію.

Междоусобная война, послужившая подводнымъ камнемъ для столькохъ другихъ людей, вызвавшая наружу столько мелочности и низости, обнаружила, напротивъ, всю доброту и все величіе Катона. Тогда въ характеръ его произошелъ какъ бы переломъ. Подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ приближеніе предсмертныхъ минутъ дѣлаетъ умъ возвышеннѣе и прозорливѣе, точно такъ, въ виду грозившей катастрофы, долженствовала поглотить свободныя учрежденія Рима, кажется, что честная душа Катона очистилась еще больше, и умъ его почерпнулъ въ чувства общественной опасности болѣе правильный взглядъ на существующее положеніе. Тогда какъ страхъ заставляетъ другихъ все преувеличивать, его онъ исцѣлилъ отъ его всегдашней склонности къ преувеличенію; помышляя объ опасностяхъ, грозившихъ республикѣ, онъ вдругъ сдѣлался благоразуменъ и умѣренъ. Онъ, всегда готовый оказать бесполезное сопротивление, совѣтуетъ покориться Цезарю, дать ему то, чего онъ требуетъ и готовъ на всевозможныя уступки, лишь бы избѣжать междоусобной войны. Когда она вспыхиваетъ, онъ переноситъ ее съ грустью и всѣми средствами старается уменьшить ея ужасы. Всякій разъ, какъ съ нимъ совѣтуются, онъ бываетъ на сторонѣ умѣренности и кротости. Среди этихъ молодыхъ людей героевъ римскаго образованнаго общества, среди этихъ литературныхъ умниковъ и щеголей, дѣло челоувѣчности защищается суровымъ Катонемъ. Несмотря на гнѣвъ горячихъ помпейцевъ, онъ заставляетъ положить рѣшеніе, что ни одинъ городъ не будетъ разграбленъ, и ни одинъ гражданинъ не будетъ убитъ внѣ поля битвы. Приближеніе предвидимыхъ имъ бѣдствій какъ бы размягчило это энергичное сердце. Вечеромъ дня битвы при Диррахіумѣ, когда всѣ веселились

въ лагерѣ Помпея, одинъ Катонъ, видя разбросанные вокругъ трупы столькихъ римлянъ, заплакалъ: благородныя слезы, достойныя слезъ Сципіона на развалинахъ Кареагена, о которыхъ такъ часто вспоминала древность! Сидя въ шатрѣ, подъ Фарсалою, онъ строго осуждалъ тѣхъ, которые говорили только объ убійствахъ и объ изгнаніяхъ и заранѣе раздѣляли между собою дома и земли побѣжденныхъ. Но зато послѣ пораженія, когда большинство этихъ фанатиковъ стояли колѣнопреклоненные передъ Цезаремъ, Катонъ отправился набирать ему повсюду враговъ и возжечь междоусобную войну по окраинамъ міра. Насколько онъ желалъ уступчивости до битвы, настолько онъ рѣшился не покоряться, когда была утрачена всякая надежда на свободу. Извѣстно его геройское сопротивленіе въ Африкѣ не только противъ Цезаря, но и противъ бѣшенныхъ членовъ республиканской партіи, постоянно готовыхъ на всякія крайности. Извѣстно, какъ послѣ Тапса, видя, что все потеряно, онъ не захотѣлъ принять прощенія побѣдителя и лишилъ себя жизни въ Утикѣ.

Смерть его далеко отозвалась во всемъ римскомъ мірѣ. Она заставила устыдиться тѣхъ, кто началъ уже привыкать къ рабству; она дала нѣкотораго рода толчекъ упавшимъ духомъ республиканцамъ и вновь оживила оппозицію. При жизни Катонъ не всегда оказывалъ хорошія услуги своей партіи, но онъ принесъ ей большую пользу своей смертью. У опальнаго дѣла былъ теперь свой идеалъ и свой мученикъ. Всѣ его уцѣлѣвшіе приверженцы объединились и сплотились вокругъ этого великаго имени. Особенно въ Римѣ, въ этомъ беспокойномъ и подвижномъ городѣ, гдѣ столько людей гнуло голову, не покоряясь въ душѣ, прославленіе его сдѣлалось обычнымъ занятіемъ недовольныхъ. „Вокругъ тѣла Катона, говоритъ Моммсенъ, бились точно такъ же, какъ въ Троѣ около трупа Патрокла“. Фабій Галль, Брутъ, Цицеронъ и, вѣроятно, еще много другихъ неизвѣстныхъ намъ лицъ, прославляли его письменно. Цицеронъ началъ писать о немъ по просьбѣ Брута. Сначала его отталкивала трудность предмета: „Это трудъ Архимеда, говорилъ онъ“ *);

*) *Ad Att.*, XII, 4.

но по мѣрѣ того, какъ работа его подвигалась впередъ, онъ полюбилъ ее и окончилъ ее даже съ какимъ-то энтузіазмомъ. Эта книга не дошла до насъ; мы знаемъ только, что Цицеронъ помѣстилъ въ ней совершеннѣйшую апологію Катона: „Онъ превозноситъ его до небесъ,“ *) говоритъ Тацитъ. Между тѣмъ они часто спорили между собою, о чемъ онъ сообщаетъ безо всякаго стѣсненія во многихъ мѣстахъ своей переписки; но, какъ это обыкновенно бываетъ, смерть примирила собою все. Кромѣ того, Цицеронъ, упрекавшій себя за то, что недостаточно сдѣлалъ для своей партіи, обрадовался, найдя случай уплатить ей свой долгъ. Книга, важная и по имени автора и по имени героя, имѣла такой успѣхъ, что встревожила и разсердила Цезаря. Но онъ тщательно скрылъ, конечно, свое недовольство; напротивъ того, онъ поспѣшилъ написать лестное письмо къ Цицерону, въ которомъ привѣтствовалъ талантъ, обнаруженный имъ въ этомъ произведеніи. „Читая его, говорилъ онъ, я чувствую, что становлюсь краснорѣчивѣе“ **). Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, какъ этого можно было опасаться, онъ рѣшилъ, по выраженію Тацита, что только перо можетъ мстить за нападки, учиненныя перомъ. По его приказанію, его помощникъ и другъ, Гирцій, написалъ Цицерону длинное письмо, которое было издано въ свѣтъ и въ которомъ разбиралась его книга. Впослѣдствіи, когда этотъ отвѣтъ былъ признанъ недостаточнымъ, самъ Цезарь принималъ участіе въ спорѣ и среди трудовъ Испанской войны сочинилъ своего Анти-Катона.

Цезаря очень хвалили за подобную умѣренность; она не всегда встрѣчается у людей, обладающихъ безграничною властью, и римляне справедливо говорили, что человѣкъ рѣдко довольствуется писаніемъ, когда онъ можетъ пустить въ ходъ изгнаніе. Достоинство его великодушнаго поведенія увеличивается еще отъ того, что онъ ненавидѣлъ Катона. Онъ говоритъ о немъ всегда съ горечью въ своихъ *Комментаріяхъ* и, хотя обыкновенно справедливо относился къ своимъ врагамъ, но здѣсь не упускаетъ случая его очер-

*) *Ann.*, IV. 34.

**) *Ad Att.*, XIII, 46.

нить. Развѣ онъ не дерзнулъ предположить, что, берясь противъ него за оружіе, Катонъ дѣйствовалъ по внушенію личной мести и изъ желанія отомстить за свои неудачи на выборахъ *), хотя онъ хорошо зналъ, что никто такъ великодушно не забывалъ о себѣ ради своего отечества! Дѣло въ томъ, что между ними существовала не одна только политическая распря, но и антипатія въ характерахъ. Недостатки Катона были, вѣроятно, особенно непріятны Цезарю; добродѣтели же его принадлежали къ числу такихъ, которыя Цезарь не только не старался приобрести, но которыхъ онъ не могъ даже оцѣнить. Могло ли ему нравиться это узкое уваженіе къ законности и рабское подражаніе древнимъ обычаямъ ему, находившему какое-то особое удовольствіе смѣяться надъ стариною? Могъ ли такой расточительный человѣкъ, привыкшій тратить безъ счета и государственныя и свои собственныя деньги, воздавать должное той строгой щепетильности, съ какою Катонъ распоряжался общественной казною, его заботливости о своихъ частныхъ дѣлахъ и странной для того времени гордости тѣмъ, что долги его не превышаютъ его имущества? Повторяю, что Цезарь не могъ понять подобныхъ качествъ. Слѣдовательно, онъ нападалъ на нихъ вполне искренно и по убѣжденію. Этому умному человѣку, любящему удовольствія, равнодушному къ принципамъ, скептическому относительно мнѣній, привыкшему жить въ легкомысленномъ и вѣжливомъ кругу, Катонъ едва ли могъ казаться чѣмъ другимъ, какъ лишь фанатикомъ и грубымъ человѣкомъ. Такъ какъ онъ не ставилъ ничего выше отборныхъ чувствъ и вѣжливыхъ пріемовъ, то изящный порокъ нравился ему больше дикой добродѣтели. Напротивъ того, Катонъ хотя и не остался чуждъ литературному образованію и свѣтскому духу, но въ глубинѣ души продолжалъ быть древнимъ римляниномъ. Несмотря на всѣ усилія, ни свѣтъ, ни литература не могли искоренить въ немъ совершенно рѣзкости или, лучше сказать, грубости, присущей его характеру и расѣ, и мы находимъ ихъ отчасти даже въ его лучшихъ поступкахъ. Приведу только одинъ примѣръ: Плутархъ въ своемъ краснорѣчивомъ опи-

*) Цезарь, *Bell. civ.*, I, 4.

саніи его послѣднихъ минутъ, рассказываетъ, что когда рабъ Катона изъ любви къ нему отказался подать ему мечъ, тотъ такъ бѣшено ударилъ его кулакомъ, что до крови разбилъ себѣ руку. Въ глазахъ такого деликатнаго человѣка, какъ Цезарь, этотъ ударъ кулакомъ обнаруживалъ грубую натуру и, какъ мнѣ кажется, помѣшалъ ему понять красоту этой смерти. Подобная разниа или, лучше сказать, подобныя антипатіи встрѣчаются и во всей ихъ частной жизни. Между тѣмъ какъ Цезарь поставилъ себѣ за правило все прощать своимъ друзьямъ и простиралъ свою снисходительность къ нимъ до того, что даже закрывалъ глаза на ихъ измѣны, Катонъ относился чрезвычайно строго и требовательно къ своимъ близкимъ. Онъ нимало не колебался поссориться на Кипрѣ съ Мунаціемъ, товарищемъ всей своей жизни, оказавши ему оскорбительное недовѣріе. Въ своемъ домашнемъ быту это былъ несомнѣнно образецъ честности и вѣрности; тѣмъ не менѣе онъ не всегда оказывалъ своей женѣ то уваженіе и вниманіе, которыхъ она заслуживала. Извѣстно, что онъ безъ церемоній уступилъ ее просившему ее у него Гортензію, а послѣ его смерти очень просто взялъ ее къ себѣ обратно. Какъ различно было поведеніе Цезаря съ своей женой, хотя онъ и имѣлъ поводъ на нее жаловаться. Однажды ночью въ домъ его былъ пойманъ человѣкъ; судъ производилъ слѣдствіе, онъ могъ отмстить за оскорбленіе, но предпочелъ позабыть о немъ. Призванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, онъ объявилъ, что ничего не знаетъ, спасая такимъ образомъ своего соперника для того, чтобы не повредить доброй славѣ жены. Онъ отослалъ ее отъ себя уже послѣ, когда замолкли слухи объ этомъ похищеніи. Это значило дѣйствовать, какъ подобаетъ свѣтскому человѣку, умѣющему жить. Но и тутъ, если сравнить его съ Катономъ, то увидимъ что выгодная сторона остается за менѣе добросовѣстнымъ и въ сущности менѣе достойнымъ,—за легкомысленнымъ и развратнымъ мужемъ, который выигрываетъ только благодаря какой-то естественной деликатности своихъ чувствъ.

Такое различіе въ поступкахъ и противоположность въ характерахъ объясняютъ, по моему, лучше всякихъ политическихъ несогласій, почему Цезарь относится такъ отрица-

тельно къ Катону въ своемъ сочиненіи. Уцѣлѣвшіе отъ него отрывки и свидѣтельство Плутарха доказываютъ, что онъ нападалъ на него съ чрезвычайною силою, стараясь выставить его сразу и смѣшнымъ, и недостойнымъ. Но всѣ его старанія были напрасны, это ему не удалось. Несмотря ни на что, всѣ продолжали читать книгу Цицерона и восхищаться ею. Слава Катона не только пережила оскорбленія Цезаря, но еще увеличилась при имперіи. Въ эпоху Нерона, когда деспотизмъ былъ всего тяжелѣе, Тразея снова написалъ его исторію, Сенека приводитъ его на каждой страницѣ своихъ сочиненій, и онъ все время продолжаетъ быть гордостью и образцомъ для честныхъ людей, которые, при общемъ униженіи характеровъ, сохраняли еще въ себѣ чувство чести и достоинства. Его смерть они изучали даже больше, чѣмъ его жизнь, такъ какъ въ то время необходимо было учиться умирать, и когда представлялась эта печальная необходимость, то ставили передъ собою его примѣръ и у всѣхъ на языкъ было его имя. Слава поддержать и утѣшить столько благородныхъ сердецъ среди такихъ жестокихъ испытаній несомнѣнно велика, и я увѣренъ, что Катонъ не пожелалъ бы себѣ никакой другой.

III.

Изъ поведенія Цезаря послѣ Фарсалы и изъ его отношеній къ Цицерону видно, что одно время онъ не прочь былъ сблизиться съ республиканскою партіею. Правда, поступать иначе онъ почти и не могъ. Пока дѣло шло о ниспроверженіи республики, онъ принималъ помощь всякаго, и къ нему преимущественно шли самые плохіе люди. «Когда человѣкъ былъ кругомъ въ долгахъ и во всемъ нуждался, говорить Цицеронъ, и если при этомъ было доказано, что это человѣкъ, способный на все, Цезарь дѣлалъ его своимъ другомъ“ *); но всѣ подобныя люди, безъ совѣсти и безъ нравственныхъ правилъ, годны только для разрушенія установленной власти, а не для утвержденія новой. Правительство Цезаря не могло внушить къ себѣ никакого довѣрія до

*) *Philipp.*, II, 32.

тѣхъ поръ, пока возлѣ повелителя, рядомъ съ этой шайкой, которой всѣ привыкли бояться, не появится нѣсколько почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ лицъ. А такого рода лица находились преимущественно среди побѣжденныхъ. Къ этому надо прибавить, что Цезарь вовсе не желалъ, чтобы какая-нибудь одна партія воспользовалась его побѣдою. Онъ не старался, подобно Марію или Суллѣ, доставить торжество извѣстной партіи; онъ намѣревался основать новое правленіе и призывалъ къ себѣ людей различныхъ мнѣній, чтобы они помогли ему въ его предпріятіи. Думали, будто онъ старался примирить партіи, и прославляли его за это. Но похвалы эти не совсѣмъ справедливы: онъ не примирялъ ихъ, а просто уничтожалъ. Прежнія республиканскія партіи могли существовать при томъ монархическомъ порядкѣ, какой онъ думалъ учредить *). Онъ искусно воспользовался раздорами между народомъ и сенатомъ, чтобы овладѣть и тѣмъ и другимъ; первымъ результатомъ его побѣды было то, что онъ отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга, такъ что можно сказать, что послѣ Фарсалы, за исключеніемъ лишь самого Цезаря, были только одни побѣжденные. Этимъ и объясняется то, что, разѣ одержавъ побѣду, онъ одинаково пользовался и приверженцами сената, и демократами. Подобное равенство, полагаемое имъ между ними, было естественно, такъ какъ всѣ они одинаково и безразлично сдѣлались его подданными. Но онъ хорошо зналъ, что, принимая услуги прежнихъ республиканцевъ, онъ пріобрѣтаетъ въ ихъ лицѣ не всегда покорныя орудія, что онъ принужденъ будетъ предоставить имъ нѣкоторую независимость въ словахъ и дѣ-

*) Такъ какъ дѣло Цезаря было прервано его смертію, то нелегко сказать, каковы были его намѣренія. По мнѣнію однихъ, онъ желалъ только нѣкотораго рода пожизненной диктатуры; во большинство полагаетъ, что онъ окончательно хотѣлъ установить монархію. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ для того, чтобы къ нему можно было приступать случайно и рѣшать его въ нѣсколькихъ словахъ. Скажу только, что сначала онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, быть можетъ, объ одной диктатурѣ; но по мѣрѣ того, какъ увеличивалось его могущество, у него, повидимому, стала появляться серьезная мысль объ основаніи монархіи. Во всякомъ случаѣ изъ одного мѣста у Плутарха (*Brut.*, 7) можно вывести то заключеніе, что умирая онъ еще не рѣшилъ окончательно вопроса о наслѣдствѣ.

лахъ и сохранить за республикою хоть одну видимость; но это, впрочемъ, не слишкомъ огорчало его. Онъ не чувствовалъ того непреодолимаго отвращенія къ свободѣ, какое питаютъ къ ней государи, воспитанные на неограниченной власти, и знающіе ея имя лишь для того, чтобы опасаться ея и проклинать. Онъ прожилъ съ нею двадцать пять лѣтъ, привыкъ къ ней и понималъ ея значеніе. Вотъ почему онъ не старался уничтожить ее совершенно. Онъ не заставлялъ умолкнуть краснорѣчивые голоса, сожалевавшіе о прошломъ, хотя и могъ бы это сдѣлать; онъ не запрещалъ даже говорить придиричвой оппозиціи, старавшейся отвѣчать насмѣшками на его побѣды. Онъ позволялъ критиковать вѣкоторыя изъ своихъ правительственныхъ распоряженій и допускалъ давать ему совѣты. Этотъ великій умъ зналъ очень хорошо, какъ ослабляется страна, когда гражданъ заставляютъ равнодушно относиться къ дѣламъ своимъ и лишаютъ ихъ охоты заниматься ими. Онъ не вѣрилъ, чтобы можно было основать что-либо прочное на безмолвномъ повиновеніи, и въ правительствѣ, которое онъ основывалъ, ему хотѣлось удерживать хоть нѣкоторую долю общественной жизни. Мы узнаемъ это отъ Цицерона въ одномъ любопытномъ мѣстѣ его переписки. „Мы наслаждаемся здѣсь глубокимъ спокойствіемъ, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей; но я предпочелъ бы ему, однако, немного честнаго и спасительнаго волненія“; затѣмъ онъ прибавляетъ: „Я вижу, что и Цезарь тѣхъ же мыслей“ *).

Всѣ эти причины побудили его ступить лишній шагъ на томъ великодушномъ и милостивомъ пути, которымъ онъ пошелъ послѣ Фарсалы. Онъ простилъ большинство тѣхъ кто взялся противъ него за оружіе; многимъ изъ нихъ онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ власть. Возвративъ назадъ большую часть изгнанныхъ, онъ назначилъ Кассія своимъ помощникомъ; онъ далъ Бруту управленіе Цизальпинской Галліей, а Сульпицію — Греціей. Далѣе мы еще будемъ говорить о двухъ первыхъ; но чтобы лучше понять политику Цезаря, необходимо поскорѣе ознакомиться съ третьимъ и указать, насколько онъ былъ

*) *Ad fam*, XII, 17.

Сервій Сульпицій принадлежалъ къ знатной римской фамиліи и былъ знаменитѣйшимъ юрисконсультъ своего времени. Цицеронъ чрезвычайно восхваляетъ его за то, что онъ первый ввелъ въ право философію, т. е. посредствомъ общихъ взглядовъ и началъ онъ соединилъ между собою мелочныя правила и точныя формулы, составлявшія эту науку *). Поэтому онъ не затрудняется ставить его гораздо выше его предшественниковъ и даже выше великой фамиліи Сцеволя, въ которой римская юриспруденція находила до тѣхъ поръ какъ бы свое воплощеніе. Но между ними и Сульпиціемъ существовала одна важная разница: Сцеволя давали Риму юрисконсультовъ, авгуровъ, жрецовъ, т.-е. людей, преданныхъ вполне спокойнымъ и миролюбивымъ занятіямъ; въ то же время это были чрезвычайно дѣятельные граждане, рѣшительные политики и храбрые воины, мужественно защищавшіе свое отечество отъ мятежниковъ и чужеземцевъ. Ведя такую дѣловую жизнь, они оказались способными ко всѣмъ дѣламъ и на высотѣ всякихъ положеній. Авгуръ Сцеволя въ то время, какъ его звалъ Цицеронъ, былъ, несмотря на свои лѣта, еще здоровый старикъ, встававшій всегда на разсвѣтъ, чтобы принять своихъ деревенскихъ кліентовъ. Онъ приходилъ обыкновенно первымъ въ курію, и всегда бралъ съ собою какую-нибудь книгу для чтенія, чтобы не оставаться празднымъ, поджидая своихъ коллегъ; но въ тотъ день, когда Сатурнинъ вздумалъ угрожать спокойствію республики, этотъ ученый, такъ глубоко любившій свои занятія, этотъ слабый старикъ, едва державшійся на ногахъ и дѣйствовавшій только одной рукою, вооружилъ эту руку копьемъ и отправился во главѣ народа для нападенія на Капитолій **). Верховный жрецъ Сцеволя былъ не только искусный юрисконсультъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неподкупный правитель, о которомъ воспоминаніе навѣки осталось въ Азіи. Когда сборщики податей напали на его квестора, Рутилія Руфа, виновнаго лишь въ томъ, что онъ не позволялъ имъ разорять провинцію, онъ защитилъ его съ дивнымъ краснорѣчіемъ и съ такою силою, ко-

*) *Brut.*, 51.

**) *Pro Rabir.*, 7.

торой не могла поколебать никакая угроза. Онъ отказался покинуть Римъ въ моментъ первыхъ проскрипцій и оставить своихъ кліентовъ и свои дѣла, хотя и зналъ, какая участь его ожидаетъ. Раненый на похоронахъ Марія, онъ былъ убитъ черезъ нѣсколько дней возлѣ храма Весты *). Впрочемъ, такіе люди не были въ Римѣ исключеніемъ. Въ хорошія времена республики истый гражданинъ обязанъ былъ быть въ одно и то же время земледѣльцемъ, воиномъ, администраторомъ, финансистомъ, адвокатомъ и даже юрисконсультомъ. Въ ту пору специальностей не существовало, и изъ древняго римлянина мы принуждены были бы сдѣлать теперь четыре или пять совсѣмъ разныхъ лицъ; но въ эпоху, въ которой мы теперь живемъ, это собраніе всевозможныхъ способностей, требовавшихся отъ одного человѣка уже излишне; каждый примыкаетъ къ какой-нибудь специальности, и начинаютъ отличать людей ученыхъ отъ дѣльцовъ. Утратили ли характеры свой энергическій закалъ, или просто надо думать, что съ тѣхъ поръ, какъ ознакомились съ образцовыми произведеніями Греціи и стали подражать имъ, всякая наука осложнилась до такой степени, что общая тяжесть всѣхъ ихъ вмѣстѣ была уже просто невыносима для однихъ плечъ? Какъ бы то ни было, если Сульпицій стоялъ выше Сцеволя, какъ юрисконсультъ, зато онъ далеко не имѣлъ ихъ твердости, какъ гражданинъ. Будучи и преторомъ, и консуломъ, онъ продолжалъ оставаться кабинетнымъ ученымъ. Въ обстоятельствахъ, требующихъ твердости духа, всякій разъ, когда надо было рѣшиться и начать дѣйствовать, онъ чувствовалъ, что ему не по себѣ. Такъ и видно, что эта честная и кроткая душа была создана не для того, чтобы быть первымъ должностнымъ лицомъ въ возмущившейся республикѣ. Его манія постоянно разыгрывать роль примирителя и посредника въ эту эпоху насилій сдѣлалась, наконецъ, смѣшна. Самъ Цицеронъ, хотя и былъ его другомъ, немножко подсмѣивается надъ нимъ, описывая намъ, какъ этотъ великій миротворецъ отправляется въ сопровожденіи своего маленькаго секретаря, чтобы явиться посредникомъ между партіями въ тотъ моментъ,

*) *Pro Rosc. am.*, 12.

когда партіи ничего больше не желаютъ, какъ уничтожить другъ друга.

Цезарь всегда полагалъ, что Сульпицій, по своему характеру, не способенъ оказать ему большого сопротивленія и издавна старался привязать его къ себѣ. Онъ началъ съ того, что напелъ себѣ въ его домѣ могучаго союзника. Въ Римѣ много говорили, будто слабовольный Сульпицій позволяетъ командовать надъ собою супругѣ своей, Постуміи; Цицеронъ, любившій передавать злые слухи, не разъ на это намекаетъ. А надо сказать, что репутація Постуміи была не безупречна, и Светоній заноситъ ее въ списокъ любовницъ Цезаря. Она находится тамъ въ числѣ множества другихъ; но этотъ вѣтренникъ, столь легкомысленно переходившій отъ одной возлюбленной къ другой, обладалъ удивительнымъ свойствомъ сохранять съ оставляемыми имъ женщинами дружескія отношенія. Онѣ прощали ему его невѣрности, продолжали принимать участіе во всѣхъ его успѣхахъ и предлагали къ услугамъ его политики всю ту хитрость и настойчивость, на какія способна только преданная женщина. Вѣроятно, Постумія убѣдила супруга дѣйствовать въ пользу Цезаря во все время Сульпиціева консульства и сопротивляться бурнымъ выходкамъ своего коллеги, Марцелла, желавшаго, чтобы въ Галлію былъ назначенъ другой правитель. Однако, несмотря на всѣ свои слабости, Сульпицій былъ искренній республиканецъ, и когда вспыхнула война, онъ сталъ противъ Цезаря и покинулъ Италію. Послѣ пораженія онъ подчинился подобно другимъ, и уже снова принялся за свои обычныя занятія, когда Цезарь отыскалъ его въ уединеніи и сдѣлалъ его правителемъ Греціи.

Само собою разумѣется, что нельзя было найти болѣе подходящаго для него дѣла. Пребываніе въ Аѳинахъ, во всякое время пріятное для богатыхъ римлянъ, было, вѣроятно, особенно пріятно теперь, когда этотъ городъ служилъ убѣжищемъ для столькихъ знаменитыхъ изгнанниковъ. Наслаждаясь слушаніемъ самыхъ извѣстныхъ въ мірѣ риторовъ и философовъ, Сульпицій могъ въ то же время бесѣдовать о Римѣ и о республикѣ съ такими знатными лицами, какъ Марцеллъ и Торкватъ, и, такимъ образомъ, удовлетворять сразу всѣ свои любимыя наклонности. Ничто,

конечно, не могло такъ нравиться этому ученому и писателю, случайно сдѣлавшемуся государственнымъ человѣкомъ, какъ обширная, безопасная власть, соединенная съ изящными умственными наслажденіями въ одной изъ самыхъ прекрасныхъ и великихъ странъ міра. Такимъ образомъ, Цезарь удовлетворилъ его желаніе, давши ему должность въ этомъ городѣ, куда римляне отправлялись обыкновенно ради удовольствія. Мы не замѣчаемъ, однако, чтобы Сульпицій былъ чувствителенъ къ этимъ преимуществамъ. Едва достигнувъ Греціи, онъ уже недоволенъ, зачѣмъ туда пріѣхалъ, и прорывается оставить ее. Очевидно, не страна была не по душѣ ему; онъ нигдѣ не чувствовалъ бы себя лучше; но онъ сожалѣлъ о республикѣ. Послѣ своей робкой защиты ея, онъ не могъ утѣшиться въ ея паденіи и укорялъ себя за то, что служить человѣку, погубившему ее. Чувства эти ясно выражены въ письмѣ, написанномъ имъ изъ Греціи къ Цицерону. „Судьба, пишетъ онъ ему, похитила у насъ то, что должно быть для насъ всего дороже: мы утратили честь, достоинство, отечество... Въ наше время счастливѣе всѣхъ тѣ, кто умеръ“ *).

Если такой скромный и умѣренный человѣкъ, какъ Сульпицій, говорилъ такъ, что же должны были говорить и думать другіе? Это можно угадать, судя по тому, какъ Цицеронъ пишетъ большей части изъ нихъ. Обращаясь къ служащимъ лицамъ новаго правительства, онъ нисколько не старался скрывать своихъ мнѣній; онъ свободно выражаетъ сожалѣнія, хорошо зная, что ихъ раздѣляютъ. Онъ говоритъ съ проконсуломъ Азіи, Сервилиемъ Исаврикомъ, какъ съ человѣкомъ, недовольнымъ неограниченною властью одного лица и желающимъ ее ограничить **). Онъ говоритъ правителю Африки, Корнифицію, что въ Римѣ дѣла идутъ дурно, и происходитъ много такого, что причинило бы ему скорбь ***). „Я знаю что ты думаешь о судьбѣ честныхъ людей и о несчастіяхъ республики“, пишетъ онъ сицилійскому проконсулу Фурфанію, рекомендуя ему изгнанника ****). Между

*) *Ad fam.*, IV, 5.

**) *Ad fam.*, XIII, 68.

***) *Ad fam.*, XII, 18.

****) *Ad fam.*, VI, 2.

тѣмъ эти лица, получили отъ Цезаря значительныя должности; они раздѣляли его власть и слыли его друзьями: но, несмотря на всѣ испытанныя отъ него благодѣянія, они не могли вполне отдаться его дѣлу. Они служили ему съ мысленными оговорками и отдавались только на половину. Откуда могли происходить подобныя сопротивленія, встрѣчаемыя новымъ правительствомъ со стороны лицъ, сперва согласившихся въ немъ участвовать? Они зависѣли отъ многихъ причинъ, которыя легко указать. Первая и, быть можетъ, главнѣйшая изъ нихъ, заключалась въ томъ, что это правительство, даже осыпая ихъ почестями, не могло возратить имъ того, что доставляла прежняя республика. Съ утвержденіемъ монархіи во всѣхъ общественныхъ должностяхъ произошла значительная перемѣна: члены магистратуры сдѣлались чиновниками. Въ прежнее время лица, избранныя народомъ, могли дѣйствовать въ своей области по своему усмотрѣнію. Плодотворная инициатива оживляла на всѣхъ ступеняхъ эту іерархію республиканскихъ должностей. Начиная отъ эдила до консула, каждый былъ полнымъ господиномъ на своемъ мѣстѣ. Но при неограниченномъ правленіи это было невозможно. Вмѣсто того, чтобы управлять за свой счетъ, они были, такъ сказать, не болѣе, какъ каналы, по которымъ воля одного человѣка разливалась до крайнихъ предѣловъ міра. Несомнѣнно, что общественная безопасность выиграла очень много отъ того, что постоянно тревожившія ее раньше столкновенія между властями, наконецъ, исчезли, а для провинцій было величайшимъ благодѣяніемъ то, что у ихъ жадныхъ правителей была отнята неограниченная власть. Но если управляемые и были довольны этими реформами, за то, что вполне естественно, сами правители были ими очень недовольны. Какъ только роль ихъ свелась къ простому исполненію приказовъ другого, значеніе ихъ должностей уменьшилось, и эта верховная неограниченная власть, висѣвшая всегда надъ головою, сдѣлалась, наконецъ, тягостною даже для самыхъ покорныхъ изъ нихъ. Если честолюбцы жаловались на уменьшеніе своей власти, то и добросовѣстные люди не такъ-то легко могли привыкнуть къ потерѣ свободы. Съ каждымъ годомъ послѣ Фарсалы сѣтованія ихъ становились все живѣе. Они начинали приходить

въ себя отъ своего остоленія и оправлялись понемногу отъ причиненнаго имъ ужаса. Въ первыя минуты послѣ великихъ катастрофъ, когда каждый невольно ждетъ своей гибели, сначала вполнѣ отдаются удовольствію жить, но это—одно изъ удовольствій, къ которымъ всего легче привыкаешь, и оно такъ естественно, что, наконецъ, перестаешь его ощущать. Всѣ эти испуганные люди, желавшіе только покоя на другой день послѣ Фарсалы, достигнувъ его, пожелали иного. При неувѣренности за свою жизнь, никто не думалъ о томъ, будетъ ли онъ жить свободнымъ человѣкомъ; но когда страхъ за жизнь прошелъ, желаніе свободы вернулось вновь во всѣ сердца, и тѣ, кто служилъ Цезарю, испытывали его подобно другимъ. Извѣстно, что Цезарь отчасти удовлетворилъ это желаніе, но это помогло не надолго. На склонѣ свободы такъ же трудно остановиться, какъ и на склонѣ произвола. Одна дарованная милость заставляетъ желать другой, и люди не столько наслаждаются тѣмъ, что они получили, сколько сожальютъ о томъ, чего имъ недостаетъ. Такъ и Цицеронъ, встрѣтившій съ такою восторженною радостью милость Цезаря и привѣтствовавшій въ возвращеніи Марцелла какъ бы реставрацію республики, вскорѣ перемѣнилъ чувства и языкъ. Читая его письма, относящіяся къ этому времени, видишь, какъ онъ все болѣе становится желчнымъ и недовольнымъ. У него, такъ строго осуждавшаго тѣхъ, кто „обезоруживъ свою руку, не обезоружилъ сердца“ *), собственное сердце было переполнено самымъ горькимъ неудовольствіемъ. Онъ безпрестанно повторялъ, что все потеряно, что онъ стыдится быть рабомъ, и что ему совѣстно жить. Онъ нападалъ своими безпощадными насмѣшками на самыя полезныя мѣры и самыя справедливыя дѣйствія. Онъ смѣялся надъ реформою календаря и старался казаться непріятно пораженнымъ увеличеніемъ Рима. Онъ пошелъ еще дальше. Когда сенатъ приказалъ помѣстить статую Цезаря рядомъ со статуями древнихъ царей, онъ не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать жестокаго намека на то, какимъ образомъ погибъ первый изъ этихъ властителей. „Я очень радъ, сказалъ онъ, видя Цезаря такъ

*) *Pro Marc.*, 10.

близко отъ Ромула!“ *) Между тѣмъ и году не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ рѣчи за Марцелла, онъ умолялъ его во имя отечества беречь свои дни и говорилъ ему съ восторгомъ: „Отъ твоей безопасности зависитъ наша!“

Такимъ образомъ, одни недовольные окружали Цезаря. Умѣренные республиканцы, на которыхъ онъ рассчитывалъ, какъ на помощниковъ въ его дѣлѣ, не могли примириться съ утратою республики. Изгнанники, возвращенные имъ въ Римъ, болѣе униженные его милостью, нежели признательные за нее, не переставали питать противъ него неудовольствіе. Его собственные военачальники, осыпаемые имъ богатствами и почестями, не ненасытны въ своей алчности, обвиняли его въ неблагодарности и даже замышляли убить его. Наконецъ, народъ, котораго онъ былъ идоломъ и который такъ охотно исполнялъ всѣ его требованія, начиналъ удаляться отъ него; онъ уже не такъ торжествовалъ при его побѣдахъ и, повидимому, самъ боялся той высоты, на которую его возвелъ. Когда несли его статую рядомъ съ царскими, народъ, при видѣ ея, оставался безмолвнымъ, и мы знаемъ, что извѣстіе объ этомъ необычномъ молчаніи, разнесенное гонцами союзныхъ царей и народовъ по всѣмъ странамъ міра, заставило вездѣ думать, что приближается переворотъ **). Въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ скрывались послѣдніе воины Помпея, огонь гражданскихъ войнъ, притушенный, но непогашенный, вспыхивалъ ежеминутно, и эти постоянныя тревоги, не приводя за собою серьезныхъ опасностей, не давали, однако, утвердиться общественному спокойствію. Въ Римѣ съ восторгомъ читали прекрасныя сочиненія Цицерона, гдѣ прославлялась слава республики; всѣ съ жадностью набрасывались на анонимные памфлеты, которые никогда не были такъ рѣзки и многочисленны. Какъ это всегда бываетъ наканунѣ большихъ передомовъ, всѣ были недовольны настоящимъ, беспокоились за будущее и готовились къ чему-то непредвидѣнному; извѣстно, какъ трагически окончилось это натянутое положеніе. Ударъ кинжала, нанесенный Брутомъ, вовсе не былъ простою слу-

*) *Pro Dejot.*, 12.

**) *Ad. Att.*, XII, 45.

чайностью, какъ это иные говорили; это—общее нездоровое состояніе умовъ вызвало такую страшную развязку. Заговорщиковъ было всего шестьдесятъ, но соучастниками ихъ былъ весь Римъ *). Всѣ эти неудовольствія и обиды, горькія сожалѣнія о прошломъ, обманутыя честолюбивыя надежды, неудавшіяся домогательства, явныя или тайныя ненависти, словомъ, всѣ эти дурныя или великодушныя страсти, наполнявшія собою сердца, вооружили ихъ руку, и мартовскія иды были не болѣе, какъ кровавымъ взрывомъ накопившагося гнѣва.

Событія разрушили, такимъ образомъ, всѣ планы Цезаря. Онъ не нашелъ для себя безопасности въ милосердіи, какъ надѣялся; ему не удалось дѣло примиренія, начатое имъ при рукоплесканіяхъ всего міра; онъ не смогъ обезоружить партій. Эта слава была предназначена человѣку, не имѣвшему ни его обширнаго генія, ни его великодушнаго характера, а именно ловкому и жестокому Октавію. Исторія часто показываетъ намъ, какъ люди обыкновенные успѣваютъ въ томъ, что не удастся великимъ; но въ подобнаго рода предпріятіяхъ успѣхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ обстоятельствъ, а надо сознаться, что они чрезвычайно благоприятствовали Августу. Тацитъ объясняетъ намъ главную причину его удачъ, когда, говоря объ установленіи имперіи, высказываетъ слѣдующія слова: „Въ то время уже не было почти никого изъ видѣвшихъ республику“ **). Напротивъ того, люди, надъ которыми намѣревался властвовать Цезарь, всѣ ее знали. Многіе проклинали ее, когда она своими волненіями и бурями смущала спокойствіе ихъ жизни; но почти всѣ, утративши ее, стали сожалѣть о ней. Въ обладаніи и пользованіи свободою, несмотря на тѣ опасности, которымъ она подвергаетъ людей, есть какая-то высшая прелесть и привлекательность, никогда на забываемая тѣми, кто узналъ ихъ одинъ разъ. Именно объ это упорное воспоминаніе и разбился геній Цезаря. Но послѣ битвы при

*) Всѣ честные люди, говоритъ Цицеронъ (*Philipp.*, II, 12), приняли по возможности участіе въ убійствѣ Цезаря. Однимъ не доставало средствъ, другимъ рѣшимости, многимъ не представлялось случая; но желаніе было у всѣхъ.

**) *Ann.*, I. 3.

Акціумъ, людей, присутствовавшихъ при великихъ сценахъ свободы и видѣвшихъ республику, уже не было. Двадцатилѣтняя междоусобная война, самая губительная изъ всѣхъ когда-либо опустошавшихъ землю, погубила ихъ всѣхъ. Новое поколѣніе было не старше временъ Цезаря. Первые услышанные имъ звуки были привѣтственные восклицанія побѣдителя Фарсалы, Тапса и Мунды; первое увидѣнное имъ зрѣлище были проскрипціи. Это поколѣніе выросло среди грабежа и убійствъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ трепетало оно ежедневно за свое имущество или жизнь. Оно жаждало безопасности и готово было пожертвовать всѣмъ ради покоя. Ничто не влекло его къ прошлому, подобно современникамъ Цезаря. Напротивъ, всѣ воспоминанія, сохранившіяся у него о томъ времени, заставляли его еще сильнѣе цѣпляться за новый установленный порядокъ, и если ему случайно приходилось бросить взглядъ назадъ, оно находило въ прошломъ много страшнаго, но ничего достойнаго сожалѣнія. И только при такихъ условіяхъ абсолютная власть могла сдѣлаться наслѣдницею республики.

Б Р У Т Ъ.

Его сношенія съ Цицерономъ.

Не будь писемъ Цицерона, мы не знали бы, что такое Брутъ. О Брутѣ никогда не говорили хладнокровно, и политическія партіи привыкли связывать съ его именемъ либо свои надежды, либо свою ненависть, вслѣдствіе чего дѣйствительныя черты его личности изгладились рано. Среди страстныхъ споровъ, возбуждаемыхъ однимъ его именемъ, такъ какъ иные, подобно Лукану, превозносятъ его до небесъ, другіе же, какъ напр. Данте, положительно помѣщаютъ его въ преисподнюю, онъ очень естественно сдѣлался какимъ-то легендарнымъ лицомъ. Письма Цицерона возвращаютъ насъ къ дѣйствительности. Благодаря имъ, этотъ поразительный, но смутный образъ, безмѣрно преувеличенный восхищеніемъ или ужасомъ, опредѣляется точнѣе и принимаетъ человѣческіе размѣры. Если онъ и теряетъ часть своего величія при ближайшемъ знакомствѣ, зато пріобрѣтаетъ больше правды и жизненности.

Близкія отношенія между Цицерономъ и Брутомъ продолжались десять лѣтъ. Собраніе писемъ, написанныхъ ими другъ другу въ теченіе этого времени, составляло, вѣроятно, нѣсколько томовъ, такъ какъ одинъ грамматикъ упоминаетъ о девятой книгѣ его. Всѣ эти письма пропали, за исключеніемъ двадцати пяти, написанныхъ послѣ смерти Цезаря*). Несмотря на потерю остальныхъ, Брутъ зани-

*) Съ начала прошлаго вѣка подлинность этихъ писемъ часто подвергалась сомнѣнію; еще недавно этотъ вопросъ очень горячо обсуждался въ Германіи, при чемъ знаменитый критикъ, Ф. Германъ, издалъ въ свѣтъ очень интересную статью, доказывающую подлинность этихъ писемъ, и по моему мнѣнію очень убѣдительную. Вкратцѣ главные аргументы этого труда я изложилъ въ своихъ *Исследованияхъ о томъ, какъ были собраны письма Цицерона**, глава V.

маеть такое важное мѣсто въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Цицерона, особенно въ его перепискѣ, что здѣсь можно найти всѣ данныя, необходимыя для ближайшаго знакомства съ нимъ. Я хочу собрать ихъ всѣ воедино и написать не рассказъ о всей жизни Брута, чтобы не повторять общеизвѣстныхъ уже событій, а просто исторію его сношеній съ Цицерономъ.

I.

Аттикъ, этотъ всеобщій другъ, сблизилъ ихъ между собою. Это было около 700 года, вскорѣ по возвращеніи Цицерона изъ ссылки, во время волненій, возбужденныхъ Клодіемъ, такимъ-же зауряднымъ агитаторомъ, какъ Катилина, съ помощію которыхъ Цезарь заблаговременно подрывалъ силы римской аристократіи, чтобы легче справиться съ нею впослѣдствіи. Положеніе, занимаемое въ то время Цицерономъ и Брутомъ въ республикѣ, было весьма различно. Цицеронъ уже прошелъ черезъ самыя высокія должности и успѣлъ оказать огромныя услуги государству. Его талантъ и честность дѣлали его драгоцѣннымъ помощникомъ аристократической партіи, къ которой онъ примкнулъ; въ то же время онъ имѣлъ вліяніе и на народъ, очаровывая его рѣчами; провинціи любили его за то, что онъ не разъ защищалъ ихъ интересы противъ алчныхъ правителей, и еще недавно Италія доказала ему свою любовь, съ триумфомъ провожая его отъ Брундізія до Рима. Бруту было всего тридцать одинъ годъ; большая часть жизни его протекла вдали отъ Рима, въ Аѳинахъ, гдѣ онъ, какъ всѣмъ было извѣстно, съ увлеченіемъ занимался изученіемъ греческой философіи, на островѣ Кипръ и на Востокѣ, куда онъ послѣдовалъ за Катономъ. Онъ не отправлялъ еще ни одной изъ должностей, дающихъ политическое значеніе, и ему пришлось дожидаться болѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ подумать о консульствѣ. Тѣмъ не менѣе Брутъ былъ уже извѣстнымъ лицомъ. При первомъ знакомствѣ, несмотря на разницу ихъ лѣтъ и положеній. Цицеронъ самъ идетъ къ нему навстрѣчу, относится къ нему внимательно и старается беречь его. Можно сказать, что всѣ какъ будто чего-то ожи-

дали отъ этого юноши, смутно догадываясь, что онъ предназначенъ для чего-то важнаго. Въ то время, какъ Цицеронъ находился въ Киликіи, Аттикъ, торопя его исполнить нѣкоторыя просьбы Брута, писалъ ему: «Если ты не вывезешь изъ этой провинціи ничего кромѣ его дружбы, то и этого будетъ много.» *) А Цицеронъ писалъ о немъ въ то же самое время: «Онъ уже первый между молодежью и, надѣюсь, скоро будетъ первымъ въ государствѣ» **).

Дѣйствительно, все, казалось, обѣщало Бруту великую будущность. Потомокъ одного изъ знаменитѣйшихъ домовъ въ Римѣ, племянникъ Катона, родственникъ Кассія и Лепида, онъ только что женился на одной изъ дочерей Аппія Клавдія, изъ которыхъ другая была замужемъ за старшимъ сыномъ Помпея. Благодаря этимъ связямъ, онъ былъ близокъ къ самымъ вліятельнымъ семействамъ, но онъ выдѣлялся отъ другихъ не столько своимъ происхожденіемъ, сколько своимъ характеромъ и нравомъ. Въ молодости онъ велъ воздержную жизнь: онъ занимался философіей не изъ одного любопытства, какъ однимъ изъ полезнѣйшихъ умственныхъ наслажденій, но какъ мудрецъ, желающій примѣнить на дѣлѣ ея правила. Онъ вернулся изъ Аѳинъ съ репутаціей очень мудраго чело-вѣка, что подтвердила его честная и правильная жизнь. Уваженіе къ его добродѣтели усугублялось, когда вспоминали, въ какой средѣ она возникла и противъ какихъ отвратительныхъ примѣровъ она должна была устоять. Его мать, Сервилія, была одною изъ самыхъ сильныхъ страстей Цезаря, быть-можетъ, его первой любовью. Она постоянно оказывала на него большое вліяніе и воспользовалась имъ для того, чтобы обогатиться послѣ Фарсалы, добившись присужденія себѣ доли имущества побѣжденныхъ. Когда она состарилась и почувствовала, что могущественный диктаторъ ускользаетъ изъ ея рукъ, то, чтобы господствовать надъ нимъ еще и послѣ, она способствовала, говорятъ, его связи съ одною изъ дочерей ея, женою Кассія. Другая ея дочь, вышедшая за Лепида, пользовалась не лучшей репутаціей, и Цицеронъ рассказываетъ о ней очень забавную исторію. Молодой

*) *Ad Att.*, VI. I.

**) *Ad fam.*, III. II.

римлянинъ, К. Ведій, проѣзжая черезъ Киликію съ большой свитой, нашелъ удобнымъ оставить часть своихъ вещей у одного изъ своихъ хозяевъ. На бѣду хозяинъ этотъ умеръ; печати были наложены на тюки путешественника, такъ же какъ и на остальные вещи, причемъ прежде всего были найдены портреты пяти знатныхъ дамъ, и въ томъ числѣ портретъ сестры Брута. «Надо сознаться, сказалъ Цицеронъ, никогда не упускавшій случая сострить, что братъ и мужъ вполне заслуживаютъ своихъ названій. Братъ очень глупъ (*brutus*), потому что ничего не замѣчаетъ, а мужъ слишкомъ снисходителенъ (*lepidus*), потому что все безропотно выносить.» *) Вотъ, какова была семья Брута. Что касается его друзей, то о нихъ нечего и говорить. Извѣстно, какъ жила въ то время богатая римская молодежь, и что за люди были эти Целіи, Куріоны, Долабеллы. Посреди ихъ разврата, суровая честность Брута, его прилежаніе къ дѣлу, презрѣніе къ удовольствіямъ, любовь къ ученію, о чемъ свидѣтельствовало его блѣдное и серьезное лицо, выдѣлялись, какъ рѣзкая противоположность. Потому-то взоры всѣхъ были устремлены на этого степеннаго юношу, такъ мало походившаго на другихъ. Сталкиваясь съ нимъ, нельзя было воздержаться отъ чувства, повидимому, несоотвѣтствовавшаго съ его лѣтами: онъ внушалъ къ себѣ уваженіе. Даже тѣ, кто былъ старше и гораздо важнѣе его, Цицеронъ и Цезарь, несмотря на ихъ славу, Антоній, столь мало на него походившій, его соперники, его враги, никто не могъ отдѣлаться отъ этого чувства въ его присутствіи. Всего изумительнѣе то, что оно пережило его. Его испытывали при воспоминаніи о немъ, какъ прежде передъ нимъ лично; и живой, и мертвый онъ внушалъ къ себѣ уваженіе. Официальные историки имперіи, Діонъ, такъ дурно отзывавшійся о Цицеронѣ, Веллей, льстившій Тиберію, всѣ уважали Брута. Кажется, будто политическая непріязнь, желаніе льстить, насилія партій, все чувствовало себя обезоруженнымъ передъ этой строгой личностью.

Но, уважая его, его вмѣстѣ и любили. А эти чувства не всегда идутъ рядомъ. Аристотель запрещаетъ выводить въ

*) *Ad Att.*, VI, I.

драмѣ героевъ совершенныхъ, боясь, что они не будутъ интересовать публику. Въ жизни случается нѣчто подобное тому, что происходитъ въ театрѣ; какой-то инстинктивный страхъ удаляетъ васъ отъ безукоризненныхъ личностей, а такъ какъ мы обыкновенно сближаемся между собою своими общими слабостями, то и не чувствуемъ особаго влеченія къ тому, въ комъ вовсе нѣтъ слабостей, и довольствуемся тѣмъ, что уважаемъ совершенство на извѣстномъ разстояніи. Но не то было съ Брутомъ, и Цицеронъ справедливо могъ сказать о немъ въ одномъ изъ обращенныхъ къ нему сочиненій: „Быль ли кто болѣе тебя уважаемъ и любимъ?“ *). Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ, чуждый слабостей къ себѣ, былъ, однако, слабъ къ тѣмъ, кого онъ любилъ. Его мать и сестры имѣли на него большое вліяніе и заставили его совершить не одинъ проступокъ. У него было много друзей, и Цицеронъ упрекаетъ его, что онъ слишкомъ слушается ихъ совѣтовъ: то были простые люди, ничего не смыслившіе въ дѣлахъ; но Брутъ былъ такъ нѣжно привязанъ къ нимъ, что не умѣлъ противъ нихъ защищаться. Послѣднимъ горемъ его въ Филиппахъ было извѣстіе о смерти Флавія, его смотрителя за рабочими, и о смерти его помощника Лабеоны; онъ позабылъ о самомъ себѣ, оплакивая ихъ. Его послѣдними словами передъ смертью была радость, что ни одинъ другъ никогда не измѣнялъ ему; подобная вѣрность, бывшая въ то время большою рѣдкостью, утѣшила его въ послѣднія минуты. Легіоны его, хотя и составленные частію изъ прежнихъ воиновъ Цезаря, несмотря на то, что онъ строго обходился съ ними, наказывая грабителей и мародѣровъ, тѣмъ не менѣе, любили его и оставались ему вѣрными. Наконецъ, самый народъ въ Римѣ, относившійся вообще враждебно къ защищаемому имъ дѣлу, не разъ высказывалъ ему свое сочувствіе. Когда Октавій велѣлъ провозгласить врагами государства убійцъ Цезаря, всѣ грустно склонили голову и среди общаго пораженія всего сената, уже предчувствовавшаго проскрипціи, одинъ свободный голосъ дерзнулъ объявить, что никогда онъ не осудитъ Брута.

*) *Orat.*, 10.

И Цицеронъ подпалъ очарованію, подобно другимъ, но не безъ сопротивленія. Дружба его съ Брутомъ была полна волненій и бурь и, несмотря на общность ихъ взглядовъ, между ними возникали жестокіе споры. Ихъ несогласія объясняются различіемъ ихъ характеровъ. Никогда два друга не походили меньше одинъ на другого. Кажется, что не было человѣка болѣе созданнаго для общества, какъ Цицеронъ; онъ вносилъ туда всѣ качества, необходимыя тамъ для успѣха, значительную гибкость сужденій, большую терпѣливость къ другимъ, довольно легкое отношеніе къ самому себѣ, искусство свободно лавировать между партіями и нѣкоторую врожденную снисходительность, позволявшую ему все понимать и почти со всѣмъ мириться. Хотя онъ писалъ очень плохіе стихи, но у него былъ поэтическій темпераментъ, удивительная живость впечатлѣній, болѣзненная чувствительность, гибкій, обширный и быстрый умъ, быстро все усвоивавшій, но скоро разстававшійся съ своими идеями, и однимъ скачкомъ переходившій отъ одной крайности къ другой. Не было ни одного серьезнаго рѣшенія, въ которомъ онъ не раскаялся бы на другой же день. Всякій разъ, какъ онъ на что-нибудь рѣшался, онъ былъ живъ и смѣлъ только сначала, а затѣмъ постепенно начиналъ охлаждать. Брутъ, напротивъ того, не имѣлъ быстраго ума; обыкновенно онъ колебался въ началѣ всякаго предпріятія и никогда ничего не рѣшалъ сразу. Серьезный и неторопливый, онъ во всемъ шелъ впередъ постепенно; но если разъ онъ на что-нибудь рѣшался, то весь отдавался своей идеѣ, и ничто не могло отвлечь его отъ нея; онъ удивлялся и сосредоточивался на ней, онъ оживлялся и воспламенялся къ ней путемъ размышленія, такъ что подконецъ слѣдовалъ только неумолимой логикѣ, заставлявшей его осуществить ее. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умовъ, о которыхъ Сень-Симонъ говоритъ, что они отличаются неуклонной послѣдовательностью. Упрямство составляло его силу, и Цезарь хорошо понималъ Брута, говоря о немъ: „Все, чего онъ хочетъ, онъ хочетъ этого вполне“ *).

*) *Ad. Att.*, XIV, 1. — Въ музеѣ Кампаны можно видѣть очень любопытную статую Брута. Сдѣлавшій ее художникъ не старался идеализировать свой образецъ и, повидимому, стремился только къ обыкновенной

Эти два друга, столь мало между собою схожіе, естественно должны были приходиться въ непрестанныя столкновения. Первыя несогласія ихъ были литературнаго характера. Въ то время былъ обычай, чтобы защита какого-нибудь важнаго дѣла раздѣлялась между нѣсколькими ораторами; каждый бралъ себѣ часть, наиболѣе подходившую къ его таланту. Цицеронъ, принужденный часто появляться передъ судьями, являлся туда съ своими друзьями и учениками и раздѣлялъ между ними часть своего дѣла, чтобы быть въ состояніи его выполнить. Нерѣдко онъ оставлялъ за собою только заключительный выводъ, гдѣ могъ вполне излить свое плодотворное и страстное краснорѣчіе, и предоставлялъ имъ остальное. Такимъ образомъ, въ началѣ ихъ дружбы Брутъ велъ иногда судебную защиту возлѣ него и подъ его покровительствомъ. А между тѣмъ Брутъ не принадлежалъ къ его школѣ; фанатическій поклонникъ Демосфена, статую котораго онъ помѣстилъ между статуями своихъ предковъ, воспитанный на книгахъ аттическихъ писателей, онъ старался соблюдать ихъ изящную умѣренность и энергическую твердость. Тацитъ говоритъ, что усилія его не всегда увѣнчивались успѣхомъ: избѣгая украшеній и патетическихъ мѣстъ, онъ становился неясенъ и холоденъ, а слишкомъ заботясь о точности и силѣ, онъ дѣлался натянутъ и сухъ. Эти недостатки были антипатичны Цицерону, который, видя притомъ въ этомъ краснорѣчіи, развившемся

реальности: но въ ней легко узнать Брута. По этому низкому лбу, по этимъ тяжело обрисовывающимся лицевымъ костямъ угадывается узкій умъ и упрямая душа. Лицо имѣетъ лихорадочный и болѣзненный видъ; оно въ одно и то же время и молодо, и старо, какъ это бываетъ у людей, не имѣвшихъ молодости. Всего больше на немъ замѣтна странная грусть, какъ у человѣка, подавленнаго великой и роковой судьбою. Въ прекрасномъ бюстѣ Брута, находящемся въ Капитолійскомъ музеѣ, лицо полнѣе и красивѣе. Кротость и грусть остались на немъ, но болѣзненный видъ исчезъ. Черты его вполне похожи на тѣ, что находятся на знаменитой медали, вычеканенной въ послѣдніе годы жизни Брута и имѣющей на оборотной сторонѣ изображеніе фригійской шапки между двумя кинжалами, съ угрожающей надписью: *Idus martiae*. Микель Анджело принимался за бюстъ Брута, великолѣпный очеркъ котораго можно видѣть во флорентійскихъ Оффиціяхъ. Это было не выдуманное изображеніе; очевидно, что онъ пользовался для него древними портретами, лишь немного ихъ идеализируя.

въ школу, критику своего собственного, всѣми силами старался поставить Брута на путь истинный; но это ему не удалось, и въ этомъ отношеніи они никогда не сошлись между собою. Послѣ смерти Цезаря, когда всѣмъ было не до литературныхъ споровъ, Брутъ послалъ своему другу рѣчь, произнесенную имъ въ Капитоліи, и просилъ его исправить ее. Цицеронъ, конечно, не сдѣлалъ этого; онъ такъ хорошо зналъ по опыту самолюбіе писателей, что не рискнулъ оскорбить Брута, пытаясь сдѣлать лучше его. Впрочемъ, рѣчь дѣйствительно показалась ему прекрасною, и онъ писалъ Аттику, что не видывалъ ничего болѣе изящнаго и лучше написаннаго, но добавлялъ при этомъ: „Впрочемъ, если бѣ мнѣ пришлось ее сочинять, я внесъ бы въ нее больше страсти“ *). Несомнѣнно, что и у Брута не было недостатка въ страсти, но ее можно было сравнить съ скрытымъ и сдержаннымъ пламенемъ, сообщаемымъ имъ только близкимъ людямъ; ему противно было прибѣгать къ горячности и къ тому пламенному паѳосу, безъ которыхъ нельзя увлечь толпу.

Такимъ образомъ, онъ не былъ для Цицерона вѣрнымъ ученикомъ, и къ этому можно прибавить, что онъ не былъ для него и удобнымъ другомъ. У него не доставало мягкости въ сношеніяхъ съ другими, и тонъ его былъ всегда рѣзокъ и грубъ. Въ началѣ своего знакомства съ нимъ, Цицеронъ, привыкшій ко вниманію со стороны даже самыхъ важныхъ лицъ, находилъ письма этого молодого человѣка желчными и заносчивыми и обижался ими. И это былъ не единственный упрекъ, который онъ могъ ему сдѣлать. Всѣмъ извѣстно раздражительное, подозрительное и требовательное тщеславіе великаго консуляра; всѣмъ извѣстно, до какой степени онъ любилъ похвалы: онъ щедро надѣлялъ ими самъ себя, онъ ожидалъ ихъ отъ другихъ, и если тѣ медлили воздавать ихъ, онъ не стыдился ихъ требовать. Друзья его были вообще снисходительны къ этой наивной слабости и не дожидались, пока онъ потребуетъ похвалъ себѣ. Сопротивлялся только одинъ Брутъ; онъ гордился своею искренностью и безпощадно высказывалъ все, что у него было на сердцѣ.

*) *Ad Att.*, XV, 1, В.

Цицеронъ часто жаловался на него за то, что у него приходится выпрашивать себѣ похвалу; однажды, онъ даже серьезно резсердился на Брута. Дѣло шло о великомъ консульствѣ и о тѣхъ обсужденіяхъ, вслѣдствіе которыхъ были казнены Лентулъ и сообщники Катилины. Это былъ самый твердый поступокъ въ жизни Цицерона, и онъ имѣлъ право гордиться имъ, такъ какъ заплатилъ за него изгнаніемъ. Брутъ, описывая это дѣло, уменьшилъ въ пользу своего дяди, Катона, участіе, принятое въ немъ Цицерономъ. Онъ хвалилъ его только за то, что онъ покаралъ заговоръ, не упоминая о томъ, что онъ открылъ его, и удовольствовался, назвавъ его лишь *превосходнымъ консуломъ*. „Какая жалкая похвала! съ гнѣвомъ говоритъ Цицеронъ; подумаешь, что она идетъ отъ врага!“ *) Но все это были не болѣе, какъ легко заживавшіе уколы самолюбія; между ними имѣлъ мѣсто одинъ болѣе важный раздоръ, заслуживающій особеннаго вниманія, такъ какъ онъ сильно заставляеть призадуматься надъ состояніемъ тогдашняго римскаго общества.

Въ 702 году, т. е. вскорѣ послѣ начала своего знакомства съ Брутомъ, Цицеронъ отправился проконсуломъ въ Киликію. Онъ не добивался этой должности, зная, какія затрудненія его тамъ ожидаютъ. Онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ исполнить свою обязанность, и не могъ ее исполнить иначе, какъ взявши себѣ разомъ на шею и своихъ покровителей патриціевъ, и своихъ кліентовъ всадниковъ, которымъ покровительствовалъ самъ. Дѣйствительно, и патриціи, и всадники, находившіеся въ постоянной враждѣ между собою, съ рѣдкимъ единодушіемъ грабили провинціи. У всадниковъ, державшихъ на откупъ общественные налоги, была только одна цѣль, а именно, нажиться въ продолженіе пяти лѣтъ, т. е. въ обыкновенный срокъ откупнаго договора. Вслѣдствіе того они безпощадно взимали одну десятую съ произведеній почвы, одну двадцатую съ товаровъ, въ гаваняхъ—ввозную пошлину, внутри страны—пастбищный налогъ, словомъ, всѣ подати, которыми Римъ обложилъ покоренные народы. Жадность ихъ не знала пощады ни въ чемъ; Титъ Ливій сказалъ о нихъ слѣдующія страшныя слова: „Всюду, куда

*) *Ad Att.*, XII, 21.

проникаетъ сборщикъ податей, для людей не существуетъ больше ни справедливости, ни свободы“ *). Несчастливымъ городамъ очень трудно было насытить этихъ несговорчивыхъ финансистовъ; почти вездѣ муниципальныя кассы, дурно управляемыя неискусными или грабимыя безчестными магистратами, были опустошены. Между тѣмъ надо было добыть денегъ, во чтобы то ни стало. А у кого же ихъ было добывать, какъ не у римскихъ банкировъ, служившихъ уже въ продолженіе цѣлаго вѣка банкирами для всего міра? Къ нимъ обыкновенно и обращались. Нѣкоторые изъ нихъ были настолько богаты, что могли изъ собственныхъ средствъ снабжать цѣлые города и иностранныхъ государей, подобно тому Рабирію Постуму, котораго защищалъ Цицеронъ, и который доставилъ Египетскому царю деньги, необходимыя ему для обратнаго завоеванія своего государства. Другіе, чтобы меньше рисковать, составляли между собою финансовыя общества, въ которыхъ участвовали своими капиталами самые знатные римляне. Такъ у Помпея была значительная сумма въ одномъ изъ такихъ обществъ, основанныхъ Клувіемъ изъ Пуццолы. Всѣ эти заимодавцы, какъ частныя лица, такъ и общества, какъ всадники, такъ и патриціи, были весьма беззащитны и давали займы не иначе, какъ подъ огромные проценты, обыкновенно 4% или 5% въ мѣсяцъ. Трудно для нихъ было лишь взыскать платежей. Такъ какъ на подобныя условія идутъ обыкновенно только уже совсѣмъ разорившіеся люди, то полученіе обратно денегъ, отдаваемыхъ за такіе крупныя проценты, бываетъ всегда очень ненадежно. При наступленіи срока бѣдный городъ былъ менѣе, чѣмъ когда либо, въ состояніи уплатить долгъ; онъ прибѣгалъ тогда ко всевозможнымъ пронкамъ, говорилъ, что будетъ жаловаться сенату, и начиналъ съ того, что обращался къ проконсулу. На горе его, проконсулъ зачастую бывалъ сообщникомъ его враговъ, участникомъ въ ихъ прибыляхъ. Кредиторы, заручившись его помощью посредствомъ хорошей взятки, присылали тогда въ провинцію своимъ представителемъ какого-нибудь вольноотпущенника или дѣльца; проконсулъ, употребляя обще-

*) Лив., XLV, 18.

ственную власть къ услугамъ частныхъ интересовъ, давалъ этому ходатаю титулъ намѣстника, нѣсколько солдатъ и разныя полномочія, и если спорившіе не скоро приходили къ какому-нибудь соглашенію, несостоятельный городъ подвергался всѣмъ ужасамъ осады въ мирное время и officialнаго грабежа. Очень естественно, что проконсулъ, не соглашавшійся способствовать подобнымъ злоупотребленіямъ и надѣявшійся, по словамъ Цицерона, помѣшать смерти провинцій, возбуждалъ къ себѣ гнѣвъ во всѣхъ тѣхъ, кто жилъ именно этой смертью. Всадники и вельможи, не получившіе обратно своихъ денегъ, становились его заклятыми врагами. Правда, что онъ сохранялъ за собой признательность провинцій, но это стоило очень немного. Какъ извѣстно, въ этихъ восточныхъ странахъ, „привыкшихъ вслѣдствіе долгаго рабства къ отвратительной лести“ *), народъ воздавалъ всего больше почестей и воздвигалъ всего больше статуй тѣмъ именно правителямъ, которые больше грабили, почему ихъ больше и боялись. Предшественникъ Цицерона совершенно разорилъ Киликію: оттого и собирались строить храмъ въ честь его. Вотъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ затрудненій, какія ожидали добросовѣстнаго правителя, если таковой случался. Цицеронъ вышелъ изъ этого испытанія съ честью; въ римской республикѣ рѣдкая провинція управлялась такъ хорошо, какъ его, но онъ вывезъ оттуда, не считая благодарности, очень немного денегъ, множество враговъ, и чуть не поссорился тамъ съ Брутомъ.

Брутъ, кто могъ бы этому повѣрить, также принималъ участіе въ этихъ денежныхъ дѣлахъ. Онъ далъ займы Аріобарзану, царю Арменіи, одному изъ тѣхъ мелкихъ государей, которымъ Римъ оставлялъ жизнь изъ сожалѣнія, и, кромѣ того, городу Саламину на островѣ Кипръ. Передъ отъѣздомъ Цицерона, Атикъ, который, какъ извѣстно, самъ не пренебрегалъ подобнаго рода доходами, очень просилъ его похлопотать объ этихъ двухъ дѣлахъ; но Брутъ неудачно помѣстилъ свои капиталы, и Цицерону невозможно было взыскать ихъ. У Аріобарзана было множество кредиторовъ, и никому изъ нихъ онъ не платилъ. „Я не знаю

*) Циц., *Ad Quint.*, I. 1.

никого, бѣднѣе этого царя, говорилъ Цицеронъ, и ничего ничтожнѣе этого государства“ *). Получить съ нихъ было нечего. Что касается дѣла съ Саламиномъ, то съ самаго начала оно оказалось значительно серьезнѣе. Брутъ не рѣшался даже сознаться, что онъ заинтересованъ въ немъ непосредственно,—такъ громаденъ былъ процентъ и такъ постыдны предшествовавшія условія. Нѣкто Скапцій, другъ Брута, далъ займы жителямъ Саламина крупную сумму денегъ за 4% въ мѣсяцъ. Такъ какъ они не могли возвратить ее, то онъ, по обыкновенію, получилъ отъ предшественника Цицерона, Аппія, конный отрядъ, съ помощью котораго онъ держалъ въ такой тѣсной осадѣ саламинскій сенатъ, что пять сенаторовъ умерло съ голоду. Узнавъ объ этомъ дѣлѣ, Цицеронъ просто возмутился и поспѣшилъ отозвать солдатъ, которыхъ такъ дурно употребили въ дѣло. Онъ думалъ, что вредить этимъ лишь лицу, находящемуся подъ покровительствомъ Брута; но по мѣрѣ того, какъ дѣло принимало худшій оборотъ, Брутъ постепенно открывался, въ надеждѣ, что Цицеронъ будетъ снисходительнѣе къ нему. Когда же онъ увидалъ, что ему придется получить свои деньги съ большою потерей, онъ вышелъ изъ себя и рѣшился прямо объявить, что Скапцій—не болѣе, какъ подставное лицо, и что настоящимъ кредиторомъ саламинцевъ былъ онъ самъ.

Изумленіе, какое испыталъ Цицеронъ, узнавъ объ этомъ, раздѣлять, конечно, всѣ,—до такой степени поступокъ Брута противорѣчилъ, повидимому, всему его поведенію. Нельзя, все же, сомнѣваться въ его безкорыстїи и честности. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Катонъ блистательнымъ образомъ доказалъ свою вѣру въ нихъ, когда, не зная, на кого положиться—до такой степени честные люди были рѣдки даже и вокругъ него,—онъ поручилъ ему принять и доставить въ Римъ сокровища Кипрскаго царя. Итакъ, будемъ увѣрены, что если Брутъ и поступилъ такъ дурно съ саламинцами, то это потому, что онъ считалъ себя вправѣ такъ поступать. Онъ просто слѣдовалъ примѣру другихъ и уступилъ господствовавшему вокругъ него предразсудку. Для

*) *Ad Att.*, VI, 1.

римлянъ этой эпохи провинціи были еще завоеванными странами. Прошло слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ ихъ покорили, чтобы память объ ихъ пораженіи совершенно изгладилась. Предполагалось, что и онѣ не позабыли объ этомъ, и это самое заставляло не довѣрять имъ; во всякомъ случаѣ, объ этомъ помнили римляне и считали себя постоянно вооруженными противъ нихъ страшнымъ правомъ войны, противъ котораго никто не возражалъ въ древности. Имущество побѣжденнаго принадлежало цѣликомъ побѣдителю, слѣдовательно, послѣдній, беря себѣ часть его, не только не винилъ себя за это, но еще считалъ со своей стороны подаркомъ, оставляя ему хоть кое-что, и, быть-можетъ, въ глубинѣ души хвалилъ себя за такое великодушіе. Провинціи считались поэтому лугами и полями римскаго народа (*praedia, agri fructuarii populi Romani*) и такъ съ ними и обходились. Если же соглашались щадить ихъ, то дѣлали это не изъ сожалѣнія и любви къ нимъ, а изъ предосторожности, подражая хорошимъ землевладѣльцамъ, которые остерегаются истощать свое поле, беря отъ него слишкомъ много сразу. Таковъ смыслъ законовъ, изданныхъ при республикѣ для охраны провинцій; очень понятно, что въ составленіи ихъ не столько участвовала гуманность, сколько интересъ, который, сдерживая себя немного въ настоящемъ, какъ бы дѣлалъ запасы для будущаго. Очевидно, что Брутъ былъ такого же взгляда на права побѣдителя и на участь побѣжденныхъ. Въ этомъ случаѣ мы касаемся одной изъ величайшихъ слабостей этой честной, но узкой души. Воспитанная въ эгоистическихъ взглядахъ римской аристократіи, она не обладала достаточной ширью и глубиной, чтобы понять всю несправедливость ихъ и поддавалась имъ безъ всякаго сопротивленія до тѣхъ поръ, пока врожденная ей кротость и гуманность не брали верхъ надъ внушеніями воспитанія и надъ традиціями ея партіи. Поступки его въ управляемыхъ имъ провинціяхъ показываютъ, что вся жизнь его была не чѣмъ инымъ, какъ борьбою между его честной натурою и этими предразсудками. Раззоривъ саламинцевъ своимъ лихимствомъ, онъ управлялъ Цизальпинскою Галліей съ безкорыстіемъ, дѣлающимъ ему большую честь, и тогда какъ на островѣ Кипрѣ его ненавидѣли, въ Миланѣ

до временъ Августа сохранялась память объ его благотѣтельномъ управленіи. Подобное противорѣчіе встрѣчается и во время его послѣдняго похода; онъ плакалъ съ горя, видя, что жители Ксанта упорно разрушаютъ собственный городъ, а между тѣмъ наканунѣ битвы при Филиппахъ общалъ своимъ солдатамъ разграбленіе Фессалоникъ и Лакедемона. Это—единственная тяжкая вина въ его жизни, — вина, въ которой укоряетъ его Плутархъ; то было пробужденіе закоренѣлаго предразсудка, отъ котораго онъ никогда не могъ отдѣлаться, несмотря на прямоту своей души, и все это доказываетъ, какъ сильно вліяло на него до конца жизни, то общество, въ которое онъ былъ поставленъ своимъ рожденіемъ. Однако, этотъ предразсудокъ и тогда дѣйствовалъ не на всѣхъ. Цицеронъ, который, какъ человѣкъ новый легче могъ защищаться противъ силы традицій, относился всегда гуманно къ провинціямъ и осуждалъ постыдныя выгоды, извлекаемыя изъ нихъ. Въ письмѣ къ своему брату онъ громко провозглашалъ совершенно новый принципъ *), а именно, что управлять провинціями надо не для однихъ только интересовъ римскаго народа, но и для ихъ собственныхъ, чтобы дать имъ всякое возможное счастье и благоденствіе. Это именно онъ и старался дѣлать въ Киликіи; вотъ почему его такъ непріятно поразило поведеніе Брута. Онъ наотрѣзъ отказался помогать ему тогда, хотя Аттикъ, обладавшій болѣе покладистой совѣстью, съ жаромъ умолялъ его объ этомъ. „Очень сожалѣю, писалъ онъ ему; что не могу услужить Бруту, а еще болѣе сожалѣю о томъ, что нахожу его совѣмъ не такимъ, какъ представлялъ себѣ“ **). — „Если онъ меня осуждаетъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, то я не хочу имѣть подобныхъ друзей. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что его дядя Катонъ не осудитъ меня“ ***).

То были горькія слова, и дружба ихъ, вѣроятно, много пострадала бы отъ этихъ споровъ, если бы ихъ снова не сблизили наступившія вскорѣ важныя событія. Цицеронъ только что вернулся въ Италію, какъ вспыхнула уже давно предвидѣнная междоусобная война. Частные раздоры должны

*) *Ad Quint.*, I, 1.

**) *Ad Att.*, VI, 1.

***) *Ad Att.*, V, 21.

были сгладиться въ виду столь серьезныхъ бѣдствій. Впрочемъ, Цицеронъ и Брутъ были соединены между собою въ то время какой-то странной общностью чувствъ. Оба они отправились въ лагерь Помпея и оба сдѣлали это безъ всякой страсти и увлеченія, какъ бы принося лишь жертву долгу. Брутъ любилъ Цезаря, оказывавшаго ему всегда отеческую нѣжность, и вдобавокъ ненавидѣлъ Помпея. Не говоря уже о томъ, что ему не могла нравиться торжественная спесь послѣдняго, онъ не прощалъ ему смерти своего отца, убитаго во время междоусобій Суллы. Но при общественной опасности онъ позабылъ о своихъ личныхъ чувствахъ любви или ненависти и отправился въ Фессалію, гдѣ уже находились консулы и сенатъ. Извѣстно, что въ лагерь Помпея онъ отличился своимъ усердіемъ *); но вѣроятно, многое изъ того, что тамъ совершалось, дѣйствовало на него очень непріятно, и, безъ сомнѣнія, онъ находилъ, что къ дѣлу свободы, которую онъ только и хотѣлъ защищать, примѣшивается слишкомъ много частной вражды и самолюбія. То же самое не нравилось и другу его Цицерону и зятю его Кассію; приведенные въ негодованіе рѣчами глупцовъ, окружавшихъ Помпея, они рѣшились не доводить войны до крайнихъ предѣловъ, какъ того желали другіе. „Я еще помню, писалъ впослѣдствіи Цицеронъ Кассію, тѣ откровенныя бесѣды, въ которыхъ послѣ долгихъ споровъ, мы положили связать съ успѣхомъ одной битвы, если не правоту своего дѣла, то по крайней мѣрѣ свое рѣшеніе“ **). Нензвѣстно, присутствовалъ ли Брутъ при разговорахъ этихъ двухъ друзей; но несомнѣнно то, что всѣ трое они дѣйствовали одинаковымъ образомъ. На слѣдующій день послѣ Фарсалы Цицеронъ отказался командовать остатками республиканскаго войска; Кассій поспѣшилъ сдать Цезарю находившійся подъ его начальствомъ флотъ; что касается Брута, онъ храбро дѣйствовалъ во время битвы, но по окончаніи ея нашелъ, что имъ довольно сдѣлано, и самъ представился побѣдителю, который принялъ его съ радостью, отвелъ въ сторону, вызвалъ на разговоръ и узналъ отъ него

*) *Ad Att.*, XI, 4.

**) *Ad fam.*, XI, 15.

кое-что относительно убѣжища Помпея. Послѣ этой бесѣды Брутъ былъ совершенно побѣжденъ; онъ не только не отправился къ республиканцамъ, сражавшимся въ Африкѣ, но еще сопровождалъ Цезаря въ его завоевательномъ походѣ въ Египетъ и въ Азію.

II.

Во время битвы при Фарсалѣ Бруту было тридцать семь лѣтъ. Для римлянина это былъ возрастъ политической дѣятельности. Въ эти годы онъ становился обыкновенно квестромъ или эдиломъ; впереди у него было преторство или консульство, для достиженія которыхъ ему приходилось мужественно бороться на форумѣ и въ куріи. Самое лучшее, о чемъ мечталъ каждый юноша, вступающій въ жизнь, было добиться этихъ почестей въ тѣ лѣта, когда онѣ разрѣшались законами, а именно, преторства въ сорокъ лѣтъ, а консульства въ сорокъ три года, чтобы имѣть почетное удовольствіе сказать: „и я сталъ преторомъ или консуломъ, какъ только получилъ на это право по годамъ (*тео атто*)“. Если въ то время, какъ онъ занималъ эти должности, на его счастье была какая-нибудь значительная удачная война, дававшая возможность убить тысячъ пять непріятелей, онъ получалъ за это триумфъ, послѣ чего ему уже не оставалось желать ничего больше.

Очень можетъ быть, что и Брутъ питалъ эту надежду, подобно другимъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что происхожденіе и таланты позволили бы ему осуществить ихъ; Фарсала разрушила всѣ его замыслы. Почести не были недоступны для него, такъ какъ онъ былъ другомъ того, кто ихъ раздавалъ; но эти почести были уже не больше, какъ пустые титулы съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствительную власть взялъ въ свои руки одинъ человекъ. Человекъ этотъ хотѣлъ властвовать одинъ и не предлагалъ никому раздѣлять съ нимъ власть. „Онъ не слушаетъ даже своихъ, говоритъ Цицеронъ, и совѣтуется только съ самимъ собою“ *). Для всѣхъ остальныхъ политической жизни уже болѣе не было.

*) *Ad fam.*, VI, 9.

Вслѣдствіе того, даже лица, принимавшія участіе въ новомъ правительствѣ, чувствовали себя какъ бы безъ дѣла, особенно по сравненіи съ сильными волненіями предшествующихъ годовъ. Богъ, выражаясь словами, Виргилія, ниспосылалъ всѣмъ досуги. Брутъ употребилъ ихъ на то, чтобы возвратиться къ ученымъ занятіямъ своей юности, скорѣе прерваннымъ, нежели оставленнымъ навсегда. Возвратиться къ нимъ значило еще тѣснѣе сблизиться съ Цицерономъ.

Это не значитъ, что онъ забывалъ его; слѣдуя за Цезаремъ въ Азію, онъ узналъ, что другъ его, удалясь въ Брундузій, терпитъ тамъ и отъ угрозъ приверженцевъ Цезаря, не прощавшихъ ему его участія въ Фарсальской битвѣ, и отъ мстительности сторонниковъ Помпея, упрекавшихъ его за то, что онъ слишкомъ рано покинулъ ихъ. Среди возбужденнаго имъ всеобщаго неудовольствія Цицеронъ, не отличавшійся, какъ извѣстно, особой энергіей, чувствовалъ себя очень несчастнымъ. Брутъ писалъ ему, чтобы подкрѣпить его духъ. „Ты совершилъ дѣла, говорилъ онъ ему, которыя будутъ свидѣтельствовать о тебѣ, несмотря на твое молчаніе, которыя будутъ жить послѣ твоей смерти и которыя, и въ случаѣ спасенія государства, и въ случаѣ его гибели, будутъ всегда служить доказательствомъ честности твоихъ политическихъ поступковъ“ *). Цицеронъ говоритъ, что, когда онъ прочиталъ это письмо, ему показалось, что онъ какъ будто избавился отъ какой-то продолжительной болѣзни и открылъ глаза на дневной свѣтъ. По возвращеніи Брута въ Римъ отношенія ихъ стали еще ближе. Лучше узнавъ другъ друга, они и лучше оцѣнили одинъ другого. Цицеронъ, обладавшій такимъ пылкимъ воображеніемъ и молодымъ сердцемъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, совершенно влюбился въ Брута. Частыя бесѣды съ этимъ любознательнымъ умомъ и съ этой прямою душою оживили и помолодили его талантъ. Въ издаваемыхъ имъ въ то время прекрасныхъ сочиненіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ чрезвычайно быстро, другъ его занимаетъ всегда очень важное мѣсто. Видно, что сердце его наполнено имъ, онъ говоритъ о немъ, сколько можетъ, не перестаетъ расхваливать его и ему пер-

*) Циц., *Brut.*, 96.

вому хочет угодить; можно подумать, что для него важны только похвалы и дружба Брута. Прежде всего их соединяло между собою изученіе философіи. Оба они любили ее и занимались ею съ молодыхъ лѣтъ, и оба стали, повидимому, больше дорожить и заниматься ею съ тѣхъ поръ, какъ единоличное правленіе удалило ихъ отъ общественныхъ дѣлъ. Цицеронъ, который не могъ оставаться въ покоѣ, обратился на нее тогда всю свою дѣятельность. „Греція старѣется, писалъ онъ своимъ друзьямъ и ученикамъ, давайте же отнимать у нея ея философскую славу“ *); и онъ первый принялся за дѣло. Сначала онъ дѣйствовалъ ошупью и не могъ сразу найти философію, подходившую бы для его соотечественниковъ. Одно время онъ пытался занять ихъ вопросами тонкой метафизики, столь противорѣчащей практическому здравому смыслу римлянъ. Онъ перевелъ Тимея, самую темную вещь изъ всей философіи Платона; но вскорѣ замѣтилъ, что ошибается, и поспѣшилъ оставить путь, по которому ему пришлось бы идти одному. Въ *Тускуланахъ* онъ возвратился къ вопросамъ прикладной морали, и уже не покидалъ ихъ больше. Различные характеры страстей, дѣйствительная сущность добродѣтели, іерархія обязанностей, всѣ эти проблемы, возникающія передъ человѣкомъ въ продолженіе всей его жизни, и особенно та, изъ этихъ проблемъ, отъ которой ему приходится часто отступать и затѣмъ снова возвращаться къ ней съ какимъ-то ужасающимъ упорствомъ, и которая смущаетъ по временамъ и наиболѣе матеріальныя и земныя души, а именно, загробная жизнь,—вотъ что онъ изучалъ безъ всякихъ діалектическихъ фокусовъ, безъ всякихъ школьныхъ предразсудковъ, безъ всякой предвзятой системы, и не столько стараясь придумать что либо новое, сколько стремясь повсюду набраться практическихъ и разумныхъ началъ. Таковъ былъ характеръ римской философіи, и мы отнюдь не должны осуждать ее, такъ какъ она сыграла важную роль въ мірѣ, и какъ только благодаря ей философія грековъ, сдѣлавшись и основательнѣе и яснѣе, дошла до народовъ Запада. Философія эта начинается съ Фарсалы, такъ же какъ и имперія, и она многимъ обязана побѣдѣ

*) *Tusc.*, II., 2.

Цезаря, который, подавивъ политическую жизнь, принудилъ любознательные умы искать себѣ другой пищи для дѣятельности. Эта философія, съ восторгомъ принятая сначала всѣми обиженными и праздными душами, дѣлалась все болѣе и болѣе популярною по мѣрѣ того, какъ становилась тяжеле императорская власть. Люди были рады, что могутъ противопоставить этому господству надъ ихъ внѣшними дѣйствіями свою полную внутреннюю свободу, которой учить ихъ философія; изучать себя, замыкаться въ себѣ самомъ—значило, съ одной стороны, избѣгать тиранніи властителя, и стараясь получше узнать самого себя, человекъ какъ бы увеличивалъ территорію, куда не имѣла доступа власть тирана. Императоры хорошо это поняли; они были смертельными врагами науки, позволявшей себѣ ограничивать ихъ власть. Вскорѣ она показалась имъ подозрительною, такъ же какъ и исторія, напоминавшая о непріятныхъ для нихъ вещахъ. Эти два имени, говоритъ Тацитъ, стали неуютны государямъ, *ingrata principibus nomina*.

Нѣтъ никакой надобности указывать, почему все философскія сочиненія, написанныя въ концѣ республики или при имперіи, несравненно важнѣе подобныхъ книгъ, сочиняемыхъ нами въ настоящее время; объ этомъ такъ много и хорошо сказано, что возвращаться къ этому нечего *). Несомнѣнно, что въ это время, когда религія ограничивалась однимъ культомъ, когда книги ея содержали въ себѣ только собраніе формулъ и подробнѣйшее описаніе обрядовъ, и когда задачею ея было сообщать своимъ adeptамъ только умѣнье приносить жертвы сообразно ритуалу,—одна лишь философія могла дать всѣмъ честнымъ и ищущимъ душамъ, жаждавшимъ найти себѣ смыслъ жизни, тѣ именно уроки, въ которыхъ онѣ нуждались. Вотъ почему, читая любую книгу той эпохи о нравственности, не слѣдуетъ забывать, что она писалась не для однихъ только ученыхъ праздныхъ любителей прекрасныхъ рѣчей, но и для тѣхъ, кого Лукрецій изобразилъ ищущими жизненнаго пути наудачу; надо помнить, что правила эти прилагались къ практикѣ, что эти

*) Объ этомъ вопросѣ см. въ интересномъ сочиненіи г. Марта: (M. Martha, *les Moralistes sous l'Empire romain*)

теоріи стали образцами для поведенія, и что вся эта мораль, такъ сказать, жила. Возьмите, напримѣръ, первую Тускулану: Цицеронъ хочетъ доказать въ ней, что смерть — не зло. Какое, повидимому, общее мѣсто, и какъ намъ трудно не считать всѣхъ этихъ прекрасныхъ разглагольствованій за ораторскія только упражненія и за школьную болтовню! Между тѣмъ это вовсе не такъ, и поколѣніе, для котораго они были писаны, находило въ нихъ совсѣмъ иное. Это поколѣніе, наканунѣ проскрипцій, читало эти сочиненія, чтобы почерпнуть въ нихъ силу, и послѣ такого чтенія чувствовало себя тверже, мужественнѣе и рѣшительнѣе къ перенесенію грядущихъ впереди великихъ бѣдъ. Самъ Аттикъ, этотъ замѣчательный эгоистъ, который былъ такъ далекъ отъ того, чтобы жертвовать ради кого-нибудь своею жизнью, почерпалъ въ нихъ невѣдомую ему энергію. „Ты говоришь мнѣ, пишетъ ему Цицеронъ, что мои Тускуланы ободряютъ тебя; тѣмъ лучше. Нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и надежнаго средства противъ событій какъ то, что я указываю“ *). Средство это было смерть. И сколько же людей воспользовалось ею! Никогда не было такого невѣроятнаго презрѣнія къ жизни, никогда смерть не казалась менѣе страшною. Со времени Катона самоубійство сдѣлалось какою-то заразой. Побѣжденные, какъ напримѣръ, Юба, Петрей, Сципіонъ, не знаютъ инаго средства спастись отъ побѣдителя. Латеренсій убиваетъ себя съ горя, видя, что другъ его Лепидъ измѣнилъ республикѣ; Скапула, не имѣя больше силъ сопротивляться въ Кордовѣ, приказываетъ сложить костеръ и сжигаетъ себя заживо; когда Децимъ Брутъ во время бѣгства колеблется выбрать это геройское средство, другъ его Блазій убиваетъ себя на его глазахъ, чтобы подать ему примѣръ. Въ Филиппахъ это превращается въ какой-то горячечный бредъ. Даже тѣ, кто могъ спастись, не хотѣли переживать своего пораженія. Квинтилій Варъ облачается въ знаки своего достоинства и приказываетъ рабу убить себя; Лабенъ самъ вырываетъ могилу и убиваетъ себя на краю ея; юный Катонъ, боясь быть пощаженнымъ, сбрасываетъ съ себя шлемъ и выкрикиваетъ свое имя; Кассій, какъ

*) *Ad Att.*, IV, 2.

человѣкъ нетерпѣливый, убиваетъ себя слишкомъ рано; Брутъ заключаетъ собою этотъ списокъ самоубійствомъ, поразительнымъ по своему спокойствію и достоинству. Какой странный и ужасный комментарий къ Тускуланамъ, и какъ эта общая истина, засвидѣтельствованная на дѣлѣ столькими великодушными людьми, перестаетъ быть общимъ мѣстомъ!

Именно въ этомъ духѣ слѣдуетъ изучать тѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ короткіе отрывки, которые уцѣлѣли отъ философскихъ произведеній Брута. Находящіеся тамъ общія мысли не ставутъ уже казаться малозначительными и неясными, когда мы вспомнимъ, что тотъ, кто изложилъ ихъ, намѣревался, вмѣстѣ съ тѣмъ, прилагать ихъ къ жизни. Знаменитѣйшее изъ сочиненій Брута, разсужденіе его О добродѣтели, было обращено къ Цицерону и достойно ихъ обоихъ *). То было прекрасное произведеніе, нравившееся особенно потому, что при чтеніи его чувствовалось, какъ авторъ его былъ самъ вполне убѣжденъ въ написанномъ. Изъ него сохранился для насъ значительный отрывокъ у Сенеки. Въ этомъ отрывкѣ Брутъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Митиленѣ М. Марцелла, того самаго, который впоследствии прощенъ Цезаремъ по просьбѣ Цицерона. Онъ нашелъ его занятымъ наукою, едва помнящимъ о Римѣ и его удовольствіяхъ и вкушающимъ въ тишинѣ и спокойствіи ранѣе невѣдомое ему счастье. „Когда надо было разстаться съ нимъ, говорилъ онъ, и когда я уѣхалъ одинъ, мнѣ показалось, что въ ссылку отправляюсь я самъ, а не Марцеллъ остается въ ней“ **). Изъ этого примѣра онъ вывелъ то заключеніе, что не слѣдуетъ жаловаться на ссылку, потому что туда можно унести съ собою всю свою добродѣтель. Мораль книги состояла въ томъ, что для того, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ нуждается только въ самомъ себѣ. Если хотите, и это—общее мѣсто; но, стараясь сообразовать всю свою жизнь съ этимъ правиломъ, Брутъ сдѣлалъ его живою истиной. Онъ не развивалъ какого-нибудь философскаго тезиса, а просто излагалъ житейское правило, предлагая его другимъ и крѣпко держась его самъ. Онъ съ давнихъ поръ

*) *Quint*, X, 1.

**) Сенека, *Cons. ad. Helv.*, 9.

привыкъ замыкаться въ себѣ самомъ и находить внутри себя и радости, и горе. Отсюда-то и берегъ свое начало та свобода ума, какую онъ сохраняетъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, то презрѣніе къ внѣшнимъ вещамъ и та легкость, съ какою онъ разставался съ ними. Наканунѣ Фарсалы, когда всѣ такъ тревожились и заботились, онъ спокойно читалъ Полибія и дѣлалъ свои замѣтки въ ожиданіи битвы. Послѣ мартовскихъ идъ, среди волненія и страха всѣхъ своихъ друзей, онъ одинъ сохранялъ вѣчное спокойствіе, раздражавшее немного Цицерона. Изгнанный изъ Рима, подъ грозою ветерановъ Цезаря, онъ утѣшался во всемъ, говоря: „Нѣтъ ничего лучше, какъ утѣшаться воспоминаніемъ своихъ добрыхъ дѣлъ и не заниматься ни людьми, ни событіями“ *). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное умѣнье отрѣшиться отъ внѣшнихъ предметовъ и жить въ себѣ самомъ—драгоценное качество для человѣка размышляющаго и занятаго; таковъ, пожалуй, идеаль философа; но не бываетъ ли умѣнье это опаснымъ и ошибочнымъ у человѣка дѣловаго, у политика? Можно ли не считаться съ мнѣніями другихъ, если успѣхъ предпринятыхъ дѣлъ зависитъ отъ этого мнѣнія? Можно ли пользоваться велѣніями своей совѣсти и слѣдовать имъ неукоснительно, какъ предлогомъ, чтобы не обращать вниманія на обстоятельства и запутываться наудачу въ безцѣльные похождения? Наконецъ, стараясь держаться внѣ толпы и строго охраняя себя отъ ея страстей, не рискуетъ ли человѣкъ утратить связь, соединяющую его съ нею и сдѣлаться неспособнымъ руководить ей? Аппіанъ, въ своемъ описаніи послѣдней войны, веденной республиканской арміей, рассказываетъ, что Брутъ всегда умѣлъ владѣть собою и держалъ себя почти свсѣмъ въ сторонѣ отъ обсуждавшихся въ то время важныхъ дѣлъ. Онъ любилъ разговаривать и читать; онъ осматривалъ проходимыя войскомъ мѣстности, какъ любознательный человѣкъ, и бесѣдовалъ съ жителями; словомъ, это былъ философъ посреди стана. Напротивъ того, Кассій, исключительно занятый войною, не позволялъ себѣ отвлекаться и, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ стремился къ этой цѣли, напоминая собою сражающагося гла-

*) *Epist. Brut.*, I, 16.

діатора *). Я подозрѣваю, что Брутъ презиралъ немного такую лихорадочную дѣятельность, касавшуюся исключительно обыденныхъ вещей, и что подобная роль гладіатора заставляла его улыбаться. Но онъ былъ неправъ: именно гладіатору принадлежитъ успѣхъ въ человѣческихъ дѣлахъ, и добиться успѣха можно, только отдавши имъ всю свою душу. Что же касается отвлеченныхъ мыслителей, всегда внутреннее сосредоточенныхъ и желающихъ держать себя внѣ и выше обыденныхъ страстей, то они удивляютъ толпу, но не увлекаютъ ея; они, пожалуй, и мудрецы, но—плохіе вожди партій.

Впрочемъ, весьма возможно, что если бы Брутъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ никогда и не подумалъ бы сдѣлаться главою партіи. Онъ не относился враждебно къ новой власти, и Цезарь не пропускалъ ни одного случая расположить его къ себѣ, даря, по его просьбѣ, прощенія наиболѣе компрометированнымъ помпеянцамъ. Вернувшись въ Римъ, онъ поручилъ ему управленіе одной изъ самыхъ лучшихъ провинцій имперіи, Цизальпинской Галліей. Въ это время было получено извѣстіе о пораженіи республиканской арміи при Тапсѣ и о смерти Катона. Вѣроятно, Брутъ былъ этимъ очень огорченъ. Онъ написалъ самъ и попросилъ Цицерона сочинить похвалу своему дядѣ; но мы знаемъ изъ Плутарха, — онъ осуждалъ его за то, что тотъ отказался принять милосердіе Цезаря. Когда получившій помилованіе Марцеллъ былъ убитъ недалеко отъ Аѳинъ, нѣкоторые думали и говорили, что Цезарь легко могъ быть участникомъ этого преступленія. Брутъ поспѣшилъ выступить въ его оправданіе съ жаромъ, изумившимъ Цицерона. Слѣдовательно, онъ находился въ то время вполне подъ обаяніемъ Цезаря. Прибавимъ къ этому, что въ лагерь Помпея онъ почувствовалъ отвращеніе къ междоусобнымъ войнамъ. Они лишили его нѣсколькихъ изъ его драгоцѣннѣйшихъ друзей, напримѣръ, Торквата и Триарія, двухъ молодыхъ людей, подававшихъ грамалныя надежды, и потерю которыхъ онъ горько оплакивалъ. Думая о безпорядкахъ, причиненныхъ междоусобіями, о жертвахъ, похищенныхъ ими, онъ, вѣроятно, говорилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, философомъ

*) *App., De bell. civ., IV, 133.*

Фавоніемъ: «Лучше выносить произвольную власть, чѣмъ возбуждать безбожныя войны» *). Какъ же случилось, что онъ далъ себя увлечь къ возобновленію ихъ? Какимъ искуснымъ заговоромъ друзья сумѣли побѣдить его отвращеніе, вооружить его противъ любимаго имъ человѣка и втянуть въ предпріятіе, долженствовавшее перевернуть весь міръ? Это стоитъ того, чтобы разсказать, и письма Цицерона даютъ намъ отчасти возможность проникнуть въ эту тайну.

III

Начиная съ Фарсалы, не было недостатка въ недовольныхъ. Великая аристократія, такъ долго управлявшая міромъ, не могла считать себя разбитою послѣ перваго пораженія. Ей тѣмъ естественнѣе хотѣлось сдѣлать еще одно усиліе, что она сознавала, что въ первый разъ она сражалась при невыгодныхъ условіяхъ, и что, связавъ свое дѣло съ дѣломъ Помпея, она стала на плохую почву. Помпей внушалъ свободѣ не больше довѣрія, чѣмъ Цезарь. Извѣстно было, что онъ любилъ чрезвычайныя полномочія и старался забирать въ свои руки всю общественную власть. Въ началѣ междоусобной войны онъ такъ надменно отвергъ самыя справедливыя предложенія и такъ горячо старался ускорить кризисъ, что можно было подумать, — онъ спѣшитъ отдѣлаться отъ стѣснявшаго его соперника, а не торопится на помощь находившейся въ опасности республикѣ. Другъ его Цицеронъ говоритъ намъ, что, видя въ его лагерьѣ окружавшихъ его дерзкихъ людей и то упорство, съ какимъ онъ отказывался принимать совѣты, можно уже было подозрѣвать, что тотъ, кто такъ дурно принимаетъ совѣты передъ битвою, сдѣлается господиномъ послѣ побѣды. Вотъ почему столько честныхъ людей, и первый изъ нихъ Цицеронъ, такъ долго не рѣшались стать на его сторону; а главное, вотъ почему такіе неустрашимые люди, какъ Брутъ, такъ поспѣшно сложили оружіе послѣ перваго пораженія. Къ этому надо прибавить, что если нельзя было быть вполне увѣреннымъ относительно намѣреній Помпея, то легко было также опи-

*) Плут., *Brut.*, 12.

биться и насчетъ замысловъ Цезаря. Всякому было ясно, что онъ хочетъ власти, но какой именно? Желалъ ли онъ только одной изъ тѣхъ временныхъ диктатуръ, какія необходимы для свободныхъ государствъ послѣ эпохи анархїи, которыя задерживаютъ на время свободу, но не уничтожаютъ ея? Хотѣлъ ли онъ разыграть роль Марїа и Суллы, пережитыхъ однако республикою? Въ крайнемъ случаѣ, можно было бы подумать послѣднее, и ничто не мѣшаетъ предполагать, что такова была мысль многихъ сподвижниковъ Цезаря, особенно тѣхъ, которые, разочаровавшись въ немъ впослѣдствїи, составили противъ него заговоръ.

Но послѣ Фарсалы нельзя уже было поддаваться этому самообольщенію. Цезарь требовалъ не какой-нибудь чрезвычайной власти, а просто хотѣлъ основать новое правленіе. Не говорилъ ли онъ, что республика есть слово, не имѣющее смысла, и что Сулла, отказавшись отъ диктатуры, сдѣлалъ непростительную глупость. Мѣры, принятыя имъ для того, чтобы устроить въ свою пользу народное голосованіе, назначеніе имъ консуловъ и преторовъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, распоряженіе общественною казною и доходами, довѣренное имъ своимъ вольноотпущенникамъ и рабамъ, собраніе всѣхъ почетныхъ званій на свою собственную голову, цензура подъ именемъ префектуры нравовъ, вѣчная диктатура, не мѣшавшая ему назначаться ежегодно консуломъ по выбору, наконецъ, все въ его законахъ и поведеніи указывало на какой-то окончательный захватъ власти. Не принимая ни одной изъ предосторожностей, употребляемыхъ впослѣдствїи Августомъ для того, чтобы скрыть размѣры своей власти, онъ какъ-будто нарочно выставлялъ ее на видъ, безъ всякой заботы о томъ, что этой откровенностью можетъ нажить себѣ враговъ. Напротивъ, по какому то ироническому скентицизму и смѣлой дерзости знатнаго вельможи, онъ любилъ оскорблять фанатическихъ приверженцевъ старинныхъ обычаевъ. Онъ улыбался, видя изумленіе жрецовъ и авгуровъ, когда при всемъ сенатѣ онъ осмѣливался отрицать боговъ, и тѣшился смущеніемъ этихъ стариковъ формалистовъ, суевѣрныхъ хранителей древнихъ обрядовъ. Кроме того, такъ какъ онъ выше всего любилъ удовольствїя, то власть правилась ему не только сама по себѣ, но еще и

потому, что ею можно наслаждаться; онъ не довольствовался существенною стороною высшей власти, ему нужна была и ея внѣшность, окружающій ее блескъ, требуемая ею почести, возвышающая ее пышность и даже имя ее обозначающее. Онъ зналъ, до какой степени страшить римлянъ царскій титулъ, котораго ему такъ хотѣлось; но смѣлость его находила удовольствіе въ пренебреженіи этими старыми предразсудками, между тѣмъ какъ его искренность почитала болѣе честнымъ называть настоящимъ именемъ ту власть, которою онъ пользовался. Благодаря такому поведенію Цезаря, не осталось ровно ничего неяснаго; оно не допускало больше никакихъ иллюзій и недоразумѣній. Дѣло касалось теперь не соперничества двухъ честолюбій, какъ во время Фарсальской битвы, но борьбы между двумя противоположными правительствами. Мнѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ, точнѣе уяснялись одно другимъ, и громко высказываемое Цезаремъ намѣреніе создать монархію привело къ образованію большой республиканской партіи.

Какимъ образомъ самые смѣлые и рьяные въ этой партіи вздумали соединиться и организоваться? Какъ удалось имъ составить заговоръ на жизнь диктатора? Этого нельзя хорошо узнать. Но кажется, что первая мысль о заговорѣ возникла одновременно въ двухъ совершенно противоположныхъ лагеряхъ, а именно, между побѣжденными при Фарсалѣ и, что гораздо удивительнѣе, между самими военачальниками Цезаря. Вѣроятно, эти два заговора были сначала отдѣльны другъ отъ друга, и каждый изъ нихъ дѣйствовалъ за свой счетъ: между тѣмъ какъ Кассій намѣревался убить Цезаря на берегахъ Кидна, Требоній чуть не умертвилъ его въ Нарбоннѣ. Впослѣдствіи оба заговора, неизвѣстно какимъ образомъ, соединились между собою.

Каждая партія, прежде всего, старается отыскать себѣ вождя. Если бы продолжать преданія послѣдней войны, то глава былъ налицо: у Помпея оставался сынъ, Секстъ, какимъ-то чудомъ спасшійся во время Фарсальской и Мундской битвъ и пережившій всѣхъ своихъ. Побѣжденный, но не павшій духомъ, онъ бродилъ въ горахъ и по берегамъ рѣкъ, становясь поочередно то искуснымъ партизаномъ, то смѣлымъ морскимъ разбойникомъ, и упорные помпеянцы

собирались вокругъ него. Но теперь никто не хотѣлъ уже быть помпеемъ. Желали имѣть главою человѣка, который былъ бы не именемъ, а принципомъ, и служилъ бы представителемъ республики и свободы безъ всякой личной задней мысли. Своею жизнью, нравами и характеромъ онъ долженъ былъ составлять полную противоположность съ тѣмъ правительствомъ, на которое собирались напасть. Онъ долженъ былъ быть честенъ, такъ какъ власть была испорчена, безкорыстенъ, чтобы протестовать этимъ самымъ противъ окружающей Цезаря ненасытной корысти, уже настолько славенъ, чтобы различные элементы, составлявшіе партію, согласились бы подчиняться ему, и въ то же время молодъ, такъ какъ требовалась рѣшительная рука. Только одинъ человѣкъ соединялъ въ себѣ всѣ эти качества: это былъ Брутъ. Поэтому взоры всѣхъ и обратились на него. Общественный голосъ называлъ его вождемъ республиканской партіи еще въ то время, какъ онъ былъ другомъ Цезаря. Когда первые заговорщики вербовали себѣ участниковъ, имъ постоянно твердили одно и то же: „Мы съ вами, если насъ поведетъ Брутъ“. Самъ Цезарь, несмотря на свое довѣріе и дружбу къ нему, какъ бы предчувствовалъ, откуда ему грозитъ опасность. Однажды, когда его пугали неудовольствіемъ и угрозами Антонія и Долабеллы, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, этихъ развратниковъ опасаться нечего: опасны блѣдные и худые“. Онъ, конечно, намекалъ на Брута.

Къ этому давленію со стороны общественнаго мнѣнія, распоряжавшагося Брутомъ заранѣе безъ его согласія, надо было прибавить еще болѣе опредѣленные побужденія, которыя заставили бы его рѣшиться; такихъ побужденій было много и они шли къ нему со всѣхъ сторонъ. Мнѣ незачѣмъ напоминать о запискахъ, которыя онъ находилъ у себя на трибунѣ, о надписяхъ, помѣщаемыхъ подъ статуею его предка, *) и прочихъ ловкихъ продѣлкахъ, такъ хорошо раска-

*) Прибѣгавшіе къ этимъ уловкамъ знали, что они касаются самой чувствительной струны Брута. Происхожденіе его отъ предка, полжившаго когда-то конецъ царской власти, было подъ большимъ сомнѣніемъ; чѣмъ больше оно считалось сомнительнымъ, тѣмъ сильнѣе онъ старался утвердить его. Сказать ему: „Нѣтъ, ты не Брутъ“, значило заставить его исполнить свою обязанность или подзадорить его къ тому чтобы онъ доказалъ свое происхожденіе на дѣлѣ.

занных Плутархомъ. Но никто такъ не способствовалъ людямъ, желавшимъ сдѣлать Брута заговорщикомъ, какъ Цицеронъ, хотя онъ ихъ вовсе не зналъ. Письма его рисуютъ намъ тогдашнее его настроеніе. Въ нихъ съ особенной живостью выражается досада, гнѣвъ и сожалѣніе объ утраченной свободѣ. „Мнѣ стыдно быть рабомъ“, *) пишетъ онъ однажды Кассію, не подозрѣвая, что въ эту самую минуту Кассій изыскиваетъ въ тиши способы освободиться отъ рабства. Невозможно, чтобы чувства эти не прорывались у Цицерона въ издаваемыхъ имъ въ ту пору книгахъ. Мы находимъ ихъ тамъ въ настоящее время и при спокойномъ чтеніи; тѣмъ болѣе, ихъ должны были видѣть тогда, когда эти книги комментировались ненавистью и читались глазами, изопреенными возмущеніемъ. Сколько тамъ подмѣчалось уже неуволимыхъ для насъ теперь эпиграммъ! Сколько колкихъ и горькихъ словъ, незамѣчаемыхъ нами нынѣ, съ восторгомъ уловлялось и лукаво повторялось тогда въ разговорахъ, терзавшихъ властелина и его друзей. Цицеронъ остроумно называлъ это „укусами свободы, которая никогда такъ хорошо не рветъ зубами, какъ побывъ нѣкоторое время въ намордникѣ“. **) При небольшомъ стараніи можно было вездѣ найти намеки. Если авторъ говорилъ съ такимъ восхищеніемъ о древнемъ краснорѣчіи, то это, вѣдь, для того, чтобы пристыдить пустынный теперь форумъ и нѣмой сенатъ; о старомъ порядкѣ вспоминалось для того, чтобы, такимъ образомъ, нападать на новый, и похвала умершимъ дѣлалась сатирою на живыхъ. Цицеронъ вполне понималъ все значеніе своихъ книгъ, когда впоследствии говорилъ: „Они были для меня какъ бы сенатомъ или трибуною, откуда я могъ говорить“ ***). Ничто такъ сильно не раздражало общественнаго мнѣнія, не возбуждало въ сердцахъ сожалѣнія о прошломъ и отвращенія къ настоящему, словомъ, ничто такъ не подготовило послѣдующихъ событій, какъ его книги.

На Брута чтеніе писаній Цицерона должно было производить болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на другихъ: они посвящались его имени и для него собственно писались.

*) *Ad fam.*, XV, 18.

**) *De Offic.*, II, 7.

***) *De Divin.*, II, 2.

Хотя и предназначенныя дѣйствовать на всю публику, они заключали въ себѣ нѣкоторыя части, обращенныя именно къ нему. Цицеронъ старался не только пробудить его патриотическія чувства, но и воспоминанія и надежды молодости. Съ коварной ловкостью онъ затрогивалъ даже его тщеславіе, указывая ему на то, какое важное мѣсто онъ могъ бы занимать при возстановленіи прежняго правительства. «О, Брутъ, говорилъ онъ, я чувствую, что горестъ моя возрастаетъ при взглядѣ на тебя и при той мысли, что именно когда твоя юность неудержимо порывалась къ славѣ, ты былъ внезапно остановленъ на этомъ пути несчастною судьбою республики. Вотъ предметъ моей горести и причина заботъ моихъ и Аттика, раздѣляющаго со мною уваженіе и любовь къ тебѣ. Ты—единственный предметъ нашихъ интересовъ, и намъ хочется, чтобы ты пожаль плоды своей добродѣтели; душевно желаемъ, чтобы республиканское государство позволило тебѣ когда-нибудь воскресить и еще увеличить славу двухъ знаменитыхъ домовъ, которыхъ ты представитель. Тебѣ слѣдовало бы быть господиномъ на форумѣ и властвовать тамъ безраздѣльно; вотъ почему мы и огорчаемся вдвойнѣ тѣмъ, что республика потеряна для тебя, а ты—для республики» *). Понятно, что подобныя сожалѣнія, да еще выраженныя такимъ образомъ, въ которыхъ частный интересъ смѣшивался съ общественнымъ, сильно волновали Брута. Антоній не вполнѣ ошибался, виня Цицерона за соучастіе въ смерти Цезаря. Если онъ не самъ нанесъ ударъ; то вооружилъ руки, нанесшія его, и заговорщики были совершенно правы, когда, выйдя изъ сената послѣ мартовскихъ идъ, они призывали Цицерона, потрясая своими окровавленными кинжалами.

Къ этимъ внѣшнимъ возбужденіямъ присоединились другія еще сильнѣйшія, встрѣчаемыя Брутомъ въ собственномъ домѣ. Мать всегда пользовалась своимъ вліяніемъ на него, чтобы сблизить его съ Цезаремъ; но именно въ этотъ критическій часъ власть Сервиліи уменьшилась вслѣдствіе женитьбы Брута на своей двоюродной сестрѣ, Порціи. Дочь Катона и вдова Бибула, Порція вносила въ свой новый домъ

*) *Brut.*, 97.

всѣ страсти своего отца и своего первого мужа, и главнымъ образомъ ненависть къ Цезарю, виновнику всѣхъ ея несчастій. Едва она вступила въ эту семью, какъ уже начались несогласія между нею и ея свекровью. Цицеронъ, сообщающій намъ это, не объясняетъ однако ихъ причинъ; но вполне естественно предположить, что обѣ эти женщины оспаривали другъ у друга вліяніе на Брута, чтобы, подчинивъ его себѣ, увлечь на свою сторону. Вѣроятно, вліяніе Сервиліи уменьшилось отчасти вслѣдствіе этихъ домашнихъ раздоровъ, и голосъ ея, побужденный совѣтами новой и любимой супруги, не имѣлъ уже прежняго вѣса, когда она говорила за Цезаря.

Такимъ образомъ, все соединилось вмѣстѣ, чтобы увлечь Брута. Представьте себѣ этого слабаго и боязливаго чловѣка, осажденнаго со всѣхъ сторонъ разомъ: и надеждами общественнаго мнѣнія, и воспоминаніями прошлаго, и преданіями своей семьи, и самымъ именемъ, которое онъ носилъ, и тайными упреками, подсовываемыми ему подъ руки и бросаемыми подъ ноги, безпрестанно поражавшими его невнимательные взоры и разсѣянный слухъ, и, наконецъ, находящаго у себя дома тѣ же воспоминанія и упреки въ формѣ очень законной горести и трогательнаго сожалѣнія. Развѣ онъ не долженъ былъ уступить, наконецъ, этимъ ежедневнымъ воздѣйствіямъ? Однако, очень можетъ быть, что прежде чѣмъ сдаться, онъ сопротивлялся и выдерживалъ сильную борьбу въ тѣ бессонныя ночи, о которыхъ говоритъ Плутархъ; но такъ какъ подобныя внутреннія борьбы никому не довѣряются, то о нихъ не можетъ быть никакого слѣда у историковъ. Если кто хочетъ знать ихъ, тому ничего больше не остается, какъ попытаться, не отыщется ли хоть отдаленное воспоминаніе о нихъ въ письмахъ Брута, написанныхъ имъ впослѣдствіи и дошедшихъ до насъ. Тамъ мы видимъ, что онъ возвращается здѣсь два раза къ одной и той-же мысли: «Предки наши полагали, что мы не должны терпѣть тирана, еслибъ онъ былъ даже нашъ отецъ... *) Имѣть больше власти, нежели законы и сенатъ, этого права я не призналъ бы даже и за отцомъ своимъ» **). Не было ли это его отвѣтомъ

*) *Epist. Brut.*, I, 17.

**) *Epist. Brut.*, I, 16.

самому себѣ всякій разъ, когда онъ чувствовалъ себя смущеннымъ воспоминаніемъ объ отеческой привязанности къ нему Цезаря, и о томъ, что этотъ человѣкъ, противъ котораго онъ вооружался, называлъ его своимъ сыномъ? Что касается полученныхъ или ожидаемыхъ отъ него милостей, онѣ могли бы обезоружить другого человѣка; онъ же укрѣплялъ и закалялъ себя противъ нихъ. «Нѣтъ такого выгоднаго рабства, говорилъ онъ, чтобы принудить меня разстаться съ намѣреніемъ быть свободнымъ» *). Этимъ самымъ онъ защищался противъ друзей диктатора и, можетъ быть, противъ своей матери, когда та, желая ослѣпить его, говорила ему, что согласись онъ терпѣть царскую власть Цезаря, то можетъ надѣяться раздѣлить ее. Но онъ былъ не таковъ, чтобы заплатить своей свободой за право господствовать надъ другими; такая сдѣлка показалась бы ему невыгодной. «Лучше ни надъ кѣмъ не властвовать, писалъ онъ, нежели быть чѣмъ бы то ни было рабомъ. Можно жить, не властвуя, но нѣтъ больше причины жить, когда сдѣлаешься рабомъ» **).

Среди всѣхъ этихъ никому невѣдомыхъ сомнѣній, произошло одно событіе, очень удивившее публику, и которое Цицеронъ передаетъ въ своихъ письмахъ безъ всякаго объясненія. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Цезарь, побѣдитель сыновей Помпея, возвращался въ Римъ, Брутъ проявилъ столько поспѣшности выйти ему навстрѣчу, что это всѣ замѣтили и многіе осуждали. Каковъ-же былъ его умыселъ? Его можно угадать изъ нѣсколькихъ словъ Цицерона, на которыя не было обращено достаточно вниманія. Въ минуту, передъ принятіемъ крайняго рѣшенія, Брутъ хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе надъ умомъ Цезаря и попытаться въ послѣдній разъ приблизить его къ республикѣ. Онъ нарочно хвалилъ передъ нимъ людей изъ побѣжденной партіи, особенно Цицерона, въ той надеждѣ, что ихъ, быть можетъ, снова призовутъ къ дѣламъ. Цезарь благосклонно выслушалъ эти похвалы, хорошо принялъ Брута и не обезнадежилъ его. Довѣрчивый Брутъ поспѣшилъ вернуться въ Римъ и возвѣститъ всѣмъ, что Цезарь возвращается къ честнымъ

*) *Epist. rut.*, I, 17.

**) *Quint.* I, X, 3.

людямъ. Онъ дошелъ даже до того, что уговаривалъ Цицерона написать къ диктатору политическое письмо и помѣстить тамъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и указаній; но Цицеронъ не раздѣлялъ надеждъ своего друга и послѣ нѣкотораго колебанія отказался писать. Впрочемъ, Брутъ обманывался не долго. Антоній предупредилъ его у Цезаря. Антонію, своими безумствами нарушавшему спокойствіе Рима, во многомъ слѣдовало бы просить себѣ прощенія, но онъ зналъ, какимъ средствомъ его можно достигнуть. Между тѣмъ какъ Брутъ старался сблизить Цезаря съ республиканцами и воображалъ себѣ, будто успѣлъ въ этомъ, Антоній, желая склонить къ себѣ властелина, льстилъ самымъ завѣтнымъ его желаніямъ и, вѣроятно, манилъ его блескомъ столь желанной имъ короны. Сцена луперкалій ясно показала, что Антоній одержалъ верхъ, и Брутъ не могъ больше сомнѣваться въ намѣреніяхъ Цезаря. Правда, планъ Антонія не удался на этотъ разъ: крики толпы и оппозиція двухъ трибуновъ принудили Цезаря отказаться отъ предлагаемой ему діадемы; но всѣ знали, что эта неудача не обезкураживаетъ его. Случай былъ отложенъ только на время и долженъ былъ представиться опять. По поводу войны съ Парееями затѣяли принести въ сенатъ старый сивилловъ оракулъ, гласившій, что Парееяне будутъ побѣждены только царемъ, и требовали этого титула для Цезаря. Въ сенатѣ же было слишкомъ много чужеземцевъ и трусовъ, чтобы можно было сомнѣваться въ отвѣтѣ. Этотъ самый моментъ Кассій выбралъ для того, чтобы открыть Бруту составлявшійся заговоръ и сдѣлать его главою.

Кассій, чье имя съ тѣхъ поръ уже неразлучно съ именемъ Брута, представлялъ собою совершенную противоположность съ нимъ. Онъ заслужилъ большую воинскую славу, спасши остатки арміи Красса и прогнавъ Парееянъ изъ Сиріи; но въ то-же время его обвиняли въ страсти къ удовольствіямъ, въ томъ, что онъ эпикуреецъ и въ теоріи, и на практикѣ, жадно любить власть и не разборчивъ къ средствамъ ея приобрѣтенія. Подобно всѣмъ почти проконсуламъ, онъ ограбилъ управляемую имъ провинцію; говорили, что Сиріи не легче было оттого, что онъ спасъ ее, и что она, пожалуй, предпочла бы попасть въ руки Парееянъ. Кассій

былъ желченъ въ своихъ насмѣшкахъ, неровенъ въ обращеніи. вспыльчивъ, подчасъ жестокъ *), и, конечно, не почувствовалъ бы отвращенія къ убійству; но откуда у него возникла мысль убить Цезаря? Плутархъ говоритъ, что она возникла у него съ досады, что онъ не получилъ городского преторства, отланнаго диктаторомъ Бруту, и весьма вѣроятно, конечно, что личныя неудовольствія могли ожесточить эту страстную душу. Впрочемъ, если бы Кассію приходилось мстить только за эту обиду, онъ, по всей вѣроятности, не вступилъ бы въ соглашеніе съ тѣмъ, кто самъ былъ причастенъ къ этой обидѣ и воспользовался ею. У него было много другихъ причинъ ненавидѣть Цезаря. Аристократъ по рожденію и по чувству, онъ носилъ въ своемъ сердце всю ненависть побѣжденной аристократіи; ему нужна была кровавая расправа въ отплату за пораженіе своихъ; самое прощеніе, дарованное Цезаремъ, не погасило въ немъ гнѣва, возникавшаго при видѣ всего униженія аристократіи. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Брутъ старался быть человѣкомъ принципа, Кассій открыто заявлялъ себя человѣкомъ партіи. Кажется, онъ издавна питалъ мысль отмстить за Фарсалу убійствомъ. По крайней мѣрѣ, Цицеронъ рассказываетъ, что всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія имъ прощенія онъ поджидалъ Цезаря на одномъ изъ береговъ Кинда, намѣреваясь убить его, и что Цезарь спасся лишь потому, что случайно высадился на другой берегъ. Въ Римѣ, несмотря на всѣ получаемыя имъ милости, онъ снова взялся за свой планъ. Онъ устроилъ заговоръ, разыскивалъ недовольныхъ, собиралъ ихъ на тайныя совѣщанія и видя, что всѣ желаютъ имѣть главою Брута, взялся переговорить съ нимъ.

Они еще были между собою въ ссорѣ изъ-за соперничества при выборѣ на должность городского претора. Кассій отложилъ въ сторону всякія неудовольствія, и отправился къ своему зятю. „Онъ взялъ его за руку, повѣствуетъ Аппіанъ, и сказалъ ему: Что намъ дѣлать, если льстецы Цезаря предложатъ его въ цари? Брутъ отвѣчалъ, что онъ разсчиты-

*) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ корреспонденціи Цицерона находятся нѣсколько писемъ Кассія, изъ которыхъ нѣкоторыя остроумны и очень веселы. Въ нихъ встрѣчаются даже каламбуры. (*Ad fam.*, XV, 19).

ваетъ не итти въ сенать.—Но какъ же? возразилъ Кассій. Если насъ потребуютъ туда въ качествѣ преторовъ, что жъ мы будемъ дѣлать?—Я буду защищать республику до самой смерти, отвѣчалъ тотъ.—Такъ не возьмешь ли ты себѣ въ сообщники еще нѣсколько сенаторовъ? спросилъ Кассій, обнимая его. Какъ ты думаешь, кто пишетъ тѣ надписи, что ты находишь на своемъ судейскомъ мѣстѣ: презрѣнные наемники или первѣйшіе граждане Рима? Отъ другихъ преторовъ ожидаютъ игръ, ристалищъ и охотъ; отъ тебя требуютъ только, чтобы ты возвратилъ Риму его свободу, какъ сдѣлали это твои предки“ *). Слова эти окончательно побѣдили душу, уже давно тревожимую столькими тайными и явными просьбами. Еще колеблющаяся, но уже почти сдававшаяся, она, чтобы окончательно рѣшиться, ожидала только какого-нибудь твердо установленнаго плана.

Наконецъ, у заговора былъ глава. Нечего было еще сомнѣваться и ждать. Чтобы избѣжать нескромностей или слабостей, надо было спѣшить дѣломъ. Кассій открылъ заговоръ Бруту вскорѣ послѣ праздника луперкалій, празднуемаго 15 февраля, и менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ того, 15 марта, Цезарь былъ убитъ въ куріи Помпея.

IV.

Брутъ былъ дѣйствительно главою заговора, хотя первая мысль о немъ принадлежитъ не ему. Заговоръ былъ устроенъ Кассіемъ, и тотъ одинъ могъ оспаривать у него право управлять имъ. Быть-можетъ, онъ нѣкогдае время и имѣлъ это намѣреніе. Мы видимъ, что сначала онъ предложилъ планъ дѣйствій, въ которомъ обнаруживается вся горячность его характера. Онъ хотѣлъ, чтобы вмѣстѣ съ Цезаремъ были убиты его главные друзья, особенно Антоній. Брутъ отказался отъ этого, и прочіе заговорщики согласились съ нимъ. Подконецъ сдался и самъ Кассій, при чемъ надо замѣтить, что, несмотря на всю свою гордость и властолюбіе, онъ также подчинился вліянію Брута. Нѣсколько разъ онъ пытался избавиться отъ него, но послѣ многихъ вспышекъ

*) *De bell. civ.*, II, 113.—Плутархъ рассказываетъ то же самое и почти въ тѣхъ же словахъ.

и угрозъ чувствовалъ себя обыкновенно побѣжденнымъ холодною разсудительностью своего друга: итакъ, на дѣлѣ всѣмъ предпріятіемъ руководилъ Брутъ.

Это очень замѣтно: въ самомъ способѣ вести дѣло и въ исполненіи ясно отражается его характеръ и складъ ума. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою не обыкновенный заговоръ и не заговорщиковъ по ремеслу, сплошь и рядомъ людей очень грубыхъ и на все готовыхъ. Но это въ тоже время и не какіе-нибудь честолюбцы, завидующіе богатству и почестямъ другого, и ни безумцы, ослѣпленные политической ненавистью. Эти чувства существовали, вѣроятно, въ сердцахъ многихъ заговорщиковъ, какъ говорятъ историки, но Брутъ принудилъ скрыть ихъ. Онъ желалъ окончить свое дѣло съ нѣкотораго рода спокойнымъ достоинствомъ. Онъ былъ вѣдь только противъ системы; что жъ касается самого человѣка, онъ не питалъ къ нему, повидимому, ни малѣйшей ненависти. Убивъ его, онъ его не оскорбляетъ; несмотря на множество заявленій неудовольствія, онъ позволяетъ устроить ему похороны и прочесть народу его завѣщаніе. Прежде всего онъ заботится о томъ, чтобы никто не подумалъ, будто онъ старается для себя или для своихъ; онъ хочетъ избѣгнуть всякаго подозрѣнія въ личномъ честолюбіи и въ желаніи дѣйствовать въ интересъ партіи. Таковъ былъ этотъ заговоръ, въ которомъ принимало участіе столько людей совершенно различнаго характера, но который весь былъ проникнутъ духомъ Брута. Вліяніе его и на послѣдующія событія было такъ же велико. Онъ дѣйствовалъ во все не случайно, какъ его обвиняетъ въ этомъ Цицеронъ, и какъ повторяютъ всѣ; онъ заранѣе начерталъ себѣ планъ дѣйствій для будущаго и имѣлъ передъ собою твердо установленную цѣль. Но, къ сожалѣнію, его планъ, задуманный въ уединеніи, вдали отъ сообщества и знанія людей, былъ неприменимъ къ дѣлу. Это было созданіе чистаго разсудка, желающаго вести дѣло и во время революціи, какъ въ спокойное время и держаться строгой законности даже въ насильственномъ дѣлѣ. Правда, онъ вскорѣ созналъ свою ошибку и принужденъ былъ постепенно отказаться отъ всѣхъ внушеній своей совѣсти; но, не обладая гибкостью политика, умѣющаго подчиняться необходимости, онъ усту-

пилъ слишкомъ поздно, неохотно, и безпрестанно воспоминалъ съ сожалѣніемъ о тѣхъ прекрасныхъ проектахъ, отъ которыхъ принужденъ былъ отказаться. Отсюда происходили всѣ его колебанія и несообразности. Говорятъ, будто онъ проигралъ дѣло потому, что не имѣлъ напередъ составленнаго плана; я же, напротивъ того, думаю, что если оно не удалось ему, такъ это именно потому, что онъ хотѣлъ быть слишкомъ вѣрнымъ составленному имъ химерическому плану, несмотря на всѣ уроки, данные событіями. Достаточно будетъ краткаго перечня фактовъ, чтобъ показать, что именно это погубило его вмѣстѣ съ его партіей и сдѣлало бесполезною пролитую кровь.

Убивъ Цезаря, заговорщики вышли изъ сената, размахивая мечами и созывая народъ. Народъ слушалъ ихъ съ удивленіемъ, безъ особеннаго гнѣва, но и безъ всякаго сочувствія. Не вызвавъ сочувствія, они поднялись въ Капитолій, гдѣ можно было защищаться, и заперлись тамъ подъ охраною нѣсколькихъ гладіаторовъ. Къ нимъ присоединились здѣсь лишь тѣ сомнительные друзья, которыхъ всегда находятъ партіи при началѣ кажущейся удачи. Но если никто не спѣшилъ примкнуть къ заговорщикамъ, то еще менѣе хотѣли нападать на нихъ. Сторонники Цезаря были поражены ужасомъ. Антоній сбросилъ свою консульскую одежду и скрылся. Долабелла старался казаться веселымъ и намекалъ, что самъ принадлежитъ къ числу заговорщиковъ. Многіе спѣшили покинуть Римъ и бѣжали въ деревни. Но когда увидѣли, что все остается въ порядкѣ и что заговорщики довольствуются только произнесеніемъ рѣчей въ Капитоліи, самые испуганные ободрились. Ужасъ, возбужденный ихъ смѣлымъ поступкомъ, уступилъ мѣсто удивленію при видѣ столь страннаго бездѣйствія. На другой же день Антоній снова облекся въ свою консульскую одежду, собралъ своихъ друзей, вооружился смѣлостью, и теперь надо было уже считаться съ нимъ.

„Они дѣйствовали, сказалъ Цицеронъ, со смѣлостью мужа и съ ребяческою осторожностью, *amino virili, consilio puerili*“ *). Они какъ будто ничего не приготовили, ничего

*) *Ad Att.*, XV, 4

не предусмотрѣли. Вечеромъ мартовскихъ идѣ они ожидали событій, не сдѣлавши ровно ничего для управленія ими. Было ли это, какъ думали, непредусмотрительность и легкомысліе? Нѣтъ, то были система и явное преднамѣреніе. Брутъ присоединился къ другимъ лишь для того, чтобы освободить республику отъ чловѣка, нарушавшаго правильный ходъ законныхъ учрежденій. По смерти его народъ получалъ обратно свои права и могъ свободно располагать ими. Оставить за собою хоть на одинъ день власть, отнятую у Цезаря, значило возбудить противъ себя подозрѣніе въ своекорыстіи дѣйствій. А готовить напередъ декреты или законы, условливаться о будущемъ, избирать средства для того, чтобы дать дѣламъ желаемое направленіе, не значило ли это брать на себя нѣкоторымъ образомъ роль всей республики? Не тоже ли дѣлалъ и Цезарь? Такимъ образомъ, чтобы не явиться подражателями и такими же честолюбцами, заговорщиками, тотчасъ послѣ первой удачи должны были прибѣгнуть къ отреченію. Вотъ чѣмъ, на мой взглядъ, можно объяснить ихъ поступки. По какому-то странному чувству безкорыстія и законности они добровольно оставались безоружными. Они какъ бы гордились тѣмъ, что сошлись между собою только для убійства Цезаря. Совершивъ это дѣло, они должны были возвратить народу право распоряжаться своими дѣлами и выбрать себѣ правительство, предоставляя на его волю выразить свою благодарность тѣмъ, кто освободилъ его или, пожалуй, отплатить имъ забвеніемъ.

Тутъ-то и начинался ихъ самообманъ: они думали, что между народомъ и свободою былъ только одинъ Цезарь, и какъ скоро его не станетъ, то свобода непременно тотчасъ же возродится; но въ тотъ день, когда они призывали гражданъ принять обратно свои права, никто не отвѣчалъ имъ, да никто и не могъ отвѣчать, такъ какъ гражданъ больше не существовало. „Уже съ давнихъ поръ, говоритъ по этому случаю Аппіанъ, римскій народъ былъ не болѣе, какъ смѣсь всякихъ націй. Вольноотпущенники перемѣшивались тамъ съ гражданами, рабъ ничѣмъ больше не отличался отъ своего господина. Наконецъ, производимыя въ Римѣ раздачи хлѣба привлекали туда нищихъ, лѣнтыевъ и злодѣевъ со

всей Италиі“ *). Это космополитическое населеніе безъ прошлаго и безъ преданій было уже вовсе не римскій народъ. Зло это шло изстари, и проникательные умы должны были бы уже давно обратить на него вниманіе. Цицерону это иногда какъ будто приходитъ въ голову, особенно, когда онъ видитъ, какъ легко торгуютъ голосами на выборахъ. Тѣмъ не менѣе, все еще, повидимому, шло правильно, и все текло по разъ данному руслу. При подобномъ состояніи, когда государство движется только ужъ по привычкѣ,— все гибнетъ, если это движеніе хоть ненадолго остановится. А со смертію Цезаря старыя колеса перестали дѣйствовать. Перерывъ былъ непродолжителенъ, но машина была уже въ такомъ разстройствѣ, что, остановившись, она испортилась сразу. Такимъ образомъ, заговорщики не могли воскресить даже того, что существовало до междоусобной войны, такъ что и эта послѣдняя тѣнь республики, при всемъ несовершенствѣ своемъ, была утрачена на вѣкъ.

Вотъ почему ихъ никто не слушалъ и никто за ними не пошелъ. При видѣ этой равнодушной толпы, укрываясь въ Капитоліи въ полномъ одиночествѣ, не одинъ изъ нихъ, вѣроятно, упалъ духомъ. Больше всѣхъ огорчился Цицеронъ, видя, что не дѣлается ничего, а только произносятся прекрасныя рѣчи. Онъ хотѣлъ, чтобъ они дѣйствовали, чтобъ они пользовались минутою, чтобъ они умерли, если это нужно: „Развѣ смерть не была бы прекрасною въ такой великій день?“ Этотъ обыкновенно нерѣшительный старикъ чувствовалъ въ себѣ въ ту минуту больше рѣшимости, чѣмъ всѣ эти молодые люди, только что нанесшіе такой смѣлый ударъ. А между тѣмъ что же онъ предлагалъ въ концѣ концовъ? „Надо еще возбудить народъ“, говорилъ онъ. Мы видѣли сейчасъ, могъ ли народъ отвѣчать. „Надо было созвать сенатъ и воспользоваться его испугомъ для того, чтобы исторгнуть у него благопріятные декреты“ **). Вѣроятно, сенатъ утвердилъ бы все, что они пожелали; но когда декреты будутъ изданы, какъ ихъ привести въ исполненіе? Всѣ эти проекты были недостаточны, и невозможно было предложить болѣе полезныхъ людямъ, рѣшившимся не вы-

*) *De Bell. civ.*, II, 120.

**) *Ad Att.*, XIV, 10 и XV, 11.

ходить изъ предѣловъ законности. Оставалось одно средство,—смѣло захватить власть, сохранять ее съ помощью насилія и беззаконности, не отступая даже передъ проскрипціей, противопоставить только что разрушенной народной тиранніи аристократическую диктатуру, — словомъ, возобновить образъ дѣйствій Суллы. Кассій, быть можетъ, и поступилъ бы такъ; но Брутъ ужасался насилія. Съ какой бы стороны ни шла тираннія, она казалась ему преступленіемъ, онъ предпочелъ бы погибнуть вмѣстѣ съ республикою, нежели спасти ее этими средствами.

Слѣдовавшіе затѣмъ нѣсколько дней прошли въ странныхъ передрыгахъ. Настало какое то междуцарствіе, въ продолженіе котораго партіи мѣрились между собою силами съ различнымъ успѣхомъ. Народъ не послѣдовалъ за заговорщиками, но не поддерживалъ и ихъ враговъ. Не зная, на что опереться, обѣ стороны дѣйствовали наудачу. Отсюда происходили разныя противорѣчія и неожиданности. Сегодня провозглашали амнистію, и Брутъ отправлялся обѣдать къ Лелиду, на другой день поджигали дома заговорщиковъ. Уничтоживъ диктатуру, утверждали акты диктатора. Друзья Цезаря воздвигли ему колонну и алтарь на форумѣ; но нашелся то же другъ его, который приказалъ разрушить ихъ. И вотъ среди такого затруднительнаго положенія, когда обѣ партіи колебались въ нерѣшимости, не отваживаясь ни на какой смѣлый шагъ, когда каждый искалъ вокругъ себя, гдѣ находится сила, въ это время явились тѣ, которые впоследствии должны были сдѣлаться владыками.

Уже давнымъ давно въ Римѣ совершался тайный переворотъ, котораго никто не замѣчалъ, такъ какъ шаги его были медленны и постепенны, но который, дойдя до конца, измѣнилъ форму государства. Пока сражались только у воротъ Рима и въ Италіи, походы бывали непродолжительны и граждане не могли терять въ лагеряхъ преданій гражданской жизни; въ то время не было еще ни солдатъ по ремеслу, ни полководцевъ по профессіи. Но по мѣрѣ того, какъ войны становились болѣе отдаленными и продолжительными, люди принимавшіе въ нихъ участіе, привыкли жить вдали отъ Рима. Они столь на долго теряли изъ виду форумъ, что позабывали его страсти и привычки. Въ то же

время вмѣстѣ съ распространеніемъ гражданскаго права доступъ въ легіоны сталъ открытъ для людей всѣхъ странъ. Такое смѣшеніе окончательно ослабило связь, соединявшую воина съ городомъ; онъ привыкъ отдѣлять себя отъ него, имѣть свои отдѣльные интересы и смотрѣть на лагерь, какъ на свое отечество. Послѣ великой Галльской войны, продолжавшейся десять лѣтъ, ветераны Цезаря уже не помнили болѣе, что они граждане, и въ воспоминаніяхъ своихъ не шли далѣе Аріовиста и Верцингеторикса. Когда пришло время ихъ отблагодарить, Цезарь, никогда не бывшій неблагодарнымъ, роздалъ имъ самыя лучшія земли Италіи; и эта раздача произошла при новыхъ условіяхъ. До того времени воины по окончаніи войны возвращались въ массу народа; если ихъ посылали въ какую-нибудь колонію, они тамъ какъ бы растворялись и поглощались среди прочихъ гражданъ; теперь же они прямо перешли изъ лагеря на дарованныя имъ земли, и, такимъ образомъ, въ нихъ сохранился военный духъ. Такъ-какъ они всѣ жили невдалекѣ другъ отъ друга и могли видаться между собою, то не утратили вполнѣ своей любви къ жизни полной приключеній. „Они сравнивали, говоритъ Аппіанъ, трудныя земледѣльческія работы съ блестящими и прибыльными случайностями битвъ*)“. Такимъ образомъ, они составляли внутри Италіи цѣлое военное населеніе, прислушивающееся ко всѣмъ военнымъ новостямъ и готовое подняться по первому призыву.

Именно въ это время ихъ было еще очень много въ Римѣ, гдѣ они дожидались раздачи земель отъ Цезаря. Другіе находились поблизости въ Кампаніи, занятые своимъ устройствомъ, и первыя хлопоты новаго житія уже успѣли имъ, быть-можетъ, опротивѣть. Многіе изъ нихъ вернулись въ Римъ, услышавъ о томъ, что случилось, остальные, прежде чѣмъ рѣшиться, дожидались, чтобы имъ подороже заплатили, и торговались. Правда, что въ покупщикахъ недостатка не было. Наслѣдство великаго диктатора соблазняло всѣхъ. Благодаря этимъ солдатамъ, готовымъ продать свои услуги, каждый изъ соискателей могъ имѣть сторонниковъ и надежду на успѣхъ. Антоній господствовалъ

*) *De Bell. Civ.*, III, 42.

надъ всѣми ими блескомъ своего консульскаго имени и воспоминаніемъ своей дружбы съ Цезаремъ; но на ряду съ нимъ стояли развратный Долабелла, подававшій надежду всѣмъ партіямъ, и молодой Октавій, пріѣхавшій изъ Эпира для полученія наслѣдства своего дяди. Даже неспособный Лепидъ сумѣлъ расположить въ свою пользу нѣсколько легионовъ и также фигурировалъ между этими честолюбцами. И вотъ всѣ они, окруженные закупленными солдатами, и обладая значительными провинціями, съ недовѣріемъ наблюдали другъ за другомъ, ожидая, когда настанетъ минута начать бой.

Что же дѣлалъ въ это время Брутъ? Такъ какъ случай мартовскихъ илъ былъ упущенъ, онъ еще могъ воспользоваться раздорами цезаріанцевъ, чтобы броситься на нихъ и раздавить ихъ. Рѣшительные люди изъ его партіи совѣтовали ему попытаться это и призвать къ оружію всю молодежь Италіи и провинцій, торжествовавшую при извѣстии о смерти Цезаря; но Брутъ ненавидѣлъ междоусобіе и не могъ рѣшиться подать къ нему новый поводъ. Вообразивъ себѣ, что народъ поспѣшитъ принять возвращаемую ему свободу, онъ ожидалъ, что возстановленіе республики произойдетъ безъ всякаго насилія. Одна иллюзія вела за собой другую, и онъ думалъ, что ударъ кинжала, повлекшій за собою страшную двѣнадцатилѣтнюю войну, навсегда упрочитъ общественное спокойствіе. Именно съ этой увѣренностью, выйдя изъ куріи Помпея, гдѣ только-что убилъ Цезаря, онъ бѣгалъ по улицамъ Рима и кричалъ: „Миръ! Миръ!“ Это слово сдѣлалось съ этихъ поръ его девизомъ. Когда его друзья, узнавши объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, явились на его защиту изъ сосѣднихъ муниципій, онъ отослалъ ихъ назадъ. Онъ скорѣе согласенъ былъ сидѣть, запершись дома, чѣмъ подавать предлогъ къ насилію. Принужденный оставить Римъ, онъ еще скрывался нѣкоторое время въ сосѣднихъ садахъ, тревожимый солдатами, выходя только по ночамъ, но все поджилая великаго народнаго движенія, на которое упорно рассчитывалъ. Но все осталось спокойнымъ. Тогда онъ уѣхалъ дальше и пріютился въ своихъ виллахъ въ ланувіумѣ и въ Анціумѣ. Отсюда онъ слышалъ военный шумъ, проносившійся по Италіи, и видѣлъ, что всѣ партіи готовятся къ битвѣ. Только онъ одинъ продолжалъ стоять на своемъ.

Цѣлые шесть мѣсяцевъ онъ уклонялся отъ ужасной необходимости, съ каждымъ днемъ становившейся все болѣе и болѣе неизбѣжною. Онъ не рѣшался допустить ее и совѣтовался со всѣми. Въ своихъ письмахъ *) Цицеронъ рассказываетъ даже о нѣкотораго рода совѣтѣ, собиравшемся въ Анціумѣ для выясненія того, что надобно дѣлать. На немъ присутствовали Сервилія съ Порціей, Брутъ и Кассій, да было приглашено нѣсколько самыхъ вѣрныхъ друзей, въ томъ числѣ Фавоній и Цицеронъ. Сервилія, заботившаяся больше о безопасности, нежели о чести своего сына, желала, чтобы онъ удалился. Она выпросила у Антонія, оставшагося ея другомъ, для своего сына и зятя легацію, т. е. порученіе закупить хлѣба въ Сициліи. То былъ благовидный и безопасный предлогъ покинуть Италію; но уѣхать съ отпускомъ, подписаннымъ Антоніемъ, принять ссылку, какъ благодѣяніе, какой позоръ! Кассій не соглашался на это, онъ горячился, негодовалъ, угрожалъ, „можно было подумать, что онъ жаждетъ только войны и ничего больше“. Напротивъ того, Брутъ спокойно и покорно разспрашивалъ друзей, рѣшившись удовлетворить ихъ, если бъ даже при этомъ ему довелось рисковать своею жизнью. Желаютъ ли, чтобы онъ отправился въ Римъ? Онъ готовъ туда ѣхать. При этомъ предложеніи всѣ противъ него возстали. Римъ былъ полонъ опасностей для заговорщиковъ, и они не хотѣли бесполезно рисковать своею послѣднею надеждою на свободу. Но что жъ оставалось дѣлать? Всѣ сходились лишь въ томъ, что горько сожалѣли о своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій. Кассій тужилъ о томъ, что не убили Антонія, какъ онъ этого требовалъ, и Цицеронъ не возражалъ ему. Къ несчастію, подобные взаимные упреки не вели ровно ни къ чему; дѣло было не въ томъ, чтобы жалѣть о прошломъ, наступила минута устроить будущее, а никто не зналъ, на что рѣшиться.

И послѣ этого совѣщанія Брутъ рѣшился еще не тотчасъ. Сколько было возможно, онъ и тутъ продолжалъ оставаться на своей Ланувіумской виллѣ, занимаясь подъ ея прекрасными портиками чтеніемъ и бесѣдой съ греческими философами, составлявшими его всегдашнее общество. Наконецъ,

*) *Ad Att.*, XV, 11.

надо было ѣхать. Италія становилась все менѣе и менѣе безопасною, ветераны безобразничали по дорогамъ и грабили загородные дома. Брутъ уѣхалъ въ Велію, гдѣ дожидалось нѣсколько кораблей, чтобы отвезти его въ Грецію. Онъ называлъ свой отъѣздъ ссылкой и, поддаваясь послѣдней иллюзіи, надѣялся, что это будетъ только служить сигналомъ войны. Когда Антоній обвинялъ его въ томъ, что онъ подготовилъ ее, онъ отвѣтилъ ему отъ имени Кассія и своего восхитительнымъ письмомъ, конецъ котораго мы здѣсь приводимъ: „Не льсти себя надеждою испугать насъ, страхъ ниже нашего характера. Если бъ какія-нибудь другія причины могли внушить намъ желаніе междоусобной войны, то письмо твое не таково, чтобы уничтожить это желаніе, такъ какъ угрозы недѣйствительны надъ свободными сердцами; но ты знаешь, что мы ненавидимъ войну, что ничто не будетъ въ состояніи вовлечь насъ въ нее, и, вѣроятно, ты принимаешь угрожающій видъ для того, чтобы заставить думать, будто наше рѣшеніе было послѣдствіемъ нашего страха. Вотъ наши чувства: мы желаемъ видѣть тебя достойно живущимъ въ свободномъ государствѣ; мы не хотимъ быть тебѣ врагами, но мы больше дорожимъ свободою, нежели твоей дружбой. Итакъ, мы молимъ боговъ подать тебѣ спасительный совѣтъ относительно республики и самого тебя. Иначе, желаемъ, чтобы окружающіе тебя повредили тебѣ, какъ можно меньше, и чтобы Римъ былъ свободенъ и славенъ!“ *).

Въ Веліи съ Брутомъ встрѣтился Цицеронъ, также собиравшійся уѣхать. Унылый отъ бездѣйствія [своихъ друзей, напуганный угрозами недруговъ, онъ уже пытался бѣжать въ Грецію, но былъ отброшенъ вѣтромъ къ берегамъ Италіи. Узнавши, что Брутъ хочетъ удалиться, онъ захотѣлъ еще разъ повидаться съ нимъ и, если можно, уѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Цицеронъ часто рассказывалъ самымъ трогательнымъ образомъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи.

„Я видѣлъ его, рассказывалъ онъ впослѣдствіи народу, я видѣлъ, какъ онъ собирался покинуть Италію, чтобы не возбуждать тамъ междоусобной войны. Какое печальное зрѣлище, говорю я, не только для людей, но даже для волнъ

*) *Ad fam.*, XI, 3.

и береговъ. Спаситель отечества былъ принужденъ бѣжать, а погубившіе его оставались всемогущими господами“ *). Последнею мыслью Брута въ эту грустную минуту было все-таки общественное спокойствіе. Несмотря на все разочарованіе, онъ не утратилъ еще вѣры въ римскій народъ; ему казалось, что было недостаточно сдѣлано для возбужденія въ немъ прежняго жара, и онъ не хотѣлъ вѣрить, что нѣтъ болѣе гражданъ. Онъ уѣхалъ, сожалься о томъ, что не попытался прибѣгнуть къ послѣдней борьбѣ на законной почвѣ. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ больше вернуться въ Римъ и снова появиться въ сенатѣ; но Цицеронъ былъ компрометированъ меньше его, слава его внушала всѣмъ уваженіе; всѣ любили слушать его рѣчи. Не могъ-ли онъ рискнуть на эту послѣднюю борьбу? Брутъ всегда это думалъ, а въ настоящую минуту рѣшился даже высказать. Брутъ указалъ Цицерону, какую великую обязанность надо было выполнить и какую великую роль сыграть; его совѣты, упреки и просьбы убѣдили того отказаться отъ своего путешествія и вернуться въ Римъ. Ему казалось, какъ онъ говорилъ впоследствии, что его зоветъ голосъ отечества! **) И они разстались, чтобы уже не встрѣчаться болѣе.

На какъ ни противился Брутъ, но неизбежная сила событій, съ которою онъ боролся уже цѣлые шесть мѣсяцевъ, увлекала его къ междоусобной войнѣ. Покинувъ Италію, онъ прибылъ въ Аѣины, гдѣ проводилъ время, слушая академика Θεомнеста и перипатетика Кратиппа. Въ подобномъ поведеніи Плутархъ видитъ искусную скрытность. „Въ-тайнѣ, говоритъ онъ, онъ подготавливалъ войну“. Напротивъ того, письма Цицерона доказываютъ, что сама война отыскала его. Θεσσαлія и Македонія были полны прежними воинами Помпея, оставшимися тамъ со времени Фарсальской битвы; на островахъ Эгейскаго моря и въ греческихъ городахъ, считавшихся какъ бы убѣжищемъ для изгнанниковъ, было много недовольныхъ, нежелавшихъ подчиниться Цезарю, а послѣ мартовскихъ идъ они сдѣлались пріютомъ для всякаго, кто бѣжалъ отъ владычества Антонія. Наконецъ, въ въ Аѣинахъ жило множество молодыхъ людей самыхъ знат-

*) *Philipp.*, X, 4.

**) *Ad fam.*, X, 1.

ныхъ римскихъ фамилій, республиканцевъ по происхожденію и по возрасту, пріѣхавшихъ докончить здѣсь свое образованіе. Всѣ ови только и дожидались Брута, чтобы взяться за оружіе. Съ его пріѣздомъ началось со всѣхъ сторонъ великое, неодолимое движеніе, которому онъ и самъ принужденъ былъ уступить. Апулей и Ватиній привели къ нему войска, которыми командовали. Прежніе македонскіе солдаты собрались подъ начальствомъ Кв. Гортензія; ихъ явилось изъ Италіи такое множество, что консулъ Панса началъ, наконецъ, жаловаться и грозилъ задерживать рекрутовъ Брута на дорогѣ. Молодежь, обучавшаяся въ Аѣинахъ, въ томъ числѣ сынъ Цицерона и молодой Горацій, бросили свои занятія и пошли къ нему на службу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Брутъ былъ господиномъ всей Греціи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи восемь легіоновъ.

Въ это время республиканская партія какъ-будто сразу пробуждалась повсюду. Цицеронъ имѣлъ неожиданный успѣхъ въ Римѣ и нашелъ Антонію враговъ, разбившихъ его передъ Моденою. Брутъ составилъ въ Греціи значительное войско. Кассій проходилъ по Азіи, набирая дорогой легіоны, и весь Востокъ объявилъ себя за него. Надежда возвращалась къ самымъ рѣшимъ, и казалось, что можно всего ожидать для республики отъ содѣйствія столькихъ великодушныхъ защитниковъ. Между тѣмъ именно въ эту минуту, когда согласіе было такъ важно, между Цицерономъ и Брутомъ вспыхнула самая сильная изъ всѣхъ, бывшихъ между ними, размолвокъ. Какъ намъ ни тяжело вспоминать о ней, тѣмъ не менѣе мы должны рассказать ее, такъ какъ она даетъ окончательное понятіе объ этихъ людяхъ.

Первый сталъ жаловаться Цицеронъ. Этотъ человекъ, обыкновенно столь слабый и нерѣшительный, сдѣлался чрезвычайно энергиченъ послѣ смерти Цезаря. Мудрость, милосердіе, умѣренность, эти прекрасныя качества, которыя онъ такъ любилъ и такъ охотно прилагалъ къ дѣлу, показались ему неподходящими для давнихъ обстоятельствъ. Этотъ великій сторонникъ мирныхъ побѣдъ проповѣдывалъ теперь войну противъ всѣхъ; этотъ строгій другъ законности гребовалъ, чтобы всѣ покинули ее теперь. „Не дожидайся декретовъ сената,“ писалъ онъ одному.—„Будь самъ

себѣ сенаторъ,*) обращался онъ къ другому. Для достиженія цѣли всѣ средства казались ему хорошими, даже самыя насильственные; ему нравились всякія связи, даже съ тѣми людьми, которыхъ онъ не уважалъ. Напротивъ того, Брутъ, хотя и рѣшился взяться за оружіе, но остался по-прежнему разборчивымъ и осторожнымъ въ средствахъ борьбы и продолжалъ не любить насилія. Хотя имя его и прославилось, главнымъ образомъ, черезъ убійство, ему, однакоже, всегда претила кровь. Въ противность безчеловѣчнымъ законамъ, принятымъ во всемъ мірѣ и предоставлявшимъ побѣжденнаго въ полное, безотчетное распоряженіе побѣдителя, онъ щадилъ враговъ, когда тѣ находились въ его власти. Онъ показалъ это на дѣлѣ, подаривъ жизнь побѣжденному имъ брату Антонія. Хотя это былъ дурной человѣкъ, который вмѣсто благодарности пытался еще подкупить сторожившихъ его солдатъ, Брутъ постоянно продолжалъ кротко обходиться съ нимъ. Кажется, преступленіе это было невелико; между тѣмъ въ Римѣ очень разсердились на него. Бѣшенныя угрозы Антонія, которыхъ удалось избѣжать съ такимъ трудомъ, воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ и о страшныхъ перемѣнахъ, совершившихся въ продолженіе шести мѣсяцевъ, довели до крайности самыхъ спокойныхъ. Нѣтъ ничего сильнѣе гнѣва умѣренныхъ людей, когда ихъ выведутъ изъ терпѣнія. Они хотѣли покончить дѣло, во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе. Они понимали, съ какимъ отвращеніемъ и медлительностью Брутъ началъ войну. Видя его усгупчивость и милосердіе, они боялись, что онъ снова станетъ колебаться и откладывать минуту мщенія и безопасности. Цицеронъ взялся сообщить Бруту неудовольствіе ихъ. Въ письмѣ своемъ, сохранившемся для насъ, онъ очень живо перечислялъ всѣ ошибки, совершенныя по смерти Цезаря; онъ напоминалъ обо всѣхъ слабостяхъ и колебаніяхъ, лишавшихъ мужества самыхъ рѣшительныхъ людей, и, что всего сильнѣе должно было оскорбить Брута, выставлялъ въ смѣшномъ видѣ желаніе установить общественный миръ путемъ словеснаго убѣжденія. „Развѣ ты не знаешь, писалъ

*) *Ad fam.*, XI, 7; X, 16.

онъ ему, о чемъ идетъ дѣло въ настоящую минуту? Толпа негодаевъ и убійцъ грозитъ даже храмамъ боговъ, и этой войною рѣшается вопросъ о нашей жизни и смерти. Кого мы щадимъ? Что мы дѣлаемъ? Благоразумно ли щадить людей, которые, ставъ побѣдителями, изгладятъ даже самый слѣдъ нашего существованія?“ *).

Эти упреки оскорбили Брута, и онъ также отвѣчалъ на нихъ упреками. Съ своей стороны, онъ тоже былъ недоволенъ сенатомъ и Цицерономъ. Какъ бы его ни восхищало краснорѣчіе Филиппикъ, но многое должно было непріятно поражать его въ нихъ при чтеніи. Общій тонъ этихъ рѣчей, колкіе намеки, пламенные укоры, все это не могло нравиться тому, кто, посягая на жизнь Цезаря, желалъ явиться безстрастнымъ и выставлялъ себя скорѣе врагомъ принципа, чѣмъ человѣка. Если мы видимъ въ Филиппикахъ большую любовь къ свободѣ, то видимъ также страшную ненависть противъ одного лица. Ясно чувствуется, что этотъ врагъ отечества въ то-же время его близкій личный противникъ. Правда, онъ пытался подчинить себѣ Римъ, но въ то же время въ одной своей рѣчи позволилъ себѣ подшутить также надъ смѣшными сторонами стараго консулара. Въ тотъ день, когда Цицеронъ прочелъ эту оскорбительную для него рѣчь, его раздражительное самолюбіе вспыхнуло; по выраженію одного изъ своихъ современниковъ, „онъ взбѣсился“ **). Великодушная ненависть, питаемая имъ къ общественному врагу, воспламенилась частнымъ неудовольствіемъ; завязалась ожесточенная борьба, поддерживаемая все съ новой силой въ цѣлыхъ четырнадцать рѣчахъ. „Я хочу забросать его своими обвиненіями, говорилъ онъ, и предать его запятнаннаго на вѣчный позоръ потомству;“ ***) и онъ сдержалъ свое слово. Такая страстная настойчивость и такой пылкій и необузданный тонъ должны были оскорбить Брута. Другое, что ему не нравилось въ Цицеронѣ, это—его податливость. Онъ сердился на него за чрезмѣрныя похвалы, расточаемыя имъ людямъ, вовсе ихъ не заслуживавшимъ, какъ, напр., этимъ военачальникамъ, сражавшимся

*) *Ad Brut.*, II, 7.

**) *Ad fam.*, XI, 23.

***) *Philipp.*, XIII, 19.

за столько различных дѣлъ, этимъ государственнымъ людямъ, скомпрометированнымъ при всевозможныхъ правительствахъ, этимъ честолюбцамъ и всякаго рода интриганамъ, которыхъ съ такимъ трудомъ подобралъ Цицеронъ, чтобы составить изъ нихъ то, что онъ называлъ партией честныхъ людей; особенно горько было ему видѣть, что онъ расточаетъ почести молодому Октавію и кладетъ къ ногамъ его республику; а слыша, какъ онъ называетъ его „божественнымъ юношей, посланнымъ самими богами для защиты отечества,“ онъ едва сдерживалъ свое негодованіе.

Кто изъ нихъ двухъ былъ правъ? Конечно, Брутъ, если вспомнить развязку. Несомнѣнно, что Октавій былъ не больше, какъ честолюбецъ и измѣнникъ. Носимое имъ имя было уже для него неизбѣжнымъ искушеніемъ; предоста-вить ему республику значило погубить ее. Брутъ справедливо полагалъ, что Октавію слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ Антонія, и ненависть не обманывала его, когда въ этомъ *божественномъ юношѣ*, такъ превозносимомъ Цицерономъ, онъ предвидѣлъ будущаго владыку имперіи, наслѣдника и преемника тому, кого онъ убилъ. А между тѣмъ надо ли было винить Цицерона или только обстоятельства? Принявши однажды помощь Октавія, могъ ли онъ отъ нея отказаться? Въ это время республика не могла выставить ни одного солдата противъ Антонія; приходилось либо взять ихъ у Октавія, либо погибнуть. Послѣ того, какъ онъ спасъ республику, неловко было бы скупиться для него на почести и благодарности. Впрочемъ, его ветераны требовали ихъ для него способомъ, не терпѣвшимъ отказа, а иногда и сами давали ихъ ему впередъ. Сенатъ все спѣшилъ утверждать, опасаясь, чтобы не обошлись безъ его согласія. „Обстоятельства, говоритъ гдѣ-то Цицеронъ, дали ему въ руки власть; мы только прибавили внѣшніе ея атрибуты“ *). Такимъ образомъ, прежде чѣмъ осуждать сговорчивость Цицерона или обвинять его за слабость, надо было подумать о трудностяхъ его положенія. Онъ пытался возстановить республику съ помощью людей, недавно бившихся противъ нея и никогда ея не любившихъ. Могъ ли онъ положиться

*) *Philipp.*, XI, 8.

на Гирція, составившаго строгій законъ противъ помпеянцевъ, на Планка или Полліона, бывшихъ помощниковъ Цезаря, или на Лепида и Октавія, желавшихъ занять его мѣсто? А между тѣмъ у него не было иной опоры, кромѣ ихъ. Великому честолюбцу, желавшему стать властелиномъ уже на другой день мартовскихъ идъ, онъ могъ противопоставить только коалицію второстепенныхъ или болѣе скрытныхъ честолюбцевъ. Среди всѣхъ этихъ явныхъ и тайныхъ стремленій крайне трудно было держаться какого нибудь опредѣленнаго направленія. Надо было сдерживать ихъ одного другимъ, льстить имъ для того, чтобы управлять ими, и удовлетворять ихъ только наполовину для того, чтобы сдерживать ихъ. Отсюда и происходили всѣ эти расточаемыя или обѣщаемыя почести, щедрая раздача похвалъ и титуловъ и преувеличенная оффиціальная благодарность. То была необходимость, налагаемая обстоятельствами; вмѣсто того, чтобы ставить Цицерону въ вину то, что онъ подчинялся ей, изъ этого слѣдуетъ скорѣе заключить, что пытаться въ послѣдній разъ вести законную борьбу, возвратиться въ Римъ, чтобы пробудить въ народѣ одушевленіе, положиться еще разъ на силу воспоминаній и на верховную власть слова—значило подвергать себя напраснымъ опасностямъ и несомнѣннымъ неудачамъ. Цицерону это было хорошо извѣстно. Конечно, иногда, въ пылу битвы онъ могъ увлекаться торжествомъ своего краснорѣчія, какъ въ тотъ день, когда онъ наивно писалъ Кассію: „Если бы можно было говорить почаще, то не слишкомъ трудно было бы возстановить республику и свободу“ *). Но такіе самообманы были непродолжительны. Когда увлеченіе проходило, онъ самъ признавалъ безсиліе слова и говорилъ, что надо надѣяться только на республиканскую армію. Эгого мнѣнія онъ никогда не измѣнялъ. „Ты мнѣ говоришь, писалъ онъ Аттику, будто я ошибаюсь, думая, что республика вполнѣ зависитъ отъ Брута; нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго. Если она еще можетъ быть спасена, то будетъ спасена только имъ и его сторонниками“ **). Цицеронъ рѣшился на это послѣднее предпріятіе безъ всякаго самооболь-

*) *Ad fam.*, XII, 2.

**) *Ad Att.*, XIV, 20.

щенія и надежды и единственно для того, чтобы исполнить желаніе Брута, продолжавшаго упорствовать въ своей любви къ законному сопротивленію и мирной борьбѣ. Слѣдовательно, Брутъ менѣе всякаго другого могъ упрекать его за неудачу. Цицеронъ не даромъ такъ часто вспоминалъ о свиданіи въ Веліи съ своимъ другомъ, когда тотъ убѣдилъ его вернуться въ Римъ, несмотря на все его нежеланіе. Это воспоминаніе служило ему защитой; оно должно было удерживать Брута отъ всякаго горькаго слова противъ чело-вѣка, поставленнаго имъ самимъ въ безвыходное положеніе.

Несомнѣнно, что Цицеронъ глубоко чувствовалъ эти упреки, но это не вредило, однако, его дружбѣ къ Бруту. Онъ все же надѣется именно на него и обращается опять-таки къ нему, когда все уже кажется ему потеряннымъ въ Италіи. Нѣтъ ничего трогательнѣе этого послѣдняго его призыва. „Мы стали, дорогой Брутъ, игрушками своеволія солдатъ и дерзости вождя. Каждый хочетъ имѣть въ республикѣ столько власти, сколько у него силы. Никто не хочетъ больше знать ни благоразумія, ни мѣры, ни закона, ни обязанностей; не заботятся больше ни объ общественномъ мнѣніи, ни о судѣ потомства. Приди же наконецъ, и дай республикѣ ту свободу, которую ты завоевалъ ей своимъ мужествомъ, но которой мы еще не можемъ наслаждаться. Всѣ окружаютъ тебя толпою; у свободы нѣтъ инаго при-бѣжища, какъ подъ твоими шатрами. Таково наше положеніе въ данную минуту; ахъ, если бы оно могло улучшиться! Если же случится иначе, я буду оплакивать только республику; она должна была быть бессмертною. Что до меня, мнѣ ужъ такъ мало остается жить!“ *).

Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Антоній, Лепидъ и Октавій, триумвиры для восстановленія республики, какъ они себя величали, собрались около Болоньи. Они слишкомъ хорошо знали другъ друга, чтобы не считать себя способными на все, а потому и приняли одинъ противъ другого предосторожности, не забывая послѣднихъ мелочей. Свиданіе ихъ происходило на островѣ, куда они прибыли каждый съ одинаковымъ количествомъ войска, которое не

*) *Ad Brut.*, I, 10.

должно было выпускать ихъ изъ вида. Для большей безопасности и изъ боязни, нѣтъ ли у кого-нибудь изъ нихъ спрятаннаго кинжала, они даже обыскали другъ друга. Увѣрившись такимъ образомъ, они долго разсуждали. Вопросъ шелъ, однако, не о средствахъ возстановить республику; вмѣстѣ съ раздѣломъ власти, ихъ всего больше занимала месть, и они принялись тщательно составлять списокъ тѣхъ, кого намѣревались предать смерти. Діонъ Кассій замѣчаетъ, что такъ какъ они глубоко ненавидѣли другъ друга, то всякій, связанный тѣсною дружбою съ однимъ изъ нихъ, могъ разсчитывать на ненависть двухъ остальныхъ, а потому каждый изъ новыхъ союзниковъ требовалъ именно головы кого-нибудь изъ близкихъ друзей своего сотоварища. Впрочемъ, эта трудность ихъ не остановила: благодарность ихъ была гораздо менѣе требовательна, чѣмъ ихъ ненависть, и, платя за смерть врага нѣсколькими друзьями и даже родственниками, они еще находили выгодною подобную сдѣлку. Благодаря такой взаимной уступчивости, они скоро пришли къ соглашенію, и списокъ былъ составленъ. Само собой разумѣется, что Цицеронъ не былъ позабытъ въ немъ: Антоній страстно требовалъ его смерти, и чтобы тамъ ни говорили писатели временъ имперіи, нельзя думать, чтобы Октавій много его защищалъ: онъ вѣдь напоминалъ бы ему о тяжелой благодарности и о слишкомъ громкомъ вѣроломствѣ.

Со смертью Цицерона мы дошли до конца этого очерка, такъ какъ мы намѣревались только изучить отношенія между Цицерономъ и Брутомъ. Кто захочетъ пойти дальше и узнать также кончину Брута, тому будетъ достаточно прочесть прекрасный разсказъ Плутарха. Сокративъ его, я боюсь испортить его. Мы видимъ изъ него, что, узнавши о смерти Цицерона, Брутъ ощутилъ глубокую горестъ. Онъ жалѣлъ въ немъ не только друга: онъ потерялъ въ немъ дорогую надежду, отъ которой никогда не хотѣлъ отказаться. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ онъ долженъ былъ наконецъ признать, что въ Римѣ нѣтъ больше гражданъ, и отречься навсегда отъ этого низкаго народа, допускавшаго такую гибель своихъ защитниковъ. „Если они рабы, говорилъ онъ съ грустью, то въ этомъ они больше виноваты сами, нежели

ихъ тираны“. Ни одно признаніе не стоило ему, вѣроятно, дороже этого. Съ тѣхъ поръ какъ онъ убилъ Цезаря, жизнь его была лишь рядомъ неудачъ, и событія, какъ будто нарочно, разрушали всѣ его планы. Его горячая любовь къ законности заставила его упустить случай спасти республику; его отвращеніе къ междоусобной войнѣ повело его лишь къ тому, что онъ началъ ее слишкомъ поздно. Мало было того, что онъ принужденъ былъ противъ воли нарушить законъ и сражаться со своими согражданами, но онъ принужденъ еще былъ сознаться, къ своему величайшему сожалѣнію, что онъ ошибся, рассчитывая на слишкомъ многое отъ людей. Онъ имѣлъ объ нихъ хорошее мнѣніе, когда изучалъ ихъ издалика вмѣстѣ съ своими дорогими философами. Но какъ измѣнилось это мнѣніе, когда ему пришлось руководить ими и употреблять ихъ въ дѣло и когда ему довелось быть свидѣтелемъ ослабленія характеровъ, подмѣчать скрытую зависть, безумный гнѣвъ и низкій страхъ въ тѣхъ, кого онъ считалъ самыми честными и лучшими. Рана его была такъ глубока, что узнавши о послѣднихъ слабостяхъ Цицерона, онъ началъ даже сомнѣваться въ философіи, своей любимой наукѣ, составлявшей радость всей жизни его. „Къ чему, говоритъ онъ, этотъ человѣкъ писалъ такъ краснорѣчиво о свободѣ своего отечества, о смерти, о чести, объ изгнаніи, о бѣдности? Право, я перестаю довѣрять наукамъ, которыми такъ много занимался Цицеронъ“ *). Читая эти горькія слова, невольно на память приходятъ и тѣ, что онъ произнесъ передъ смертю; одни объясняютъ собою другія, при чемъ и тѣ, и другія являются признакомъ одной и той же внутренней боли, усиливавшейся по мѣрѣ того, какъ житейская практика заставляла его все больше и больше разочаровываться въ жизни и въ людяхъ. Онъ сомнѣвался въ философіи, видя слабость людей, занимавшихся ею по преимуществу; когда онъ увидѣлъ, что партія сторонниковъ проскрипцій восторжествовала, онъ усомнился и въ добродѣтели. Именно такъ и долженъ былъ кончить этотъ человѣкъ науки, сдѣлавшійся, наперекоръ своему отвращенію, человѣкомъ дѣйствія и увлеченный событиями за предѣлы своихъ естественныхъ наклонностей.

*) *Epist. Brutt.*, I.

ОКТАВІЙ.

Политическое завѣщаніе Августа.

Цицеронъ любилъ молодежь; онъ охотно проводилъ съ нею время и самъ какъ бы молодѣлъ съ нею. Въ ту пору, какъ онъ былъ преторомъ и консуломъ, мы видимъ его окруженнаго молодыми людьми, подававшими большія надежды, какъ-то: Целіемъ, Куріономъ, Брутомъ; онъ беретъ ихъ съ собою на форумъ и даетъ имъ защищать возлѣ себя судебныя дѣла. Впослѣдствіи, когда пораженіе при Фарсалѣ удалило его отъ управленія страной, онъ близко сошелся съ веселою молодежью, слѣдовавшей за партіей побѣдителя и согласился даже для препровожденія времени давать ей уроки краснорѣчія. „Они мои ученики въ искусствѣ хорошо выражаться, писалъ онъ шутя, и мои учителя въ искусствѣ хорошо обѣдать“ *). Послѣ смерти Цезаря событія поставили его въ сношенія съ еще болѣе молодымъ поколѣніемъ, начинавшимъ появляться въ то время въ политической жизни. Планкъ, Полліонъ, Мессала, которымъ было предназначено судьбою сдѣлаться важными сановниками при новомъ правительствѣ, добивались его дружбы, а основатель имперіи называлъ его своимъ отцомъ.

Переписка Цецерона съ Октавіемъ была издана, и мы знаемъ, что она составляла, по крайней мѣрѣ, три книги. Она была бы очень интересна для насъ, если бы сохранилась до нашего времени. Читая ее, мы могли бы прослѣдить всѣ фазисы этой дружбы, длившейся всего нѣсколько мѣсяцевъ и окончившейся такъ ужасно. Возможно, что въ

*) *Ad fam.*, IX, 16.

первыхъ письмахъ Цицеронъ явился бы намъ недовѣрчивымъ, нерѣшительнымъ и холодно вѣжливымъ. Что бы тамъ ни говорили, но вѣдь не онъ призвалъ Октавія на помощь республикѣ. Октавій явился самъ предложить себя. Онъ ежедневно писалъ Цицерону *), приставалъ къ нему съ протестами и обѣщаніями и увѣрялъ его въ своей неизмѣнной преданности. Цицеронъ долгое время колебался подвергнуть эту преданность испытанію. Онъ находилъ Октавія очень умнымъ и рѣшительнымъ, но слишкомъ молодымъ. Онъ боялся его имени и друзей его. „Онъ окруженъ слишкомъ дурными людьми, говорилъ онъ, и никогда не будетъ хорошимъ гражданиномъ“ **). Подконецъ, однако, онъ сдался; онъ позабылъ свое прежнее недовѣріе, а когда дитя, какъ онъ его обыкновенно называлъ, заставилъ снять осаду Модены, благодарность его дошла до такихъ крайностей, что онъ не были одобрены благоразумнымъ Аттикомъ и разсердили Брута. Если что заставляло его въ то время позабывать всякую мѣру, такъ это его радость отъ пораженія Антонія; ненависть ослѣпляетъ и увлекаетъ и его. Когда онъ видитъ, что „этотъ пьяница, при выходѣ съ кутежа, прямо попадаетъ въ сѣти Октавія“ ***), онъ не можетъ совладѣть съ собой отъ радости. Но радость его была очень непродолжительна, потому что почти одновременно съ извѣстіемъ о побѣдѣ военачальника, онъ узналъ и объ его измѣнѣ. Письма его, относившіяся къ этому времени, были, вѣроятно, самыя интересныя. Они освѣтили бы намъ послѣдніе мѣсяцы его жизни, которые мы очень мало знаемъ. Ему ставятъ въ вину дѣлаемыя имъ въ ту пору усилія умолить своего прежняго друга, и я готовъ признать, что изъ одного только чувства собственнаго достоинства ему ничего не слѣдовало просить у того, кто такъ вѣроломно измѣнилъ ему. Но дѣло шло не о немъ. У Рима не было солдатъ, чтобы выставить ихъ противъ войскъ Октавія. Единственнымъ средствомъ обезоружить его оставалось то, чтобы напомнить ему всѣ данныя имъ обѣщанія. Не было почти никакой надежды

*) *Ad Att.*, XVII, 11.

**) *Ad Att.*, XIV, 12.

***) *Ad fam.*, XII, 25. *Quem ructantem et nauseantem conseci in Caesaris Octaviani plagas.*

пробудить въ той эгоистической душѣ хоть искру патриотизма; но надо было попытаться это сдѣлать. Республика находилась въ опасности такъ же, какъ и жизнь Цицерона, и чего ему не слѣдовало дѣлать для продленія собственной жизни, онъ долженъ былъ попытаться ради спасенія республики. Нѣтъ ничего низкаго въ мольбахъ, когда защищаешь свободу своей родины, и когда нѣтъ иного средства защитить ее. Именно въ такую страшную минуту онъ и писалъ, вѣроятно, Октавію слѣдующія покорныя слова, находимыя нами въ отрывкахъ его писемъ: „Съ этихъ поръ извѣщай меня о томъ, что я долженъ дѣлать, и я превзойду твои ожиданія“ *). Отнюдь не ставя ему въ вину эти просьбы, я сознаюсь, что не могу видѣть безъ волненія этого знаменитаго старца, унижающагося передъ тѣмъ, кто обманулъ его безсовѣстно, воспользовался его довѣрчивостью, держателемъ въ своей власти спасеніе или гибель республики.

Къ сожалѣнію, отъ этихъ писемъ остались одни только жалкіе отрывки, которые ничего не могутъ намъ пояснить. Если захочешь ознакомиться съ тѣмъ, кто игралъ такую важную роль въ послѣднихъ событіяхъ жизни Цицерона, надо обратиться въ другое мѣсто. Было бы легко и поучительно привести здѣсь мнѣніе о немъ историковъ временъ имперіи. Но я предпочитаю оставаться до конца вѣрнымъ тому методу, которому слѣдовалъ во всемъ этомъ сочиненіи, и судить объ Октавіи такъ же, какъ о Цицеронѣ, лишь по тому, что онъ говоритъ самъ, на основаніи его собственныхъ откровенныхъ признаній. Хотя его переписка и мемуары потеряны, зато у насъ есть большая Анкирская надпись, называемая *Политическимъ завѣщаніемъ Августа*, потому что она заключаетъ въ себѣ всю его жизнь. По счастью, эта надпись дошла до насъ. Изъ Светонія извѣстно, что онъ приказалъ вырѣзать ее на мѣдныхъ доскахъ передъ своею гробницею **). Очень вѣроятно, что она была весьма распространена въ первое столѣтіе христіанской эры, и что лести или признательность всюду размножили списки съ

*) Орелли, *Fragm. Cic.*, стр. 465.

**) Свет., *Aug.*, 101.

нея, такъ какъ въ то время по всему міру распространился культъ основателя имперіи. Отрывки ея были найдены въ развалинахъ Аполлоніи, и она существуетъ еще вся цѣликомъ въ Ангорѣ или древней Анкирѣ. Когда жители Анкиры воздвигли храмъ Августу, бывшему ихъ благодѣтелемъ, они подумали, что не могутъ ничѣмъ лучше почитать его память, какъ выгравировать эту повѣсть или, лучше сказать, эта прославленіе его жизни, написанное имъ самимъ. Съ тѣхъ поръ этотъ памятникъ, посвященный Августу, не разсмѣнялъ свое назначеніе: послѣ греческаго храма здѣсь была византійская церковь, а затѣмъ устроено турецкое училище. Крыша провалилась, увлекая за собою украшенія верхней части, колонны портиковъ исчезли, и къ древнимъ развалинамъ присоединились обломки византійскихъ и турецкихъ построекъ, также уже разрушенныхъ. Но по особенному счастью, мраморныя доски, повѣствующія о дѣлахъ Августа, остались прочно вдѣланными въ эти несокрушимыя стѣны.

Случай для изученія этого памятника очень благопріятенъ. Г. Перро только что привезъ изъ Галатіи болѣе вѣрную копію съ латинскаго текста и совершенно новую часть греческаго перевода, поясняющаго и дополняющаго собою латинскій текстъ *). Благодаря ему, за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ пропусковъ, надпись существуетъ теперь вполне и читается отъ одного конца до другого. Итакъ, мы можемъ понять ее всю цѣликомъ и позволить себѣ судить объ ней.

*) *Exploration archéologique de la Galatie*, etc., par MM. Perrot-Guillaume et Delbet. Paris, 1863. Didot.—Такъ какъ Галаты говорили по-гречески и плохо понимали по латыни, то, желая сдѣлать понятнымъ и для нихъ рассказъ Августа, официальный текстъ помѣстили въ самомъ храмѣ на почетномъ мѣстѣ, переводъ же его снаружи для того, чтобы всякій могъ прочесть его. Но вѣшнія стѣны храма были такъ же мало пощажены, какъ и внутренность. Турецкіе дома прижались къ этимъ стѣнамъ, безцеремонно всовывая свои бревна въ мраморъ и пользуясь этой прочною постройкой для того, чтобы прислонять къ ней свои кирпичныя и глиняныя перегородки. Нужно было все искусство гг. Перро и Гилльома, чтобы проникнуть въ эти негостепримные дома. Войдя въ нихъ, они встрѣтили еще большія затрудненія. Надо было разбирать стѣны, вынимать бревна и подпирать крыши, чтобы добраться до древней стѣны.

I.

То, что прежде всего вызываетъ чтеніе Анкирской надписи, это—чувство величія. Нельзя не поразиться имъ. По особаго рода властительному тону видно, что говорящій здѣсь человѣкъ болѣе пятидесяти лѣтъ правилъ цѣлымъ міромъ. Онъ понимаетъ всю важность того, что совершенно имъ; онъ знаетъ, что создалъ новый соціальный бытъ и руководилъ однимъ изъ главнѣйшихъ преобразованій въ человечествѣ. Вотъ почему, хотя онъ только вкратцѣ излагаетъ факты и приводитъ цифры, все, сказанное имъ, отличается какою то важностью, и онъ умѣетъ придать своимъ сухимъ перечисленіямъ такой величественный тонъ, что, читая ихъ, чувствуешь себя объатымъ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ. Но слѣдуетъ остерегаться этого чувства. Величіе можетъ служить удобнымъ покровомъ для прикрытія слабостей; еще недалекій отъ насъ примѣръ Людовика XIV долженъ на-

Но это было еще не все. Эта стѣна была вся избита молотами, растрескалась и почернѣла отъ пыли и дыма. Какъ было разобрать находившуюся тамъ надпись? Для этого пришлось оставаться цѣлыя недѣли въ грязныхъ и темныхъ комнатахъ или на соломѣ чердака, работать со свѣчю, освѣщая во всѣхъ направленіяхъ поверхность мрамора, и такимъ образомъ, такъ сказать, вырывать и завоевывать каждую букву неслыханными усиліями мужества и постоянства. Этотъ тяжелый трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Изъ 19 столбцовъ, составлявшихъ греческую надпись, англійскій путешественникъ Гамильтонъ переписалъ цѣликомъ пять и еще отрывки изъ одного; г. Перро передаетъ намъ двѣнадцать совершенно новыхъ. Одного изъ нихъ, девятого, никакъ нельзя было прочесть; онъ находился за толстой капитальной стѣною, которой невозможно было разрушить. Эти двѣнадцать столбцовъ, хотя и очень попорченныя временемъ, дополняютъ собою большую часть пропусковъ въ латинскомъ текстѣ. Они знакомятъ насъ съ цѣлыми параграфами, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ въ оригиналѣ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ латинскій текстъ сохранился всего лучше, они почти безпрестанно исправляютъ бессмыслицы, вкравшіяся при истолкованіи текста. Г. Эгге (Egger) въ своемъ *Examen des historiens d'Auguste*, стр. 412 и сл., весьма тщательно и критически разбираетъ Анкирскую надпись. Г. Моммсенъ, съ помощью копій г. Перро, готовитъ относительно этой надписи ученый трудъ, послѣ котораго уже, вѣроятно, ничего не останется дѣлать.—(Трудъ г. Моммсена, о которомъ было возвѣщено въ первомъ изданіи этой книги, появился уже съ тѣхъ поръ подъ заглавіемъ: *Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi*).

учить насъ не довѣрять ему необдуманно. Не надо притомъ забывать, что величіе было до такой степени римскимъ качествомъ, что Римъ сохранилъ внѣшніе слѣды его еще долгое время послѣ того, какъ оно уже исчезло въ дѣйствительности. Читая надписи послѣднихъ временъ имперіи, вы не замѣчаете, что она уже близка къ своей гибели. Эти бѣдные государи, едва обладающіе нѣсколькими провинціями, продолжаютъ говорить такимъ тономъ, какъ будто они все еще повелѣваютъ цѣлою вселенной, при чемъ къ самой грубой ихъ лжи примѣшивается невообразимое достоинство. Слѣдовательно, кто не хочетъ впадать въ ошибки при изученіи памятниковъ римской имперіи, тотъ долженъ остерегаться этого перваго обманчиваго впечатлѣнія и взглянуть на вещи поближе.

Хотя разбираемая нами надпись называется „Картиною дѣяній Августа“, но въ дѣйствительности Августъ не намѣревался рассказывать здѣсь всей своей жизни. Мы находимъ въ ней большіе и очень произвольные пропуски: очевидно что сочинитель и не хотѣлъ непременно сказать все. Когда въ семьдесятъ шесть лѣтъ, среди всеобщаго восхищенія и уваженія этотъ старый государь бросилъ взглядъ на свое прошлое для того, чтобы сдѣлать быстрый очеркъ его, онъ, вѣроятно, встрѣтилъ тамъ много стѣснительныхъ для себя воспоминаній. Такъ, напримѣръ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему было крайне непріятно вспоминать о первыхъ годахъ своей политической жизни. Между тѣмъ надо же было что-нибудь сказать о нихъ и благоразумнѣе было исказить ихъ, чѣмъ обойти ихъ полнымъ молчаніемъ, которое могло возбудить большіе толки. Вотъ, какъ выходитъ онъ изъ этого затрудненія. „Въ девятнадцать лѣтъ, говорить онъ, я собралъ армію по собственному почину и на свой собственный счетъ. Съ помощью ея я возвратилъ свободу республикѣ, надъ которой господствовала въ то время угнетавшая ее партія. Въ благодарность за это сенатъ, путемъ почетныхъ декретовъ, принялъ меня въ свои ряды въ число консуляровъ, даровалъ мнѣ право начальствовать войсками и поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ консулами К. Пансою и А. Гирціемъ блюсти за благополучіемъ государства въ качествѣ пропретора. Когда оба консула умерли въ одинъ

годъ, народъ назначилъ меня на ихъ мѣсто и наименовалъ меня триумвиромъ для устройства республики“. Въ этихъ немногихъ строкахъ, которыми начинается надпись, есть уже очень странныя умолчанія. На основаніи ихъ, можно, пожалуй, подумать, что онъ получилъ всѣ перечисляемыя имъ высокія должности, служа все одному и тому же дѣлу, и что въ промежутокъ времени между полученіемъ имъ первыхъ почестей и триумвиратомъ не произошло ничего особеннаго. Почетные декреты сената, упоминаемые здѣсь съ нѣкоторой беззащитчивостью извѣстны намъ, благодаря *Филлиппикамъ*. Въ нихъ сенатъ поздравляетъ юнаго Цезаря съ тѣмъ, „что онъ защищалъ свободу народа“ и бился съ Антоніемъ; между тѣмъ Цезарь получилъ или, лучше сказать, принялъ титулъ триумвира, только уже договорившись съ Антоніемъ поработить римскій народъ во время Болоньскаго свиданія. Обо всѣхъ этихъ вещахъ надпись осторожно умалчиваетъ.

То, что слѣдовало за этимъ свиданіемъ, было бы еще труднѣе рассказать. Тутъ Августъ всего больше желалъ забвенія. „Я изгналъ убійцъ моего отца, наказывая злодѣйство ихъ по правильнымъ судебнымъ приговорамъ. Впослѣдствіи, когда они повели войну противъ республики, я ихъ побѣдилъ въ двухъ битвахъ“. Вы замѣчаете, что здѣсь ни слова не говорится о проскрипціяхъ. Да и что бы онъ могъ сказать о нихъ? Развѣ есть такія слова, съ помощью которыхъ можно было бы изобразить ихъ не столь ужасными. Какъ бы то ни было, лучше было вовсе не говорить о нихъ. Но такъ какъ, по прекрасному выраженію Тацита, легче молчать, нежели забывать, то мы можемъ быть увѣрены, что Августъ, ничего не говорящій здѣсь о проскрипціяхъ, не разъ думалъ о нихъ въ теченіе своей жизни. Если онъ даже и не чувствовалъ угрызений совѣсти, все же его, вѣроятно, нерѣдко смущалъ этотъ ужасъ прошлаго на рубежѣ его новой политики; какъ онъ ни старался, а проскрипціи все-таки говорили противъ него въ принятой имъ на себя официальной роли милосердаго и добродѣтельнаго. Конечно, это затрудненіе обнаруживается и здѣсь. Умолчаніе его не успокоиваетъ. Онъ чувствуетъ, что, несмотря на всю скромность, его рассказъ, непременно, вызоветъ не-

пріятныя воспоминанія въ умѣ читающихъ и, какъ бы желая предупредить и обезоружить ихъ, онъ прибавляетъ: „Я прошелъ съ оружіемъ по всему міру, на сушѣ и на морѣ, ведя войны противъ согражданъ и противъ чужихъ. Побѣдивши, я прощалъ согражданъ, оставшихся въ живыхъ послѣ битвы; что же касается чужихъ націй, то если можно было безопасно щадить, я предпочиталъ беречь ихъ, а не уничтожать“.

Пройдя, наконецъ, это непріятное мѣсто, ему легче было рассказывать остальное. Впрочемъ, онъ все же остается очень краткимъ, говоря о наиболѣе отдаленныхъ временахъ. Быть-можетъ, онъ боялся, какъ бы воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ не повредило примиренію партій, вызванному послѣ Акціума всеобщимъ утомленіемъ. Несомнѣнно то, что во всей надписи нѣтъ ни одного слова, которое могло бы возбудить чей-нибудь гнѣвъ. Онъ почти не упоминаетъ о своихъ прежнихъ соперникахъ. Едва можно подмѣтить въ ней презрительное слово о Лепидѣ и сказанное вскользь, непріятное для Антонія обвиненіе въ томъ, что онъ присвоивалъ себѣ сокровища храмовъ. Вотъ все, что онъ говоритъ о своей войнѣ противъ Секста Помпея, стоившей ему столькихъ трудовъ, и о побѣдившихъ его храбрыхъ морякахъ: „Я освободилъ море отъ морскихъ разбойниковъ и захватилъ тридцать тысячъ бѣглыхъ рабовъ, сражавшихся противъ республики, и въ наказаніе возвратилъ ихъ къ господамъ“. Что же касается великой побѣды при Акціумѣ, давшей ему власть надъ всѣмъ міромъ, онъ упоминаетъ о ней лишь затѣмъ, чтобы доказать желаніе Италіи и западныхъ провинцій стоять за него.

Естественно, что онъ много охотнѣе останавливается на событіяхъ послѣднихъ лѣтъ своего царствованія, и очень замѣтно, что ему удобнѣе говорить о такихъ побѣдахъ, гдѣ побѣжденными были не римляне. Онъ съ справедливой гордостью вспоминаетъ, какимъ образомъ онъ отмстилъ за оскорбленія, нанесенныя національному самолюбію еще до него. „Послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ Испаніи и Далмаціи, я отнялъ знамена, потерянные нѣкоторыми изъ нашихъ военачальниковъ. Я принудилъ пареянъ выдать остатки и знамена трехъ римскихъ армій и смиренно умолять о нашей

дружбѣ. Я велѣлъ помѣстить эти знамена въ святилищѣ Марса Отмстителя“. Понятно также, что онъ охотно говоритъ о походахъ противъ германцевъ, умалчивая, однако, о поражении Вара, и что ему хочется сохранить воспоминаніе объ этихъ отдаленныхъ экспедиціяхъ, столь живо поразившихъ воображеніе современниковъ. „Римскій флотъ, говоритъ онъ, шелъ отъ устьевъ Рейна, все по направленію того мѣста, гдѣ восходитъ солнце, до самыхъ отдаленныхъ странъ, куда до сихъ поръ не проникалъ ни моремъ, ни сушею ни одинъ римлянинъ. Кимвры, Хариды, Семноны и другія германскія племена тѣхъ странъ просили черезъ пословъ моей дружбы и дружбы римскаго народа. По моему приказанію и подѣ моимъ покровительствомъ было послано почти одновременно двѣ арміи, одна въ Аравію, другая въ Эеіопію. Побѣдивъ много городовъ и забравши въ плѣнъ множество людей, онѣ достигли въ Эеіопіи до города Набаты, а въ Аравіи—до границъ Сабеевъ и до города Марибы“.

Но какъ ни интересны эти историческія данныя Анкирскаго памятника, онъ важенъ не этимъ. Дѣйствительная важность его заключается въ томъ, что онъ даетъ намъ понятіе о внутреннемъ управленіи страной при Августѣ.

Но и здѣсь также необходимы нѣкоторыя оговорки. Политическіе дѣятели не имѣютъ обыкновенія излагать на стѣнахъ храмовъ свои руководящіе принципы и такимъ образомъ великодушно объяснять публикѣ тайну своихъ поступковъ. Очевидно, что Августъ, писавшій здѣсь для всѣхъ, не думалъ всего говорить, и если кто хочетъ знать настоящую истину и основательно ознакомиться съ духомъ его учрежденій, тотъ долженъ искать ихъ не здѣсь. Самыя полныя свѣдѣнія даетъ намъ въ этомъ случаѣ историкъ Діонъ Кассій. Его вообще не читаютъ, и это не удивительно, такъ какъ у него нѣтъ ни одного изъ качествъ, которыя привлекаютъ читателей. Разсказъ его прерывается на каждомъ шагѣ безконечными разсужденіями, скоро надоедающими даже и самымъ терпѣливымъ. Это—узкій умъ безъ широкихъ политическихъ взглядовъ, всецѣло занятый смѣшными суевѣріями и приписывающихъ ихъ изображаемымъ имъ лицамъ. Стоило ли въ самомъ дѣлѣ быть два раза консуломъ, чтобы разсказывать намъ очень серьезно, будто послѣ одного серьезнаго

пораженія Октавій снова ободрился, увидѣвъ, какъ изъ моря выпрыгнула къ его ногамъ рыба. Скука, которую онъ нагоняетъ, увеличивается еще тѣмъ, что часто говоря о тѣхъ же предметахъ, что и Тацитъ, онъ ежеминутно вызываетъ сравненія не въ свою пользу. При всемъ томъ, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать имъ; хотя онъ и очень скученъ, но все же можетъ оказать намъ тѣмъ не менѣе очень полезныя услуги. Не обладая широкимъ взглядомъ Тацита, онъ вдается въ подробности и тутъ дѣлаетъ просто чудеса. Никто никогда не былъ точнѣе и тщательнѣе его. Онъ вполне проявляетъ качества усерднаго чиновника, прошедшаго всѣ ступени іерархіи и состарѣвшагося въ своихъ занятіяхъ. Онъ хорошо знакомъ съ тѣмъ оффиціальнымъ и административнымъ міромъ, среди котораго жилъ; онъ говоритъ о немъ дѣльно и любитъ о немъ поговорить. Очень естественно, что при такихъ наклонностяхъ онъ былъ пораженъ реформами, введенными Августомъ во внутреннемъ управленіи. Онъ непременно хочетъ ознакомить насъ съ ними до мельчайшихъ подробностей, при чемъ, вѣрный своимъ привычкамъ ритора и своей необузданной страсти къ рѣчамъ, предполагаетъ, что ввести эти реформы предложилъ Августу Мecenатъ, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы заставить послѣдняго очень длинно разглагольствовать *). Дѣйствительно, рѣчь Мecenата содержитъ въ себѣ то, что можно назвать формулою имперіи. Эта любопытная программа, приведенная въ послѣдствіи въ исполненіе, удивительно помогаетъ намъ понимать то, что остается разобрать въ Анкирской надписи. Надо постоянно имѣть ее передъ глазами, чтобы уловить духъ учрежденій Августа, причину его щедрости, тайный смыслъ приводимыхъ имъ фактовъ и въ особенности характеръ его отношеній къ различнымъ классамъ гражданъ.

Прежде всего рассмотримъ отношенія Августа къ его солдатамъ. (Около тысячъ римлянъ **), говоритъ онъ, носили оружіе подъ моимъ начальствомъ. Изъ нихъ я по-

*) Діонъ, LII, 14—40. См., что говорить о Діонѣ г. Эгже въ своемъ *Examen des hist d'Auguste*, гл. VIII.

**) Этого числа нельзя было разобрать ни въ латинской, ни въ греческой записи.

селилъ въ колоніяхъ или отпустилъ назадъ въ ихъ муниципіи, по окончаніи службы, около 300,000 человекъ. Всѣмъ имъ я роздалъ земли или деньги на покупку ихъ“. Два раза, а именно, послѣ войны противъ Секста Помпея и послѣ войны противъ Антонія, Августъ находился во главѣ почти пятидесяти легіоновъ; ихъ было всего двадцать пять при его смерти. Но какъ ни незначительно это число, оно все-таки подорвало финансы имперіи. Громадное увеличеніе расходовъ казны, вслѣдствіе содержанія постояннаго большаго войска, долго мѣшало Августу, несмотря на цвѣтущее его царствованіе, достигнуть того, что называется теперь равновѣсіемъ въ бюджетѣ. Четыре раза онъ принужденъ былъ помогать казнѣ своими частными средствами и онъ считаетъ, что подарилъ государству 150 мил. сестерцій (30 мил. фр.) Ему очень нелегко было справиться съ этими затрудненіями, главною причиною которыхъ были военные расходы. Все это подало ему мысль устроить кассу для отставныхъ военныхъ и, ради наполненія ея, обратиться къ великодушію государей и союзныхъ городовъ, а также самыхъ богатыхъ римскихъ гражданъ; чтобы побудить своимъ примѣромъ другихъ, онъ разомъ пожертвовалъ 170 милліоновъ сестерцій (34 милл. фр.). Когда же этихъ добровольныхъ даровъ оказалось недостаточно, пришлось придумать новые налоги для пополненія военной казны. Такими налогами были сборы $\frac{1}{20}$ части съ имуществъ, переходящихъ по наслѣдству и $\frac{1}{100}$ съ имуществъ продаваемыхъ. Но, несмотря на всѣ эти источники, пенсіи отставнымъ военнымъ, повидимому, выплачивались не аккуратно, такъ-какъ это было одною изъ самыхъ главныхъ причинъ неудовольствія Паннонскихъ легіоновъ во время ихъ бунта противъ Тиберія. Несомнѣнно, что армія Августа была одною изъ главнѣйшихъ заботъ его управленія. Его собственные легіоны причиняли ему столько же хлопотъ, какъ и непріятельскіе. Ему приходилось имѣть дѣло съ солдатамп, чувствовавшими, что они господа, и вотъ въ продолженіе десяти лѣтъ приходилось успокаивать ихъ лестною и обѣщаніями. Наканунѣ битвы они становились чрезвычайно требовательны, зная, что въ нихъ нуждаются, а на другой день побѣды дѣлались недоступными вслѣдствіе той гордости, которую она

имъ внушала. Чтобы удовлетворить ихъ, пришлось бы отнять землю въ ихъ пользу у всѣхъ жителей Италіи. Сначала, послѣ сраженія при Филиппахъ, Октавій на это согласился; но въ послѣдствіи, когда онъ измѣнилъ свою политику и когда понялъ, что не будетъ въ состояніи устроить ничего прочнаго, если навлечетъ себѣ ненависть коренныхъ жителей Италіи, онъ рѣшилъ щедро платить землевладѣльцамъ за земли, раздаваемые ветеранамъ. „Я заплатилъ деньгами, говоритъ онъ, муниципіямъ за стоимость полей, розданныхъ мною солдатамъ въ мое четвертое консульство, и въ послѣдствіи въ консульство М. Красса и К. Лентула; за поля въ Италіи я заплатилъ 600 милл. сестерцій (120 милл.) и 260 милл. сестерцій (52 мил.) за поля въ провинціяхъ. Изъ всѣхъ, устраивавшихъ колоніи солдатъ въ провинціяхъ и въ Италіи, я пока первый и единственный, поступившій такимъ образомъ“. И онъ имѣетъ полное право хвалиться этимъ. У полководцевъ того времени было не въ обычаѣ платить за то, что они брали, и самъ онъ долго подавалъ такіе примѣры. Когда, немного уже поздно, онъ рѣшилъ сопротивляться требованіямъ своихъ ветерановъ, ему пришлось вынести страшную борьбу съ ними, въ продолженіе которой жизнь его неоднократно подвергалась опасности. Во всякомъ случаѣ его тогдашнее поведеніе относительно солдатъ дѣлаетъ ему много чести. Онъ былъ обязанъ имъ всѣмъ и не имѣлъ ничего, что было нужно для господства надъ ними,—ни качествъ Цезаря, ни недостатковъ Антонія; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился сопротивляться имъ и, наконецъ-таки, подчинилъ ихъ себѣ. Замѣчательно, что хотя онъ пріобрѣлъ себѣ власть исключительно войною, онъ однакожъ сумѣлъ поддержать въ основанномъ имъ правленіи преобладаніе гражданскаго начала. Если эта имперія, въ которой не было инаго элемента силы и жизни, кромѣ войска, не сдѣлалась военной монархіей, то этимъ она несомнѣнно обязана его твердости.

Нѣтъ ничего проще, какъ отношенія Августа къ народу. Свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету Анкирской надписью, совершенно согласуются съ рѣчью Мецената: Августъ кормилъ народъ и забавлялъ его. Прежде всего вотъ точный списокъ суммъ, истраченный на его прокормленіе: „Я

выплатилъ римскому народу по 300 сестерцій на человѣка (60 фр.), въ силу завѣщанія моего отца, и по 400 сестерцій (80 фр.) отъ себя лично, изъ военной добычи, во время моего пятого консульства. Въ другой разъ, въ мое десятое консульство, я подарилъ еще изъ собственныхъ своихъ средствъ по 400 сестерцій каждому гражданину. Въ свое одиннадцатое консульство я произвелъ двѣнадцать раздачъ хлѣба за свой счетъ. Когда я былъ въ двѣнадцатый разъ облеченъ трибунскою властью, я роздалъ народу еще по 400 сестерцій на человѣка. Всѣ раздачи дѣлались не менѣе, какъ 250 тысячъ человѣкъ. Получивши трибунскую власть въ восемнадцатый разъ, а консульскую—въ двѣнадцатый, я роздалъ 320 тысячамъ римскихъ жителей по шестидесяти денаріевъ (48 фр.) на человѣка. Во время моего четвертого консульства я велѣлъ выдѣлить изъ военной добычи и раздать въ колоніяхъ, составленныхъ изъ моихъ солдатъ, по 1000 сестерцій (200 фр.) каждому. Около ста двадцати тысячъ колонистовъ получили свою долю въ этой раздачѣ, слѣдовавшей за моимъ триумфомъ. Сдѣлавшись консуломъ въ тринадцатый разъ, я далъ по 60 денаріевъ всѣмъ, получавшимъ въ то время хлѣбныя доли. Ихъ было тогда немного больше двухсотъ тысячъ человѣкъ“. Послѣ такихъ, дѣйствительно огромныхъ щедротъ, Августъ упоминаетъ объ играхъ, данныхъ имъ народу, и хотя въ текстѣ здѣсь есть нѣкоторые пропуски, можно предполагать, что забавы народа стоили ему не меньше его прокормленія. „Я давалъ бои гладіаторовъ . . . разъ *) отъ своего имени и пять отъ имени своихъ дѣтей или внуковъ. На всѣхъ этихъ праздникахъ сражалось между собою около десяти тысячъ человѣкъ. Два раза отъ своего имени и три раза отъ имени моего внука я устраивалъ бои атлетовъ, которыхъ вызывалъ изъ всѣхъ странъ. Я устраивалъ общественныя игры четыре раза отъ своего имени и двадцать

*) Числа этого не могли разобрать. Замѣьте громадное количество сражавшихся гладіаторовъ, погибнувшихъ, вѣроятно, во время этихъ кровавыхъ празднествъ. Сенека, желая доказать, до какой степени можно сдѣлаться равнодушнымъ къ смерти, рассказываетъ, что при Тиберіи одинъ гладіаторъ жаловался на рѣдкость подобной рѣзни, при чемъ, намекая на эпоху Августа, говорилъ: „Хорошее то было время! *Quam bella aetas periiit*“.

три раза за отсутствовавших должностных лицъ или за такихъ, которые не могли взять на себя издержекъ на эти игры... Я показывалъ двадцать шесть разъ, отъ своего имени или отъ имени своихъ сыновей и внуковъ, бои африканскихъ звѣрей, въ циркѣ, на форумѣ и въ амфитеатрахъ, при чемъ было убито до трехъ тысячъ пятисотъ этихъ звѣрей. Я далъ народу зрѣлище морской битвы, за Тибромъ, тамъ, гдѣ теперь находится лѣсъ Цезарей. Я приказалъ вырыть здѣсь каналъ въ тысячу восемьсотъ пядей длины и въ тысячу двѣсти пядей ширины. Здѣсь сражалось между собою тридцать судовъ, снабженныхъ таранами, триремы, биремы и много другихъ менѣе значительныхъ кораблей. На нихъ находилось, кромѣ гребцовъ, три тысячи человекъ экипажа“. Вотъ гдѣ, по моему мнѣнію, любопытный и оффиціальныи комментарий знаменитыхъ словъ Ювенала: *panem et circenses*. Вы ясно видите, что это была не выходка поэта, а дѣйствительный принципъ политики, искусно придуманный Августомъ и удержанный его преемниками, какъ правительственный завѣтъ.

Понятно, что отношенія Августа къ сенату были деликатныѣ и сложныѣ. Даже послѣ Фарсальской и Филиппской битвъ еще приходилось щадить великое имя. Какъ ни принижена была эта старая аристократія, но она все еще продолжала внушать страхъ и требовала къ себѣ нѣкотораго уваженія. Это видно изъ того, какъ вездѣ почтительно говоритъ Августъ о сенатѣ въ своемъ завѣщаніи. Имя его какъ-бы нарочно безпрестанно повторяется. Если вѣрить одной внѣшности, то можно было бы подумать, что властелиномъ былъ въ то время сенатъ, а государь только исполнялъ его декреты. Въ этомъ именно Августъ и хотѣлъ всѣхъ увѣрить. Онъ всю жизнь старался скрывать свою власть или жаловался, что несетъ ее. Изъ своего царскаго жилища на Палатинѣ онъ писалъ сенату самыя трогательныя письма, умоляя избавить его, наконецъ, отъ дѣловыхъ заботъ, и никогда, повидимому, онъ не чувствовалъ такого отвращенія къ власти, какъ въ тотъ моментъ, когда всю прибралъ къ рукамъ. Неудивительно, что подобную же тактику находимъ и въ его завѣщаніи; она такъ хорошо удалась ему съ современниками, что онъ попытался вѣстиее и съ потомствомъ. Вотъ почему

онъ продолжаетъ играть для насъ ту же комедію умѣренности и безкорыстія. Такъ, напримѣръ, онъ нарочно упоминаетъ о тѣхъ почестяхъ, отъ которыхъ отказывался, какъ и о тѣхъ, которыя принялъ. „Въ консульство М. Марцелла и Л. Аррунція, говоритъ онъ, когда сенатъ и народъ просили меня принять неограниченную власть *), я ея не принялъ. Но я не отказался отъ наблюденія за съѣстными припасами во время голода и сдѣланными мною расходами освободилъ народъ отъ страховъ и опасностей голода. Въ награду за это онъ предложилъ мнѣ годовое или пожизненное консульство, но я отказался“. Это не единственная похвала, воздаваемая имъ своей умѣренности. Онъ еще не разъ упоминаетъ о тѣхъ почестяхъ или подношеніяхъ, которыхъ не пожелалъ принять. Но вотъ, что дѣйствительно переходитъ уже всякую мѣру: „Въ мое шестое и седьмое консульство, когда я покончилъ междоусобныя войны и когда всѣ граждане по общему согласію предлагали мнѣ верховную власть, я передалъ управленіе республикой въ руки сената и народа. Въ награду за такой поступокъ я, на основаніи сенатскаго рѣшенія, былъ названъ Августомъ, дверь мою разукрасили лаврами и гражданскимъ вѣнкомъ и въ куріи Юлія помѣстили золотой щитъ съ надписью, въ которой говорилось, что мнѣ сдѣлали эту честь, чтобы прославить мою добродѣтель, мое милосердіе, мою справедливость и мое благочестіе. Съ этой минуты, хотя я былъ выше всѣхъ другихъ по занимаемымъ мною должностямъ, я никогда не присвоивалъ себѣ власти больше того, сколько оставлялъ ея своимъ товарищамъ“. Этотъ любопытный отрывокъ показываетъ, въ какое заблужденіе могутъ вводить надписи, если слѣпо имъ довѣряться. Развѣ изъ приведенныхъ словъ мы не имѣемъ права заключить, что въ 726 году отъ основанія Рима тамъ, по великодушію Августа, была возстановлена республика? Между тѣмъ, именно въ эту эпоху неограниченная власть императоровъ, освобождаясь отъ внѣшнихъ опасеній и мирно всѣми принимаемая, устанавливается оконча-

*) Судя по одному мѣсту у Светонія (Aug. 52), кажется, что то, что въ греческомъ текстѣ надписи называется абсолютною властью (*αὐτεξουσιος ἀρχή*), было просто диктатурой.

тельно. Даже самъ Діонъ, — официальный Діонъ, всегда готовый вѣрить императорамъ на-слово, не можетъ согласиться съ этой ложью Августа; онъ не даетъ ввести себя въ обманъ и безъ труда доказываетъ, что какимъ бы именемъ ни облекалось это правленіе, въ сущности оно было монархіей; къ этому онъ могъ бы добавить, что никогда не бывало монархіи болѣе неограниченной. Одинъ человѣкъ сдѣлался преемникомъ всѣхъ должностныхъ лицъ республики и соединилъ въ себѣ всѣ ихъ права. Онъ упразднилъ народъ, съ которымъ никогда не совѣтуется; онъ господствуетъ надъ сенатомъ, выбраннымъ и составленнымъ по его волѣ; будучи вмѣстѣ консуломъ и верховнымъ жрецомъ, онъ управляетъ и мірскими дѣлами и вѣрованіями; такъ какъ онъ облеченъ трибунской властью, то считается неприкосновеннымъ и священнымъ, т.-е. малѣйшее, неосторожно сказанное противъ него слово становится уже святотатствомъ; какъ цензоръ, съ титуломъ префекта нравовъ, онъ можетъ контролировать поведеніе частныхъ лицъ и вмѣшиваться, если ему угодно, въ самыя сокровенныя дѣла ихъ жизни *). Все ему подчинено какъ частная, такъ и общественная жизнь, и власть его проникаетъ повсюду, начиная отъ сената и кончая самыми скромными и неизвѣстными семейными очагами. Къ этому надо еще прибавить, что предѣлы его имперіи—предѣлы цивилизованнаго міра; варварство начинается тамъ, гдѣ оканчивается рабство, и противъ этого деспотизма нѣтъ даже и грустнаго спасенія въ ссылкѣ. И этотъ-то человѣкъ, обладающій такимъ страшнымъ могуществомъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ въ его громадной имперіи, и власти котораго невозможно избѣжать, этотъ человѣкъ съ такой возмутительной увѣренностью говоритъ намъ, будто онъ не хотѣлъ принять неограниченной власти!

Надо, впрочемъ, сознаться, что эта неограниченная власть, такъ тщательно скрывавшая свой настоящій видъ, старалась также всѣми средствами устроить, чтобы ее терпѣли. Все,

*) Я просто вкратцѣ излагаю здѣсь очень любопытную главу изъ Діона Кассія (*Hist. rom.*, I, III, 17). Изъ нея очень хорошо видно, какимъ образомъ римская конституція, гдѣ раздѣленіе власти служило гарантіей свободы, сдѣлалась разомъ, вслѣдствіе одного только ея сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ, страшнымъ орудіемъ деспотизма.

что только можно было дать народу, Августъ охотно давалъ ему лишь бы только заставить его позабыть о свободѣ. Здѣсь рѣчь идетъ не объ одномъ только матеріальномъ довольствѣ, благодаря которому въ его царствованіе число гражданъ увеличилось почти на миллионъ *), ни даже о томъ спокойствіи и безопасности, въ которыхъ всѣ такъ нуждались по окончаніи междоусобныхъ войнъ, но и о томъ несравненномъ блескѣ, который онъ придалъ Риму посредствомъ всякаго рода украшеній. Этимъ способомъ можно было навѣрное понравиться народу. Зная это, Цезарь истратилъ разомъ сто миллионъ сестерцій (20 мил. фр.) на покупку одной только земли, гдѣ долженъ былъ помѣщаться его форумъ. Августъ сдѣлалъ еще лучше. Анкирская надпись содержитъ въ себѣ списокъ построенныхъ имъ памятниковъ, и списокъ этотъ такъ длиненъ, что его невозможно привести здѣсь цѣликомъ. Въ немъ упоминаются пятнадцать храмовъ, нѣсколько портиковъ, театръ, дворецъ для сената, форумъ, базилики, водопроводы, общественныя дороги и пр. Весь Римъ былъ возобновленъ имъ. Можно сказать, что ни одинъ памятникъ отъ него не ускользнулъ, и что онъ реставрировалъ тѣ изъ нихъ, которыхъ не возвелъ вновь. Онъ докончилъ театръ Помпея и форумъ Цезаря и перестроилъ Капитолій; въ одинъ годъ онъ возстановилъ восемьдесятъ два храма, уже начинавшихъ обращаться въ развалины. Столько миллионъ были истратены не напрасно.

*) Анкирская надпись даетъ самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ увеличеніи. Въ 725 году Августъ сдѣлалъ первую перепись послѣ промежутка въ сорокъ одинъ годъ; по этой переписи оказалось 4.063.000 гражданъ. Двадцать одинъ годъ спустя, въ 746 году ихъ насчитывали 4.233 000. Наконецъ, въ 767 году, когда именно умеръ Августъ, ихъ было 4.937.000. Прибавивъ къ цифрѣ, имъ приводимой, число женщинъ и дѣтей, не входившихъ въ римскую перепись, мы увидимъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ его царствованія это увеличеніе составляло приблизительно 16 на 100. Этой самой цифры достигаетъ увеличеніе населенія во Франціи послѣ революціи, отъ 1800 до 1825 года, т. е. довольно сходныя политическія обстоятельства привели къ одинаковымъ результатамъ. Можно было бы, пожалуй, подумать, что такое увеличеніе населенія при Августѣ зависѣло отъ водворенія въ городѣ чужеземцевъ. Но изъ Светонія извѣстно, что Августъ, въ противность примѣру и принципамъ Цезаря былъ очень скупъ на раздачу званія римскаго гражданина.

и подобная расточительность со стороны такого экономнаго государя скрывала въ себѣ глубокой политической умысль. Онъ хотѣлъ отуманить этотъ народъ и упоить его роскошью и великолѣпьемъ, чтобы отвлечь его отъ тяжелыхъ воспоминаній о прошломъ. Онъ строилъ ему этотъ мраморный Римъ для того, чтобы заставить его позабыть Римъ кирпичный.

Впрочемъ, Августъ предложилъ народу не одно только это вознагражденіе. Онъ давалъ и болѣе благородныя, стараясь узаконить ими свою власть. Если онъ и отнялъ у него свободу, зато онъ всячески старался удовлетворить его національную гордость. Никто лучше его не заставилъ уважать Римъ извнѣ; никто не далъ ему столько поводовъ гордиться своимъ превосходствомъ надъ всѣми. Послѣдняя часть надписи наполнена перечнемъ о тѣхъ почестяхъ, какія воздавали Риму въ его царствованіе самыя отдаленныя страны свѣта. Боясь, чтобы кто-нибудь не остановилъ съ грустью взгляда на томъ, что происходило внутри, онъ старался ослѣпить внѣшней славой. Тѣмъ гражданамъ, которыхъ печалилъ видъ пустыннаго фѳорума и послушнаго сената, онъ указывалъ на римскія арміи, проникавшія къ Паннонійцамъ и къ Арабамъ, на римскіе флоты, плававшіе по Рейну и по Дунаю, на британскихъ, свевскихъ и маркоманскихъ царей, нашедшихъ пріютъ въ Римѣ и умолявшихъ о поддержкѣ легіонами, на Мидянъ и Пареянъ, этихъ страшныхъ враговъ Рима, просившихъ у него царя, на тѣ народы, которые, несмотря на свою отдаленность и малоизвѣстность, обезпечивавшія ихъ отъ всякихъ опасностей, тѣмъ не менѣе, испугались великаго, впервые до нихъ дошедшаго, имени и умоляли о союзѣ съ Римомъ. „Ко мнѣ пріѣзжали изъ Индіи, говоритъ онъ, послы царей, не отправлявшихъ ихъ до тѣхъ поръ ни къ одному римскому военачальнику. Бастарны, Скионы и Сарматы, обитающіе по сую сторону Танаиса и за этой рѣкой, цари Албанцевъ, Иверовъ и Мидянъ посылали ко мнѣ депутатовъ просить нашей дружбы“. Трудно было, чтобы сердца самыхъ недовольныхъ устояли противъ такого величія. Но самымъ ловкимъ дѣйствіемъ съ его стороны было то, что онъ простиралъ свою заботу о славѣ Рима даже до прошлаго времени. Онъ

уважалъ чуть не какъ боговъ, говорить Светоній *), всѣхъ кто содѣйствовалъ этой славѣ и въ прежнія времена; а чтобы показать, что никто не исключался имъ изъ этого культа, онъ приказалъ поднять статую Помпея, у ногъ которой палъ Цезарь, и помѣстить ее въ общественномъ мѣстѣ. Такое великодушное поведеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ искусною тактикой. Усвоивая себѣ славу прошлаго, онъ напередъ обезоруживалъ тѣ партіи, которыя захотѣли бы сдѣлать изъ нихъ оружіе противъ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы освящалъ свою собственную власть, связывая ее такъ или иначе съ этими старыми воспоминаніями. Какъ ни велика была разница между основаннымъ имъ правленіемъ и республикой, оба они сходились, по крайней мѣрѣ, въ одномъ: они заботились о величіи Рима. На этой-то общей почвѣ Августъ и попытался примирить [прошлое съ настоящимъ. И онъ также украсилъ Римъ, защитилъ его границы, увеличилъ свою имперію и заставилъ уважать свое имя. Онъ продолжалъ и дополнилъ дѣло, надъ которымъ трудились уже семь вѣковъ. Слѣдовательно, онъ могъ называть себя продолжателемъ и наслѣдникомъ всѣхъ тѣхъ, кто прикладывалъ руки къ этому дѣлу, т. е. Катонъ, Павловъ Эмилиевъ, Сципіоновъ, и помѣстить себя въ ихъ число. Онъ не замедлилъ это сдѣлать, выстроивши форумъ, которому онъ далъ свое имя; мы знаемъ изъ Светонія, что подъ этими, воздвигнутыми имъ, портиками, полными воспоминаній объ его дѣлахъ, онъ приказалъ поставить изображенія всѣхъ великихъ людей республики въ одеждѣ триумфаторовъ. Это было верхомъ искусства, такъ какъ, присоединяя ихъ къ своей славѣ, онъ бралъ часть ихъ славы для себя и, такимъ образомъ, обращалъ въ свою пользу величіе разрушеннаго имъ политическаго порядка.

Компенсациі, предложенныя римлянамъ Августомъ взаменъ ихъ свободы, повидимому вполнѣ ихъ удовлетворили. Всѣ скоро привыкли къ новому правленію, и можно сказать, что Августъ царствовалъ безъ всякой оппозиціи. Заговоры, не разъ угрожавшіе его жизни, были дѣломъ отдѣльных недовольныхъ или какихъ-нибудь молодыхъ безумцевъ, впа-

*) Свет. *Aug.*, 31.

шихъ у него въ немилость, или пошлыхъ честолюбцевъ, мѣтившихъ сами на его мѣсто, но это не было дѣломъ партій. Да можно ли сказать, чтобы въ то время были партіи? Партіи Секста Помпея и Антонія не пережили смерти своихъ вождей; послѣ битвы при Филиппахъ республиканцевъ вообще не осталось болѣе. Съ этой минуты всѣми благоразумными людьми было принято за аксіому, „что громадное тѣло имперіи не можетъ держаться ни прямо, ни въ равновѣсіи, если кто-нибудь не будетъ управлять имъ“. Только немногіе, еще необращенные упрямы пишутъ въ школахъ горячія декламаціи подъ именемъ Эрута и Цицерона или позволяютъ себѣ свободно говорить въ тѣхъ образованныхъ кружкахъ, которые можно назвать салонами той эпохи: *in convivіis rodunt, in circulis vellicant*. Но это незначительныя исключенія, исчезающія среди единодушнаго и всеобщаго восторга и уваженія. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ сенатъ, всадники и народъ изоощряли свой умъ, придумывая все новыя почести для того, кто возвратилъ Риму внутреннее спокойствіе и сильною рукою поддерживалъ его внѣшнее величіе. Августъ озаботился припомнить всѣ эти почести въ разбираемой нами надписи, не изъ мелочнаго тщеславія, но чтобы подтвердить общее согласіе всѣхъ сословіи государства, какъ бы узаконивавшее собою его власть. Мысль эта обнаруживается особенно въ послѣднихъ строкахъ надписи, гдѣ онъ вспоминаетъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для него обстоятельствъ его жизни, такъ какъ въ немъ блистательнѣйшимъ образомъ обнаружилось согласіе всѣхъ гражданъ: „Когда я былъ консуломъ въ тринадцатый разъ, говоритъ онъ, тогда сенатъ, сословіе всадниковъ и весь народъ дали мнѣ названіе Отца отечества и пожелали, чтобы это было написано въ сѣняхъ моего дома, въ Куріи и на моемъ форумѣ, подъ четвероконными колесницами, поставленными тамъ въ мою честь по рѣшенію сената.—Я писалъ все это на семьдесятъ шестомъ году моей жизни“. Онъ не безъ причины поберегъ эту подробность къ концу. Этотъ титулъ Отца отечества, которымъ его привѣтствовалъ отъ имени всѣхъ гражданъ прежній другъ Брута, Мессала, былъ какъ бы законнымъ освященіемъ власти, пріобрѣтенной незаконнымъ путемъ, и нѣкотораго рода амнистіей, даруемой

Римомъ прошлому. Понятно, что на порогѣ смерти Августъ съ удовольствіемъ остановился на воспоминаніи, которое какъ бы оправдывало все его прошлое, и которое такъ хорошо закончивало это обзорѣніе его политической жизни.

II.

Разсмотрѣвъ этотъ любопытный памятникъ, я хотѣлъ бы передать въ нѣсколькихъ словахъ то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня относительно того, кто его писалъ.

Политическая жизнь Августа заключается вся между двумя официальными документами, которые оба, по рѣдкому счастью, дошли до насъ: я говорю о вступленіи къ эдикту о проскрипціяхъ, подписанному Октавіемъ и, по всеѣмъ вѣроятностямъ, составленному имъ самимъ, а сохраненному для насъ Аппіаномъ, и о надписи, найденной на стѣнахъ Анкирскаго храма. Одинъ показываетъ намъ, чѣмъ былъ Октавій въ двадцать лѣтъ, только что вышедши изъ рукъ риторовъ и философовъ, въ первомъ пылу своего честолюбія и съ дѣйствительными инстинктами своей натуры; другой документъ даетъ намъ понять, чѣмъ онъ сдѣлался послѣ пятидесяти шести лѣтъ безграничной и безконтрольной власти; стоитъ только сблизить ихъ между собою, чтобы понять, какой путь онъ совершилъ, и какая перемѣна въ немъ произошла вслѣдствіе того, что онъ узналъ людей и жизнь.

Власть сдѣлала его лучше вопреки обыкновенію, и послѣ него мы видимъ въ римской исторіи только испорченныхъ властью государей. Отъ битвы при Филиппахъ до битвы при Акціумѣ или, вѣрнѣе сказать, до той минуты, когда онъ какъ бы торжественно попросилъ прощенія у міра, уничтоживъ всѣ тріумвирскіе акты, видно, что онъ старается стать лучше, и можно почти подмѣтить его успѣхи. Мнѣ кажется, что нѣтъ другого примѣра такого огромнаго усилія надъ самимъ собою и такой полной побѣды надъ своей натурою. По природѣ онъ былъ трусъ, и въ первый разъ, когда ему пришлось сразиться съ врагами, онъ спрятался въ своемъ шатрѣ. Но не знаю, какимъ образомъ, но онъ сумѣлъ сдѣлаться храбрымъ; онъ привыкъ къ войнѣ, воюя съ Секстомъ Помпеемъ, и явился безумно смѣлымъ въ экспе-

диціи противъ Далматовъ, гдѣ былъ два раза раненъ. Онъ былъ циниченъ и развратенъ, и въ оргіяхъ своей юности, описанныхъ Светоніемъ, ничуть не уступалъ Антонію; но онъ мгновенно исправился, лишь только сталъ неограниченнымъ властелиномъ, т.-е. именно въ то время, когда страсти его встрѣтили бы всего менѣе препятствій. Онъ родился жестокимъ, и притомъ холодно-жестокимъ, такъ-что невозможно было надѣяться на его перемѣну въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ, начавъ съ умерщвленія своихъ благодѣтелей, онъ подъ-конецъ щадилъ даже своихъ убійцъ; и вотъ онъ, кому лучший другъ его, Меценатъ, далъ однажды названіе палача, получилъ отъ философа Сенеки названіе милосерднаго государя *). Какъ бы то ни было, человѣкъ, утвердившій указъ о проскрипціяхъ, отнюдь не походитъ на человѣка, написавшаго завѣщаніе, такъ что нельзя не удивиться, что, начавъ такъ, какъ онъ началъ, онъ могъ до такой степени измѣниться и на мѣсто всѣхъ врожденныхъ ему пороковъ поставить добродѣтель или хоть подобіе добродѣтели.

Однако, несмотря на то, что мы поневолѣ принуждены оказать ему справедливость, намъ невозможно заставить себя полюбить его. Въ концѣ-концовъ, быть-можетъ, мы и неправы; вѣдь разумъ говоритъ намъ, что мы должны больше цѣнить въ людяхъ тѣ хорошія качества, которыя они пріобрѣтаютъ побѣдою надъ самими собою, нежели тѣ, которыя безъ всякаго труда получены ими отъ неба. Между тѣмъ, не знаю, какимъ образомъ, но только одни эти послѣднія намъ обыкновенно и нравятся. Первымъ недостаетъ прелести, даруемой только одной природою и побѣждающей сердце. Въ нихъ слишкомъ замѣтно усиліе, а изъ-за усилія проглядываетъ личный интересъ; постоянно кажется, что человѣкъ трудился такъ много лишь потому, что находилъ въ этомъ свою выгоду. Эта своего рода благопріобрѣтенная доброта, гдѣ больше участвуетъ разумъ, нежели природа, никому не симпатична, такъ какъ она представляется результатомъ сознательнаго расчета. Вотъ почему мы такъ

*) *De Clem.*, 9, *Divus Augustus mitis fuit princeps*. Правда, что въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ его милосердіе утомленіемъ жестокостью.

холодно относимся ко всѣмъ добродѣтелямъ Августа, и онѣ кажутся намъ не болѣе, какъ ловкимъ пріемомъ хитрости. Чтобы тронуть насъ, въ нихъ недостаетъ хоть немного естественности и увлеченія. Эти качества никогда не были извѣстны этому жестокому и надменному человѣку, хотя, по словамъ Светонія, онъ любилъ казаться простымъ и добродушнымъ въ своихъ близкихъ сношеніяхъ. Но не всякій, кто желаетъ быть простымъ, можетъ имъ дѣйствительно сдѣлаться, а его задушевные письма, изъ которыхъ до насъ дошли нѣкоторые отрывки, показываютъ, что шуткамъ его не доставало свободы, что быть простымъ ему удавалось съ трудомъ. Развѣ мы не знаемъ черезъ того же Светонія, что Августъ записывалъ то, что хотѣлъ сообщить своимъ друзьямъ, чтобы не сказать чего-нибудь случайно, и что иногда ему приходилось заранѣе составлять свои разговоры даже съ Ливіей*).

Но что особенно вредить въ нашихъ глазахъ Августу, это его сравненіе съ Цезаремъ: до такой степени велика между ними разница. Не говоря уже о болѣе высокихъ и блестящихъ сторонахъ натуры Цезаря, онъ прежде всего привлекаетъ насъ къ себѣ своею искренностью. Намъ можетъ не нравиться его честолюбіе, но съ его стороны было уже заслугою то, что онъ его не скрывалъ. Не знаю, почему Моммсенъ въ своей *Римской исторіи* всячески старается доказать, что Цезарь не дорожилъ короною, и что Антоній предложилъ ее ему, не посоветовавшись съ нимъ предварительно. Я предпочитаю держаться общаго мнѣнія и не думаю, чтобы оно вредило ему. Онъ желалъ быть царемъ, носить его титулъ и пользоваться его властью. Никогда, подобно Августу, онъ не заставлялъ просить себя принять почести, которыхъ онъ страстно желалъ. Онъ никогда не сталъ бы увѣрять насъ, будто онъ пользуется верховною властью съ отвращеніемъ, и никогда не рѣшился бы сказать, въ то самое время, какъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всяческія власти, будто онъ возвратилъ республиканское правленіе сенату и народу; напротивъ того, мы знаемъ, что послѣ Фарсалы онъ откровенно говорилъ, что слово республика—одинъ пустой звукъ, и что

*) Свет., *Aug.*, 84.

Сулла сдѣлалъ глупость отказавшись отъ диктатуры. Во всѣхъ вещахъ, даже въ вопросахъ литературы и грамматики, онъ всегда являлся смѣлымъ новаторомъ и не выказывалъ лицемѣрнаго уваженія къ прошлому въ тотъ самый моментъ, какъ разрушалъ вконецъ. Такая искренность нравится намъ больше лживыхъ выреженій уваженія, расточаемыхъ Августомъ сенату, послѣ того, какъ онъ довелъ его до безсилія; и какъ ни восхищается имъ Светоній, рассказывая, какъ тотъ смиренно привѣтствуетъ каждого сенатора по имени передъ засѣданіемъ, я едва-ли не предпочитаю этой комедіи дерзость Цезаря, который подѣ-конецъ даже не вставалъ, когда къ нему являлся сенатъ. Имъ обоимъ, по-видимому, опротивѣла власть; но никому не приходило въ голову вѣрнуть Августу, когда онъ такъ настоятельно требовалъ, чтобы его возвратили къ частной жизни. Отвращеніе Цезаря было глубже и искреннѣе. Та верховная власть, къ которой онъ стремился въ продолженіи двадцати лѣтъ съ неутомимымъ постоянствомъ, среди столькихъ опасностей, съ помощью темныхъ интригъ, одно воспоминаніе о которыхъ заставляло его, вѣроятно, краснѣть, не удовлетворила его ожиданій и показалась недостаточною для этого сердца, столь горячо ея желавшаго. Онъ зналъ, что его ненавидятъ люди, уваженіемъ которыхъ онъ всего больше дорожилъ; онъ былъ принужденъ пользоваться услугами людей имъ презираемыхъ, безчестившихъ его побѣды своими выходками; чѣмъ болѣе онъ возвышался, тѣмъ въ худшемъ видѣ представлялась ему человѣческая природа, и тѣмъ чаще онъ видѣлъ, какъ кишѣли и волновались у его ногъ низкая зависть и подлая измѣна. Изъ отвращенія онъ пересталъ даже цѣнить жизнь; ему казалось, что не стоитъ больше труда сохранять и защищать ее. Этому человѣку, говорившему еще въ эпоху *pro Marcello*: „Я довольно пожилъ для природы и для славы“, и отвѣчавшему въ послѣдствіи безнадежнымъ тономъ, когда его убѣждали принять предосторожности противъ убійцъ: „Лучше умереть одинъ разъ, нежели постоянно трепетать“,—этому человѣку слѣдовало бы сказать съ Корнелемъ:

„Я желалъ власти и достигъ ея; но, желая ея, я ея не зналъ. Въ обладаніи ею я нашелъ вмѣсто всякой прелести

ужаснѣйшія заботы и вѣчныя тревоги. Кругомъ меня тысяча тайныхъ враговъ, всегдашняя опасность смерти, ни одного удовольствія безъ непріятности и ни малѣйшаго покоя“.

Признаюсь, что эти прекрасные стихи нравятся мнѣ меньше, если ихъ слышать изъ устъ Августа. Мнѣ кажется, что этотъ смѣлый и холодный политикъ, отличавшійся такимъ самообладаніемъ, не могъ въ сущности знать ни благородной грусти, открывающей намъ въ героѣ человѣка, ни безнадежности сердца, недовольнаго собою, несмотря на свои успѣхи, и получившаго отвращеніе къ власти, благодаря ей самой. Какъ ни велико наслажденіе, испытываемое мною при чтеніи той прекрасной сцены, гдѣ Августъ предлагаетъ отречься отъ престола, я не могу не сердиться немного на Корнелия за то, что онъ дѣйствительно повѣрилъ и серьезно принялся описывать намъ торжественную комедію, которой въ Римѣ никто не вѣрилъ, такъ что, читая трагедію *Цинна*, мнѣ всегда хочется для полноты удовольствія замѣнить въ ней личность Августа личностью Цезаря.

Въ заключеніе скажу еще, что всѣ эти лицемѣрныя предосторожности Августа были не только недостатками его характера; онѣ были также политическими ошибками, оставившими самыя печальныя послѣдствія въ созданномъ имъ правленіи. Что дѣлало несносною тиранію первыхъ Цезарей, такъ это именно та неопредѣленность относительно существа и дѣйствительныхъ границъ ихъ власти, которая возникла вслѣдствіе своекорыстной лживости Августа. Когда правительство смѣло заявляетъ свои принципы, тогда знаешь, какимъ образомъ держать себя съ нимъ; но какому пути надо слѣдовать и какого языка придерживаться, когда къ самому настоящему деспотизму примѣшивается внѣшность свободы, и подъ республиканской фикціей скрывается неограниченная власть? Среди подобнаго мрака все становится опасностью и гибелью. Гибнуть отъ независимости, но можно погибнуть и отъ раболѣвства; если тотъ, кто отказываетъ въ чемъ-нибудь императору, есть его явный врагъ, сожалѣющій о республикѣ, то не есть ли тотъ, кто слишкомъ ужъ торопится все ему предоставить, его переодѣтый врагъ, желающій заявить, что республики больше не существуетъ? Чтеніе Тацита показываетъ намъ, какимъ образомъ государствен-

ные люди этой мрачной эпохи шли на удачу среди добровольно созданнаго ими мрака, наталкиваясь на каждомъ шагу на непредвидѣнныя опасности, рискуя не поправиться, молчали ли они или говорили, льстили или сопротивлялись, и безпрестанно со страхомъ спрашивая себя, какимъ образомъ можно удовлетворить эту двусмысленную власть, столь плохо опредѣленную и не имѣющую ясныхъ границъ. Можно положительно сказать, что недостатокъ искренности въ учрежденіяхъ Августа былъ причиной бѣдъ для многихъ поколѣній. Все горе въ томъ, что Августъ больше думалъ о настоящемъ, чѣмъ о будущемъ. Онъ былъ ловкій и чрезвычайно находчивый человѣкъ, умѣвшій выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но онъ не былъ, дѣйствительно, великимъ политикомъ, такъ какъ взглядъ его не простирался далѣе затрудненій минуты. Поставленный лицомъ къ лицу съ народомъ, неохотно выносившимъ царскую власть и не могшимъ выносить ничего иного, онъ придумалъ этотъ родъ переряженной царской власти и оставилъ рядомъ съ нею всѣ формы прежняго правленія, нисколько не позаботившись даже согласовать ихъ между собою. Но если онъ не былъ такимъ великимъ политикомъ, какъ это предполагали, надо сознаться, что онъ былъ превосходнымъ администраторомъ; эта сторона его дѣятельности заслуживаетъ всѣхъ похвалъ, которыя ему расточали. Приведя въ порядокъ всѣ созданныя республикой разумныя практическія мѣры и полезныя постановленія, снова пустивши въ ходъ утраченныя преданія, создавши, кромѣ того, самъ новыя учрежденія для администраціи Рима, для военной службы, для финансовой части, для управленія провинціями, онъ организовалъ имперію и сдѣлалъ ее такимъ образомъ способною сопротивляться внѣшнимъ врагамъ и противостоять причинамъ внутренняго распаденія. Если, не смотря на ненавистный политическій режимъ, на общій упадокъ характеровъ, на пороки управлявшихъ и управляемыхъ, имперія имѣла еще свои прекрасныя дни и продолжалась три столѣтія, то она обязана этимъ могущественной организаціи, полученной ею отъ Августа. Вотъ въ чемъ заключалась, дѣйствительно, жизненная часть его дѣла. Она настолько важна, что оправдываетъ похвалу, которою онъ воздастъ

самъ себѣ въ слѣдующей горделивой фразѣ Анкирской надписи: „Я издалъ новые законы. Я заставилъ уважать примѣры нашихъ предковъ, начинавшіе исчезать въ нашихъ нравахъ, и самъ оставилъ примѣры, достойные подражанія, для нашихъ потомковъ“.

III

Письма Цицерона появились, безъ сомнѣнія, въ половинѣ этого царствованія, въ тотъ моментъ, когда тогдашній неограниченный глава республики дѣлалъ видъ, будто возвращаетъ правленіе сенату и народу. Точная дата ихъ обнаруженія неизвѣстна, но все заставляетъ думать, что это должно было имѣть мѣсто въ одномъ изъ годовъ, слѣдовавшихъ за побѣдою при Акціумѣ. Власть Августа, сдѣлавшаяся болѣе популярною съ тѣхъ поръ, какъ она стала умѣреннѣе, чувствовала въ себѣ настолько силы, что могла предоставить нѣкоторую свободу литературѣ. До этого времени Августъ былъ недовѣрчивъ, какъ какъ не чувствовалъ себя еще прочно; въ послѣдствіи онъ снова сдѣлался такимъ, когда замѣтилъ, что благосклонность народа отъ него ускользаетъ. Это царствованіе, начавшееся проскрипціей людей, оканчивается сожженіемъ книгъ. Переписка Цицерона могла быть издана лишь въ тотъ промежутокъ времени, который раздѣляетъ собою эти крайности.

У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о томъ, какое впечатлѣніе она произвела на людей, прочитавшихъ ее впервые; но смѣло можно утверждать, что впечатлѣніе это было очень сильно. Междоусобія только что окончились, а ранѣ всѣ были заняты лишь текущими бѣдами; среди этихъ несчастій было ни до того, чтобы помышлять о прошломъ. Но какъ скоро это измученное поколѣніе нашло покой, оно поспѣшило бросить взглядъ на прошлое. Хотѣло ли оно дать себѣ отчетъ въ событіяхъ, желало ли насладиться горькимъ удовольствіемъ, находимымъ, по словамъ поэта, въ воспоминаніи о прежнихъ страданіяхъ, но оно вернулось къ пережитымъ печальнымъ годамъ и захотѣло дойти до самыхъ источниковъ этой борьбы, окончаніе которой оно видѣло. Ничто не могло такъ хорошо удовлетворить этому

любопытству, какъ письма Цицерона; вотъ почему надо думать, что жадно читали ихъ въ тѣ времена.

Я не думаю, чтобы чтеніе этихъ писемъ принесло какой-либо вредъ правленію Августа. Быть-можетъ, при этомъ немного пострадала репутація нѣсколькихъ важныхъ лицъ новаго правительства. Для людей, гордившихся своей особенною дружбою съ государемъ, было, конечно, непріятно, когда извлекали на свѣтъ ихъ пезнія республиканскія убѣжденія. Полагаю, что насмѣшники немало потѣшались надъ тѣми письмами, гдѣ Полліонъ клянется быть вѣчнымъ врагомъ тирановъ, или гдѣ Планкъ опредѣленно приписываетъ измѣнѣ Октавія всѣ несчастія республики. Да и самъ Октавій вѣдь не былъ пощаженъ, и для него не могли быть благопріятны живыя воспоминанія о той эпохѣ, когда онъ протягивалъ руку убійцамъ Цезаря и называлъ Цицерона своимъ отцомъ. Тутъ было матеріала на нѣсколько недѣль для разговоровъ недовольныхъ. Но собственно говоря, зло было ничтожно, и эти насмѣшки нисколько не угрожали благополучію великой имперіи. Можно было опасаться лишь одного, а именно, что воображеніе, всегда снисходительное къ прошлому, не придавало бы республикѣ тѣхъ качествъ, которыми такъ легко украсить уже не существующія правленія. Но письма Цицерона были скорѣе способны разрушить эти иллюзіи, нежели поддерживать ихъ. Представленная въ нихъ картина интригъ, безпорядковъ и скандаловъ того времени не позволяла жалѣть о немъ. Люди, которыхъ Тацитъ описываетъ намъ утомленными борьбой и жаждущими покоя, не находили здѣсь ничего для себя соблазнительнаго, а тотъ способъ, какимъ всѣ эти Куріоны, Целіи, Далабеллы пользовались свободой, облегчалъ для нихъ фактъ ея утраты.

Отъ обнаруженія этихъ писемъ выгодалъ лишь писавшій ихъ. Въ то время было въ обычаѣ дурно относиться къ Цицерону. Несмотря на официальную версію о Болоньскомъ свиданіи, и на ту прекрасную роль, какую хотѣли придать Октавію въ проскрипціяхъ *), для него эти воспоминанія были во всякомъ случаѣ непріятны. И вотъ, чтобы

*) См. особенно у Веллея Пат., II, 66.

уменьшить немного его вину, клеветали на его жертвы. Это именно хотѣлъ сдѣлать Азиній Полліонъ, когда въ своей защитительной рѣчи по дѣлу Ламіи онъ рассказывалъ, будто Цицеронъ умеръ, какъ трусъ *). Тѣ, чья преданность не шла такъ далеко, и кто не чувствовалъ въ себѣ мужества оскорблять его, остерегались по крайней мѣрѣ говорить о томъ. Замѣчено, что ни одинъ изъ тогдашнихъ великихъ поэтовъ даже не упоминаетъ о Цицеронѣ, а изъ словъ Плутарха мы знаемъ, что надо было прятаться на Палатинѣ, чтобы читать его произведенія. Такимъ образомъ, насколько можно, замалчивали славу этого великаго человѣка, но обнаруженіе его писемъ напомнило о немъ всѣмъ. Кто прочелъ ихъ хоть разъ, не могъ уже забыть умной и кроткой личности, столь привѣтливой, гуманной и привлекательной даже и въ своихъ слабостяхъ.

Къ этому интересу, придаваемому перепискѣ Цицерона его личностью, для насъ присоединяется еще другой, болѣе живой. Изъ всего уже сказаннаго въ этой книгѣ видно до какой степени наше время похоже на ту эпоху, о которой говорится въ этихъ письмахъ. У нея, такъ же какъ и у нашей, не было твердыхъ вѣрованій, а печальный опытъ, извлеченный ею изъ переворотовъ, внушилъ ей отвращеніе ко всему и въ то же самое время пріохотилъ ее ко всему. Эта эпоха, какъ и наша, знала то недовольство настоящимъ и ту неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, которыя не даютъ возможности наслаждаться безмятежнымъ спокойствіемъ. Мы узнаемъ себя въ ней; горести тогдашнихъ людей отчасти и наши горести, и мы терпѣли то же, на что жалуются и они. Подобно имъ, мы живемъ въ одну изъ тѣхъ передовыхъ эпохъ, самыхъ тяжелыхъ въ исторіи, когда преданія прошлаго уже исчезли, а будущность еще не обрисовалась, такъ что не знаешь, куда примкнуть, и мы понимаемъ, что имъ часто приходилось повторять съ древнимъ Гезіодомъ: „Какъ бы мнѣ хотѣлось или раньше умереть, или позже родиться!“ Все это придаетъ такой грустный и живой интересъ чтенію писемъ Цицерона; это же самое прежде всего привлекло и меня къ ихъ чтенію, и быть-мо-

*) Сев., *Suas.*, 6.

жетъ, заставить и читателей найти хоть нѣкоторое удовольствіе въ томъ, чтобы провести нѣкоторое время въ обществѣ описанныхъ тамъ лицъ, которыя, несмотря на столько раздѣляющихъ насъ столѣтій, кажутся намъ часто нашими современниками.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе.—Письма Цицерона	3
Цицеронъ въ общественной и частной жизни	25
Общественная жизнь Цицерона	25
Частная жизнь Цицерона	80
Аттикъ	122
Целій.—Римская молодежь во времена Цезаря	158
Цезарь и Цицеронъ	207
Цицеронъ и лагерь Цезаря въ Галліи :	207
Побѣдитель и побѣжденные послѣ Фарсалы	254
Брутъ.—Его сношенія съ Цицерономъ	298
Октавій.—Политическое завѣщаніе Августа	350

К О Н Е Ц Ъ.

40

